

**ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

**№ 4 / 2015
ИЮЛЬ – АВГУСТ**

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

**Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ**

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14



16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

- Александр Раевский.** Дерево вечности
- Александр Кердан.** Победитель
- Виктор Кальсин.** Время – спичечный коробок
- Людмила Щипахина.** Планета захлебнулась ложью
- Татьяна Николаева.** Колокол
- Елена Данченко.** Голландский пейзаж

ПРОЗА

- Людмила Яковлева.** Дети войны. Рассказы
- Анастасия Чернова.** За стеной. Рассказ
- Александр Савченко.** Океаны сливаются с вечностью. Романтическая повесть
- Михаил Казанцев.** Уведи меня, память, в ту осень. Рассказ
- Владимир Крюков.** Большая река. Рассказ
- Николай Коняев.** Короткие рассказы
- Сергей Чиняев.** От воды я не погибну. Рассказ
- Алексей Попов.** Два рассказа
- Михаил Анохин.** Три рассказа

ЗАПОВЕДНАЯ ШОРИЯ

- Любовь Арбачакова.** Случай в горах и другие истории

КНИГА ПАМЯТИ

- Анатолий Парпара.** «Мы будем помнить поимённо...». Три эссе о поэтах-фронтовиках.
(К 75-летию Анатолия Парпары. **Анна Гвоздева-Проскурина.** Не откажусь от Родины моей)
- Владимир Чикильдик.** В бой их вёл Покрышкин (Ведомые Покрышкиным. Сикстинская
мадонна с Героями. Встречи на Эльбе)
- Диана Балибалова.** Яркий праздник (Как кемеровчане праздновали День Победы в 1945 г.)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Вера Лаврина.** На берегах Северного Афона. Валаамский дневник

ОЧЕРК

- Руслана Ляшева.** Созидательный дух (Проза Владимира Неунывахина)

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

- Михаил Тарковский:** «Будем углублять фундаментальные традиции...».
Интервью. Беседовал **А. Мухарев**

ЭССЕ

- Павел Зорин.** В ожидании нового претендента
- Михаил Спивак.** Шахматный лабиринт

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Валерий Плющев.** «В стихах вся радость жизни...»

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Наталья Налегач.** И остаётся лишь музыка слов (О поэзии Владимира Каганова)
- Салим Фатыхов.** Инженерный диалог со строителями пирамид
(О книге А. Ярощука «Великие тайны пирамиды Хеопса: заблуждения и реальность»)
- Нина Орлова.** Чиста любовь (О поэзии Владимира Ерёмченко)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**

**ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ ПОЭТУ
М...У – 200 ЛЕТ**



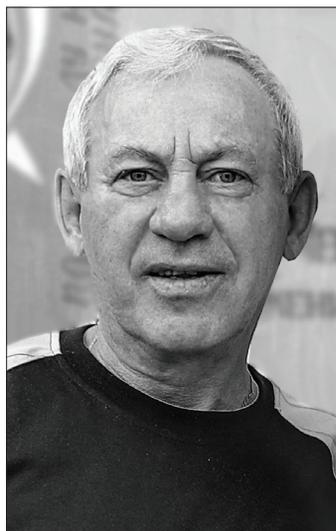
1814–1841

1

**Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы**

**Александр
РАЕВСКИЙ**

ДРЕВО ВЕЧНОСТИ



ВОТ ПРИЕХАЛ

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень –
Не в цвету, а в инее.
Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен;
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?..
Прощемлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
«Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?»
Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе,
Что ж слеза вдруг капнула?
Разожгу среди зимы
Мёрзлые поленья;
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.
Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас уже не будет тут.
Нас совсем не будет.

3

В ЗРАЧКАХ ДЕТСТВА

Лето. Облако в платке.
Деревенька вдалеке...
Напрягись – и разглядишь:
Блеск антенн, брусочки крыши,
Красный бак; в глубинке сада
Школа – кубик рафинада.
Во все стороны видна
Акварельная страна!
Там пригорок, там лощина,
Там в район пылит машина...
Там лесок – подбит местами
Серебристыми кустами;
Там Макар пасёт телят...
Сверху тёплый синий взгляд.
Сон стеклянный на реке.
Стрекоза на поплавке.

НА СЛЕПЫХ СКОРОСТЯХ

Дави педаль, прибавь ещё немного! –
Навстречу только ветра перезвон!..
Чем дальше даль и чем прямой дорога,
Тем мягче убаюкивает он.
Ну, вот!.. Дремали руки на руле,
Воробушек, зачем вильнул от стаи? –
Сырой шлепок!.. пушинка на стекле...
Так детство разбивается о старость.

РАЕВСКИЙ Александр Дмитриевич родился в 1951 году в селе Алабуга Каргитского района Новосибирской области. Служил в армии. Окончил Новокузнецкий пединститут. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке.

Автор нескольких книг стихов. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2003 год. Член союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

ОЧЕВИДНОЕ – НЕВЕРОЯТНОЕ

Пичуги и жуки в лесу густом,
Грибы, цветы – все добрые соседи.
А вон и пень с отщепом под кустом –
Шикарное сиденье для медведя!
Я с троном пень сравнил от фонаря,
Но вот недавно, помнится, под вечер
Забрёл сюда увидеть глухаря,
Влекомый любопытством человечьим.
Листвой стволы клубились в вышине,
Мошка звенела в чаще полусонной,
Столбы лучей дымилась... А на пне –
Медведь зубатый собственной персоной!
Сидит себе и ласково урчит...
Как барин в шубе, хлопнувший рюмашку,
Сперва, балдея, щепкой побренчит,
Потом, кайфуя, нюхает ромашку...

ДЕРЕВО ВЕЧНОСТИ

Раздвинув столб
вселенского пространства,
Вознёсшись выше всяких облаков,
Стоит оно – могуче и прекрасно!.. –
И ствол окован кольцами веков.
В ветвях его гнездятся только звёзды,
Хоть проросло из зёрнышка-Земли...
Молчит оно. Его молчаньем грозным
Пропитаны ветра и ковыли...
В тени его незримой – млеют дали...
И – как напоминанье о Суде –
В корнях лежат замшелые скрижали
И Книга человеческих судеб.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Пожилые женщины, подруги,
Вечерами ходят по округе,
Не спеша пройдутся по тропинкам,
Завернут к берёзам и осинкам, –
Легче им дышать среди деревьев,
Чем в своей разрушенной деревне...
Та, что старше – чопорна немножко,
В белой блузке со старинной брошкой,
Седовласа – симпатична, впрочем,
Сельская учительница в прошлом.
Что помладше, та в платке неярком,
Бывшая советская доярка,
В серой кофте, в платьишке обычном,
Тоже с сединой и симпатична.

У одной ночных бессонниц муки,
У другой от доек ломит руки,
Пусть они по-разному прожили,
Но всегда друг дружкой дорожили.
Две судьбы закатных, две подруги
Не бесцельно бродят по округе,
Русские стихи с душой читают...
Все их сумасшедшими считают.

* * *

Безумный мир ещё чадил,
Кровянил в смертном беспорядке,
А я по краешку ходил,
На жизнь поглядывал украдкой.
Не состоял, не воевал –
Хранилось наше поколение –
Не ведал, не осознавал,
Что это Божье провиденье:
Стране, истерзанной войной,
Тогда давалась передышка...
Ни над войной, ни над страной
Я не задумывался слишком.
Беспечно юность подгонял,
Как банку ржавую пиная,
И ждал, и ждал свой идеал,
Тебя – иная, неземная!..
Лелеял в сердце и в мозгу,
Что это всё-таки случится:
Бродить мы будем на лугу
По василькам и медуницам...
Мечтал: продлится на века
Пора счастливого цветенья
И отразится в облаках
Двух душ и тел переплетенье!..
Но так уж вышло, что ко мне,
Как тот глоток во время жажды,
Твой образ лунный в странном сне
С небес явился лишь однажды.
Кипела чаша бытия,
И луг нас ждал – душист и светел,
Но слишком поздно, грусть моя,
Среди земных тебя заметил.
Пока вострил своё стило,
С судьбой играл до беспредела,
Украдкой счастье обошло,
Ну ни ресничкой не задело!..
Печаль моя! Моя звезда!
Хоть усмехнись, хоть возрази мне,
Но ты безумно молода,
Я безвозвратно многозимний.

Грядут иные времена,
Другие вырвутся на воздух,
И все забудут про меня,
Когда уйду бродить по звёздам.
В краю забвений и разлук
Зашелестит трава иная...
А ты ходи, ходи в тот луг,
Меня украдкой вспоминая.

ВИДЕНИЕ

Равнина молчала. А сердце стучало...
Безмолвно и плавно – жалей не жалей –
Небесное войско к закату промчалось...
Один я остался на горькой земле.
Стою, очарован тоской несказанной,
Созвучной душе, недоступной уму,
Последний огонь провожу со слезами...
И холод межзвёздный, как данность, приму.
Но свято поверю, что войско вернётся.
И снова собравшись на битву со злом,
Возьмут и меня. И тогда мне найдётся
Копьё и кольчуга, и конь под седлом.
Пойму, позабыв всё, что мучило прежде,
Что свой среди своих я – и даль нам близка,
Сомкнувшись в ряды, в осенённых одеждах
И в шлемах победных мы будем скакать...
Стремительно-плавно, клубя облаками,
Умчимся к закату, растаем во мгле, –
Затопит безмолвьем, укроет веками...
А кто-то останется ждать на земле.

* * *

...Тихо от мороза. И душа тиха.
Сивая берёза. А на ней глухарь!
На столе горбушка. Луковицы две.
И тепла избушка, да примёрзла дверь.
Сатанеет стужа в костяном саду.
Никому не нужен. Никого не жду.
Глухо, как в берлоге. Занесён мой схрон.
Замело дороги с четырёх сторон.
Подоконник в льдинках, иней по краям.
В тишине один я. Одинокий я.
Щурится на старость молодость моя.
Подструнить гитару иль достать баян?
Конь мой бродит в дальних, тусклых
выпасах...
Лучше б никогда я в рифму не писал.
Бродит конь мой в далях, гриву опустив...
Эх, башка седая, жалостный мотив!..
Уплываю в грёзы, наклонясь к мехам, –
Сам себе берёза, сам себе глухарь.



**Людмила
ЯКОВЛЕВА**

ДЕТИ ВОЙНЫ

Рассказы



ВЕЩИЙ СТОЛ

Произошло это в феврале 1945 года. Мне тогда только-только исполнилось шесть лет. Запомнился один случай из того далёкого февраля. Я, кстати, помню себя с двухлетнего возраста. А в свои шесть лет я себя почти взрослой считала, книжки уже читала по слогам, хотя в школу ещё не ходила. До неё оставалось два года.

Так вот, в конце февраля на нашей улице Озёрной, где мы жили втроём в большом холодном доме, появился незнакомый человек. Был это пожилой дядька в драной, промазученной телогрейке и в суконной шапке-ушанке с железнодорожной эмблемой на козырьке. Он медленно плёлся по протоптанной в снегу тропинке и тащил на связанной в нескольких местах узлами бечёвке деревянные самодельные санки. На санях вниз столешницей и вверх ногами покоился старый, повидавший, должно быть, многое на своём веку, облезлый кухонный стол.

Тропа была узкой. Сани вязли во влажном тяжёлом снегу то левым полозом, то правым. Мужичок уже замучился тащить свой воз, взмок и то и дело вытирал рукавом с лица пот. Тут он заметил меня и поманил рукой к себе. Я двинулась к нему навстречу и остановилась в трёх ша-

гах от дядьки. Выжидающе, молча, разглядывала незнакомца.

– Девочка, – обратился он ко мне просящим голосом, – будь добренькая, позови кого-нибудь их взрослых – мамку или бабушку. Скажи, очень надо.

Я так же молча развернулась и двинулась к своему дому. Мама подметала голиком ступеньки крыльца, очищала их от снега. Рядом с мамой стояла наша соседка тётя Маруся Чиркова. Они о чём-то говорили, но при виде меня, торопящейся к ним, замолчали.

– Мама, – крикнула я, – там дяденька кого-нибудь из взрослых зовёт.

– Какой дяденька? Что ему нужно? – спросила мама.

И не дождавшись ответа, прислонив голик к нижней ступеньке крыльца, поправила платок на голове и пошла со мной. Тётя Маруся тоже присоединилась к нам. Подошли. Мужичок широко улыбнулся беззубым ртом и бодрым голосом проговорил:

– Здравствуйте, бабоньки, здравствуйте, красавицы! Тут вот какое дело... Где бы мне остановиться на денёк-другой? Я человек смирный, никому худого не сделаю. Ещё и за постой рассчитаюсь как-нибудь. Я вот тут со своим сто-

ЯКОВЛЕВА Людмила Михайловна родилась 6 февраля 1939 года в городе Тайге. Училась на заочном отделении историко-филологического факультета Томского университета. Работала техником, инженером, старшим инженером комбината «Томлес». Несколько лет трудилась на Украине на строящихся шахтах. В 1979 году Л. М. Яковлева начала работать в редакции газеты «Тайгинский рабочий» корреспондентом, затем заведующей отделом писем. Автор более пятнадцати книг. Лауреат областной литературной премии им. А. Н. Волошина, член Союза писателей России. Живёт в Тайге.

ликом. Не простой он, скажу я вам, а вещей. Не верите, проверьте. Гадаю я, бабоньки, на нём добрым людям. Вот сядут желающие вокруг его, вопросы интересующие зададут. А он, столик мой, отвечает на все вопросы. Вот вам крест во всё пузо, – сказал дядька и истово перекрестился.

Потом повернулся лицом к саням, заскоружлой рукавицей смахнул со столика снег.

– Я ведь с ним столько путей прошёл. Гадал людям почти задарма, так, за хлеб-соль да слово доброе. И никто на меня в обиде не был, как на духу вам говорю.

– Как же это он гадает, на вопросы отвечает? – спросила тётя Маруся, подозрительно прищурив глаза.

– Кивком отвечает, – живо откликнулся мужичок. – Вот ежели «да» сказать желает, один раз кивнёт. А на «нет» у него два кивка в ответе.

– Каких таких кивка? – спросила сурово наша соседка.

– Эх, милая, вы бы меня в избу пустили согреться. Кипятку хоть бы дали попить, портянки мокрые посушить позволили. А потом уж на мой чудо-столик поглядите. Соседок, родню покличьте, чтобы веселее столику было колдовать.

– Ну-ну, поглядим, – недобрым голосом промолвила тётка Мария. Потом махнула рукой и добавила почти ласково. – Господь с тобой, заходи, погрейся. Кипяток-то у меня найдётся. И две-три картошины выделю, не обеднею. А ты, Вера, – обратилась соседка к моей маме, – взгляни к Шуре, Вале, Мараше, позови их, ещё кого-нибудь. И приходите ко мне, поглядим, что там за стол-колдун.

– Да вот ещё чего, – заговорил-заторопился хозяин столика, обращаясь к маме, – упредите тех, кто пожелает погадать, что денег за ворожбу я не прошу, но пусть каждая принесёт по два куриных яичка. Так стол требует, – многозначительно добавил мужичок.

Примерно через час мама в сопровождении соседок направилась к избушке Чирковых, где жила тётя Маруся со своими четырьмя детьми. Я живо пристроилась в хвосте этой процессии.

Небольшой, нескладный на вид «вещий» стол поставили посреди в единственной в домике тётя Марии комнате. Вокруг обставили его табуретками и лавками.

– Раздевайтесь, проходите, рассаживайтесь – по-хозяйски пригласил всех к своему столу мужичок.

Женщины, перед тем как усесться на лавки, стали передавать дядьке яички, вынимая их кто из карманов, кто из варежек. Мы кур не держали, но и моя мама принесла плату за ворожбу – два яичка. Видно, заняла у кого-то из соседок.

Я, как и все, разделась, кинула своё пальтецо и шалёнку в общую кучу одежды и пристроилась на лавке рядом с мамой.

– Ребятёнку-то можно ли? – спросила неуверенно бабушка Гусева.

Мужичок глянул на меня, поскрёб ногтями небритый подбородок. Я сжалась в комочек: неужели прогонит? Мольба читалась, видно, в моих глазах. И дядька улыбнулся мне по-доброму, коротко махнул рукой, сказал весело:

– Пушай сидит, ничего, дитё малое безвредное.

И тут началось самое главное, для чего собрались все в домике тётя Маруси. Волшебник, ну, этот дядька, сказал торжественно:

– Давайте так, гражданочки красавицы, будем держать порядок. Первая задаёт свой вопрос та, которая сидит от меня с левой руки. И так вот и пойдём по кругу, по часовой стрелке. Попрошу начать.

Первой с левой руки от хозяина стола сидела тётя Таня Лузина, мать шестерых детей. Она сильно занервничала, начала теребить полушало, накинутый на плечи, и едва не расплакалась.

– Так, – распорядился «командир», – положили все руки на край стола. Не нажимаем на стол, а только едва его касаемся, греем, так сказать, ладонями. Давай свой вопрос, лебёдушка, – кивнул он тётя Тане.

– Я хочу узнать, – сказала Лузина, – скоро ли кончится эта проклятая война. А ещё...

– Всё-всё, – остановил её дядька. – Я вас не предупредил? Каждая может задать только по одному вопросу, не больше. Вас восемь дамочек. И вопросов у вас должно быть ровно восемь, не больше. Всем понятно?

Женщины закивали, задакали, соглашались.

– Повторяю первый вопрос: скоро ли кончится война? Ответь нам, вещий стол! – приказал столу его хозяин.

Прошло мгновение, и вдруг произошло чудо: столик ожил, шевельнулся, качнулся вниз одним углом и – замер. Значит, «да» сказал? Все женщины шумно вздохнули, заговорили, удивлённо переглядываясь. Но мужчина призвал их к порядку знаком поднятой руки.

– Тихо, бабоньки, тихо! Не сбивайте у столика настрой. – Теперь следующая, – распорядился «командир».

Восемнадцатилетняя Вера Чиркова, старшая дочка тётки Марии, зардевшись от смущения, спросила:

– А мой жених вернётся живым и здоровым с фронта? Что-то от него больше двух месяцев ни одной весточки.

Дядька поднял вверх правую руку, призывая всех к тишине и вниманию. Теперь только одна левая его ладонь лежала на краю столика. Все, как по команде, подняли лица и посмотрели на правую, поднятую вверх его руку. В это время стол опять дрогнул и качнулся один раз. Женщины застыли в напряжении, затаили дыхание, со страхом впилась глазами в стол: не «кивнёт» ли ещё один раз, что будет означать «нет». Но стол стоял спокойно. Значит, вернётся к Вере её Вася, с которым она познакомилась через кого-то по переписке. И поддерживают они с Василием знакомство уже около года. Это Вася назвал Веру в письме своей любимой невестушкой, а следом и девушка начала называть парня женихом. Василий воевал на фронте третий год. Был уже ранен, лечился в госпитале. Потом опять пошёл бить врагов. Так рассказывала о своём женихе Вера. Вася был на четыре года старше невесты, и она этим очень гордилась: не какой-нибудь малолетний сопляк, а настоящий мужчина её любимый.

Все опять обрадовались за столом, теперь за Веру, за добрую весть для неё. Засмеялись, кто-то даже захлопал в ладоши. Но быстро замолкли, посерьёзтели, потому что очередь задавать вопрос дошла до шумной, всегда грубой и крикливой тётки Шуры. Она растянула в усмешке свой рот и сказала:

– Скажи-ка, столик, а мой мужик вернётся ко мне с фронта или как?

Тут все женщины с полным недоумением во взглядах повернули свои лица к Шуре. Я-то тоже опешила: какой мужик, с какого фронта? Все в округе знали, что у Шуры Собачкиной не было на фронте никакого мужика. И вообще нигде не было. Давно когда-то была она замужем, но мужа её за кражу, что ли, посадили в тюрьму, и оттуда к жене он не вернулся, сгинул где-то, как говорила моя мама.

«Вот, значит, она как, – с большой неприязнью подумала я о тётке Шуре. – Бессовестная!

Бедный столик». Столик шевельнулся, качнулся один раз, замер... «Ну, давай же, давай, говори «нет»! – мысленно умоляла я стол. А он что-то замешкался. Тогда я незаметно с силой надавила пальцами на край стола, и он не замедлил качнуться опять.

Женщины просто взорвались от смеха. А я увидела, как вдруг сильно покраснело и сделалось сердитым лицо «главного волшебника». Он впился почему-то именно в меня своими прищуренными глазками. Но оттаял, когда услышал, как женщины, перебивая друг друга, заговорили:

– Что, Шуручка, не вышел твой фокус? Ишь, столик она одурачить надумала... Нет у неё никакого мужчины, ни на фронте, нигде. Вот столик-то и утёр ей нос, – говорили они мужичку. И поторопили его: – Давай, хозяин, дальше гадать будем.

Я-то думала, что «хозяин» турнёт меня из-за столика куда подальше. А он, поймав мой насто-рожённый взгляд, улыбнулся мне ободряюще, но вслух всё-таки сказал:

– Дела у нас серьёзные, взрослые и ребятки они не касаются. Ты, детка, – сказал он мне, – за столиком сиди, ничего, только ручки с него убери, положи себе на коленочки. Сговорились?

И я кивнула дядьке благодарно и покорно опустила руки на колени. Я уже всё поняла про хозяина столика: что специально укоротил он одну ножку у стола, что специально усаживается на противоположный от этой ножки угол, чтобы удобнее было приводить «вещий стол» в движение, помогать ему «кивать» столько раз, сколько надо было дяденьке. Почему же никто из присутствующих взрослых не заподозрил этого нищего мужичка в подвохе? А наверняка, просто не хотели наши солдатки скучной правды про стол. Хотели верить в чудо, предсказания, что и война скоро кончится, и мужья, все до одного, вернутся с победой домой. Даже те, на кого уже пришли похоронки. Стол тогда всем нагадал счастья и радостей.

1945–2013 гг.

ТАКОЙ ВОТ ПОДАРОК

На день рождения, когда исполнилось мне шесть лет, это в феврале сорок пятого года пришла к нам в гости на улицу Озёрная, где мы жили, моя любимая тётя Дуся и принесла удивительный подарок – живого цыплёнка. Был он

маленьким, только-только пушком покрылся. Моему восторгу не было предела. Я просто задохнулась от счастья.

Теперь уж и не припомню, чем мы выкормили в то голодное время этого крошечного птенца. Помню только, что брала я цыплёнка в ладони и дышала на него, согревая. В доме-то зимой было очень холодно. Ночью устраивала его в корзинке с подстилкой из сена – мама у соседки попросила клочок. Сверху накрывала корзину для тепла какой-то тряпкой.

А к концу лета превратился мой цыплёнок в рябенькую курочку. Мама удивлялась её малым размерам – моя курочка была заметно меньше белых кур нашей соседки. Сказалось, наверное, плохое питание бедной птицы. Но каким же было для нас – меня, брата Жени, мамы – чудом, когда однажды, в начале августа, моя курочка снесла под крыльцом первое яичко. Она подняла такой шум, так громко закудахтала... Мама заглянула под крыльцо, где это происходило, и радостно ахнула, позвала меня и Женю:

– Ребятки, идите сюда, посмотрите-ка.

Мы подбежали и замерли от неожиданности – на маминой ладони лежало прекрасное, идеальной формы, ещё влажное небольшое яичко. Мы запрыгали и захлопали в ладоши.

Мама понесла это чудо в дом и сварила в алюминиевой кружке. Потом остудила яичко в холодной воде и разрежала на две равные половинки. В середине, как ясное солнышко, сиял желток.

– Кушайте, – сказала нам мама с ласковой улыбочкой на лице.

Мы принялись откусывать от чудесного лакомства по маленькой крошке, смакуя, наслаждаясь волшебным вкусом яичка. Я опомнилась, когда на ладони у меня осталась жалкая крошка от белка. Застеснялась, покраснела чуть не до слёз, протянула маме ладонь:

– Попробуй хоть это.

А брат моргал виновато – на его ладони не осталось ни крошки. Мама обняла нас, прижала к себе.

– Да вы что, маленькие мои! Яичек я не пробовала, что ли? Знаете, сколько у нас курочек было, когда я была в вашем возрасте? Штук двадцать, наверно. Яички у нас не переводились: и вкрутую, и всмятку варили, и глазунью мама из них делала, и омлет. Я на всю жизнь тогда яичек наелась.

Мне сделалось легче от маминых слов.

Почти каждый день наша курочка несла по яичку. Она свободно разгуливала по двору и огороду, клевала траву и обклёвывала края капустных листьев. Мама разрешала ей это делать, говорила, что капусте это не повредит, лишь бы кочаны не трогала наша Ряба. А та рылась в земле и то и дело выхватывала жирных, лоснящихся на солнце червей. Так что летом заботы о корме для курочки отпали сами собой. Она даже подросла, почти сравнялась по размеру с соседскими курами, округлилась. Залоснились и заблестели её блеклые пёрышки.

Мы с Женей по нескольку раз в течение дня заглядывали под крыльцо. Каждый из нас хотел первым обнаружить там снесённое яичко. Но вдруг они совсем перестали появляться. Прошла неделя, другая, а нам не удалось за полмесяца обнаружить ни одного яйца. Мы с братом загрустили, а мама сказала:

– Ох, ребята, лето кончилось. Скоро холода начнутся, снег пойдёт. Где же мы будем нашу рябушку держать? В корзинку её уже не усадишь. Да и кормить зимой нечем будет. Хоть бы изредка яички несла, тогда бы ладно, а так что же зря её мучить? Только похудеет опять от голода. И всё. Давайте зарежем её. Хоть мяском подкормлю вас маленько. Несколько раз можно будет суп с курятинкой сварить...

Мы с братом стояли понурые, опустив головы, и молчали.

Со слезами на глазах смотрела я, как оципывала мама пёрышки с моей рябушки. Мама глянула на меня, виновато опустила глаза.

– Жирная какая, – сказала тихо, безрадостно.

Суп с курятиной был такой вкусный, какого я не пробовала, кажется, никогда. Понемногу боль и жалость к курочке утихли во мне.

А через несколько дней мама пошла в огород, чтобы срубить головку капусты для щей. Приподняла листья у крайнего кочана и обомлела от неожиданности. Распрямилась, горестно покачала головой, с чувством промолвила:

– Ох, как жалко! Что же я наделала?

Мы с Женей подбежали, посмотрели туда, куда смотрела мама. Под капустным кустом в выкопанной лунке лежала аккуратная горка яичек. Мама присела, принялась собирать их в подол юбки, считать.

– Четырнадцать, – сказала она глухо. – Значит, рябушка каждый день по яичку несла. Толь-

ко место кладки сменила, прятала от людей. Решила, видно, на гнёздышко сесть, цыплят вывести хотела.

Тут уж я не выдержала, сорвалась с места и понеслась за угол дома, где и дала волю слезам. Только плакала, как всегда, молча. И никто этого не заметил.

1945–2010 гг.

СВОИ ВСЁ РАВНО КАК РОДНЫЕ

Ещё недавно бесконечной чередой шли и шли через нашу Тайгу эшелоны с советскими солдатами, победившими злейшего врага человечества – фашизм. Потом на воинской площадке наступило на какое-то время затишье. Но вскоре опять покатали по стальным рельсам составы с военными грузами, с боевой техникой, с теплушками, набитыми нашими солдатами – на сей раз победителями в битве с японцами.

Та, первая, длительная волна эшелонов катила с Запада на Восток, а эта, вторая, с Востока на Запад. Солдат, едущих из Германии, встречали на воинской площадке толпы людей, где слышались и смех, и плач, и неумелая порой игра на гармошке. Но во всём чувствовалось всеобщее ликование и подъём духа. А с «японцами» дело обстояло иначе. Исчезло ощущение праздничного настроения. Не многие жители города теперь встречали и провожали поезда, идущие с Востока. Даже мы, ребяташки, почувствовали эту разительную перемену в настроении старших и тоже перестали бегать на воинскую.

Сейчас я осмысленно понимаю, в чём была причина этой перемены. Женщинам и детям некого было ждать с Востока. Да и с Запада – тоже. Кто выжил, тот вернулся домой. А сил ждать своих военнопленных или без вести пропавших у людей уже не было.

Но как-то соседка, тётя Маруся Чиркова, заглянула к нам на огонёк и сказала маме:

– Вера, а не сходить ли нам на воинскую? Мои товарки по работе вчера ходили, выменяли отварную горячую картошку на рис и на газовые платки из японского шёлка. Видела бы ты, какая это красота – платки эти. Невесомые, прозрачные, яркие, глаз не оторвать. Я в жизни своей такой красоты не видела. Смотрела и удивлялась: носят же где-то счастливые женщины такие вещи. А мы, горемыки несчастные, кроме

мазутных телогреек, суконных ушанок да шахтёрских чунь, ничего и не видели.

А чуни, и правда, были такой уродливой обувью наших бедных женщин. Эти тяжёлые, литые серые резиновые галоши выдавали шахтёрам для работы в шахте. Предназначены они для ношения поверх валенок. У наших мам такой роскоши, как валенки, не было, поэтому в чуни одевались тряпичные стезонки на вате. Если галоши были слишком большими, в них набивали солому, вату, бумагу – у кого что было под рукой. А для того, чтобы чуни не потерять, так как они имели обыкновение соскальзывать, их крест-накрест привязывали шпагатом, верёвочками к стезонкам. И вот после такого – тончайшие, сказочной красоты японские платки...

Мама начистила крупной картошки, отварила полную кастрюлю, слила отвар, а картошку посыпала резаным лучком. Обмотала кастрюлю тряпками, чтобы сберечь жар. Зашла и тётя Маруся, да не одна, а со старшей дочерью Верой. И у обеих в руках по авоське с такими же замотанными в тряпки кастрюльками. Ушли женщины.

Мы с братом залезли на любимую печку и стали ждать маму. Я, кажется, даже задремала. Но быстро спустилась с печки, когда услышала, как открывается дверь, ведущая в сени дома. Брат тоже соскользнул по короткой широкой лесенке, приставленной к печи.

Мама вошла в дом весёлая, засветила керосиновую лампу и выложила на кухонный стол небольшой, сшитый, по всей видимости, из старой гимнастёрки, мешочек. Был он плотным, раздутым, как маленькая подушечка, и при этом – тяжёлым. Десятилетний брат Женя подхватил мешочек обеими руками и не враз оторвал его от стола, сказал: «Ого, тяжеленный какой!» Мама рассмеялась:

– Да, рис тяжёлый. Килограмма два, я думаю, в этом мешочке. Вот повезло нам, так повезло! Я уже и забыла вкус рисовой каши. Теперь попробуем. На кашу, конечно, тратить крупу не будем, а в суп будем добавлять. Тогда и жира никакого не надо. Такая будет вкуснятина. Вот молодцы солдатики. Ишь, как ловко придумали – прошили суровой ниткой край мешочка. Ну и правильно, зато ни зёрнышка не выпало. Где у нас ножницы? Надо подрезать нитку... А можно и ножом.

Мама взяла из ящика стола ножик с острым кончиком, поддела им нитку, оттянула её, пере-

пилила. Распоров шов, сунула руку в мешочек и достала пригоршню крупы. Она посмотрела на свою раскрытую ладонь, на крупу, и вдруг из её глаз потекли слёзы.

– Мама, мама! – принялись мы с братом тербить рукав её кофты.

В дверь постучали. Мама откинула крючок, вошла тётя Маруся.

– Вера, у тебя в мешке рис? – спросила она.

– Какой там рис! Вот сволочи, сволочи! – с ожесточением воскликнула наша мама, которая раньше никогда не произносила ругательных слов. – Маруся, как это можно? Ведь они свои, советские. Мы Богу за них молились, мы их так ждали. Они же нам все, как родные. И вот так поступить, обмануть нас, солдаток, и наших голодных детей. Какие гады – подсунуть вместо риса овсянку! И у тебя овсянка, Маруся?

Соседка помолчала-помолчала и сказала добрым голосом:

– Конечно, овсянка. Но они, Веруша, не сволочи, наши солдатики. Свои, родные. Были бы чужие, они бы в мешочки какого-нибудь крупного песку или мелких камушков насыпали. А эти – овсяночку. Кончился у них, стало быть, трофейный рис. Дорога-то от Японии длинная, на всю Россию никакого риса не хватит. А овсянка, она, может, даже полезнее твоего риса будет. Вон, лошадям овёс дают, так они и силу имеют от этого.

Мама успокоилась, тут же начала варить суп с овсянкой. Не знали мы с братом, какой на вкус рис, но решили, что овсянка – это объедение.

Да, а тётя-Марусина дочка Вера свою кастрюльку картошки обменяла на два газовых платка – для себя и средней сестры Нади. Мы с мамой на другой день ходили к Чирковым смотреть платки. Ой, какое же это было чудо! Яркое, воздушное, невесомое что-то. Вера взяла свой платок за уголки, подняла над головой, махнула им и отпустила. Платок запарил в воздухе, стал мягко опускаться, переливаясь всеми цветами радуги. Все в восхищении захлопали ладошками.

Вера на другой же день повязала свою хорошенькую головку этим платком, когда пошла на работу, в столовую, куда устроилась официанткой. А бережливая шестнадцатилетняя Надя свой платочек свернула и спрятала в сундучок. Правильно сделала. Вскоре выяснилось, что носить диковинные платки нельзя. Дня через три

Вера попала в обновку под дождь, и все краски с платочка исчезли, растеклись по Вериной фуфайке. Превратился сказочный платок в блеклую облезшую тряпку. Всё равно как карета в сказке о Золушке, превратившаяся в тыкву. Вот такая сказочная история.

За платок мамы советских солдат не ругали. Они стали обзывать бесстыжими мордами японцев, которые изготовили такие платки.

1945–2010 гг.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ?

Столько мы ждали конца этой проклятой войны... Мама говорила:

– Вот кончится война, детки мои, и наступит счастливая жизнь. Будет много еды, тёплые вещи у нас появятся, красивые игрушки, книжки с картинками. Всё-всё у нас будет.

Война кончилась. Наступил новый, 1946 год. А нам с братом кажется, что стало даже хуже, чем было в военное время. Мама теперь часто болела, лежала с высокой температурой в постели не в силах подняться, приготовить какую-нибудь еду. Накануне Рождества она сказала нам:

– Ребятки, оденьтесь потеплее, сходите к тёте Дусе. Она хоть покормит вас чем-нибудь вкусеньким.

И вот мы бредём с Женей по заснеженной дороге, по замороженной насквозь Тайге. Сильный мороз. Сколько градусов ниже нуля, нам неизвестно, но только во время сильных морозов – мы знаем это – так громко скрипит под ногами снег и так гулко, как будто совсем рядом, гудят на станции паровозы. А до них нам шагать и шагать с нашей Девятой улицы. Девять улиц только до моста, что проложен через железнодорожные пути. На него ещё нужно взобраться по неочищенным и оттого покатым ступенькам, а потом пройти такой длинный мост и спуститься вниз по таким же ступенькам с другой стороны. А там пройти ещё три квартала по этому жуткому холоду до дома любимой тётки...

Это мама только так сказала: «Оденьтесь потеплее». Что есть у нас, то и надели: изношенные пальтишки с коротковатыми рукавами (выросли мы из них), залатанная одежонка и кое-как подшитые мамой валенки. Суконную шапку брат натянул на лоб и завязал под подбородком. Мою голову мама обмотала своим вязанным ста-

рым платком, завязала его концы крест-накрест под мышками. Иней опушил наши ресницы, края Жениной шапки и мой платок, закрывающий щеки и рот.

Холодно. Замёрзла я так, что хочется заплакать, и кажется, что не хватит сил, чтобы одолеть этот трудный путь до тётиного дома. Я склоняю голову, прячу нос в обледенелый платок и начинаю думать о лете. Как тепло было летом, даже жарко. Мы бегали с соседскими ребятами босиком по траве, по горячей пыльной дороге. Срывали большие листья лопуха и прикрывали ими головы, как шляпами, чтобы солнце не напекло нам макушки. Неужели действительно так было? И будет опять? Даже не верится. Скорее бы лето!

Бреду в своих уродливых, больших, не по ноге, валенках. Едва поспеваю за братом и думаю: «Как было бы хорошо, если бы от нашего дома до дома тёти Дуси построили длинный-длинный, закрытый со всех сторон, но светлый, остеклённый переход. И чтобы в нём на протяжении всего пути стояли большие глиняные горшки с комнатными цветами, чтобы порхали над ними красивые бабочки, а на веточках сидели крошечные птички колибри, о которых мама рассказывала. По такому коридору можно идти в одном платье, в тапочках, сандаликах или вообще босиком. Идти сколько угодно, хоть сто километров, и не чувствовать никакой усталости. Потому что сейчас усталость эта от жуткого холода, от тяжёлой одежды и от этих противных валенок...»

Такие детские мысли о бесконечном тёплом и светлом «коридоре» вспомнились мне 18 ноября 2011 года, когда сидела я в своей уютной квартире, слушала по телевизору вечерние новости. И вдруг передали сообщение о том, что где-то на Крайнем Севере планируют построить закрытый город под гигантским остеклённым куполом. Предполагается, что численность жителей в этом северном оазисе составит примерно пять тысяч человек. Под общей крышей будет всё: благоустроенные жилые дома, школа, детский сад, больница, общественная столовая. Будут там разбиты цветники и зелёные газоны, посажены кустарники и карликовые деревья... Все условия для полноценной жизни и научной работы. А главное – под куполом всегда будет тепло и светло, даже в самые лютые северные морозы и пургу температура

здесь не опустится ниже плюс пятнадцати градусов.

Я замерла от мысли: да ведь это моя детская мечта о «тёплом коридоре» воплотится в жизнь. И как не поверить в высказывание о том, что рано или поздно все мечты сбываются?

...Помнится, мне тогда, по дороге к тёте, от этих мыслей о тёплом переходе и лете стало в самом деле теплее. Тётя, как всегда, отогрела нас, накормила, напоила липовым чаем с мёдом и в дорогу собрала кое-какой еды для нашей мамы. Привязала верёвочкой узелок с подарками Жене за спину. Радостные, бежали мы от тёти Дуси домой. И было нам совсем не холодно, и дорога до нашей Девятой улицы показалась намного короче, чем была, когда шли по ней из дома. Впрочем, так бывало всегда, не только в тот раз.

1946–2013 гг.

БАБУШКА МОРОЗИХА

Случилось это в лютую стужу, в голодном послевоенном сорок седьмом году, за два дня до нового, 1948 года. Под вечер, когда за окном уже начало смеркаться от ранних зимних сумерек, в дверь нашего домика кто-то постучал. Мама отозвалась:

– Кто там? Входите, не заперто.

И вошла незнакомая нам старушка, закутанная в серую вязаную шаль. Низенькая, неуклюжая из-за больших подшитых валенок, которые были ей, должно быть, изрядно велики. Поздоровалась, с поклоном перекрестилась на пустой угол, где могли бы висеть иконы. Но у нас их не было. Потом опустила на пол объёмистую сумку, сшитую из мешковины, и начала вынимать из неё один за другим валенки. Новые, чёрные, небольшие по размеру. Скорее всего – детские. Старушка обвела всех нас троих взглядом и поманила к себе рукой Женю со словами:

– Ну-ка, миленький, примерь пимишки. Вপুর ли?

Женя не тронулся с места, только вопросительно смотрел на маму. И мама медлила, молчала, глядя на старушку. Я понимала, в чём было дело. Если наша нежданная гостья решила продать нам валенки, то у нас не найдётся таких денег. Я в свои восемь лет прекрасно разбиралась, что нам по карману, а что нет. На толкучке – этом

диком рынке, процветающем на Руси во все времена, такие валенки, пимы по-сибирски, стоили бешеных денег, какие нам и не снились.

– Иди, внучок, примерь. Поглядим, как тебе обновка, по размеру ли.

Женя, как замороженный, двинулся к входной двери, поднял одну ногу и сунул её в подставленный бабушкой валенок.

– Ну как? – спросила гостя с ласковой улыбкой. – Не жмёт, не сильно велик? В самый раз, я думаю? Чего молчишь-то, голубок?

– В самый раз, – несмело произнёс мой брат, поворачивая ногу в новеньком валеночке то в одну, то в другую сторону.

– Вот и ладно, – сказала старушка, – вот и носи на здоровье, Христос с тобой. Мамочку слушай и учись хорошо... С Новым годом, с новым счастьем ваш дом. И благослови вас Господь. Пойду я. До свиданьяца.

– Подождите! – окликнула загадочную гостью мама. – Как же так? Бесплатно. Ничего не понимаю. Кто вы?

– Про Деда Мороза слыхали, небось? Так вот, я подружка его, Баба Морозиха, – старушка рассмеялась, кивая головой, закутанной в шаль, надела шерстяные вязаные рукавицы, подхватила свою опустевшую котомку и, отворив дверь, исчезла за ней.

Мама быстро накинула на плечи стёганую фуфайку, выбежала в сени следом за старушкой. И вскоре вернулась в дом.

– Ушла. Темно, не видно ничего. Кто она такая? Где искать? Кого благодарить?

А благодарить нашу гостью – спасительницу Женю было за что. По осени, весь сентябрь и в начале октября, брат бегал, как и я, до школы и обратно босиком. Он пошёл в третий класс, я – в первый. Прибежим в свои классы, сядем за парту, руками разотрём подошвы ног, и ничего, даже не болели. А когда из школы домой примчимся, сразу – прыг на русскую печь, и жарим пятки на горячих кирпичках.

В октябре, когда зачастили холодные дожди, мне в школе выдали бесплатные ботинки. А брату бабушка Мария, мачеха нашего отца, который не пришёл с войны, сшила бурки-стежонки. Тогда в такой обуви ходили многие люди – и дети, и взрослые. К стежонкам полагались резиновые галоши. Но у Жени их не было. И ходил он в тряпичных бурках без галош и на босу ногу. Обувка эта, считая из старой бабушкиной одежды, про-

держалась недолго. К концу ноября начала разваливаться на глазах. Мама чуть не каждый день затягивала дыры на подошвах дратвой, пришивала к ним новые тряпки от старой юбки. Такой подошвы хватало на два, от силы – три дня. Мама решила, что брат вообще оставит в том году учёбу, будет, как и другие разутые, раздетые ребяташки, сидеть всю зиму дома на печи. И вдруг – этот чудесный, щедрый подарок – новенькие валенки!

Мама стала расспрашивать у соседок про загадочную старушку. Никто ничего про неё не знал. А когда очередь дошла до соседки Маранды, цыганки по происхождению, та живо откликнулась:

– Да кто же её не знает? Это Митревна, богомолка Митревна, не иначе. Она ни одной службы в церкви не пропускает, всё бьёт Боженьке поклоны, молится за убиенных на войне двух сыновей. Я-то часто в Божьем Храме бываю, прошу подаяния ради Христа. Митревна всегда просящим мелкие деньги раздаёт, а на поднос церковный дьякону рубли кладёт. По великим праздникам делает дорогие подношения, кому посчитает нужным, бедным людям, детям в особенности. Деньги, видно, целый год копила, чтобы такие валенки твоему Женюшке купить. В школах узнаёт об особо нуждающихся. Ну, и чтобы ребятёнок был хороший, не оторва какая-нибудь. Блаженная она, Митревна. Ведь сама-то святым духом питается, впроголодь, говорят, живёт.

Маме так и не удалось встретиться ещё хотя бы раз с Бабушкой Морозихой. А я всю жизнь, долгие десятилетия, вспоминаю с благодарностью в канун каждого Нового года добрую, давнюю нашу нежданную гостью. Может быть, благодаря её благословию вырос мой брат замечательным человеком: мамочку слушался, боготворил её всю жизнь, ценил и уважал. Выучился на журналиста, помогал очень многим людям, был честным, бескомпромиссным и никогда не кривил душой.

Я думала, что одна помнила о старушке Митревне. А как-то, когда стали мы с братом сами бабушкой и дедушкой своим внукам, приехал к нам Евгений в гости с Алтая, где жил с семьёй в последнее время. Мы сидели за обильно накрытым столом с вином и разными закусками. Мой брат посмотрел на меня погрузневшими глазами и спросил:

– Люда, ты помнишь бабушку, которая мне валенки подарила?

– Конечно! – живо откликнулась я. – Всегда помню так, словно случилось это вчера. Маленькая, полная, в старой вязаной шали.

– Никакая не полная она была, – возразил Женя. – Лицо-то было худенькое у неё. Просто надевала она на себя всякого старья побольше, чтобы не мёрзнуть на морозе. А валенки. Ты помнишь, какие валенки были на ней? Все в заплатках. Там же на них живого места не было. Тяжёлые, громоздкие, подшитые толстыми обтрёпанными войлочными подошвами. Нет чтобы себе купить новые, она на свои жалкие гроши купила обувь для незнакомого чужого мальчишки... Давай, сестрёнка, помянем её чистую, светлую душу. Царство ей небесное.

И помянули.

1947–2013 гг.

ДЕТСТВО, ДЕТСТВО...

Летом в нашем просторном доме на Озёрной была просто благодать. Можно было всласть носиться по полупустым комнатам (мебель-то в войну мама почти всю променяла на картошку), играть в прятки, строить «домик» под столом, стянув до пола скатерть. Но несравнимы с играми в доме были походы с соседскими ребятами в лес, на речку Берёзовку, что протекала в логу за кладбищем, где, если везло, ловили сачком мелких пескарей. Излюбленным местом для прогулок служило и само кладбище. Сейчас даже не понять, чем оно так притягивало нас. Но проводили мы летом на нём очень много времени: бродили между могилами, рассматривали кресты и памятники и читали на них таблички с именами похороненных. Не считали запретным лакомиться земляникой, которая стелилась сплошным ковром на старых могилах.

Зимой наш мир ограничивался одним домом. После ужина мы вместе с мамой усаживались на кровать, накрывали спины одним одеялом, и мама при свете коптилки рассказывала нам в полголоса чудесные сказки. Знала мама их множество. И это были такие счастливые вечера. Мамины сказки я запоминала почти дословно. И позже, когда довелось нам с братом около года прожить из-за болезни мамы в детском доме, я сделалась в нём, благодаря сказкам, «знаменитостью».

В девчоночьей комнате вместе со мной проживало четырнадцать человек. Были это девочки, как я, девяти лет, были и старше – до двенадцати, тринадцати.

Как-то раз, когда в положенное время все легли в кровати и воспитательница выключила единственную в комнате электрическую лампочку, а спать ещё никому не хотелось, я не очень смело спросила:

– А хотите я сказку расскажу?

Все засмеялись, а самая старшая из нас, тринадцатилетняя девочка Нина сказала:

– Ну, давай послушаем, какая ты у нас сказочница.

Я начала рассказывать историю про бедняжку сироту-принцессу и про её братьев-принцев, которых возненавидела и решила сжить со свету злая мачеха. С первых же звуков моего голоса в спальне наступила, как говорится, гробовая тишина. В середине своего повествования я замолчала, так как подумала, что девочки уже заснули, а я всё говорю и говорю... И тут же послышался целый хор возмущённых девчоночьих голосов:

– Ну ты чё там, Никитина, заснула? Давай дальше рассказывай!

И я, окрылённая первым творческим успехом, продолжила своё выступление. За месяцы, проведённые в детдоме, я пересказала моим слушателям все сказки, которые знала. Приходилось и повторяться, рассказывать одно и то же несколько раз, исполнять «заявки» слушателей. Особенным спросом пользовались сказки про несчастных сирот и злых мачех, страшные истории со счастливым концом, такие как «Морозко», «Бабушка Метелица», «Крошечка-Хаврошечка», «Золушка», «Розочка и Беляночка», «Пряничный домик», сказка о Снежной королеве и многие другие. Благодаря, наверное, особому положению рассказчицы я пользовалась уважением девочек нашей комнаты. Мало кто мог ещё похвастаться таким же расположением подруг. В детском доме среди воспитанников царили свои, порой жестокие порядки, свои неписанные законы, подчиняющие младших воле старших. Мне удалось избежать унижения и грубости по отношению к себе. И я принимала это как должное. Кто ещё будет рассказывать девочкам удивительные сказочные истории, если не я? Да никто!

1948–2012 гг.

ЖАННА – ПОДРУГА ЖОРЫ

Я не раз замечала: лежание в больнице, даже не очень продолжительное, удивительно сближает людей. В чём причина такого явления? Наверное, в оторванности от близких. «Передачи» и короткие свидания с родными и друзьями протяжённостью в двадцать минут не в счёт. Эти люди прибегают и, спеша по своим неотложным делам, убегают, а ты лежишь на больничной койке, поневоле сначала приглядываешься, прислушиваешься к соседям по палате и уже через день-два проникаешься к одним из них жалостью, к другим – заинтересованностью, желанием сблизиться, узнать побольше о его жизни, судьбе... Бывают и третьи, к счастью – таких не много, с которыми лучше бы вообще не встречаться.

Лежала я года два тому назад в кемеровской больнице, в пульмонологии. Палата четырёхместная. На койке, что напротив меня, отлежала уже две недели баба Аня. Она сама так себя мне назвала, когда я с ней знакомилась. А выяснилось, что женщина всего на два года старше меня. Мне не понравилось это её «баба Аня». Никогда не смогла бы так представить себя: «баба Люда». А ведь мы почти одногодки. Я потребовала, чтобы Анна назвала хотя бы своё отчество. Назвала. Ну, конечно, Ивановна. Я почему-то знала это до того, как отчество ею было озвучено. Такое часто со мною случается: имена незнакомых людей угадываю при взгляде на них. Если не угадываю, то думаю, что родители при рождении ребёнка дали ему не то имя, которое следовало бы дать.

– Ну, тебе-то я «выкаты» и по отчеству величать тебя я не собираюсь, – веско заявила мне Анна Ивановна. – Имею на это право – ты, как погляжу, моложе меня лет, поди-ка, на десять. Будешь просто Людой. Ничего?

Я засмеялась и согласилась, на первых порах даже признаваться не стала, что не настолько «молода». У бабы Ани, раз ей так нравится себя называть, есть сорокалетний сын. Очень она его хвалит, гордится им, часто звонит ему по мобильнику и часто же просит, чтобы он сбросил ей на телефон сто рублей. Через пару дней проговаривает деньги до единой копейки и опять просит сына: «Дима, положи мне хоть рублей пятьдесят, много не надо, я теперь экономить буду». Через день-два всё повторяется снова: «Ди-

ма, сынок, у меня на телефоне деньги кончились...». Почему-то сын совсем не навещает мать и никаких передач ей не приносит. Наверное, «достала» его Анна своими просьбами о постоянном пополнении телефонного баланса.

Вторую соседку по палате зовут Галей. Имя её я угадала точно, когда она ещё и назваться не успела. Спросила женщину прямо в лоб: «Зовут Галиной?»

– Ну да. Уже знаете? Галей зовут.

От неё я узнала, что именно в этой палате Галя «отпраздновала» своё пятидесятилетие, через три дня после того, как её на скорой с тяжелейшим приступом астмы привезли в стационар. Галину с большим трудом медики отходили и вернули к жизни. Можно сказать, она родилась заново. Поздравить мать пришла её единственная дочь Анжела со своим «гражданским» мужем. Ребята принесли Галине свежий огурец, яблоко и маленькую упаковку, в двести граммов весом, консервированного фруктового сока. Дочка несколько раз повторила:

– Мама, сок-то пей. Я его тебе уже распечатала. Пей, а то прокиснет. Поняла?

Мне почему-то стало не по себе от этой фразы Галиной дочери. Я подумала о том, что трудно, может быть даже голодно, живёт эта троица. В этой мысли я утвердилась ещё более, когда позже Галина рассказала о себе. Она уже полтора года нигде не работает. Кому нужен такой «кадр», к которому чуть не каждый день приходится вызывать на работу скорую? О работе своей Галя говорила с гордостью. Таких бухгалтеров, как она, «ещё поискать надо». Но вот «сократили» её из-за болезни, конечно, это и «козлу понятно», сказала она. Льготными бесплатными дорогостоящими лекарствами и ингаляторами её снабжает поликлиника, учитывая тяжесть заболевания, а группу по инвалидности надо долго «выбивать», чтобы получать хоть какие-то небольшие деньги. Сил на это, говорит Галина, у неё просто нет. Дочка Анжела тоже сейчас сидит без работы. Она училась в институте на втором курсе, на «бюджетной основе», но схлопотала на экзаменах в прошлом году за второй семестр «тройку», и перевели её на основу платную. Платить за учёбу денег нет, пришлось Анжелке оформить академический отпуск на год... А что изменится за это время и в какую сторону, неизвестно. Анжела стоит на учёте в службе занятости, получает пособие в тысячу

рублей в месяц. Дней десять семья существует кое-как на эти деньги. Саша – этот муж, или «фрэнд», Анжелы перебивается случайными мелкими заработками. Весной по договорённости с престарелыми садоводами-огородниками перекапывает на их участках землю под грядки и картошку. А на это лето нанялся к какому-то богачу охранять дачу. Там они собираются жить с Анжелкой с мая до поздней осени. Кроме небольшой оплаты за труд, хозяева дачного участка выделили «охранникам» с полсотки земли, где Галя с дочерью посадили лук, посеяли укроп, петрушку и морковь. Галина очень дорожит этим огородом и радуется, что ребята скоро начнут щипать зелёный лук, укроп и дёргать молоденькую редиску. От её радости у меня чувство тоски и новые приливы жалости к этой несчастной женщине. Об отце Анжелы, муже Галины, я даже не спрашиваю, нутром чувствую, что нет его и в помине. Через неделю совместного проживания в палате, во время неспешной прогулки вокруг больничного корпуса, Галя по своему хотению поведала мне, что в 27 лет «залетела» от женатого любовника, родила для себя дочь. Вот и вся её любовь...

Третья моя «сокамерница» – молодая, весёлая, красивая, очень подвижная и энергичная девушка (называть её женщиной язык не поворачивается) по имени... Тут с ней такая заковыка получилась. Я, как только глянула на это солнечное создание, решила на девяносто девять процентов, что зовут её Натальей, не иначе. Опять, как в случае с Галиной, без обиняков спросила: «Зовут Наташей?». Она рассмеялась и сказала:

– А вот и не угадали. Жанна я. Только знаете что? Моя мама с детства мне уши прожужжала, что собиралась назвать меня Наташей. Имя это, ещё не зная, что родится дочка, выбрала для меня задолго до моего появления на свет. Гладила свой живот, в котором я чересчур резвилась, и уговаривала: «Угомонись, Наташенька, скоро на свет белый появишься, скоро уже». А батя сердито обрывал маму: «Какая такая Наташенька? Ещё неизвестно, кто там – девчонка или сынок. Если дочка, Жанной будет, если сын, – Женькой, как я. Пусть хоть буква моя в детях останется». Сходил папка в загс, когда я родилась, так Жанной и назвал. А мама всю жизнь, до сих пор путается, иногда меня Наташей называет. Отца уж давно нет, умер от инфаркта,

когда мне шестнадцать лет было, а ему – сорок. Может, я в него с этой буквой «ж» уродилась? Сразу после папиной смерти ко мне эта астма привязалась. С восемнадцати лет живу на ингаляторах, гормонах. Потому и толстая такая, шестьдесят два килограмма вешу при росте в сто шестьдесят сантиметров. Мой Жорик зовёт меня «бочка с салом». Если я в батю пошла, то что, шесть лет жизни мне осталось, до сорока-то? Я на такое не согласна. Детей жалко. Двое их у меня – дочка Соня, ей четырнадцать лет, и сынок Артёмка, ему одиннадцать.

– Муж-то есть? Наверно, этот самый «Жорик»? – не очень скромно задала я Жанне вопрос, потому что была уверена: есть, конечно. У такой весёлой жизнерадостной красавицы, да чтобы мужа не было! Тем не менее Жанна помолчала и с явно наигранной печалью в голосе сказала:

– Даже не знаю, что ответить. Муж он мне или не муж, фрайер этот. Ну, а как его называть, – продолжила Жанна, – если мы пятнадцать лет с ним живём – и всё в «гражданском браке»? Детей он, конечно, на себя записал, а я – не пришей кобыле хвост. Жора говорит, что ему ко мне ещё присмотреться надо как следует, чтобы решиться на такой шаг, как регистрация брака. Нормально?

– Ну хоть работает, семью обеспечивает? – брала я у Жанны дальше «интервью» по журнальной, укоренившейся во мне со времён работы в редакции газеты привычке.

– Семью-то Жорик обеспечивает, даже очень прилично. А работа... Уезжает каждый день по утрам куда-то со своей гвардией, приезжает часто посреди ночи, когда мы с детьми ещё спим. А где и кем работает, не знаю до сих пор. Сначала пыталась узнать, расспросить, выведать что-нибудь о занятиях любимого, о месте его работы, но каждый раз нарывалась на такую злость с его стороны, на такую грубость, что интересоваться его делами у меня всякое желание пропало.

Неожиданно в палате раздались громкие звуки «Интернационала».

– О, Жорик нарисовался, – весело произнесла Жанна и поспешно отключила музыку. – И ведь всё не как у людей. Сколько говорю, чтобы в сончас не звонил, не приезжал, всё как горох об стенку. Выйти сейчас к нему не смогу, тут с этим строго. И музыку эту мне он на мобильник

записал, менять не разрешает. А от меня люди шарахаются, когда слышат её... Я сейчас громкую связь включу, – подмигнула мне Жанна, – послушаете.

– Ну, ты чё там? – раздался в трубке грубый мужской окрик. – Понравилось на нарах париться? Домой собираешься, коза драная? Мужика, дом, детей кинула. Тёща готовить замучилась и теплицу твою матом кроет, с поливом этим. Ты когда с симуляцией покончишь? Чё, эти костоломы всерьёз верят, что ты хворая? Заканчивай гастрологи, двигай до хаты, а не то другую тёлку приведу тебе на замену. Усекла?

– Да, любимый, – с явной издёвкой пропела в телефонную трубку Жанна. – Только сильно с заменой не спеши, застану кого-то с тобой, укуошу на месте, так и знай, а потом твоим корешам придётся красотку на заднем нашем дворе в бетон закатывать, следы заметать.

Из мобильного разнеслось по нашей палате весёлое ржание и голос «любимого»:

– Ну, короче, вижу, что слухи о твоей скорой кончине сильно преувеличены. Полегче-то стало? Как, в общем, твоё «ничего»?

– Ничего идут дела, – смиренно ответила Жанна, – голова пока цела. Жорик, а что с квартирантами? Заплатили хоть сколько-нибудь? Нет? Ну ладно, я сама с Аргамом поговорю.

Жора помолчал немного и вдруг сказал тихо, дрогнувшим голосом:

– Что тебе принести, крохотуля? Хочется чего-нибудь, говори.

– Ничего не надо, Аргам принесёт, если чего-то захочу.

– Ну, лады. Не залёживайся там. Тёмку пора в путь-дорогу собирать. Давай, ждём!

– Давай, бывай, – мягко произнесла Жанна и показала мне рукой на окно, – можете взглянуть на этого людоеда.

Мы одновременно с Анной повернулись лицами к большому пластиковому окну. За ним, в нескольких метрах от крыльца больничного корпуса, стоял сверкающий на солнце, надраенный до зеркального блеска чёрный «лэндкрузер». А у ворот вообще-то надпись крупным шрифтом красуется: «Въезд только для служебного транспорта!». Видно, Жоры это не касается. У джипа – этой очень дорогостоящей, как я понимаю, штуковины – застыли в позе готовых к схватке волкодавов трое «ребят». Расправив накачанные плечи и откинув назад головы, они

бесстрастно наблюдали за четвёртым, тем, который стоял ближе к нашему окну и держал у уха мобильник. Нетрудно было понять, что это и есть Жаннин любимый Жора.

Жанна послала супругу воздушный поцелуй, сложив пухлые губки бантиком, а ладошки – ковшиком, и взмахнула ими, как бабочка крыльями. Жора в ответ кивнул головой и выразительно покрутил пальцем у виска. Жанна рассмеялась и помахала ему рукой: пока-пока!

«Бригада» распахнула перед боссом дверцу автомобиля, потом следом за хозяином запрыгнула в джип и сама. «Лэндкрузер» плавно развернулся и отчалил.

– Да, – многозначительно сказала я Жанне, – такие мужчины, как твой Жора, под ногами не валяются, это штучный товар.

– Да как можно жить с таким?! – взорвалась обычно тихая баба Аня. – «Драная коза», – передразнила она гнусаво Жоржа. – Я, как услышала это, прямо обомлела вся. Как можно терпеть такое, Жанночка? Да я бы, если бы што, своего бы старика за такое... Царство небесное рабу божьему Фёдору, – оборвала себя старушка и истово перекрестилась.

Жанна посмотрела мне в глаза и одним подборочком, энергично подняв его и затем опустив, «спросила»: ну как?

– Не мужчина, а мечта, – сказала я ей без тени насмешки. – За таким – хоть в огонь, хоть в воду. Ясно, что спасёт, ни утонуть, ни сгореть не даст... У меня муж таким же был. Правда, не такой богатый, не такой замороченно-крутой, как Жора. Но тоже лидер по натуре, тоже с юмором, любящий... И на джипе ездил, на УАЗе.

Жанна засмеялась, потом посерьёзнула, наклонила голову, исподлобья пылливо посмотрела на меня и тихо сказала:

– Спасибо, Людмила, – быстро кинулась к тумбочке, взяла в руку ингалятор, потрясла его, поднесла ко рту, запрокинув назад голову, нажала. Мгновение спустя вздохнула всей грудью. – Вот и полегчало. От общения с миленьким, что ли, перехватило дыхалку.

– А зачем ты каждый раз после ингаляции рот полощешь?

– Врачи советуют, чтобы лишние гормоны не глотать. Я за эти восемнадцать лет их столько наглоталась.

– Вы с мужем такая замечательная пара, – сказала я мягко. – И любите друг друга, это нево-

оружённым глазом видно. На юморе, игре всё у вас построено. Мне это понятно и близко... Я вот о чём подумала: ты, наверно, действительно, вся в папу своего. Любимого для себя, как и он, на букву «Ж» выбирала?

– Ой, правда! Как-то не думала об этом раньше. Но не я его выбрала, он меня. Судьба такую штуку со мной сыграла... Только я постоянно дрожу за Жорку, живу так, как будто каждый день с ним – последний. Устала бояться. А что делать, не знаю.

– А я всё голову ломаю: почему Жора не хочет оформить с тобой отношения?

– Меня это поначалу расстраивало. Потом Жорик в оправдание своё сказал: «Не хочу, чтобы после моей смерти, если что, имущество наше законники растащили. Ничего на мне не будет, кроме работяги-джипа. И зарегистрировал «мазду» на мою маму, всерьёз подарил эту машину любимой теще. Особняк наш на меня оформлен, и «опель» мне Жора на блюдечке преподнёс и насильно заставил в автошколе учиться, чтобы права получить смогла. Получила, три года гоняю эту классную «тачку». На дочку Соню «рено» записал, на сына Артёма – японский гоночный мотоцикл, что подороже многих машин ценится. Ещё собирается на него пару иномарок оформить, когда сын подрастёт.

– Это сколько же у вас машин? – спросила я, сбившись со счёта.

– Не так и много, всего шесть.

– Квартиру какую-то какому-то Оргазму сдаёте, – сказала я, умышленно, шутки ради, исказив необычное для моего слуха имя.

Жанна рассмеялась, поправила меня:

– Аргаму. Кавказец он, что ли. Темнокожий какой-то. Ну да, сдаём. Квартира у нас хорошая, в новом доме, в центре Кемерово. Но маловата для нашей семьи, трёхкомнатная всего. А мне свою, отдельную, комнату иметь хотелось. Жорик – тоже, чтобы от всех нас и от трудов его, неизвестно каких, но нелёгких, можно было отдохнуть, расслабиться в компании с компьютером. И дети, как говорится, разнополые, им по комнате требовалось. А ещё и мама моя, которую «по возрасту» сократили на службе, хотя она даже пока не на пенсии, тоже по приглашению Жоры к нам перебралась. И вот, наконец-то два года назад переселились мы в свой загородный дворец. Почти три года его Жорик строил.

Не своими руками, конечно, но своей головой. Проект дома сам разработал, он ведь у меня архитектор по образованию, сам рабочих подбирал, руководил ими... На нашем поместье есть всё: и комнат всем хватает, даже с избытком, и зал для приёмов гостей имеется, и кухня-столовая, и сауна с бассейном. На участке – огромная теплица, летняя душевая кабина, розарий в тридцать метров длиной, от ворот до крыльца дома. Ну и гараж на десяток машин, и вольер для сторожевых собак, их четыре штуки. Ещё – флигилёк для рабочего и сторожа... Вот и всё вроде бы наше хозяйство.

– Далеко от Кемерово? – спросила я.

– Нет, почти рядом, всего в пятнадцати километрах... А квартиру мы, значит, этим кавказцам сдали. Обещали они порядок в ней поддерживать, полную сохранность всего, что мы там оставили, обеспечить. И квартплату платить обещали вовремя, по пятнадцать тысяч в месяц. Но вот за четыре последних месяца я от них ни рубля не получила. Совсем обнаглели. Мне на эти их гроши – плюнуть да растереть. Но уговор есть уговор, за дураков нас держать не надо. Аргам говорит, что «бизнес» у него плохо идёт. Это его проблемы... Надо срочно ему позвонить.

Жанна щёлкает мобильником и, связавшись с абонентом, говорит ласковым голосом: «Аргам, ты? Нехорошо получается. Фруктами торгуешь, а любимой квартирной хозяйке ни апельсинки, ни яблочка принести не можешь. Я всё ещё в больнице лежу, две недели почти... В пульмонологии... Ну, слово такое, это где болезни бронхов, лёгких лечат. Четвёртый корпус, в областной больнице. На входе спросишь, там всё объяснят. Придёшь, позвонишь, я выйду. Ну, давай, жду. После сончасы приходи, после пяти часов».

В пять, как штык, появился Аргам с объёмным пакетом в руках. Жанна высмотрела его в окне, позвала меня:

– Людмила, не пойдёте со мной? Для поддержки.

Вышли на крыльцо корпуса. Жанна пошла навстречу низенькому, сутулому, страшненькому человечку, которого я мысленно тут же «окрестила» Квазимодой. Я осталась стоять на крыльце.

Кавказец протянул Жанне пакет, держа его обеими руками.

– Тяжёлый, – сказал он, – фруктов разных пять килограмм, а ещё йогурты, шоколад и мо-

роженое... Вы уж подождите ещё с оплатой. Я рассчитаюсь, обещаю, полностью рассчитаюсь. Скоро.

– Да я-то подождала бы, мне-то что, – грустно сказала Жанна, – Жора ждать не хочет. Тут ведь что приезжие вытворяют? Снимут у местных лохов квартиру и тянут с оплатой по году и больше, обещают, вот как ты, рассчитаться. Потом приходит хозяин квартиры, а квартирантов уже и след простыл. Собрали они своё барахло и хозяйское прихватили, что унести-увезти смогли, да и слиняли – то ли на родину свою, то ли на соседнюю улицу к другим русским лохам на квартиру. Ищи потом ветра в поле. Так вот, мой муж сказал, что даёт тебе сроку три дня. Если не рассчитаешься, то, ох, Аргам, я тебе не завидую. Насмерть, может быть, его ребята тебя не забьют, но передвигаться всю оставшуюся жизнь тебе придётся в инвалидной коляске... Сбежать тебе не удастся, даже не пытайся. За квартирой Жора наблюдение установил.

– Жанна, подождите, уважаемая! Я вот тут собрал немного денег. Вот, – полез он в нагрудный карман ветровки, – возьмите пока десять тысяч. – Протянул Аргам деньги, и рука его заметно дрожала. – Я понял, три дня, я постараюсь.

– Уж постарайся, – смиренно произнесла Жанна и лёгкой походкой направилась с тяжёлым пакетом к крыльцу, на котором я её ждала.

Аргам скрылся за оградой больницы. Я рассмеялась и положила руку на Жанкино плечо.

– Ну, ты просто артистка! – сказала ей.

– А сколько можно деликатничать? – засмеялась и Жанна. – Правда, удался спектакль? Артисткой стать я все молодые годы мечтала. Теперь в жизни сама себе сценарии сочиняю, и репетирую, и играю. Аплодисментов только не слышу в свой адрес.

В палате Жанна расстелила на своей кровати большое нарядное махровое полотенце и, опрокинув пакет с передачей от кавказца, высыпала его содержимое на постель. Выхватила из кучи большой брикет мороженого в пергаментной упаковке и, тоже большую, шоколадку. Протянула всё это мне.

– Это вам, уважаемая, – сказала она, смешно изображая кавказский выговор Аргамы, и уже от себя добавила: – Родных у вас в Кемерове нет, никто не навещает, передач не носит, так что не обессудьте. А фрукты разбирайте все, кто что

пожелает по своему усмотрению. Баба Аня, Галя, подходите. Мне ничего из этого не надо.

Мы с Анной выбрали себе всего понемногу: по груше, яблоку, банану и апельсину. А приличная кучка даров юга красовалась на Жаннином полотенце.

– Галя, ну, а ты чего за один банан ухватилась и стоишь. Это, всё, что тут есть, себе забирай. Даже не спорь! Себе возьмишь, что надо, остальное дочке своей, Анжеле, отдашь, когда придёт. Пусть ест фрукты, йогурты пьёт. Что-то она бледненькая у тебя.

– Да как же так, Жанночка? – со слезой в голосе пропела баба Аня. – Ну, хоть что-то себе оставь. Зачем тогда затребовала передачу с этого своего квартиранта?

– Так было надо, – коротко отчеканила Жанна.

Нет, она положительно мне нравилась. Такая колоритная особа могла бы послужить прообразом для героини романа. Жаль, что с ней мне, автору этого романа, теснее пообщаться не удастся. Не сегодня-завтра выпишут меня из больницы, и все мы, «сокамерники» сегодняшние, разъедемся по своим домам.

Когда нас одну за другой выписали, мы некоторое время созванивались. Анна позвонила мне первой: «Люда, ко мне сын Дима приходил. Ему твои стихи (я Анне свой сборник подарила) понравились. Он кой-какие даже себе в тетрадку выписал. Точно знаю, что про «морковный рай» переписал. Димина тёща в селе Морковкино живёт, сказал, что, как поедут к ней, почитает там твоё стихотворение». «Вот и слава ко мне пришла», – подумалось мне.

Чаще других звонила Галина. «Ты, Людмила, не спеши, говори, сколько захочешь. Мне Анжелка на телефон какой-то выгодный тариф подключила, по нему я могу по полчаса бесплатно разговаривать... Думала, что подлечусь в больнице, так смогу на дачу, где ребята мои сторожат, почаще выезжать, на наших грядках возиться. Но что-то ни черта мне лечение не помогло. Никуда без ингаляторов. По пять-шесть раз в день ими пользуюсь. Советует мне участковый доктор инвалидность оформлять. Придётся, видно. Ты, Люда, звони хоть изредка. А лучше делай дозвон и отключайся. Я сама перезвоню, чтобы тебе деньги не проговаривать. Я тебя часто вспоминаю. Ты хорошая, как родная. Может, ещё доведётся в больнице

встретиться. Я часто лежу, по два раза в год обязательно».

Жанна позвонила только один раз: «Ну, как вы, не болеете?.. Ну и хорошо. Мне тоже лучше стало, держусь пока... Аргам? Да, рассчитался полностью... Соня моя уже на дискотеку шляется. Здесь у нас в посёлке. Мама с Тёмой на море улетели, дней на двадцать, наверно. Жора поговаривает о том, чтобы обвенчаться нам с ним в церкви. Иначе на том свете нам не суждено будет свидеться. А перед венчанием, говорит, придётся расписаться в загсе, «гори оно всё ярким пламенем!». Что-то меня его слова о «том свете» растревожили. Всё ли ладно у него, не знаю. Никогда ничем со мной не делится... А мы с Михалычем – это дед, наш работник – сторож, слесарь и плотник, – воюем с собаками и двумя страусами, которых Жорик зачем-то приволок откуда-то на мою бедную голову. Ладно, всё! Не болейте, Людочка, и будьте счастливы!»

И тебе желаю того же, Жанна, верная подруга (или всё-таки супруга?) Жоры. Кто же он такой, на самом-то деле? Если уж жена не знает истины, мне её не узнать и подавно... А мне это надо?

Март 2015 г.

УКРАИНА. ДОНБАСС. ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Весь этот год на слуху: Украина, Украина... Проклятая хунта добралась там до власти, затопила в крови Донбасс. А у меня столько связано с этим краем. Вспоминаю сейчас Донбасс, вспоминаю...

В 1966 году наша маленькая семья, состоящая тогда из трёх человек: отца семейства Валентина, меня и нашей четырёхлетней дочки Оли, прописалась на Украине, в Донбассе, в городе Первомайске.

Теперь-то, в начале 2015-го, я с содроганием смотрю в передачах телевидения на руины, в которые в ходе «украино-украинской» войны превратился Первомайск, этот некогда, солнечный городок, где довелось нам прожить три с лишним года, где появилась на свет наша младшая дочь.

Зима шестьдесят пятого – шестьдесят шестого стояла лютая, затяжная, что казалось, не дожидаться нам лета. Мы мёрзли не только на «свежем воздухе», но и в новом бараке на окраине Томска. Барак тот из обещанного временно-

го жилья оказался для многих его жильцов «постоянным» на долгие годы. Но мы не вошли в число «долгожителей» барака. Весной 1966 года в газете «Правда» появилось обращение партии и правительства к российским шахтёрам, к рабочим, имеющим строительные профессии, к инженерам и техникам с приглашением на работу в Донбасс. Трест «Павлоградшахтострой» развернул в Донбассе грандиозное строительство новых шахт, жилых посёлков поблизости от них. Тогда же началась закладка в степи нового города под названием Снежинск... И началась массовая «утечка» и мозгов, и рабочих рук из российских мест в Донбасс. Много шахтёров уволилось тогда с шахт Кузбасса, чтобы попытаться судьбу в благословенном раю – на Украине. Одним из этой шахтёрской братии стал муж моей школьной подруги Нины. Володя уволился с осинниковской шахты и укатил с женой и двумя маленькими сыновьями в Донбасс. Там они сразу вселились в предоставленную им трёхкомнатную квартиру.

Нина прислала мне восторженное письмо, в котором в ярких красках расписывала погоду, природу Украины и безбедную весёлую жизнь в городе молодых – Первомайске. «Население здесь, – писала подруга, – на восемьдесят процентов состоит из русских, столько нас сюда понаехало. Магазины ломаются от дефицитных в Сибири продуктов и промтоваров, потому что снабжение обеспечивается по спецзаказу. На рынке горы фруктов почти что даром, за копейки отдают их местные жители. Получить работу в Первомайске очень просто, всюду объявления: «требуются, требуются». И квартиру получить легче лёгкого – много стоит незаселённых новых домов. В первую очередь, конечно, ключи от квартир вручают шахтёрам или строителям шахт, проходчикам».

Всё написанное в письме оказалось сущей правдой. Мы смогли убедиться в этом, когда, недолго думая, решились на отъезд, оставив почти без сожаления свою просторную, очень милую в летнее время и невыносимую зимой, комнату в бараке.

На работу я оформилась в Первомайске, как говорится, с первого захода. Люди рабочих профессий шли напрямую в отдел кадров, там и решали вопросы. А меня кадровик отправил на «собеседование» в кабинет начальника управления – Олега Ивановича Авраменко. Он произ-

вёл на меня хорошее впечатление – большой, сильный мужчина с гордой осанкой, красивым лицом и умными пытливыми глазами. Авраменко понравился мне, я ему, видимо, тоже. Потому что он, заглянув в мои документы, задал мне несколько вопросов – о прежней моей работе, учёбе, семье и, получив на них ответы, коротко сказал:

– Идите оформляйтесь, я позвоню в отдел кадров. – И взялся за трубку телефона.

Начальник участка, на который меня направили, Николай Васильевич Троицкий, тоже произвёл на меня хорошее впечатление. Этот вообще оказался красавцем, да к тому же совсем молодым, почти одного со мной возраста. Как вскоре выяснилось, было прорабу на ту пору двадцать восемь лет, а мне – двадцать шесть. Не очень понравилось мне в нём только то, что корчил из себя чересчур делового и опытного. (Позже оказалось, что он таким был на самом деле.) А при первой встрече бросил на меня короткий взгляд – мог и повнимательнее посмотреть, было на что, сдвинул сурово брови, кивнул на стул:

– Садитесь.

И этот деятель провёл со мной короткое «собеседование», после чего поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

– Завтра к восьми на объект.

Почему-то очень скоро стал Троицкий вызывать во мне чувство раздражения. На утренних планёрках на меня ноль внимания. Если и бросит взгляд в мою сторону, то – как на пустое место. После планёрки, когда остаёмся с ним вдвоём, распоряжения таким голосом отдаёт, с таким безразличным выражением на своём вроде не очень уж и красивом, как вначале мне показалось, лице, что меня тоска охватывает. «Что корчит из себя? – думаю я, слушая и разглядывая Троицкого. – Подумаешь, пуп земли. Начальник участка – ну и что с того?»

Наше управление, да, теперь – «наше», куда денешься? – строит одновременно две шахты под номерами 20 и 21. А ещё возводит сопутствующие объекты: административные корпуса – у каждой шахты свой, бытовки с комнатами отдыха, красными уголками, столовые и общежития для одиноких рабочих и прочие сооружения. Проходкой стволов будущих шахт занимается специализированное управление – наши субподрядчики. Мы с Троицким ведём граждан-

ское строительство – все эти околошахтные объекты. «Мы с Троицким» – это звучит смешно. Ведёт, везёт, тащит всю стройку на себе один Николай Васильевич, а я при нём, как та «сбоку припёка».

Жизнь на Украине, как и описывала мне её Нина в своих письмах, райская. Но я тоскую по доброму, родному коллективу проектировщиков из «Томлеса» и по второму – проектно-сметному бюро из управления связи. Какие люди были рядом, а я их как будто предала, променяла на южное солнце и фрукты... Как дружно мы жили! А тут что? Рабочие? Их на объекте много, сто семьдесят человек, а друзей среди них нет и быть не может. Троицкий в самый первый день моего с ним общения предупредил, чтобы не заходила с рабочими панибратства, не то сядут мне на шею и будут вить из меня верёвки. Мне – на шею? Из меня – верёвки?! Нет, Колечка, плохо ты меня знаешь! «Колечка» – это я мысленно произношу не от любви к Троицкому, а от неприязни, почти ненависти к нему. «Не было у меня в жизни такого противного начальника, как он», – думаю я после двух месяцев сотрудничества с ним.

Мой Валентин, кстати, трудится шофёром самосвала в автохозяйстве, которое обслуживает наше стройуправление. Дочку Олю на день отводим к няне – доброй, чистенькой пенсионерке бабе Любе. Договорились с ней об оплате в двадцать пять рублей в месяц. Баба Люба держит корову и поит нашу девочку свежим молочком, кормит вкусными кашками, пирожками и варениками с вишнями, творогом, шелковицей – ягодой, неизвестной нам ранее, похожей по окраске и строению на ежевику, но растущую на высоченных деревьях.

Полтора месяца мы прожили в съёмной глинобитной украинской хате, потом вселились в новенькую квартиру в пятиэтажном доме. Квартиру мне выделили вне очереди как, видимо, «ценному» специалисту... Всё было бы хорошо, если бы не этот противный Троицкий. Нет, надо что-то делать. И вот, оказавшись в конце рабочего дня наедине с прорабом в бытовке, я, наконец, решаюсь веско с ним поговорить:

– Ну, и что, Николай Васильевич, сколько я ещё буду у вас на подхвате? «Пойди туда, сделай то или это», ерунду какую-то. Если я мастер, дайте мне определённый объект или два, и бригады рабочих под моё начало, и объёмы работ

на подотчёт, и составление нарядов на оплату труда. Всё, как положено.

Троицкий откинулся на спинку стула, расслабился, смотрит на меня с усмешкой, но не с ядовитой, как это за ним водится, а с доброй вроде бы и говорит:

– О-о-о, жизнь спокойная надоела, значит? И сердце просит бури, как будто в бурях есть покой...

«Он ещё и Лермонтова цитирует, не ожидала от него такого», – проносится в моей голове.

– Ладно, будет тебе буря.

«С чего это «тебе»? – думаю я. – До сих пор мы с вами, Николай Васильевич, друг к другу на «вы» обращались. Но это неважно, так мне даже больше нравится».

– Завтра примешь в своё распоряжение столовую, точнее – пока только фундамент под неё. А ещё – градирню.

– Гра-дирню? И что это за зверь такой? – спрашиваю я удивлённо.

– Не знаешь, что такое градирня, для чего она шахте нужна? – приходит очередь удивиться Троицкому. – А, помнится, говорила, что не только проектировщиком была, но и на стройке прорабом работала...

– Ага, – с каким-то злорадством в голосе изрекаю я, – линейным прорабом в областном тресте «Скотооткорм». Слышали про такое? На местах, в совхозах, люди строили свинарники и коровники, а я постоянно моталась на эти объекты с контрольными проверками, чтобы выявить и устранить, если выявятся, несоответствия с проектами.

– Ну, и как, выявляла, устраняла? – заинтересованно спрашивает Троицкий.

– А как же, частенько что-нибудь находила, но ничего сама не исправляла. Делала предписание, а уж рабочие потом неполадки устраняли. Крыли, должно быть, матом меня, но исправляли брак.

– А вот что конкретно отыскала, можешь припомнить? – спрашивает «Колечка», прищурился смеющимися глазами.

– Например, например, – произношу задумчиво, – а, было такое однажды маленькое недоразумение. Почти в готовом к сдаче шикарном кирпичном коровнике на двести голов залили в последнюю очередь бетонные желоба, или лотки, для механизированного навозоудаления. Длинные-предлинные, с обеих сторон по всему

проходу, между двух рядов стойл. Так вот, глянула я на эти лотки, и показались мне они чересчур узкими на вид. Перед этим проходила по территории и обратила внимание на цепь с прикрепленными к ней металлическими скребками, которые должны будут вписаться в этот бетонный желоб... Взяла у бригадира проект, просмотрела чертежи, сравнила с наработанным и выяснилось, что по ошибке, в самом деле, на целых шесть сантиметров заужена внутренняя ширина лотков. «Допросила» бригадира. Он покраснел, потом побледнел, почесал затылок, стоит, бормочет: «Как же так? Я же скребки эти замерил, точно по ним всё сделал». А зачем ему скребки измерять понадобилось? Есть проект, там всё до миллиметра расписано. Зазоры-то между лезвиями скребков и стенками лотка должны быть, а так от любой соломинки заклинит механизм... Вы никогда, Николай Васильевич, с навозоудалением не сталкивались? – спрашиваю для чего-то прораба.

Он сидит и трясётся от смеха.

– Нет, бог миловал, – отвечает.

– А всё же, что такое градирня? – наседаю я на Троицкого.

– Градирня, это... – начинает вяло объяснять мой начальник, – вода в ней собирается, которая накапливается... А, чёрт с ней, с градирней. Хватит тебе одной столовой. С остальным я сам разберусь. А с лотками теми что дальше было, с навозом?

– С навозом, понятное дело, удаляли его какое-то время скребками, потом заклинило линию, не справилось импортное оборудование с навозом от советских коров. Выкинули во двор эти скребки с цепями, и взяли скотники в руки привычные вилы да лопаты... А лотки после моего вмешательства в мирную жизнь сельчан переделали. Разломали, благо бетон большой прочности не успел набрать, весь бортик с наружной стороны лотков. Заново сооружали опалубку, заново бетонировали в соответствии с проектом. И всё, как вскоре оказалось, зря.

Троицкий смотрит на часы.

– День-то рабочий закончился. Поди, и летучка за нами уже прикатила. Поедем или задержимся, посидим, ещё что-нибудь веселенькое расскажешь? – говорит с улыбкой Троицкий и вдруг тянется рукой к моей руке, лежащей на краю стола.

– Что? – свистящим шёпотом спрашиваю я, отдёргивая руку.

– Та шуткую я, дивчинка, – говорит Троицкий с явным украинским выговором. Не замечала за ним до сих пор такого, всегда чисто порусски говорил, хоть и украинец. Ясное дело, что «шуткует».

А прораб встаёт из-за стола, поднимает кверху руки, с удовольствием потягивается, откинув назад голову и выгнув спину. Такой красивый, паразит!

Я ожила. Постоянно торчу на своей столовой, весело перекидываюсь несколькими фразами с девушками из бригады разнорабочих, переговариваюсь с каменщиками, которые уже на метр высотой выложили кирпичную кладку по всему периметру стен. Заглянула в проект столовой и молча ругнула Троицкого: при заливке монолитного цоколя, до меня это было, упустил из вида, не оставил в трёх местах монтажные отверстия размером двадцать пять на двадцать пять сантиметров для ввода трубок, кабелей. Теперь придётся ставить рабочих на пробивку этих отверстий.

Скрупулёзно веду записи в журнале производимых работ, ни одной мелочи не упускаю. От этого зависит заработок у людей. Тут и ежедневные замеры кирпичной кладки, и количество кубометров перелопаченной земли руками женщин-разнорабочих, и тонны перенесённых грузов бригадой транспортных рабочих. При такой моей ответственности заполнение бланков нарядов для оплаты – минутное дело. Написала, проставила расценки, подсчитала, приготовила стопку нарядов для сдачи нормировщикам на проверку. Сидим в конце месяца с Троицким за одним столом в конторке, где надоедливо трещат арифмометры счетоводов.

– Дай-ка я посмотрю, – говорит прораб, забирая со стола мою стопку нарядов. Мне почему-то неприятно это его любопытство.

Троицкий перебирает листки, мельком просматривает их и откладывает один за другим в сторону. «Делать ему нечего, – думаю я с неодобрением. – Зачем смотреть? Умнее меня, что ли?»

– А это что такое? – спрашивает Николай Васильевич и протягивает мне одну бумажку.

«Пробивка монтажных отверстий в бетонном цоколе» – читаю в бланке наряда.

– Как что? Тут всё написано: «Пробивка отверстий».

– Это такая мелочь, – морщится Троицкий. – Перекрой чем-нибудь другим, кубометр кладки

прибавь и объясни бригадиру, что к чему. А эти твои отверстия... На них акт составлять придётся, объяснять, почему во время заливки цоколя не предусмотрели.

– Долго ли акт состряпать, – не сдаюсь почему-то я, говорю тихим «ласковым» голосом, – сейчас же сяду и напишу, что по вине прораба Троицкого при производстве работ по устройству цоколя столовой... – Чувствую, как один за другим смолкают арифмометры и присутствующие при «разборке» граждане прислушиваются к моим словам.

Троицкий тоже замечает это и, теряя терпение, вдруг с силой ударяет ладонью по столу.

– Не городите чепухи! – громко кричит он мне, опять переходя на «вы». – Да что за мастер, ни что такое градирня понятия не имеет, ни наряд составить не может... Акт она «состряпает», насмешила!

Я медленно встала, обеими руками подняла со стола тяжеленную книгу «СНиП» – строительные нормы и правила – и с размаха грохнула ею по столешнице. Это было несравнимо с хлопком по столу прорабской ладони, намного громче. В конторке вообще наступила мёртвая тишина. Я сказала веско и раздельно, с трудом сдерживая ярость:

– Если вы ещё хоть раз, хоть один только раз повысите на меня голос... – и увидела вдруг, какими тревожными, тёмными сделались глаза Троицкого, вспомнила, как всего полторы недели назад весело болтала с ним про лотки навозоудаления, как потянулся он рукой к моей руке...

– Ещё раз, и шо? – спросил он, прищурив глаза.

«Шо»? Опять «шуткует», что ли? И тут все мысли, промелькнувшие в моём мозгу, о том, что пожалуюсь на него в местком, партком или вообще Олегу Ивановичу Авраменко – начальнику управления, показались мне глупыми, по-детски наивными, и я сказала:

– Ну, шо-шо? Если ещё хоть раз такое повторится, и я на вас орать начну.

Все эти счетоводы зашевелились, услышались сдержанные смешки. А Троицкий неожиданно для меня рассмеялся громко, весело, хлопнул опять, на этот раз не сильно, по столу, развернулся и пошёл к выходу. У двери задержался, сказал:

– А что вы все сидите? Время-то обеденное... Люся, – это уже мне, – пойдём в чайную. По тарелке вареников, на мировую.

– Это можно, – согласилась я и поспешила вслед за прорабом.

Николай Васильевич опять стал обращаться ко мне на «ты» и больше никогда, ни одного раза не повысил на меня голоса.

Меня вот что немного смущает. Когда мы с мужем собрались отъезжать на Родину, в свою холодную Сибирь, которая не отпускала, звала к себе, и когда я получила расчёт, сдала в контору ордер на первомайскую квартиру, забрала трудовую книжку и заглянула на бывший свой, уже другой (столовую давно сдали, она работала и исправно кормила трудовой люд) объект, ко мне подошла с наглой улыбкой бригадир разнорабочих Лидка Пивень и спросила «интимным» голосом:

– Михайливно, вы мене простите за бога ради, всё одно мы з вами бильше не побачимся, кажите честно: вы свою меньшую детинку, дивчатку вашу, не от Мыколы Василича, прораба, народили? Столько про это гадали жинки, судачили, а толком так ничего и не ведаем. Вы ж уезжаете, кажите, як оно на самом диле було.

Вот это номер! Такие, значит, слухи за моей спиной ходили, а я и не подозревала ничего этого. Ладно бы, обоснованные слухи, тогда бы

куда ни шло. А то ведь честна я, как дитя новорожденное, перед мужем и людьми. Лидка ждала ответа с блеском в глазах. Разочаровывать её мне не хотелось, и я сказала ей на ухо:

– Об этом ты, Лида, у Троицкого спроси, может, сознается, не откажется от родного дитяти.

У Лидки сомнений насчёт меня не осталось, всё теперь было ясно со мной. И она побежала, понесла радостную долгожданную весть своим подругам по бригаде, а может быть, даже всему городу Первомайску. Бедный Троицкий! Интересно, как сложилась его жизнь? Женился ли наконец? Ведь такой был мужчина!

Вскоре после нашего возвращения в Сибирь, я получила письмо от подруги Нины. Откуда? Нет, не из Первомайска, а из кузбасского города Осинники. Нина с семьёй тоже вернулась на «круги своя». Так же поступили многие и многие наши земляки. Но кто-то, конечно же, остался жить на Украине, вырастил там детей, дождался внуков.

Как они теперь там, в пожаре чудовищной бойни? Сердце болит за Донбасс, за наших и «ваших». Господи, пошли мир этой такой благодатной земле...

Январь 2015 г., г. Тайга



**Александр
КЕРДАН**
ПОБЕДИТЕЛЬ



* * *

Есть у победы правота отмщенья
Врагу, что по заслугам получил.
И всё же ты готов просить прощенье
У запредельных, самых высших сил
За то, что враг повержен и унижен,
Что победил ты в схватке, что – живой...
За то, что мир стал на мгновенье ближе
К началу новой, третьей, мировой...

* * *

Говорят, что страна,
та, которой давал я присягу,
Проиграла войну иноземцам,
пролезшим во власть.
Даже если костыми я теперь
за Отечество лягу,
Суждено нашей вере
и русскому слову пропасть.

Я не верю беде, навалившейся вдруг,
беспричинно,
Я не верю в судьбу,
что готова Россию смести...
Да, я лягу костыми,
как солдату мне это – по чину,
Чтобы русское слово
и веру родную спасти.

25

Я такой – не один.
На просторах российских немало
Тех, кто верен присяге,
кто Родину любит свою –
От вулканов Камчатки
до сосен державных Урала.
Мы не раз русский Кремль
возвращали в неравном бою,

Через смуты любые
и злые улыбки соседей
Поднимались из грязи,
хотя и не лезли в князья...
Столько крови и слёз в каждой
нашей священной победе,
Что не верить в Россию
нам просто сегодня нельзя.

Восстановим страну
и вернём нашей матери имя,
Даже если не нам
доведётся увидеть итог...
Богородица нас покрывает
крылами своими,
И для русского сердца
открыт её светлый чертог.

КЕРДАН Александр родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета, 27 лет прослужил в Вооруженных силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор более пятидесяти книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале и в Западной Сибири. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

СОЛДАТИК

Он в атаку был поднят нещадно,
Он вперёд был обязан пойти
Этим утром, сырым и прохладным...
Дот стоял у него на пути.

А в том доте – вражина холёный,
Выпил кофе, к прикладу припал –
Стеганул по равнине зелёной
И солдатику в сердце попал.

Как подкошенный – в мяту и клевер
Он, не видя уже ничего, –
Пал ничком, и наколочка «Север»
На руке остывала его...

И слезинка скатилась из глаза,
А рука всё сжимала цевьё
«Трёхлинейки», которая сразу
Потеряла значение своё.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Сбежать из жизни вдруг, до срока,
Как с поля боя дезертир,
Не позволяют честь,
мундир...

И пусть твой полк разбит жестоко
И помощи не стоит ждать,
Но нет команды к отступленью,
И ты по своему хотенью
Родную пядь не волен сдать...

И робким мыслям вопреки
Ты свой окоп не покидаешь,
И, как лимонки, кулаки
Всё крепче к сердцу прижимаешь.

2013

* * *

В Екатеринбурге
памятник Б. Н. Ельцину
неизвестные облили краской,
после чего к нему приставили
постовых...

Обещался улечься на рельсы,
Если не осчастливит нас, дураков...
Круглосуточно мраморный Ельцин
Охраняется от земляков.

Не отмоешь уже, не выбелишь
Образ бывшего бунтаря!
Мы его всем народом выбрали,
А теперь говорим, что зря.

И по белому – чёрной сажею:
Подделом ему, подделом!
Болью нашу, страстью нашу
«Всенародному» воздаём...

И теперь величаем «Борькою»,
И уже без отчества, без...
Охраняется память горькая
Автоматами наперевес.

Караулят, как будто зверя, и
Каждый зритель как будто зверь...
От людей, познавших безверие,
Не дождёшься любви теперь.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Я убит подо Ржевом...

А. Твардовский

Я убит сегодня под Славянском,
Защищая город наш родной.
Я лежу с герогиевским бантом –
Небеса сквозные надо мной.

Где-то громыхают бэтээры,
Грохают разрывы вдалеке,
И звучат команды офицеров
На чужом, шипящем языке.

Топают наёмная пехота,
Воровски косясь по сторонам...
А подмога задержалась что-то,
Не пришёл никто на помощь нам.

Будто бы в каком-то сне нелепом
Вся эпоха повернула вспять!
Чтобы жили вы под русским небом,
Должен был я здесь сегодня встать

И свой смертный час принять солдатом,
Ведь не зря же на былой войне
Дед мой на Рейхстаге в сорок пятом
Вывел имя, что досталось мне.

2014

* * *

Мы шагаем как по минам,
Мы не знаем, как нам быть...
Научи нас, Украина,
Нашу Родину любить.

Чтоб любые перегрузки
Душу нам не потрясли,
Чтоб язык родимый русский
Мы навеки сберегли,

Проживая Бога ради
Так, как Бог прожить нам дал...
Чтоб чужой заморский дядя
Не пришёл к нам править бал,

Как к тебе пришёл он ныне,
И склонилась ты пред ним,
Дорогая Украина –
Наших предков горький дым.

Научи нас, научи нас,
Хоть ценой своих потерь,
Что склоняться – не по чину
Перед врагом теперь.

Не по чину без причины
Всё былое позабыть.
Научи нас, Украина,
Память общую любить!

Чтоб любовью этой вящей
И тебе помочь самой,
Нашей, братской, настоящей,
Неприкаянной, родной...

2014

* * *

Летний зной уральских городков,
Запах тополей и шашлыков
Тесно спаян с запахом бензина.
Контурные пологих синих гор
По краям окраинных озёр
Мне напоминают горы Крыма...

Вот такой загадочный пейзаж...
Слава Богу, Крым обратно наш –
Без войны, без боли, без неволи...
Но и здесь, от выстрелов вдали,
Медный дух исходит от земли –
Твёрдой, словно пращуров мозоли.

2014



* * *

Когда закончатся мечты
И надо дальше жить,
Со мной останешься лишь ты
Чайк некрепкий пить,

По нашей улице гулять –
От дома до скамьи,
И терпеливо принимать
Брюзжания мои.

И не сердиться, видит Бог,
Что сделал я не так...
И я к тебе не буду строг,
Дыша с тобою в такт.

Впадая в детство, день за днём
Мы проживём сто лет.
И, может, вовсе не умрём –
У детства смерти нет.

Но есть такая красота –
Стрекозы да цветы.
Но есть такая высота,
Где вечны я и ты.

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА

Апрель. Девчонки, как подснежники,
Воспряли, лишь пришло тепло.
То тут, то там мордашки нежные,
И вновь колени – наголо!

В тебе плодят желанья страстные,
Хмельные навевают сны,
Чтоб позабыл ты: в книгу Красную
Подснежники занесены...

В свою любовь почти что веришь, но
Пусть сердце плавится в груди,
Гляди на них, касайся бережно,
Но рвать, ей-богу, погоди!

**Анастасия
ЧЕРНОВА**

ЗА СТЕНОЙ



Маргарита Фёдоровна с трудом поднималась по лестнице, сжимая тяжелые сумки. Между третьим и четвёртым этажом встретила ОНА, почти насकोком, «здрости», не разжимая губ, звонкие каблочки лёгких туфель, белая кофта навыпуск да взвившаяся прядь тёмных, покрытых лаком волос.

От неожиданности Маргарита Фёдоровна остановилась. Качнула головой.

«Вот, проскакала... – подумала с каким-то тревожным удивлением. – И еще разоделась. Ничего и не скажешь. Разоделась – и только».

Хлопнула вниз дверь, стихли шаги.

Как звали эту новую соседку, Маргарита Фёдоровна не знала. Весной, когда таял снег, а птицы, сбившись в тёмные стаи, громко кричали над крышами, возле подъезда остановилась грузовая машина, из которой вышла молодая женщина с двумя детьми.

Игорь, муж Маргариты Фёдоровны, как раз окно раскрывал, снимая слой пожелтевшей липкой бумаги: дом был старый, из окон дуло, и приходилось на зиму их утеплять, прокладывая между рамами вату, обклеивать. С влажной тряпкой, на табуретке – он всё видел. Как носили из машины вещи, чемоданы и узлы, разобранную мебель. А женщина стояла чуть поодаль, наблюдая. На руках она держала девочку. Старший мальчик, лет семи, в красных сапожках и лёгкой курточке, бегал рядом.

– Марго! – позвал Игорь. – А к нам приехали. Разгружаются!

– Так это в ту квартиру приехали? Ну-ну... – Маргарита подошла, встала рядом. – В ту самую.

Воробьи кричали на проводах. Над крышами, над чёрными, в язвах сходящего снега дворами, косыми от ветра тополями они кричали, кричали. Что-то яростное, отважное, но и горькое при этом, бездомное, крылось в их заливаемом весеннем плаче.

– Значит, приехали. Будут жить, – ответил Игорь.

Его глаза были круглы и равнодушны. Он смотрел в окно. Он смотрел, как радостно бегают мальчик, а водитель что-то говорит, высунувшись из кабины, и шапка его чуть сдвинута набок.

Хотя с тех пор прошло уже несколько месяцев – Маргарита Фёдоровна так и не узнала, чем занимается новая соседка, где она работает, откуда приехала. Раньше в этой квартире жил строитель, прокладывал трубы в новые дома, что-то красил... Ночами же он играл на баяне, и это было ужасно. Он ещё пел при этом: «О-ёёё», старательно, с каким-то болезненным упорством, с мрачной наглостью ограниченного человека. «О-ёёё» несло по этажам, разрывая ночную тишину, и только лампа в оранжевом абажуре горела одиноко на подоконнике.

ЧЕРНОВА Анастасия родилась в Москве в 1987 году, выпускница Литературного института им. А. М. Горького (Творческий семинар М. П. Лобанова). Пишет рассказы и повести. Выступает в жанре публицистики и литературной критики. Победитель II Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «Дебют» (2010). В 2014 году стала лауреатом Всероссийского конкурса «Хрустальный родник». Живёт в Москве.

Сначала строитель продал лампу. Потом – баян. Потом – квартиру. Он исчез, будто растворился между домами, на шумных улицах в свете фонарей.

Среди пивных ларьков, ночного неба, топота чужих сапог. Никто и не помнил его – только слепое окно последнего этажа, задёрнутая шторка, дверь на замке.

– С соседями нам не везёт, – любила говорить Маргарита Фёдоровна. – Понимаете, все они какие-то странные.

Вот и сейчас, разбирая на кухне сумку, она произнесла, уверенно и жестко:

– Не повезло, Агнесс! Знаю их! Гуляют. Направо – налево. А потом: ой! Я беременна. И рожают. И дальше гуляют. Туда-сюда. То в бар, то на танцы.

Словно бы в подтверждение за стенкой, у соседей, заплакал ребенок.

– Вот! – победно закончила Маргарита Фёдоровна. – Видели их!

Из сумки она достала коробку чернослива, куриные котлеты, мороженую рыбу, оливковое масло.

– Торт и конфеты – в другой сумке, Агнесс.

А на плите уже шипела сковородка.

Агнесса, подруга далёкого детства, сидела на стуле, вытянув длинные ноги.

– Когда-то мы дожидаться не могли каникул, – сказала она, зевая. – Помнишь?

– Помню, – с удовольствием подтвердила Маргарита Фёдоровна.

Длинные коридоры школы, портреты на стене и тропинка, вечно убегающая вдаль, жёлтая, под синим небом. Новые туфельки, запах сирени, учебники на полу. Они бесцельно гуляют по знойным дворам, из одного, будто во сне, переплывают в другой. Агнесса, наклоняясь, срывает цветок. Заглядывая в лицо, смеётся.

Смеётся. Сорок семь лет. Смеётся.

– Агнесса!

Город постарел. Искривлены улыбкой пыльные улицы, за дома сворачивая, за магазины.

– Мы тогда все окраины исходили...

– Помню. А ещё в детстве собирали рябину. Нанизывали ягодки на нить... Украшения вроде как плели... а перед этим сушили в специальных коробочках, на батарее.

Маргарите Фёдоровне почему-то представился высокий подоконник и девочка, на нее не похожая, маленькая, с двумя хвостиками, смешными, держит в ладони горсть рябины. Склонив

голову, смотрит задумчиво. Холодная, яркая, огненная! Через несколько дней рябина тускнела, становилась жалкой и сморщенной, будто отпечаток на песке, размытый ветром. Будто...

«Рита, ты опять босиком? – кричит бабушка из кухни. – Одень тапочки!» – «Бабушка, идём гулять», – отвечает Рита.

Яркие ленты стягивают волосы, юбка взлетает, когда она забирается на подоконник и, встав на колени, пытается раскрыть окно.

«Что ты делаешь!» – кричит бабушка...

Она уже в комнате, в руках – мокрая тарелка.

– Возле нашего дома росла рябина, – вспоминает Агнесса. – Осень... лужи, небо серое, мы бегаем, а карманы тяжёлые... А дома так тепло, когда придёшь с улицы... Темнело-то рано. Мы приходили домой, играли дома. Дождь в окно стучал.

Агнесса зевает.

«Не трогай раму, не открывай!» – слышится бабушкин голос.

Маргарита Фёдоровна включила радио и села рядом за стол. С Агнессой их объединяла дружба и воспоминания. Дружба выражалась в том, что раз в два месяца они встречались, чтобы вспоминать.

29

«Любовь моя... – запело радио. – Тогда в солнечный день я встретил тебя, ты оглянулась, но меня не любила. Раненный в сердце, я закричал: «О-о! Любовь! О-о! Любовь! О-о».

Многое изменилось с тех пор. Маргарита Фёдоровна критически, будто оценивая, посмотрела на подругу. Вот и Агнесса, всё такая же красивая... высокая, стройная, только черты лица чуть обострились, удлиннились разрезы глаз, а волосы собраны на затылке и заколоты, оттеняя тонкий профиль, потемневшие, полуоткрытые губы.

– Жарко, – говорит Агнесса. Она сидит в полуоборот, нога на ногу, локоть на столе. – Нет ли у тебя сока?

Свои волосы Маргарита Фёдоровна тщательно завивает. Ей кажется, что так эффектнее.

– Не купила, нет. Тут зелёный чай, с лепестками липы, он холодный.

Также Маргарита Фёдоровна любит белые кофты, рукава которых отвисают ажурными складками, крохотные сумочки на золотистых цепочках, сапоги на высоких каблуках, бусы и лаковые брошки внизу воротника.

Агнесса одевается проще. Поверх пиджака она повязывает сложенный треугольником платок, темный в синюю полоску.

– Помнишь, – говорит Агнесса, – как в школе мы списывали алгебру? Мы сели в разные углы, учебники на коленях. Пока один наклоняется к парте – другой отвлекает учителя. Отрывает тетрадный лист, что-то шепчет, подпрыгивает. Максимовна поворачивает в его сторону голову... Она думает, что на верном пути!

– Максимовна? Её так звали? Я уже не помню имени.

– Альберта Максимовна. Да, её так звали, очень смешно. Мы ещё смеялись... Ты не помнишь?!

За стеной плакал, протяжно всхлипывая, ребёнок.

Торт был хороший, с клубничной начинкой, в шоколадной глазури.

– Держи, – протянула Маргарита Фёдоровна блюдец. – Сколько всего забылось... имена, люди... Я почему-то помню запахи... А ещё, будто всё – другое было. Не такое, как сейчас.

– Мне так много не надо, – испугалась Агнесса. – Я – худею.

– Худеешь? – горько усмехнулась Маргарита Фёдоровна. – Зачем?

– Ну, как... форму держать. Надо быть в форме.

«С годами теряется форма, – вспомнилась Маргарите Фёдоровне вычурная фраза из статьи. – Видимость уходит, стираясь временем. Быть может, смерть есть та же жизнь, только упрощённая, первородная, без всякой формы. Где-то там, где цвета, звуки и ощущения слиты безраздельно».

– Что-что? – спросила Агнесса. – Ты что-то сказала, нет?

– Пойдём в комнату, там прохладнее.

Вечером, когда Агнесса уехала, Маргарита Фёдоровна вышла на маленький балкон полить цветы. Розовую лейку она опускала под листья. Под сухие, пожелтевшие на солнце, дряблые цветы. Пахло железными крышами, раскалёнными за день, и влажным бельём с нижних этажей.

На прощание Агнесса сказала:

– Звони. Обязательно звони.

Несмотря на жару, она пришла в сапогах и теперь, склонившись, застёгивала молнию.

– Не жарко? – кивнула Маргарита Фёдоровна.

– Стильно! – ответила Агнесса.

А радио вдруг запело: «Твои глаза, о твои глаза, как же я тебя люблю за эти глаза, только

будь рядом со мной – всегда, только не бросай меня – никогда!»

– Любимая песня Женечки, – неожиданно сказала Агнесса.

– Женечка... А как у него дела? – спросила Маргарита.

– Да... – одной ногой Агнесса уже стояла в подъезде. – Да как? Учится. Два года назад собирался жениться. Привёл какую-то Машу. А я ему говорю: «Сын. Ты уже взрослый, ты всё решаешь сам, всё будет так, как хочешь». Знаешь, он же обо всём мне рассказывает, а я всегда говорю, что он всё делает правильно. Он и рад. И тут я говорю: «Сын, поступай, как хочешь. Только подумай... Думать не вредно. Сколько зарабатываешь ты – и сколько она. Тебе ещё институт кончать. Не помешает?» А он мне: «Не помешает!» – «Тогда – вперёд!». Но тут мой Женечка и почувствовал что-то неладное, спрашивает: «Ма, а ты – против?» «Нет, – говорю. – Не против». И что ты думаешь? Не женился он. Ходил, думал, думал. «А ведь и дети могут быть, – подсказала я. – Но это не главное. Ребёнок – это даже хорошо. Просто не повторяй моих ошибок, так хочется, чтоб ты был счастлив». Через месяц он уже забыл про Машу. Гулял с Лялечкой. И то же самое. Тот же разговор. А теперь вот Наташа, её родители сувенирный отдел в магазине имеют, дача у них – кирпичная.

– Каков расчёт! – не удержалась от благородного гнева Маргарита Фёдоровна.

Нет, кроме воспоминаний, ничего, ничего не связывает её с этой Агнессой. Где та худенькая, робкая девочка, которая училась с ней в одном классе, с белыми бантами в густых косах, прилежно выписывающая буквы в прописях, которая, танцуя, дольше всех кружится, только голфы мелькают да руки, широко раскинутые.

Кружишься и падаешь. Лежишь. А всё кругом так и вертится, мелькает, приседая, в безумном диком плясе: макушки деревьев, трава, рваные облака, земля... Боже мой!

Так ведь и кружится всё. До сих пор. Всю жизнь. Меняя очертания, быстрее, быстрее. «Когда достигнет предела скорость, вот тогда, – подумала Маргарита, – быть может, и наступит смерть».

– Ты что! – вскипела Агнесса. – Ну какой тут расчёт? Лялечка водку по выходным на лавке пьёт! В парке!

Среди каруселей, низких стриженных кустов, праздничных людей. В парке! Дети кричат и ма-

шут разноцветными флажками. Маленькие собачки на поводках, поджимая лапки, облаивают с визгом встречные сумки. Все идут единой яркой толпой, в чаду сигарет, среди ветра тёплого, среди волос, рассыпанных по открытым плечам. Идут. И музыка гремит. И шары дрожат на тонкой ниточке.

– А Маша, так та – вообще ребёнка имела. Да не одного – двух! И будто младший, ты только подумай, – от Женечки! Да быть такого не могло! Он ведь у меня – вежливый. Нет, что ни говори. Осторожность нужна. Не более.

Агнесса ушла. Вниз по лестнице, бойко выстукивая каблукками, будто оттачивая неизвестную технику виртуозной игры на ступенях.

«Сосед играл на баяне, – подумала Маргарита Фёдоровна. – Каждый человек на чём-то играет. Хотя бы на ступенях. Отбивая сапогами ритмический рисунок».

Когда она вышла на балкон, сумерки мягко, пуховым платком, окутывали город. Где-то за домом сигналили машины.

– Осторожнее, осторожнее! – кричал женский голос.

Потом всё стихло.

«Каждый играет... – продолжали расслабленно виться мысли. – Быть может, Агнесса и права, зачем, к чему...»

К чему переходить улицу, селиться в домах, а где-то под тучами звезды горят, машины сигналят, гудки, отрываясь, ухают в пустоту в чёрную.

Ночью Маргарита Фёдоровна спала беспокойно, ей чудились шаги, шёпот; какие-то голоса звали на помощь и, как только она открывала глаза, – тут же замирали в землистой, вязкой темноте комнаты.

Откуда-то из угла появилась бабушка.

«Ты босиком? – спросила она. – Надень тапочки». Громко тикали часы, проданные пять лет назад. «Нет», – ответила Маргарита Фёдоровна, и тогда бабушка заплакала неожиданно тонким детским голоском, заплакала, осев на пол и опустив лицо в подол широкой юбки.

Маргарита Фёдоровна проснулась.

Никого. Только неясные, размытые темнотой очертания предметов: книжный шкаф, круглый стол. Никого!

Плакал за стеной ребёнок.

Чёрные тучи бесшумно плыли за окном.

«Ну это же невозможно! – возмущённо подумала Маргарита Фёдоровна. – Сколько можно?! Целый день! всю ночь!»

Она встала. Нажала кнопку выключателя. Остро брызнувший с потолка свет остановился на круглом столе... Блюдца, чашки...

С кресла, где сидела Агнесса, чуть сползла накидка. И тут Маргариту Фёдоровну словно прорвало: «Как так?! Как так, ребёнок без перерыва плачет несколько часов. Если он болен – нужен врач, нужно вызвать врача или успокаивать. О чём думает мамаша? Весёлую жизнь устроили: он, она, эти дети, а ведь утром бежала – расфуфырилась, прыг-скок, соседи вообще-то спать хотят, ненормальная мамаша, спать хотят, а не концерты выслушивать, рожают, а потом «ой, мне некогда, надо в магазин, надо на танцы, надо отдохнуть, погулять, выпить водки, сходить в гости, в театр, в бар», а я-то говорила, я-то сразу поняла, что она за штучка объявилась, понимаешь ли, гуляла направо налево, потом родила, что делать с ребёнком, не знает, а делать что-то нужно, ну, капризничает он – успокаивать, ну, заболел – врача вызвать, да куда ей, дура, догадаться обо всём об этом».

К утру Маргарита Фёдоровна была убеждена: соседки не было дома всю ночь. Бросив детей, ушла развлекаться. Сидит в каком-нибудь ресторане, пьёт... А то и танцует, обняв партнёра и прижимаясь к нему всем телом. А может быть, даже... ведь так никто и не знает, чем занимается эта соседка, что вполне возможно... м-да. «Если бы Игорь был дома, – подумала Маргарита Фёдоровна. – Я бы спросила его: что делать будем?» Но Игоря не было. Он уехал по работе на целых три дня.

Детей, однако, было жалко; чуть помедлив, Маргарита Фёдоровна вышла в подъезд и позвонила к соседям. Никто не открыл. Маргарита Фёдоровна позвонила ещё раз, вдавливая и не отпуская кнопку до тех пор, пока не услышала тонкий голосок.

– Кто там? – тихонько спросили за дверью. Кажется, старший мальчик.

– Соседка. Открой, не бойся. Вы что, одни дома?

Помолчав, мальчик ответил:

– Мама не разрешает открывать. Никому.

– Твоя сестрёнка плачет. Может, я помогу?

– А вы кто, тётяшка?

– Соседка... – Маргарита Фёдоровна старалась говорить с ласковой осторожностью, словно бы крадучись.

– Не тётяшка. Соседка, – казалось, он что-то сосредоточенно обдумывает.

Потом всё же дверь приоткрылась.

И Маргарита Фёдоровна шагнула в тёмное, душное пространство чужой квартиры. Утренний серый свет падал от невидимого окна, выделяя чётко проём комнаты так, что ей показалось: из одного, чёрного квадрата она прошла в другой, белый, и будто вся квартира разделена множеством чёрно-белых квадратов, маленьких и больших, а последний, самый маленький, где-то далеко, быть может, за чертой видимости держит строитель на коленях двумя руками и растягивает его в разные стороны.

– О-оо, – не удержалась от реплики Маргарита Фёдоровна, так в комнате было грязно, не прибрано.

«Чего и следовало ожидать...»

Одежда, детские колготки, рубашки разбросаны повсюду: на диване, на кресле, свисают из полураскрытого шкафа. Какие-то коробки на полу, игрушки под ногами, велосипед трёхколесный перевернут на бок. Вместо штор – окна закрыты газетой, жёлтой, пыльной. Будто не живут в этой квартире или жили когда-то давно, а теперь уехали, бросили всё как есть, прервав то-ропливые сборы.

Забравшись в кресло, мальчик рассказывает:

– Таня прыгала из кухни в комнату, а из комнаты в кухню, а потом взяла велосипед и поехала, а мама говорила, чтоб без неё не катались, вот и я говорю Тане: «Ты не катайся». Я ей так и сказал, что нельзя, а она – всё равно поехала. Из комнаты в кухню, а из кухни в комнату, и ещё вокруг стола, я говорю, что нельзя, что мама сказала, а она говорит: «би-би», – и больше ничего не говорит, я хотел вырвать у неё велосипед, а она поехала на кухню.

Девочка лет двух, красная от слез, сжавшись, лежит на детской кроватке, в углу комнаты, прикрытая каким-то халатом так, что её почти и не видно, только слышно шумное дыхание, словно в любой момент она готова расплакаться снова.

– Потом поехала в комнату. А я говорю: «Хватит, я маме расскажу, вот обо всём расскажу». И тут она упала. Наехала на что-то.

– А где ваша мама? – прервав, спрашивает Маргарита Фёдоровна.

– Она? На работе.

Сложив руки, мальчик сидит неподвижно в кресле, коленки его штанов протёрты, а рубашка застёгнута только на одну пуговицу.

– А я на кухне был, ещё не успел вернуться. Только слышу – грохот.

– Как? Ваша мама так рано на работу уходит?!

– Да нет, она ещё вчера ушла. Говорит: «Посидите одни, я скоро вернусь». А мне говорит: «Следи за Таней, чтоб она не бегала и на велосипеде не каталась». Пусть, говорит, в кубики играет. И мне сказала не бегать. А я и не бегал.

«Ушла вчера! Дети весь день и всю ночь были одни!» – это так поразило Маргариту Фёдоровну, что всё остальное она слушала невнимательно, словно через какую-то непроницаемую плёнку. Далеким, временно несуществующим, становился для неё и мальчик, и его рассказ, и эта комната, серый свет туманного утра; однако перед тем, как полностью погрузиться в чувства, она успела задать ещё один вопрос:

– Где же работает ваша мама?

– Она? На работе работает.

Когда-то в этой квартире жил строитель. Никто не мог сказать, зачем и куда он уехал, быть может, он даже умер, но точно этого никто не знал. И теперь Маргарита Фёдоровна вдруг ясно почувствовала его присутствие. Словно невидимо он стоял где-то рядом и смотрел.

Потом она поняла: нет его тут. Конечно, нет.

Тут дети, молодая семья. Новая жизнь.

32 Где-то далеко, вне мира, расчерченного квадратами квартир, судеб, детских разбросанных кубиков, вне этого бесконечного чёрно-белого хаоса сидит усталый строитель, чуть склонившись, с последним квадратом на коленях.

А ребёнок всё рассказывает, в болезненной оживлённости блестят его глаза. Кажется, он совсем не удивлён, что пришла какая-то незнакомая тётенька с озабоченным лицом и вздыбленными, будто в пляске, изогнутыми волосами. Пришла, села на край дивана и слушает. Будто он ждал, догадываясь: так оно и будет, случится. Хотя бы во сне. И мама придёт. Дрогнет в двери ключ. Хотя бы во сне. Но Таня плакала, он не спал. Он говорил: «Тише, дура! Да засни же!» Обняв руками подушку, слушал малейшие звуки, шорохи в подъезде. Вот кто-то идёт. Мимо. Шаги нарастают. «Цок-цок-цок». Стихли.

А на улице кричит кошка. Кошку жалко. Она совсем одна.

«Тише, Таня. Бай, бай, – говорит он. – Хватит. Ведь скоро придёт мама».

Хотя бы во сне.

«Она придёт и принесёт конфет. Знаешь, шоколадных».

Но мама не вернулась. Нагрязнула тётенька – то ли в самом деле, то ли во сне, которая говорит, что она не тётенька вовсе, хотя и похожа. Вот она встала, на кухню пошла.

– Что же вы ели? – спрашивает. – В холодильнике-то пусто!

– А? Да вон, хлеб. Таня не захотела, – торопливо рассказывает мальчик.

Торопливо, будто вот-вот всё исчезнет, как недолгий сон, как машина – что проехала за окном. Машина едет. По улицам мутным, фары горят. Остро.

– Даже колбасы нет. Ни сыра, ни сметаны. Ничего.

Через некоторое время Маргарита Фёдоровна вернулась к себе, домой.

Хорошо дома! И цветы на подоконниках, и кресла мягкие, скатерть со стола пола касается. Она прошла к плите, поставила кастрюлю. Надо было детей накормить, и Маргарита Фёдоровна решила сварить им кашу с молоком, такую, какую в детстве ей варила бабушка. Пока она отнесла бутерброды и мармелад, большую чашку горячего какао; помогла переодеться.

«Каков беспредел! – думалось всё время. – Работает или гуляет – сутками, а дети одни, брошены».

Таня сидела рядом с братом, прислонившись к нему, и смотрела на чашку. Но та не остывала. В это время в квартире Маргариты Фёдоровны зазвонил телефон, и она побежала, на ходу вытирая о фартук руки.

– Да! Алё! Агнесса, ты?

– Доброе утро... – зевнула Агнесса. – Слушай, ну как дела? А мне тут приснилось... кое-что. Вчера неплохо посидели, да. Кстати, я вспомнила, как фамилия географа, того самого, что с указкой по коридору вечно ходил, и мы его звали «Буратино». Он ещё...

– Агнесс! Тут такие дела! – не выдержала Маргарита Фёдоровна, перебивая на самом интересном месте.

– Да? Что? – встрепенулась Агнесса. – Что-нибудь случилось?

– Случилось, – для значимости Маргарита немного помолчала. Потом заговорила, быстро, с возмущением: – Ну семейка! Эта, молодая, развлекается – сутками. Дети одни, одеты не знай во что, дома беспорядок, есть нечего. А сама она, вы посмотрите, вырядилась, поскакала! Видела ее вчера – в белой кофте, расфуфыренная... Да лучше бы она еды купила!..

– Ну, ну, ну! – с азартом повторяла Агнесса. – Да ты что!

Потом Агнесса сказала:

– Вот-вот. Они сейчас все такие. Я Женечке и говорю: «Сын. Будь осторожен. Не повторяй моих ошибок».

«Ошибка» Агнессы считался муж, с которым она уже давно развелась и который жил с тех пор в гордом одиночестве, проклиная всех женщин. Вечерами он смотрел программу «Несчастливые случаи»; был сух, строг и очень въедлив.

«Сам виноват, – говорила ему Агнесса. – Нечего было командовать. Я не супчик нанималась тебе варить!»

Время от времени он звонил. Узнать, как дела у сына и заодно высказать претензии, обросшие густой фантазией и пропитанные обидой.

«Я не был с тобой счастлив», – повторял он, не стесняясь.

«Милый мой! – не выдерживала Агнесса. – Оттого мы и развелись».

«Вот вспоминаю. Ты мне ни разу не сварила супчик».

Непростительная ошибка: «С любым, нормальным, разойдешься – и концы в воду. А этот надоедает. Звонит и звонит».

– Особенно сегодня, с утра. Приспичило. Женечку зовёт, а Женечки нет дома, он в парк с Наташей пошел. И что надо ему – не поймешь. Вечно насмотрится по телевизору всяких ужасов, а потом психует. Супчик, мол, ему не сварили. Десять лет назад.

Солнце уже нагревало крыши домов, разливаясь ярко по мостовой, по кроне ровных, стриженных кустов; всё жарче становилось кругом и печальнее.

Мерцала в подъезде лампа. Мчались за домом машины. Жёлтый свет – падал от окна. Дети ели кашу, а Маргарита Фёдоровна мысленно рассуждала, сама с собой. Ей казалось, она разговаривает с невидимым, сочувствующим собеседником, который внимательно слушает её речь, наполненную праведным гневом, точно костёр – сухими ветками.

– Что-то случилось? – спрашивал собеседник. – Расскажите подробнее. Эту женщину надо посадить в тюрьму.

И Маргарита Фёдоровна с готовностью рассказывала: «Эту сволочь, – говорила она, – вот именно, ждёт тюрьма, за такое судить пора... Скоро полдень, а её нет. Её не было всю ночь...»

В прихожей что-то скрипнуло.

– Мама! – закричали одновременно дети. Бросились к двери. – Мама пришла!

«А, – договаривала Маргарита Фёдоровна, вставая из-за стола. – Вот она и явилась. Полюбуйтесь».

«За такое, – отвечал угодливый собеседник, – и тюрьмы мало».

Но в прихожей стояла не мама. Прижимая сумку, в сером костюме, чуть о дверь опираясь, с улыбкой. Не мама.

– Так. Здесь проживает гражданка Мария Андреевна? – И посмотрела недоверчиво. – А вы кто? Соседка, что ль? Мило.

– А вы?

– Я медсестра из девятой городской больницы, – сказала женщина и прошла в комнату. – Так... Мило! Дети не одни были. Так и думала. А Главный всё равно сказал, чтоб поехала. Столько дел – и сюда ещё.

Время от времени медсестра повышала голос и произносила: «Мило!» – с острой звонкостью, от которой холодно становилось и тоскливо.

– Они ж не одни были – вы пришли. А она волновалась. Как очнулась, так сразу в истерику. Я говорю: «Мир не без соседей». А она – мило! – не слушает, своё твердит. Ну, тут и Главный... А случилось это вчера, – продолжала медсестра, – вчера к нам доставили женщину – её сбил нетрезвый водитель. Она по тротуару шла, на работу. А он вдруг выехал, резко развернулся... Да вы, наверное, слышали, в «Несчастных случаях» рассказывали. ...

Где-то этажом выше яростно и монотонно зашверлили.

– Ну и соседи, – возмутилась Маргарита Фёдоровна.

Она подошла к батарее и постучала детским ботинком по трубе.

Всё стихло.

– Несколько пострадавших, – словно зачитывая отчёт, чеканила медсестра. – Особенно сильные травмы были вот у их мамы. В сознание только сегодня пришла. Так сразу о детях... Такой шум подняла! Дети, мол, у неё дома одни. Мило! Маленькие дети – и одни. Тут бабушке позвонили, её матери, чтоб приехала. Она и едет. Но живёт далеко... За городом.

Когда она ушла, Маргарита Фёдоровна прибралась на кухне. Помыла посуду и подмела пол. Дети, забравшись в кресло, смотрели мультики, и весёлые крики ловких бандитов так и рва-

лись из телевизора. Таня смеялась и хлопала в ладоши. А вскоре приехала бабушка, Елена Владимировна. Сдержанно поздоровалась и, не снимая туфель, прошла.

«Какая, – подумала Маргарита Фёдоровна. – Не иначе как актриса».

Бабушка была невысокого роста, но очень изящна, с крупными перстнями на худых пальцах. Её голос, низкий, мягкий, доносился из комнаты, прерываемый всплеском детских, тонких.

– Наверное, пора идти, – заметила Маргарита Фёдоровна.

Она заглянула в комнату, и бабушка встала навстречу.

– Извините, – сказала она медленно, в задумчивости. – Мы вас задерживаем. – И на прощание. – Спасибо.

Спасибо. Спасибо, но – не более! И губы её при этом были строго стянуты, будто в узелок собраны, а глаза, чуть прищуренные, смотрели холодно и высокомерно.

«Ну и дела, что ни говори, а с соседями нам не везёт, – уже дома размышляла Маргарита Фёдоровна. – Тоже мне. Приехала».

С улицы сквозь штору проникал красноватый свет, разбавлял тонкие тени яркими брызгами светящихся капель, и всё кругом было какое-то пятнистое, взъерошенное, будто пролили что-то липкое. От этого беспорядочного освещения квартира казалась не такой уже прибранной, это раздражало и одновременно успокаивало так, что хотелось спать. Странное сонное беспокойство. Как будто идёшь быстро, почти бежишь – и вдруг понимаешь: шаги ровно падают на то же самое место. И всё кругом – то же самое, до боли знакомое и страшное в этой своей неизменности. Всё уходит, будто в дымке исчезает – а город, а этот дом, а лестница, а половики под дверями застыли, как и прежде, неподвижно!

Когда-то в квартире напротив жил строитель. Та самая дверь, те самые стены. Что за ними – никто не знал...

И вот Маргарита Фёдоровна уже идёт по знакомым улицам. Шуршат под ногами осенние листья, и Агнесса, невысокая, в белом берете, смотрит весело по сторонам. Многоочиями сверкает рябина, а где-то в подвале пищат котятка, утопленные много лет назад.

Жмётся под лавку замёрзшая кошка. Кошку жалко. Она совсем одна.

Склонив ветку, они срывают рябину, горькую, красивую. Но странно, тут же, от одного только

прикосновения – ягодки меняются. Свертываясь, серыми становятся и сухими, будто песчаная пыль.

Они падают вниз с ровным, приглушённым стуком, словно робкие шаги на лестнице. А котята пищат. А кто сказал, что каждый играет на инструментах, хоть на каком, хотя бы на ступенях, бойко выщёлкивая точный ритм, упорно совершенствуя неизвестную технику виртуозной игры? Кто сказал?!

То лестница поёт...

Она веками пела.

Как страшно! Маргарита Фёдоровна слышит: всё кругом наполнено звуками, она пытается различить свой звук, который и до неё мерцал и после останется, только звук, один звук из аккорда, но сосед мешает, он где-то ходит, под светом осенним тусклых фонарей, и его шаги, гулкие, откликаются напряжённо в пустых улицах. Всё громче.

Маргарита Фёдоровна поняла: она заснула, и уже давно звонят в дверь. Она поспешно встала и спросила:

– Кто? – скорее для формы, поскольку в глазке увидела Елену Владимировну, холодно-вато вежливую бабушку соседских детей.

– Простите, а как вас зовут? – теперь бабушка была в фартуке и держала корзиночку с печеньем. – Вот, возьмите, пожалуйста.

– Нет, нет, – замахала руками Маргарита Фёдоровна. Она принципиально принимала подарки только в двух случаях: в свой день рождения и на Новый год. Получать подарки в другое время ей казалось неприличным.

– Нет, – с твёрдостью повторила Маргарита Фёдоровна. – Спасибо. Но я не возьму.

– Да? – Елена Владимировна будто расстроилась. – Ведь это развесное. Я из дома везла. Оно самое лучшее, особенно, если с вареньем.

Теперь она стала какая-то домашняя, в тапочках, в тёмной юбке, да ещё с печеньем. Руки казались мягкими, а лицо округлым.

– Как дети? – спросила Маргарита Фёдоровна, может быть, из любопытства и сочувствия.

– Спят... Ваня-то не сразу мог заснуть. Да они устали. К Маше днём поедем, навещать. Мы вас, кстати, знаем. У вас цветы на балконе красивые. Маша рассказывала: когда дети домой возвращаются – на балкон соседки всё любят. Ваня тоже так хотел. Горшочки купили. Да не успели посадить, не успели. Тут с работой...

– Она работу не могла найти?

– Когда переехала, вернее, когда с тем разошлась, я говорила, предупреждала, что он родителей... Она не верила, и вот теперь... – принялась было рассказывать Елена Владимировна и вдруг – остановилась.

– Простите, – говорит, – но это долго. Вы вот печенье возьмите.

Маргарита Фёдоровна оскорбилась:

– У вас внуки одни всю ночь были, а вы мне про печенье.

И тут же подумала: «Так вот в чем тут дело. Этот, от которого дети, – тип ещё тот. Таких, как он, поискать ещё надо. Негодяй! Как же я раньше не догадалась?»

Зазвонил телефон, пронзительно, словно его разрывали.

– Да! – сорвала трубку Маргарита Фёдоровна, и частые гудки обрушились, монотонно пульсируя.

Тогда, чтобы сохранить настроение, она набрала номер Агнессы. Хотелось рассказать обо всём, обо всём. О том, как раскрылась наконец правда. А так же пригласить её вечером в гости. Посидеть, отдохнуть...

– Алё, алё! – голос Агнессы был какой-то взвинченный, Маргарита Фёдоровна даже испугалась немного.

– А, это ты... Рита? Слушай! Это ты?...

– Да! Как дела? А тут оказалось не то, что мы думали...

– Про что? – спросила Агнесса, будто уже забыла вчерашний день.

– Да вот, соседи-то...

– А... Потом поговорим! – такой сердитой Агнесса давно не была. – Что происходит, не пойму. Муж-то мой до Женечки дозвонился. А Женечка, как поговорил, так сразу собираться стал. «Что? Куда?» – спрашиваю, он не отвечает. Потом в окно смотрю – такси взял и уехал. Уехал!

– О... – сожалеюще протянула Маргарита Фёдоровна. – А я думала, чай попьём сегодня.

– Наташа тоже не знает. Никто не знает. Муж молчит.

– Ага, молчит. Так он... молчит! А ты знаешь, соседка оказалась... порядочной. А вот отец детей...

– Все они такие, не говори! – оживилась Агнесса. – От чего я Женечку берегу? Говорю ему: «Сын, будь осторожен!». А что тот отец?

– Бросил. А сам – жизнью наслаждается.

– Ничего другого и быть не может! Таких мужчин в конуру бы на цепь сажать. Вот их место.

«Что в мире творится – не передать!» – думала Маргарита Фёдоровна после разговора с Агнессой, когда готовила ужин и мыла посуду. А потом вышла на балкон полить цветы и, вздрогнув, замерла с поднятой лейкой.

Ей показалось, что вдоль дороги к подъезду быстрым шагом идёт Женечка. И было кругом так тихо, только дома многоэтажные выбегали из тумана и сна светлыми окнами.

Вот он прошёл под балконом... В подъезде хлопнула дверь... Шаги. Громче... Радостные крики в соседней квартире!..

Маргарита Фёдоровна медленно зашла в комнату. Закрыла балкон.

И обречённо опустила в кресло. Штора упала куда-то вниз, к батарее, – и обнажилось окно.

Ясный холодный день. Осень – хотя деревья всё ещё стояли в листьях, и небо было солнечное.

Почему осень? Маргарита Фёдоровна хотела встать, но не смогла приподняться. Почему-то вспомнилось детство. Она с Агнессой идёт по длинной, бесконечной улице.

– Давай соберём бусы, – говорит Агнесса. – У каждой бусинки – своё место. Хорошо ведь так? И правильно!

– Давай, – отвечает Маргарита Фёдоровна и уже держит готовые бусы в руках. Хочет рассмотреть ближе, поднести к глазам – и в это время, от одного только движения – нитка разрывается.

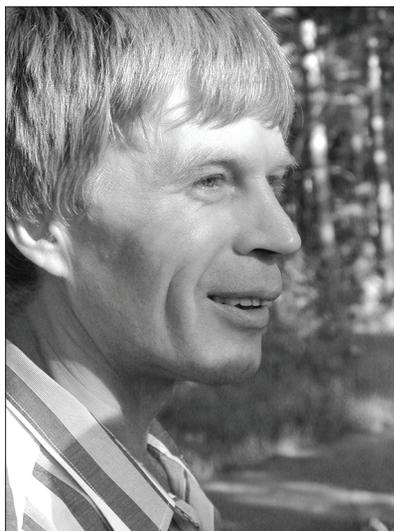
И ничего...

Только красные, будто капли крови, рассыпанные ягоды. Ничего больше...



**Виктор
КАЛЬСИН**

**ВРЕМЯ –
СПИЧЕЧНЫЙ
КОРОБОК**



* * *

*Время – спичечный коробок –
потрясёшь, послушаешь, что осталось.
Что-то брякает – дай-то бог! –
и подносишь небу слюнявый палец.*

*Но такая глушь, но такая тишь,
что семи ветрам не найти ответа.
Задираешь голову и стоишь –
изваянье сам или тень поэта.*

*И идёт по улице мать-тоска
(сумасшедший взгляд, нос провален):
всё кончается, как доска,
или мечется на спирали.*

*Время, спичечный коробок,
кости, камни, деревья, звёзды...
Ах, как катится колобок!
Никуда не рано, никому не поздно...*

ВЕСЕННЕЕ

*Здесь никто никогда
да и нет никакого
подступает вода
как последнее слово*

37

*Сердобольно висит
необжитый скворечник
вот и кот-трансвестит
пьёт рассол огуречный*

*Это тоже весна
это тоже природа
и не надо вина
чтобы плакала морда*

*Даже драки не на
чтобы зло закипело
это просто стена
в этом чёрном на белом*

*В торжестве без обид
чем больней тем потешней
но никто не забыт
я останусь я здешний*

ВСТРЕТИМСЯ ПОД БЕРЁЗАМИ

*Встретились под берёзами: роща в про-
светах солнечных
полна щебетанья, шелеста, жучков,
муравьиных радостей,
жизней больших и маленьких, лёгкая
и воздушная,*

КАЛЬСИН Виктор Васильевич родился 22 апреля 1966 года в деревне Новоподиково Кемеровской области. Учился в Новосибирске. В 1986 году начал посещать литературное объединение Нины Греховой. В 1989 году была подготовлена первая книжечка «Дождеворот» в кассете молодых авторов «Гальстарт», идея была реализована, книга издана в 1991 году. Член литературной студии «Притомье». Участник регионального совещания молодых литераторов в Красноярске в 2000 году. Публиковался в альманахах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Голоса Сибири». В 2006 году вышел сборник стихотворений «Песчаный спецназ». Работает монтажником. С 1996 года живёт в Кемерове.

шумит в осяянном мареве июньского
равновесия.
Вслух говорю: «Здравствуйте!», – думаю
сам: «Надо ли?» –
ведь, если и есть там слышимость, вряд
ли акустика скромная
соперничать в силах в звонкости с чистым
сердечным импульсом,
чтоб одолеть беспамятство.
Да, землячки, здравствуйте:
милые проживатели, – пыли, щедрот, щей,
самогона хлебатели, –
той же землёй мы кормимся, вы родники
леяли – не истекла вода,
и тропами, вами торёнными, ходим ещё по
ягоды.
Жизнь только словом новая, скрипом
скрипит давешним, мелет свою муку.
Не говорю «до скорого» – мера не вышла
времени.
Вечером будет хариус гнать по струе
звезду.
Без обещаенья праздника, будничны наши
таинства, всё-то надеждой тешимся –
встретимся, под берёзами.

ДЕДУШКА

«Дедушка, а, дедушка». Дедушка смеётся,
дедушка качает головой не в такт,
говорит, что скоро новая начнётся
жизнь, если в этой было что не так.

Над деревней солнце, по деревне речка, –
в речке вороватые рыщут пескари.
Дедушка пригрелся, сидя на крылечке,
Лопаются в памяти сны, как пузыри.

Вот она и старость, вот она, подруга,
мухой надоедливой около кружит, –
как не бережёшься – всё об острый угол, –
каждый день, как подвиг, будет пережит.

Есть костюм у дедушки – ношенный, но
годный,
досточки, материя – прибраны, лежат.
Никому не должный, сам себе свободный,
ждёт, когда кукушкам хватит куковать.

Ветерок играет, паутинка вьётся.
Дедушка зевает медленно и всласть.
Голова качается, словно оторвётся.
Вот уже совсем оторвалась.

* * *

Жахнет осенним светом,
а ты, невдомёк, идёшь,
подобно другим отпетым
бурчишь про ядрёну вошь.

Сподлобья глядишь, как мает
клочок синевы в ветвях,
как музыка разминает
пальцы в пустых садах.

И поднимает ветер
весь облетевший вздор,
и бестолковые дети
взрослый ведут разговор.

Идёшь, ничего не бьётся,
путаешься в словах,
и прошлое отдаётся
в гудящих твоих шагах.

ОБСКОЕ МОРЕ

На завтрак рыба, – местный камбуз
ей переполнен под завязку.
Вода, ленивая, как август,
на камень плещет быль и сказку.

И, право слово, мир чудесен!
На расстояние заплыва
волна, восставшая из песен,
заношит парус вглубь залива.

Ни о какой лазури речи
не поведу – за ширмой бора
трудяга-кран расправил плечи
и днём и ночью строит город.

Песок тяжёл, далече – тучи,
но отдых позволяет бредить
о всей романтике летучей,
о рыбке, сунувшейся в бредень.

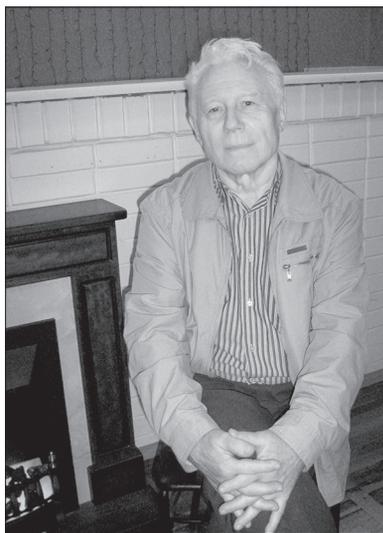
38



**Александр
САВЧЕНКО**

ОКЕАНЫ СЛИВАЮТСЯ С НЕБОМ

Романтическая повесть



ПАРИЖ. Июль 1900 года

Ему исполнилось ровно двадцать, когда его пальцы впервые коснулись живого холста картин Айвазовского. «Буря на Чёрном море», «Марина», «Кораблекрушение» – эти небольшие полотна оставили неизгладимый след в душе человека, решившего стать художником, писателем моря. С тех пор Николай Гриценко безоглядно полюбил творчество Айвазовского. Иван Константинович стал для него кумиром на всю дальнейшую жизнь. Николай пропитался личностью великого мариниста так глубоко, что иногда ему казалось: молодой художник и несравненный поэт моря связаны одним крепким узлом. Хотя на самом деле у них произошла единственная, причём кратковременная, почти случайная встреча... Айвазовский ни по рангу, ни по величине своего таланта не обязан был знать малоизвестного, по сути, начинающего художника, каких к тому времени в России имелось несколько десятков.

В год, когда Гриценко пришёл в Академию художеств, Айвазовскому исполнилось почти семьдесят. Именитый художник успел долгое время пожить в Италии, был обласкан двором, но от славы и столичных интриг устал и удалился в Крым, осев в родной Феодосии. Там он пи-

сал свои морские шедевры. Армянин по происхождению, сын купца Геворга Айвазяна, при крещении в 1817 году получивший имя Ованес, со временем полностью обрусел и стал называть себя просто Иваном. Позднее перекроил бывшую фамилию на более светскую и, по его мнению, более значимую и благозвучную.

39

Айвазовскому за свою жизнь удалось поплавать на многих русских кораблях и побывать в разных морях. Он лично знал высших чинов российского военного флота. За великое художественное мастерство ему пожимали руку адмиралы Михаил Петрович Лазарев, граф Фёдор Петрович Литке, Владимир Алексеевич Корнилов, Павел Степанович Нахимов и Александр Иванович Панфилов.

– Пишу сказки моря, – часто повторял Айвазовский о своём творчестве в кругу любопытствующих людей, – море – моя стезя, братцы, моя жизнь! Без моря я никто!

Иногда Гриценко жалел, что сам он оказался человеком из другой, более поздней эпохи. Творческие дороги двух художников, к сожалению Николая, не совпали во времени. Только один раз, будучи в познавательной поездке по Крыму, Гриценко сумел добраться до усадьбы Айвазовского, до того места в Феодосии, где отшельником поселился один из самых талантливейших

и богатых художников России. Перед столичным гостем предстал преклонного возраста невысокий смуглый старик с седой головой и такой же серебристой бородой, разделённой надвое, — это даже была не борода, а раскинутые в разные стороны большие белые бакенбарды.

Хозяин очертил рукой пространство обширной мастерской:

— Слышите, сударь, как шумит море? — и, показывая пальцем то на одну картину, то на другую, вкрадчиво говорил. — Вот здесь у меня шепчет бриз, а это рокот прибоя. Ну, а там буря, девятый вал... Смотрите, как вода негодует! Сорвавшийся с цепи зверь...

Гриценко ошеломили явные звуки, исходившие от развешанных по стенам полотен. Глуховатый голос Айвазовского, так и не лишившийся кавказского акцента, вдруг по-молодецки зазвенел. Иван Константинович неожиданно выплеснул слова, ставшие наказом молодому художнику. Николай на всю жизнь запомнил это божественное напутствие.

— Ищите, сударь, свою волну! Их в мире мильёны, а у каждого она должна быть одной-единственной. Иначе, свет мой, не стоит и кисть о руки марать. Кисть, она человеку без любви не даётся!

Не руки о кисть, а кисть о руки — вот как высоко понимал своё искусство великий маринист!

...Николай отошёл от мольберта, положил палитру на стол, открыл флакон со скипидаром. Заныло в груди, в левом боку. Он догадался, что виной тому не его болезнь. Это отклик на утренний разговор с Любашей.

Около одиннадцати, когда Николай по обыкновению пил сладкий кофе без сливок, жена посмотрела на него испытывающим взглядом:

— Забыла напомнить: вчера доставили от Рахманиновых письмо, целое послание. Клавоочка очень подробно описывает светскую жизнь в Москве.

— Как там у них?

— Пишет, что без перемен. Москва — пусть не столица, но театры, балы, визиты, чаепития в большой моде. Многие наши знакомые из Петербурга приезжают к ним.

Николай задумчиво вглядывался в настороженные глаза жены. Он почувствовал: Любаша чего-то не договаривает, утаивает главное.

— Что ещё? — как будто зная какую-то скрытую от него тайну, спросил Николай.

Любаша смутилась, замешкалась. Чашечка с кофе на подносе выплеснула на серебро несколько капель коричневой жидкости.

— Клава пересказывает нехорошую новость из газет...

— Ну?.. — напрягся Николай.

— Почил Иван Константинович ...

— Айвазовский? — почти закричал Николай.

— Да, он...

Девятнадцатого апреля. Дожил до начала века, царствие ему небесное!

Николай в ответ на горькое сообщение ничего не произнёс. Любовь Павловна знала характер мужа: сейчас он страдает.

— Умер у себя в мастерской... Во время работы над новой картиной «Взрыв корабля»... Очень прискорбно... — добавила она.

По выражению лица Николая было видно, что оцепенение пошло на убыль и он возвращается в обычное состояние. Помолчал и медленно выдал:

— Так умирают только большие корабли.

Известие о кончине Айвазовского Гриценко принял необыкновенно близко к сердцу. Эта смерть стала для него очередным жизненным испытанием. Не стало духовного кумира, а вместе с ним великого русского мариниста, самого большого знатока водной стихии. Такого по величине художника больше никогда не будет. Наверяд ли где-то родится второй Ованес Айвазян со своей необыкновенной волной.

Николай сокрушался, что печальная весть дошла до него очень поздно. Отодвинув недопитую чашечку кофе, он коротко распорядился:

— Сегодня же идём в часовню и поставим поминальные свечи! Это наш долг.

МЕНТОНА. Конец ноября 1900 года

Косые лучи зимнего солнца через стекло широкого окна падали на его изболевшееся лицо. В палате было тепло и тихо. Ноздри щекотал обычный для таких заведений запах лекарств. Любовь Павловна положила ладонь на исхудавшее запястье мужа и сразу же уловила учащённый пульс. Все шло так, как недавно предрёк лечащий врач — доктор Лебрен, добродушный толстяк с пенсне на большом ноздреватом носу.

«Заметно опухли ноги. Постоянно подступает удушье. Тяжёлый кашель...» — подумала она и произнесла вслух:

— Звонила Вера: вчера в Париже закрылась Всемирная выставка. Наши акварели, Коленька,

удостоены бронзовой медали, а французское правительство ещё выше оценило твои заслуги, наградило орденом Почётного легиона. Я поздравляю от всей души! Теперь ты наш семейный кавалер наград не только России, но и Франции, Японии и Сиаму. Кстати, Вера передавала поклон от всех Боткиных и Зилоти.

Николай к словам супруги отнёсся с молчаливым равнодушием. Только на несколько секунд приоткрыл веки. Затем всё же с трудом вымолвил:

– Спасибо, любимая! Я рад... Я очень рад.

Любовь Павловна была благодарна настоятельным советам родственников покинуть Париж и выехать на юг Франции. Здесь, в Ментоне, на средиземноморском побережье страны, Николай попал в благодатный климат, полезный при лечении болезни мужа. С 1880 года в Ментоне работал туберкулёзный санаторий «Русский дом», где в разные годы лечились многие именитые и состоятельные люди из России – политики, промышленники, офицеры, писатели, учёные...

Братья Боткины прослыли не только квалифицированными врачами, они к тому же были сыновьями известного клинициста Сергея Павловича Боткина, именем которого в медицине назвали одну из форм вирусного гепатита. Братья состояли в родстве с Любовью Павловной и приходились ей зятями по линии родных сестёр. Сергей Сергеевич был мужем старшей сестры Александры, а Александр Сергеевич находился в браке с младшей сестрой Машей Третьяковой... Если бы не своевременные советы Боткиных, может быть, не было уже на свете её любимого Коленьки.

Любовь Павловна задернула занавеску, чтобы яркий свет не мешал мужу.

– Не надо, Любочка! От солнца я впитываю радость и покой... Как от морского зеркала.

Слова ему давались с трудом – было видно, что он выжимал их через силу. Николай приподнял веки и, устало и прерывисто дыша, повернул голову в сторону жены:

– А в Томске сейчас лютует зима. И пуржит... Как бы я залез в настоящую сибирскую баньку... Да похлестал себя веничком из пихты... Или по солнышку за грибами... Я с отцом когда-то часто ездил в междуречье Оби и Томи. Грибные места там... Пройдём с ним по косогору вдоль Кисловки... И за один час – два большущих короба с верхом... А назад на подводе с песнями, папа любил их... Светлая ему память!

Глаза Николая неожиданно загорелись. Он остановил взгляд на животе жены, заметно выступающем из-под кремового халата.

– Сядь около меня! – попросил Николай.

– Доктор Лебрен сообщил, что кризис миновал. Если всё будет и дальше так, ты к весне встанешь на ноги, – напряжённо сказала Любовь Павловна и испугалась своей лжи.

– Француз прав. Я с ним согласен, – Николай попытался приподнять кисть руки, но та безвольно упала на складки простыни.

Палату заполнило тягостное молчание. Любовь Павловна догадывалась, что муж понимает и безропотно принимает сказанную ему ложь. Но он ни за что даже не покажет вида, что уличил ее в неправде.

– У меня ещё есть силы бороться... – с тяжёлым выдохом сказал Николай.

– Вот видишь...

– Только прошу тебя: заведи меня домой. Если со мной произойдёт что-то... роковое, я должен находиться в своих стенах. Ты же умная, должна сама понять...

– Зачем ты так, Коленька! – Любовь Павловна припала щекой к груди мужа. Там, под лёгким одеялом, жизнь боролась с подступающей смертью.

– Ты не умрёшь, милый! – слёзы покатались по горячим щекам женщины.

Но Любовь Павловна знала, что не только дни, но и часы любимого человека сочтены. Отчаяние и безысходность захлестнули её с головой...

Со дня их бракосочетания в 1894 году прошло более пяти лет. Они долгое время ждали рождения ребёнка. Но детей у них так и не было. Только некоторое время назад, в начале сентября, жена почувствовала, что беременна. Эта новость ошеломила обоих. Муж был по-прежнему улыбчив, нежен. Услышав сообщение супруги о скором рождении ребёнка, Николай загорелся. Он часами не выпускал из рук карандаш или кисть. Этюды и наброски завалили его рабочий стол.

И вдруг в какой-то момент, будто чувствуя, что ему на смену на земле должно прийти его собственное продолжение, он сдал... Подолгу, молча и задумчиво смотрел через оконное стекло на пронизанную первым осенним туманом улицу Сен-Лоран, на рано пожелтевшие мелкие листья лип... Здесь, в Париже, погоду никогда нельзя предугадать. Ещё вчера днём было выше

двадцати градусов тепла, ночью резко похолодало, потом к рассвету температура снова поднялась, ветер неожиданно понёс сорванную листву, мятую бумагу и прочую грязь, внезапно заморосил дождь. С самого утра за окном только зонты, зонты.

Непогода портила всё великолепие Парижа. Казалось, листва платанов, буковых и дубовых деревьев блекла в скатывающемся с неба тумане. На землю опускалась мельчайшая, почти невесомая изморось. И снова сотни, тысячи разноцветных зонтов. Все тротуары были заполнены зонтами.

Каждое утро ниже этажом хлопала створка окна и независимо от того – сияло ли солнце или шёл проливной дождь – раздавался грассирующий голос невидимой девушки:

– Comment la beauté de la nature! (что значило «Как прекрасна природа!»).

Через стенку от Гриценко квартировал пожилой пузатый итальянец, неизвестно зачем оказавшийся в этом городе. Он в ответ на слова девушки-невидимки с шумом бил носком ноги в балконную дверь, ругался по-своему и переходил на короткую французскую речь:

– Tais-toi! («Заткнись!»).

Николай хмурил брови, чувствуя, как постепенно сгорает не столько от этой проклятой чухотки, сколько от гнилой парижской погоды...

Приехала в гости сестра Любаши Александра Павловна с мужем.

– Ну как? – спросил без всяких предисловий Сергей Боткин лежащего на диване Николая. И не дожидаясь ответа, продолжил: – Думаю, тебе надо пройти курс лечения в Ментоне. Там твою болячку утихомят быстро.

И отвёл взгляд от глаз свояка. Оба понимали: Ментона для большинства людей не была источником жизни, туда ехали умирать...

При последних словах родственника в комнату вошла Любовь Павловна. Услышав совет Сергея, встрепенулась – в ней зародилось плохое предчувствие.

После разговора Николая с Боткиным краски и ватман остались сиротливо лежать в самых неподходящих местах – на подоконниках, в кресле, на столике старинного резного трюмо... Николай больше не брал в руки ни кисть, ни карандаш.

В один из вечеров он сидел в кресле, обтянутом полосатым тиком. Любовь Павловна подошла сбоку, обхватила ладонью его предплечье.

– Я думаю, что у нас родится дочь, – прижалась она к плечу мужа.

Николай осторожно обнял жену, прикоснулся губами к её виску:

– И я уверен: это будет она... Выходящая из белоснежной морской пены наша царица-лебедь... Наша Марина...

Николай взял в руку Любины пальцы и поцеловал обратную сторону ладони.

– Мы назовём её Мариной! Мариной Николаевной!.. Ты согласна?

– Да, – коротко ответила Любовь Павловна, скрывая в глазах тревогу и грусть. Она уже не только догадывалась, а определённо знала, что жизнь любимого Коленьки висит на волоске. Об этом ей только что сказал после консультации знаменитый специалист-пульмонолог профессор Цильке.

МЕНТОНА. 2 декабря 1900 года

– Вот видишь: ты стал улыбаться. Даже напоминаешь озорника, каким появился в нашем доме.

– Будет тебе, дорогая! – согласно прошептал Николай. – Только открой, пожалуйста, окно. Что-то не хватает воздуха...

Он смежил веки. Вокруг был ясный день, рядом наклонилась Любаша. Нет, в такие минуты ничего плохого с ним не может случиться. Лёгкое прикосновение прохладной руки жены окончательно его успокоило. Это по ночам, когда остро чувствовалось одиночество, Николай старался поскорее уснуть, забыться. Но и во сне он не находил покоя. Его охватывало тяжкое наваждение, наступало мутное состояние между явью и сном, между озарением и бредом. Каждый раз он оказывался в одном и том же месте – полз из какого-то корабельного трюма по узкому, почти непролазному тоннелю, заполненному десятками разных трубопроводов. В темноте руки едва нащупывали свободное пространство. И он, выбиваясь из сил, старался продвинуться вперёд ещё на несколько дюймов... Николаю мерещилось, что его навсегда замуровали здесь, законопатили в этом ограниченном пространстве, где нет ни тепла, ни света. А самое главное, заканчивался свежий, полный кислорода, воздух. Заканчивалась сама жизнь. У Николая пульсировала подступающая к вискам кровь. Он, как наяву, понимал, что умирает, задыхаясь от недостатка живительного притока воздуха. И в этот момент выходил из своего полусна-полузабы-

тя. Ему нестерпимо хотелось, чтобы наступил рассвет, встало солнце, послышался голос жизни – щебет птиц, речь незнакомых людей, случайные, посторонние, но живые звуки...

Главное: надо было каждый раз пережить ранний предрассветный час. Он знал, что люди чаще всего умирают в такие минуты... Говорят, когда солдата убивают в бою, перед ним в долю секунды проходит вся его жизнь от рождения до смерти. Николай умирал медленно. Прожитая жизнь вкатывалась в его сознание отдельными клубочками нитей. Николай напрягал память и, потянув кончик одной нитки, чувствовал, как конкретный моток начинает разматываться. Потом нитка неожиданно запутывалась и терялась. Вместе с ней терялось, блекло и совсем растворялось прошлое, которое вдруг оказывалось где-то далеко позади. Будто бы вне его жизни... Всё прошедшее смешивалось и оказывалось одинаково далёким – и то, что происходило много лет назад, и то, что произошло только вчера...

Он снова начинал плутать в забытьи – наступало вязкое состояние между явью и сном. Николай ощущал себя под толщей воды. Дышать нечем. Но вот медленно проникает голубоватый свет – он как бы массой, свитой из тысячи светлых мотыльков, бьётся совсем рядом. Мотыльки всё ярче и уверенней порхают, касаясь его глаз... И в этот момент начинается возвращение к реальной жизни. Если вспоминаешь, нельзя понять, где была правда, а где управляли тобой видения или фантазии – продукт мучительной и долгой болезни...

Как живой, явился Володя Менделеев. Николай точно знал, что его уже нет на свете, он умер шесть лет назад от быстротечной инфлюэнцы. Но почему-то стоит с ясным взглядом, на его лице лихо закрученные усы... Николай знал, что Менделеев после завершения кругосветного путешествия с цесаревичем женился на Вареньке Лемох, дочери художника-передвижника Кирилла Лемоха. Но образ возлюбленной Марии Юрковской преследовал несчастного моряка на каждом шагу. И он в чине лейтенанта снова ушёл в поход, и снова к японским берегам. Там сбылась его тайная страсть, ставшая расплатой за любовь, погубленную коварной красавицей... Не могли представить наперёд ни Гриценко, ни Володя Менделеев, что в недалёком будущем Машенька Юрковская станет театральной актрисой Марией Андреевой, будет любовницей извест-

ного предпринимателя и мецената Саввы Морозова, а затем окажется гражданской женой пролетарского писателя Максима Горького... В Нагасаки весной 1892 года Володя заключил брачный контракт с японкой Такой Худесимой, и она после отплытия мужа на родину родила дочь Фудзи... Володя скончается рано и неожиданно, так и не увидев своего единственного и нежданного ребёнка. А его учёный отец Дмитрий Менделеев ещё долго будет посылать большие деньги своей внучке на другой край света.

...В проёме двери показалась Любаша. Как же она красива и теперь недосягаема для него. Беременность ещё больше украшает её. Внутри Николая на миг вскипело клейкое чувство ревности, мелькнула желчная мысль: его не будет, а она останется, будет ходить по земле, смеяться и даже не вспомнит о нём... Кто-то другой добьётся её, чтобы обнимать и целовать...

Господи, почему ж ты так несправедлив?..

– Я принесла твой любимый апельсиновый сок. Лиза купила свежих фруктов.

– Спасибо, дорогая! Это потом... Сейчас я живу только тобой и нашей доченькой. Надеюсь, всё будет хорошо! – его голос не звучал, а истекал глухо, но спокойно и даже уверенно, словно он один, как провидец, знал сейчас, какая судьба ждёт его, жену и их будущего ребёнка.

...Потом мысли скатились в сторону. Он снова увидел себя маленьким. Конечно же, это происходит в далёком-далёком сибирском городке Кузнецке. Мама с отцом ведут его и старшего брата Шуру с Нагорья на Базарную площадь – там, в балагане, клоуны и фокусники, а на лотках кругом леденцы, петушки, конфетки в подушечку – обсыпанные сахарным песком и маком. То была весна 1862 года на святую Пасху, когда семья решила перебраться в Томск. Со Спасо-Преображенской и Богородице-Одигитриевской церковью лился умиротворяющий колокольный звон. Встречные кланялись родителям. Было много знакомых, которые христосовались, обнимались и целовались.

Шура важно вышагивал впереди, он нёс веточки багульника, облепленного бледно-голубыми цветочками-первоцветами. Никаша, как в семье звал сына отец, держал в руке крашеное яйцо. Красились яйца почти в каждом доме. Их варили в луковой шелухе.

– Христова кровушка с креста, – говорила мама.

Потом яйца протирали тряпочкой, смоченной в постном масле, отчего поверхность скорлупы отдавала солнечным блеском.

– Христос Воскресе, Николай Семёнович! Христос Воскресе, Анна Фоминична! – обращались к старшим Гриценко знакомые и незнакомые люди.

– Воистину Воскресе! – почти враз отвечали оба родителя.

Чету Гриценко в Кузнецке знал, наверное, каждый. Отец служил уездным врачом, давно носил 8-й гражданский чин коллежского асессора, и всё предвещало, что скоро ему быть надворным советником. Императорская Московская медико-хирургическая академия выпускала специалистов самой высокой в России подготовки. Гриценко хорошо разбирался в терапии и вообще в медицине. Мать в отличие от него работала только с женщинами, зато слыла лучшей профессиональной акушеркой не только в городе, но и в предместье. Анна Фоминична приехала в Кузнецк двадцатилетней девицей сразу после окончания Императорского Московского воспитательского дома – его знала вся Москва, это было самое крупное здание в Китай-городе. И молодая акушерка должна была по существующему тогда закону отработать на медицинском поприще не меньше шести лет. Поженились прибывшие в Кузнецк молодые врачи в феврале 1846 года. В браке родилось у них четверо детей, но в живых остались два мальчика.

Николай хоть и смутно, но всё-таки помнил, как однажды к их дому подъехала полуразбитая телега, в которую была запряжена низкорослая пегая лошадь. С телеги соскочил коротенький узкоглазый мужичонка в залатанном зипуне. Он втащил в дом большой берестяной туес, поставил его на пол и, глядя матери в широкие от удивления глаза, произнёс нараспев:

– Однако, Анна Фомисъна, подарка вам и большой благодарности! Бабу мою спасал хорошо! Ребятёнка зывой остался. Колькой звать буду. Вот, сподобьтесь... Не можете отказать...

И мужичонка принялся опрастывать объёмный туес.

– Чего ты, Степан! Придумал, какой-то подарок!.. – завозражала было мать.

Но Степан оказался человеком проворным и напористым. Он полез в туес и начал доставать содержимое, одновременно протягивая гостинцы матери.

– Тут маленько рыбка вяленый... Тряпица с мукой – сушёный корень кандыка, лепёшка выйдет сильно сладкий. Твои мальчишки рады будут...

Потом Степан вынул из туеса мешочек с орехами, а Шуре и Никаше протянул по две большущие кедровые шишки – пахучие и липкие от древесной смолы.

– Я вам, парнишки, бурундука живого привезу. На счастье, – и опять расплылся в улыбке.

Степан, не прощаясь, подцепил одним пальцем брошенный им у порога картуз и с чувством исполненного долга удалился к своему тарантасу. Старший брат сел на лавку выковыривать из шишки пахучие орешки, а Никаша забрался на кривоногий старинный стул и сквозь распахнутое окно смотрел, как чудной гость сел в повозку, трижды щепотью пальцев окрестил себя и весело крикнул лошаденке:

– Но-о, давай с Богом!

...Николай попытался повернуться на бок. Это ему наконец удалось. Он снова закрыл глаза. Так думалось и вспоминалось лучше.

То была их последняя зима в Кузнецке. На этот раз всё происходило на Рождество. У Шуры разболелось горло, мама уложила его в постель. Отец посадил Никашу в самодельные санки-розвальни и повёз к крепостной горе. В морозной синеве звучал непрерывный перезвон церковных колоколов.

Наохлились покрытые куржаком деревья. В инее всё: шали женщин, мужские овчинные отвороты, голубые сосульки на бородах и усах. У людей пунцовые лица. От самого подножия старой крепости и чуть не до церковной кирпичной ограды сотворена крутая снежная горка-катушка. Со всех сторон – гомон и крики, пронзительный визг девок и баб, заливиственный и беззлойный лай собак. Но, кажется, что всё это перекрывает гвалт кузнецкой детворы. Надо же: весь город собрался в одном маленьком пространстве.

Отец уселся на холодные дощечки санок, распахнув полы своего тулупчика. Усадил перед собой сына, приподнял ноги в чёрных катаных пимах и оттолкнулся от кромки слежалого снега. Они понеслись в какую-то пропасть. Напор встречного воздуха мешал дышать и не давал открыть глаза. Но Никаша прищурился, стараясь не упустить ни одного мгновения в этом незабываемом полёте. Ему казалось, что они мчатся не вниз, а, наоборот, вверх, будто бы их возок бе-

лой птицей воспарил к самому небу. И они вдвоём с огромной скоростью приближаются к крестам на золочёных куполах Спасо-Преображенского храма.

Сани вдруг занесло вправо, развернуло и швырнуло в глубокий снег. Отец, кряхтя, выкарабкался из сугроба, наклонился над Никашей растерянный, без шапки. На копне отцовых волос искрился крупчатый снег...

– Испугался, сынок? – спросил он, стряхивая с себя снежную пыль.

– Нет, я хочу ещё! – требовательно ответил Никаша.

МЕНТОНА. 6 декабря 1900 года

Люба шла резким, широким шагом, с холодными пустыми глазами, выпрямившись, словно истукан, лишённый каких-либо чувств. Более месяца назад она оказалась в чужом, ненавистном ей городе. Жизнь Коленьки неизбежно оборвется на этой нерусской земле, и для нее наступит бесконечная темнота и невыносимая печаль.

Она шла и шла, не зная, куда и зачем. Иногда Люба останавливалась от боли при неловком или резком движении тела. Тогда она прижималась плечом к прутьям металлической ограды или к каменной стене и вдруг остро чувствовала, как внутри её живота трепещется слабое живое существо. Она понимала, что скоро должно произойти самое ужасное событие: ребёнок появится без отца.

Только потом, через несколько месяцев, Люба поймёт, какое счастье оставил ей любимый человек. А сейчас она с одичалым взором стремилась к морю, к тому месту, где над водой недалеко от кирпичного маяка нависла каменная громадина, испещрённая ветрами и солнцем.

...Ментона утопала в зелени деревьев, кроны которых смыкались между собой на высоте пяти-семи метров. Среди олив, пальм и олеандров росли лимонные и апельсиновые деревья. Не зря этому, вообще-то заурядному городку придумали название лимоновой столицы Франции. В пике зимы здесь цвели розы и другие растения. Ментона была чиста, как рука младенца. Двух-, трёхэтажные дома под плоскими черепичными крышами сохраняли светлые цвета терракотовых и пастельных оттенков. Не выпячиваясь, но и не прячась от постороннего глаза, стояли миниатюрные особняки, сложенные из камня – всё из песчаника, ракушечника, известняка.

На улицах Ментоны разливались цвета самой природы прибрежного Средиземноморья – светло-коричневый, песочный, голубой, розовый и белый. Строгий французский стиль построек перемежался с игривым итальянским шармом. Над многими окнами устроены полотняные навесы от солнца. Но Люба не замечала прелестей чужого города. Она машинальным кивком головы отвечала на дружелюбные приветствия пожилых горожан, сидящих возле керамических горшков и деревянных кадок с комнатными пальмами, фикусами, юккой и цитрусовым.

Ментона – город, предназначенный для долгой и спокойной жизни здоровых людей. Но Люба знала: она приехала сюда умереть. Внутри неё клочкотал протест, несогласие с несправедливостью свершающегося. Поэтому так стремительно шла она в сторону моря, и одна-единственная фраза сопровождала её: «Пусть будет так, если это случилось со мной!»...

Неожиданно, словно птица, ударившаяся на лету о невидимую преграду, Люба резко остановилась. Глаза её расширились от удивления: она, как в дурном сне, неожиданно увидела своего Коленьку посередине палаты, он водил восковой рукой около столика с лекарствами, пытаясь на ощупь отыскать её пальцы...

Острый животный страх охватил женщину. Она круто развернулась, несколько секунд постояла, замерев в нелепой для сложившейся ситуации позе, потом кинулась назад – сначала скорым шагом, а через полминуты уже побежала в сторону четырёхэтажного санатория «Русский дом». На бегу Люба с ужасом думала, что не успеет застать мужа живым... В помещение, где в каждую щёлочку, в каждый промежуток затаённого пространства проник не только запах карболки, муравьиного альдегида, спирта и валериановых капель, но и где господствовал запах безнадежности и близкой беды, она вошла необыкновенно тихо и с опаской, ожидая увидеть самое трагическое. Николай уловил её присутствие.

– Ты здесь? Ты куда не уходила, милая? – с легким стоном спросил он.

– Нет, я отлучилась только на минуту.

– Прости!.. Я думал, что потерял тебя...

Николай тяжело вздохнул. И Любу ошеломил грудной хрип мужа, будто в больших кузнечных мехах появилась неожиданная рванина.

– Спи! Тебе надо отдыхать... Я куда больше не уйду...

- Да, ты права, – разомкнул губы муж.
– Хочешь пить?

Николай отрицательно пошевелил головой. Люба придвинула стул ближе к кровати мужа. Села. Взяла горячую кисть руки, на которой тускло отсвечивало обручальное кольцо, молча прислонила руку к боку своего живота. И там, словно ожидая этого прикосновения, живое существо откликнулось несколькими упорными толчками...

– Мариночка... Доченька моя! – слеза выступила в уголке глаза мужа. Не убирая пальцы от тугого живота жены, с надеждой в голосе он прошептал. – Теперь там моя жизнь...

– Наша общая! – почти по слогам ответила Люба.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. Май 1884 года

Он много раз смотрел издали на это монументальное трёхэтажное здание. С противоположной стороны реки – с парапета Английской набережной. Многократно проходил он мимо этого здания и здесь, по другому берегу Невы. Всегда, глядя на главный фасад, выполненный по проекту французского архитектора Жана-Батиста Валлена-Деламота, он любовался слаженной композицией, которая украшала вход в Академию: ризалит и портик из тосканских колонн несли на себе фронтон. Не раз приходил он сюда, чтобы обойти выставочные залы. Николай всегда чувствовал, как учащённо начинало биться сердце в грудной клетке. Теперь перед важной встречей оно у него трепетало и колотилось.

Императорская академия художеств размещалась лицом к Неве. Большая деревянная дверь, отделанная бронзовым литьём, выглядела воротами в храм. Вход в Академию венчала лаконичная надпись: «Свободным художествам. Лета 1763». Этими художествами были живопись, скульптура и архитектура. Солнце поднималось, рассеивая утренние облака. Николай поправил козырёк офицерской фуражки, стряхнул невидимую пыль с белоснежного морского мундира и с золотистых погон с тремя звёздами на одном просвете. Крепче прижал к телу зашнурованный планшет с несколькими десятками акварельных рисунков... Ещё раз представил, как через несколько минут войдёт в это величественное здание.

Сзади неожиданно раздался резкий голос:

– Почему стоим? Сюда надо входить без всякого страха!..

– А если есть страх?

– Тогда сии двери навсегда для вас закрыты!.. Господин лейтенант!

Николай обернулся: перед ним стоял почти такого же роста и возраста человек – скуластый, с большими диковатыми глазами на бледном лице, слабая бородка, жиденькие усы. Обветренное, опалённое разными солнцами мира лицо Гриценко тут же оживилось:

– Страху не испытываю. Есть только любопытство и доля риска.

– Риск – дело благородное. Кто не рискует, тот не пьёт шампанское... Я тоже когда-то рискнул... Четыре года назад. Было много шампанского, но оно уже давным-давно выпито...

Мимо, шаркая нечищенными туфлями, прошагал мужчина с начёсом густых черных волос, с плотной бородой и фигурно отделанной костяной тростью в руке. Проходя возле Гриценко, мужчина не сказал, а буркнул, очевидно, отнеся свои слова загадочному незнакомцу:

– Доброе утро, Лексаныч!

– Здравствуй, борода! – ответил Лексаныч вслед человеку цыганского вида. И уже обращаясь к Николаю и протягивая ему руку, представился:

– Михаил. По-польски «воробей», по-русски Врубель. Может быть, слышал?.. Свободный от всего мира художник. Кстати, коренной сибиряк, но немало помотавшийся по Российской империи...

Николай внимательно вглядывался в лицо собеседника. Он не только слышал имя этого человека, но и помнил необычные по исполнению его акварели с последней выставки студентов Академии – «Введение в храм» и «Пирующие римляне».

– Корабельный инженер Гриценко. Направляюсь на собеседование к господину Лагорио, ко Льву Феликсовичу. Окончил морское училище в Кронштадте. Неисповедимыми путями попал когда-то в столицу из Томска...

Врубель ухватил Гриценко за рукав:

– Чего ж ты так долго молчал, земляк? А я-то, поверь, сам родом из Омска!.. Пошли-ка в сторону... Поговорим пару минут.

...Они уже больше часа сидели на скамье, покрытой лепестками кем-то оставленных с вечера цветов. Врубель рассказывал, как он, состоявшийся юрист, поступал в Академию осенью восьмидесятого и сразу был зачислен в класс Павла Петровича Чистякова.

– Ты представляешь, какие мастера прошли через его руки? Два Василия – Поленов и Суриков. Эти уже вовсю светятся, неистребимые таланты! А Валька Серов – тот вообще забияка в искусстве! Ты погоди, я тебя сведу с ним... Точно, забияка... Он любого разбудит своими величавыми образами Духа! А вот прошёл волосатик мимо нас с тобой... Знал бы ты, кто это...

И Врубель показал кому-то, видимому только ему одному, мосластый кулак.

– Нет, ты давай! Если накипело внутри – гони! Не останавливайся! Потом вовек не наверстаешь... Во мне, скажу, задумок – полные закрома... А времени в жизни – в обрез. Кто бы хороший меня раньше к большому делу приобщил... Чувствую: распыляться стал. Из-за того горько, – и задумался, как-то странно, отрешённо. Даже показалось, что забыл про человека, с которым только что вёл доверительный разговор. Потом вроде спохватился, коротко выдохнул:

– Нда!..

– А меня в Томске к живописи приобщил Кошаров. Павел Васильевич... Выпускник Императорской академии.

– Неужто он? Это который в оные времена попал в класс Максима Воробьёва да брал уроки у Брюллова и Айвазовского? Надо ж... Про него тут до сих пор такое ходит... Значит, жив старина... – И глянул на Гриценко исподлобья испытывающим взглядом.

– Он меня и к странствиям приобщил. Моряком я через него стал.

– И с каким успехом Кошаров покоряет Сибирь? – Учит школяров рисованию и чертежному делу. Был в одно время рисовальщиком при экспедиции Петра Петровича Семёнова, много ходил по Тянь-Шаню. Запечатлял природу гор, быт местного населения... Пишет иконы...

– Нда... – подвел итог своим размышлениям Врубель.

– Побывал в таких переплетках, что сам удивлялся, как жив остался. Причём, тишайший человек. А каким ему ещё быть? – сам себя спросил Гриценко. – У нас в классе, бывало, гвалт, пыль до потолка. А он стоит и руками разводит перед нами, сопливыми гимназистами: «Ну, господа, господа!»... Встречался Павел Васильевич однажды с Достоевским. Считал это счастливым случаем.

– Фёдор Михайлович – мировое исключение.

Михаил неожиданно потерял интерес к разговору и, более того, к своему собеседнику. Ни-

колаю показалось, что внутри Врубеля что-то переключилось – он отстранённо и в то же время сосредоточенно уставился на тень, упавшую на землю от каменных сфинксов, поставленных недалеко от пристани... Смотрел и молчал. Как будто выискивал в очертании тени какое-то значение или смысл... А Николаю хотелось наиболее полно пересказать старые воспоминания Кошарова о встрече с великим писателем. О невероятном совпадении фактов. О том, как Кошаров в конце апреля пятьдесят седьмого приехал в Семипалатинск на встречу с Семёновым, но того на месте ещё не было. Глухой городишко только оживал после зимы. И вот как-то днём на улице внимание Кошарова привлёк низенький усталого вида прапорщик с необыкновенно острым взглядом. В тот же день на обеде у полковника Хоментовского Кошаров оказался за одним столом с офицером, которого встретил случайно на своем пути.

– Кто это? – спросил Кошаров сидящего возле него участника будущей экспедиции.

– Писатель Достоевский. Бывший каторжник. Из дворян. Сейчас служит в сибирском линейном седьмом батальоне. Три месяца назад привез из Кузнецка молодую супругу, – шепнул подвыпивший сосед, – женщина как женщина, а для него – всё.

Вскоре на этом же обеде Кошарова и Достоевского представили друг другу. У них был долгий разговор о жизни, о том о сём, потом состоялась ещё одна незапланированная встреча. Достоевский с упорным интересом пытался докопаться, какое чувство испытывает Кошаров в момент, когда пишет свои иконы.

...Врубель вышел из оцепенения и, словно прочитав мысли Гриценко, неожиданно произнёс:

– Тридцать первого января я был на похоронах Фёдора Михайловича. На Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры... В тот день как будто меня замуровали в Некрополе мастеров искусств...

Проговорил Врубель эти слова тихо и медленно, почти вразяжку, как молитву перед иконой, и опять замолк.

...Через год, когда Николая Гриценко зачислили в Академию вольноприходящим учеником к профессору Льву Лагорио, Врубеля там уже не было. Он, не доучившись до конца, подался в Киев делать церковные росписи в Кирилловском храме.

ПАРИЖ. 1887–1888 годы

В одну из последних встреч в Академии художеств Лагорио, неожиданно прервав деловой разговор, сказал:

– Жалко мне отрывать тебя от души. Но скажу честно: здесь ты перерос себя. Надо тебе, братец, в Париж. К Боголюбову. К Алексею Петровичу... Там он твой талант на ноги поставит, – Лев Феликсович снял очки, обнажив голубоватые глаза, не свойственные типичному итальянцу. Он знал, что в Морском ведомстве уже подготовлены документы на командировку Гриценко за казённый счёт в Париж к художнику-маринисту Боголюбову. Сам визировал рекомендательное письмо от имени Президента Академии Великого князя Владимира Александровича...

Таких слов Гриценко от мастера не ожидал. Ему всегда казалось, что Лагорио со своей великой высоты не может разглядеть полноту силы молодого художника. И вдруг такой крутой поворот... Николай надолго замер и, вглядываясь в находившегося перед ним человека, оценивал его, будто собирался писать с него портрет.

Перед Гриценко стоял шестидесятилетний старик, с молодых лет сохранивший большой зачёс теперь уже полуседых волос. Волосы откинута назад. Как пламя, небрежно наброшенный на правое плечо конец малинового шарфа. Горбинка носа выдаёт настоящего римлянина. Тёмные усы, длинная седая бородка. Цену себе такой человек знает, но, как говорится, никогда её не показывает. Вот он какой этот Лагорио! Николай сотни раз общался с ним и, оказывается, никогда не видел его настоящего лица.

...А через два месяца Гриценко был за границей и сидел перед знаменитейшим русским художником. Мастерская Боголюбова находилась в середине самой длинной парижской улицы Вижиар. Улица протяжённостью более четырёх километров проходила на месте древней римской дороги по левому берегу Сены, оставляя позади себя Люксембургский сад. Из просторного светлого помещения мастерской виднелись небольшие окна парижан и тянущиеся к небу верхушки крупнолиственных дубов...

Николай ловил каждое слово старого живописца, обласканного в своё время царским двором и уважаемого столичной знатью. Авторитет Боголюбова был весьма велик, а слово непрекаемо. Ни больше, ни меньше – внук самого

Александра Николаевича Радищева, писателя и мыслителя, наделавшего когда-то много шума в России. Родился Алексей Петрович от дочери Радищева Фёклы и от Петра Гавриловича Боголюбова. Потомок хоть и не пошёл лицом в деда, зато был седовлас, с крупным носом, высоким лбом и светло-голубыми, почти лазоревыми глазами. Густо росли седые усы и такая же белая борода с разлётом в обе стороны. Широкие коричневые брови с проседью, умные с лукавинкой глаза.

С особым любопытством вглядывался Николай в движения руки мастера, стоящего у мольберта. Всякий раз молодому художнику хотелось предугадать, где и как будет нанесён на полотно очередной мазок. И он радовался, как малое дитя, когда угадывал намерения своего учителя.

Бежали дни. Николай стал понимать, что великая русская школа академического классицизма с её канонами стала теснима устремлениями нового поколения художников. Он сравнивал живопись с русской поэзией и всё чаще приходил к выводу: после Жуковского, Сумарокова, Державина, Батюшкова народилось новое племя – Пушкин, Лермонтов, Фет, Некрасов, Плещеев... И в живописи то же самое: после Венецианова, Иванова, Левицкого, Рокотова, Брюллова выросла целая плеяда новых художников. Возьми, например, передвижников – романтики, чувственники. На смену античным мотивам у них пришло изображение настоящей живой природы и человека во всей его полной красоте.

Гриценко хорошо знал историю с «бунтом четырнадцати» в Академии художеств. 9 ноября шестьдесят третьего претенденты на золотую медаль отказались писать картины на сюжет скандинавской мифологии. Закоперщиком выступил один из лучших выпускников Иван Крамской. Он тогда первым отверг академическую тему «Пир бога Одина в Валгалле». Его поддержали другие сокурсники. Ребята не сдались перед напором академического начальства. А вскоре появились не только другие темы, но и стала меняться манера художественного письма, возникли новые живописные образы. И выставки. Передвижные выставки лучших художников стали устраиваться по разным городам России.

...В это время с разных концов Европы в Париж ехали десятки молодых и маститых художников. Почти все они собирались в одном ме-

сте – у известнейшего французского художника Кормона. Фернан-Анн Пьестр Кормон, автор, прославившийся своим «Каином», держал модную художественную мастерскую на Монмартре, в конце улицы Констанс. Кормон слыл человеком странного типа, в котором жил дух художника-реалиста.

На вид типичный француз пятидесяти с небольшим лет, лысоватый, с большими серыми глазами и длинным носом на красноватом лице. В Кормоне уживались два совершенно противоположных человека: аскет и человек с широкой душой, поглощающий вольную, почти сладострастную жизнь.

Алексей Петрович как-то за домашним чаем попросту, скорее по-дружески предложил Гриценко:

– Пользуйся, Коля, моментом. Походи-ка к месье Кормону, поглядишь... У него даровитый народ собирается, и сам он мастак большой – не на каждом углу тут такого сыщешь...

Вокруг эпатажного француза в мастерской почти всегда находилось не менее полутора – двух десятков художников, прибывших сюда словно на поклонение к своему избранному идолу. Всех потрясал необыкновенный стиль Кормона: превосходный рисунок, оригинальная трактовка тем. Но, пожалуй, никто из присутствующих не видел, как работает их учитель. У него была исключительная особенность: Кормон не терпел, а скорее всего, не мог писать при посторонних. Его знаменитыми словами были: «Надо работать наедине, чтобы не пропустить подсказку души! И поменьше слушаться других в искусстве!»

Гриценко улыбнулся, услышав впервые начало сказанной фразы, и сразу же согласился с мыслью об отношении к искусству. Так мог сказать только талантливый, удивительный и не зависимый ни от кого человек.

Россию, откуда прибыл Гриценко, Кормон знал смутно, если не сказать, плохо. Но о некоторых русских художниках отзывался с теплотой и уважением и ожидал от них многого. Высоко ценил он Валентина Серова и Константина Коровина. Помнил их лучшие картины. Горячо вспоминал Филиппа Малявина:

– Мастер красочных полотен. Насквозь пронизан ритмом цветowych пятен в контрасте со спокойно моделированными лицами. Такое, господа, можно уловить только незамутнённым глазом!..

ТРИЕСТ. ОКТЯБРЬ 1890 ГОДА

Художник Гриценко не мог подозревать, что император Александр III готовит своему наследнику цесаревичу именованный подарок – кругосветное путешествие на только что построенном полуброненосном фрегате «Память Азова».

В окружении государя разработали подробнейший маршрут и состав целой российской эскадры, которой предстояло совершить девяти-месячный круиз из Афин до берегов Японии. Намеченный путь пролегал по Средиземному морю, через Суэцкий канал в Индию, далее предполагались остановки в Коломбо, Сингапуре, Батавии (будущей Джакарте) и в Бангкоке. Для пополнения провизией, топливом и водой предусматривались остановки в Сайгоне и Гонконге...

О высочайшем решении Гриценко узнал в начале сентября. Он неохотно открыл дверь на требовательный перезвон. За порогом стоял молодой человек в чёрном костюме. Поздоровавшись по-русски, он протянул срочную депешу – конверт с голубым орлом под сургучной печатью. Оставшись один, Николай в крайнем смятении вскрыл поступившую почту. Художника срочно приглашали в русское посольство в Париже. Когда он там появился, ему сообщили, что по предложению Морского ведомства и с одобрения Его Величества рисовальщик Гриценко включен в состав кругосветной экспедиции. В назначенный день он должен быть в морском порту Триеста и в установленный час ступить на борт военного корабля.

Великой радости Николая не было предела: суждено сбыться его давней мечте – вольно объехать мир, увидеть всё своими глазами, пощупать руками и запечатлеть в картинах и рисунках. Гриценко и до этого уходил в плавания за тысячи миль от русских берегов, побывал под небом трёх океанов, но вот так... Не в качестве корабельного инженера, а свободным художником – это больше, чем мечта... Угрюмый секретарь посла по фамилии Радкевич блеснул колючими глазками:

– Вам, сударь, оказаны большая честь и доверие находиться в свите Его Высочества цесаревича Николая Александровича...

Радкевич церемонно закончил начатую фразу с твёрдым нажимом на каждое произносимое слово:

– Вам как доблестному морскому офицеру и талантливому молодому художнику... Наде-

юсь, ваша новая служба пойдёт на общую пользу и во имя нашего государя и Отечества!

Было заметно, что секретаря в эти минуты мучил совершенно другой, не относящийся к делу вопрос. И он, упёршись взглядом в глаза художника, коротко закончил:

– Господин Гриценко, в соседней комнате наши люди дадут вам все необходимые и исчерпывающие инструкции... Желаю самого наисчастливейшего похода!

Окрылённый разговором с «нашими людьми» Николай поспешил к себе в мастерскую. Надо срочно, но без лишней суеты начинать подготовку к путешествию длиной почти в год.

Мольберты, подрамники, два этюдника, палитры, краски – масло и акварели, кисти, льняное масло, английская сортовая бумага, несколько пеналов с карандашами и ещё множество вещей и предметов – всё это накапливалось в жилой комнате, расположенной под мансардой, где находилась мастерская художника. Даже несколько литров дистиллированной воды пришлось взять у знакомого аптекаря. Дома и в ближних вояжах никогда не стоял остро вопрос подбора масляных красок для работы. Там всё было заведомо ясно и, главное, под рукой. А тут такая дальняя и долгая дорога по неизвестным странам... В первую очередь Николай отложил побольше цинковых и свинцовых белил. Цинковые дают прочную связь с другими красками, устойчивы к свету, но в чистом виде высыхают не менее чем за пятнадцать суток. Свинцовые сохнут за шесть дней, зато темнеют на воздухе, плохо влияют на ультрамарин, кадмиевые и хромовые краски. Потом взялся за синий кобальт и ультрамарин, за краски синих и голубых оттенков, за весь набор зелёных красок: кобальт, изумрудную и малахитовую зелень, кадмий, киноварь, зелёную землю. Дошёл до марса и фиолетового кобальта. Оценив полный спектр необходимых цветов, закончил чёрными красками. Больше всего любил Гриценко слоновою, а за ней жжёную кость, только жалко: они сохнут дольше других. Поэтому для этюдов взял виноградную чёрную, которую чаще всего брал с собой в дальние дороги. С акварельными красками намного проще...

...Николай после окончания училища, будучи корабельным инженером, успел побывать почти в десятке морей. Он уже не помнил, сколько раз сходил на чужой берег, где люди говорили на других, непонятных языках. И всё-таки он никогда не забудет своего самого первого в жизни

водного путешествия из сибирского городка Кузнецка вниз по Томи.

Два тёплых дня тянулось плавание до губернского центра. Речная тёмная гладь, взъерошенная маленькими волнами, привораживала и манила к себе шестилетнего мальчика. Он часами, как заколдованный, смотрел на вспененные барашки, которые непрерывным следом тянулись за белым с голубыми линиями пароходом. С плеском и неистовым шумом колотились о воду железные плиты пароходных колёс. Цепко ударяясь о поверхность водного потока, они тут же отталкивались от него.

Вместе с отцом Николаша спускался в мрачный и сырой трюм парохода. Там при свете горящих вполнакала электрических лампочек они вдвоём шли мимо пузатых мешков и ребристых ящиков. Рядами стояли деревянные и металлические бочки, лежали тюки, покрытые рогожей и парусиной. А где-то за перегородкой скрыто от глаз с глухим стуком, как сердце в груди человека, работала паровая машина. Это она тащила по воде бело-голубую громадину с людьми и грузом.

У Николаши больше никогда в жизни не возникало благостное чувство, появлявшееся в те минуты на томском пароходе, название которого он не знал и никогда уже не узнает... Но после того события все его помыслы и сны были связаны только с водой и с путешествиями. Его стал манить не просто водный простор, а тянула к себе вся водная стихия с тайнами необъятных бушующих морей и океанов. Чудно это, конечно, для мальчишки, выросшего на суше, вдали от больших песчаных и скалистых берегов, далеко от штормов и света маяка в глухой туманной ночи.

Но и это ещё не всё. Николаше уже тогда, двадцать восемь лет назад, захотелось увиденное в жизни перенести на бумагу или даже на полотно. Точно так же, как сумели люди перенести Божий лик на икону...

До Триеста Гриценко добирался поездом через Швейцарию и Италию. Боялся опоздать к отплытию. Сюда же в Триест из Вены должен прибыть цесаревич с сопровождающими его людьми. На железнодорожном вокзале Николай взял заказной мотор – четырёхколесный экипаж, последнее совместное творение немецких изобретателей Даймлера и Майбаха. Он ещё в Париже наотрез отказался от того, чтобы кто-то сопровождал его до Триеста, поскольку давно привык к одиноким и малокомфортным путешествиям.

...В здании морского вокзала было шумно. На широких скамьях сидели отплывающие. Среди пассажиров выделялись молодцеватые морские офицеры в белоснежных фуражках с чёрными, словно нагуталиненными, козырьками. Мужчины в штатском – в шляпах и без головных уборов, в крахмаленных сорочках со стоячими воротничками и цветными галстуками из тяжёлых шелковых тканей. Сновали адъютанты, лакеи, носильщики, почтовые курьеры, продавцы цветов и прочий люд, обязательный на таких вокзалах в минуты близкого отхода большого корабля.

Николая заранее предупредили, что весь его багаж на судно перенесут матросы с «Азова». Он понимал: оно и не могло быть иначе – на военный корабль, более того, на предназначенный для путешествия царской особы, не должна просочиться ни одна мышь, а не только случайный человек из толпы.

В помещении вокзала Николай сразу же приметил знакомое по фотографиям лицо учёного Дмитрия Менделеева, профессора Санкт-Петербургского университета. Учёный, то и дело вытирая со лба испарину, стоял подле чернявого мичмана. Мичмана Менделеев называл то сыном, то Володенькой. Молодой офицер, обескураженный назойливой опекой отца, пытался подняться со скамьи, при этом виновато и вопрошающе смотрел на Гриценко, как бы говоря: «Вот видите, господин!». Но знаменитый учёный продолжал своё:

– Я, сынок, последний раз говорю, каких трудов мне составило определить тебя в экипаж «Азова». Это же великая честь для всех нас, а для меня особая гордость. Не подведи нашу фамилию, Володенька!

Молодой Менделеев, видать, был недавним выпускником Кронштадтского училища, того самого, что когда-то окончил Гриценко. Мичман по минутно одёргивал полы кителя, на котором блестящие новехонькие офицерские погоны с одной звездой на просвете. Наконец утомлённый своими наставлениями, Менделеев-старший сел рядом с сыном, устало пригладил на затылке скат длиннющих тёмных с проседью волос.

– Служи, Володенька, с доблестью! Государю и Отечеству! Это наш семейный долг!

– Папа, вы слышали колокол? Уже объявили посадку.

– Это не нам, – отпарировал ученый отец, – у ближнего причала стоит корабль, направляющийся в американские штаты. «Уайт Стар».

Крейсер Балтийского флота «Память Азова» пришвартовался в порту с небольшим опозданием. Австрийский порт Триест расположился на берегу глубоководной части Триестского залива, входящего в акваторию Венецианского залива на севере Адриатического моря. Здесь нескончаемой цепью протянулись причалы для крупных военных кораблей – крейсеров и фрегатов, для пассажирских пароходов, а также для шхун, яхт, корветов, шлюпов, бригов и прочей разномастной мелкоты. Пахло морем. Солёный бриз наполнял грудь радостью, предчувствием какого-то большого свершения.

К Николаю подошли двое в штатском.

– Господин Гриценко? Николай Николаевич? – спросил тихим заговорщическим тоном мужчина с лицом, глубоко изрытым оспой.

– Рад встретиться! Ваш багаж в целостности и сохранности будет доставлен по назначению. Будьте любезны дать талоны из багажного зала и идёмте с нами. Мы вас проводим к трапу корабля...

Красавец фрегат стоял в тихой воде у причала. У него был щегольской вид. Сияли носовые украшения с позолотой – всё выполнено под личным руководством Алексея Петровича Боголюбова: орден святого Георгия в обрамлении георгиевских лент с бантами, императорская корона, лавровый венок и пальмовые ветви. И как бы над всем этим – и над кораблём, и над гаванью развевался российский Андреевский флаг – белое полотнище с голубым диагональным крестом святого Андрея Первозванного.

Пассажиры медленно поднимались по трапу. Немного в стороне с помощью кран-балок устанавливался парадный трап, по которому на корабль должен был взойти сам цесаревич и сопровождающие его особы.

С улыбкой и любопытством поглядывали на своих новых пассажиров сгрудившиеся у правого борта офицеры и матросы «Азова». Гриценко знал, что в гвардейских экипажах таких кораблей служат только матросы первой статьи – те, кто прослужил на флоте не менее одного года. А офицеры, безусловно, здесь все на подбор – люди проверенные и имеющие отличные репутации и рекомендации.

АРАВИЙСКОЕ МОРЕ. 6 декабря 1890 ГОДА

После краткого молебна в корабельной часовне по случаю дня святого Николая Чудотворца путешественники направились в командир-

ский салон, оборудованный под праздничное застолье. Если точнее, то это был не салон, а адмиральский зал, предназначение которого определилось ещё при строительстве фрегата. В сверкающем люстрами зале собрался расширенный состав приглашённых гостей. Вместе с капитаном Ломеном на этот раз пришел весь офицерский состав экипажа – человек тридцать, за исключением тех, кто стоял на вахте.

Зал был отделан красным полированным деревом. На стенах выше спинок диванов висели овальные зеркала в бронзовых рамах. Массивные стулья обиты золотистым тиком и украшены затейливым орнаментом.

Николай подсел к мичману Менделееву, с которым познакомился в самом начале пути. Их объединяло не только то, что оба окончили одно и то же Кронштадтское училище. Николай, правда, стал корабельным инженером на восемь лет раньше Менделеева. Но разница в возрасте никак не сказывалась на их отношениях. Друг в друге они уловили родственный душевный уклад, сентиментальность, романтические устремления и тягу к путешествиям.

Володя родился в 1865 году и был старшим сыном в браке Дмитрия Ивановича с Феозвой Лещевой. От этого же брака родилась его сестра Ольга. А после того, как отец женился на Анне Поповой, у него появились ещё два брата и две сестры. Володя имел неумный, а порой и необузданный характер, был говорлив, необыкновенно влюбчив. К тому же Менделеев оказался небывалым выдумщиком и фантазёром. Но, несмотря на молодость, имел светлую голову и отлично знал своё моряцкое дело. Работа паровых котлов, системы снабжения водой, теплом, электричеством и связью – всё это на корабле работало в его вахту безупречно. И еще Володя был страстным фотографом. В его кофрах хранились сотни фотографических пластин из стекла. Многие негативы он уже успел проявить. И Николай с любопытством рассматривал на свет обратное чёрно-белое изображение мест, где пассажиры с «Памяти Азова» позировали на фоне экзотической природы.

– Вон ты, – ногтем указательного пальца показывал Володя на белую фигурку. – А это Его Высочество садится в лодку...

Николай вспомнил, как несколько человек из свиты плавали вверх по Нилу, взбирались на полуразрушенные пирамиды и привезли с собой крокодила, убитого ради удовольствия.

– Ну, а здесь наше величество, – раскрывал улыбочивый рот Менделеев. – Это ты меня уговорил сесть на верблюда. Ишь, как ухватился за горб!..

В одну из бесед Менделеев рассказал, что после окончания училища он успел более полутора лет прослужить на флоте. Служба складывалась хорошо, если бы всё не закончилось почти трагически.

– Авария? – участливо спросил Николай.

– Безответная... Точнее: подлая любовь, – сказал Менделеев и замолчал.

А дня через два Володя сам рассказал о пережитой драме.

– Мы безумно любили друг друга, – тихо начал Менделеев.— Это была необыкновенная девушка. Я даже не говорю о её красоте. Ослепительно-яркая артистичная личность... Я ухаживал в плавание на Восток. Мы собирались жениться... И она дала слово верности... Обещала, что после моего возвращения у нас состоится помолвка... А когда я вернулся, оказалось: моя необыкновенная девушка вышла замуж за другого...

Я думал, что сойду с ума или покончу с собой... Спасибо папе, он поддержал меня и приложил невероятные усилия, чтобы я попал в этот экипаж... Я, понимаешь, только теперь возвращаюсь к жизни.

– И кто она? – как бы мимоходом спросил Николай.

– Ах, Маша, Маша! Мария Фёдоровна Юрковская... Разве тебе это о чём-то говорит! Теперь это верная супруга крупного чиновника старичка Андрея Желябужского. Даже имеется у них сын Юра.

...За долгое время плавания все члены высокой экспедиции сумели сдружиться, несмотря на разницу в возрасте и положении. У каждого на корабле были свои дела и обязанности. Только один человек – цесаревич мог позволить себе в любой час дня и ночи делать то, что ему заблагорассудится. Однако он не злоупотреблял своим положением. Никого не поучал, не лез туда, где в нём не нуждались и где он мало чего понимал. Цесаревич исправно поддерживал начинания руководителя путешествия генерал-майора свиты князя Барятинского Владимира Анатольевича и послушно относился к словам контр-адмирала Басаргина, главного по части военной безопасности экспедиции. Эти почтенные и высокие люди почти всем остальным

в свите годились в отцы. Барятинскому стукнуло сорок восемь, а Басаргину и вовсе перевалило за шестьдесят – уж точно: этот поход был последним в его жизни.

Из всех самым молодым оказался троюродный брат цесаревича Георг. Он был вторым сыном греческого короля Георга I и Великой княжны Ольги Александровны и соответственно приходился правнуком императору Николаю I. Круглолицый молодой человек с короткой стрижкой имел внушительную комплекцию, выглядел весьма импозантно и мог изъясняться на пяти языках. После учебы в Дании прожил больше года в России и к началу путешествия имел чин лейтенанта российского морского флота. Цесаревич Николай Александрович оказался на год старше своего кузена – ему шёл двадцать третий. Остальным же кроме доктора фон Рамбаха было от тридцати до сорока. Так что жизненные интересы у всех членов свиты оказались весьма близкими, хотя предназначение каждого из них на фрегате носило сугубо индивидуальный характер. К примеру, штаб-ротмистр Евгений Николаевич Волков состоял при цесаревиче телохранителем. Лучшим и постоянным собеседником наследника был князь Ухтомский со странным именем и отчеством: Эспер Эсперович. Он проявил себя знатоком истории народов и религий мира, писал стихи, имел множество публикаций. На Ухтомского возлагалась ответственность за описательскую часть экспедиции. Флигель-адъютант генерал-майор свиты князь Николай Дмитриевич Оболенский, здоровяк лет тридцати, состоял у цесаревича в порученцах. Того же возраста был и адъютант Его Высочества князь Виктор Сергеевич Кочубей. Доктор Рамбах, весёлый и ясноглазый, отвратительно говоривший по-французски, почти безвылазно колдовал в своём кабинете. При свите состоял также этнограф, по совместительству художник и писатель Николай Каразин, человек серьёзный, замкнутый, но весьма просвещённый и трудолюбивый.

Всё свободное от работы время Гриценко проводил на открытом воздухе. Во-первых, ему нравилось смотреть на моряков и корабельную суету, в которой он на этот раз оказался посторонним наблюдателем. Во-вторых, вид моря, причём нового южного моря, открывал перед ним не только ежедневно, но и в течение всего дня всё более новые, неведомые раньше краски. Сочетание, слияние, глубина и свежесть этих красок будоражили душу в общем-то моло-

дого, но уже поднаторевшего художника-мариниста.

Наполненный впечатлениями Николай спустился по трапу вниз, запирался в каюте и, если не было большой качки, разводил акварели.

И вот синее до зелени южное небо появлялось на листе бумаги. Художник временами вскакивал со своего места и всматривался в появляющиеся за иллюминатором очертания берегов и кораблей или просто горизонта – так ли оно на самом деле? Не напридумывал ли всякой отсебятины? Гриценко знал: из-под его кисти должна выходить только правда.

Гриценко в былой жизни повезло. Правдивому искусству Николая учили большие художники. Каждого из них он ценил и любил по-своему. И было за что. Лагорио преподавал Николаю академический курс морского пейзажа и баталики. Кое-кто из сокурсников-вольнотрусов в Академии побаивался строгого учителя. Но Гриценко не выглядел робким юнцом или, наоборот, выскочкой. Отплавал в офицерском чине больше пяти лет. И не на каких-нибудь замухрышных судёнышках, а на боевых и современных кораблях «Крейсер», «Стрелок» и «Владимир Мономах». Море знал как свои пять пальцев.

– Ты ко мне не военному делу пришёл учиться. И не композиции и перспективе, – так и говорил Лагорио на старинный лад: «перспективе». – Ты, дорогой мой, пришёл правильно волну да на ней кораблик, как надо, показать. И как волна в себя солнце и месяц ночной принимает... Писать надо так, чтоб полотно живым гляделось. Как у самого Айвазовского... Теперь понял, почему твое ремесло живописью называется?

Полон неведомых внутренних тайн и сил был этот человек. Вышел не из простого народа, а из семьи неаполитанского консула в Феодосии. Там же судьба свела его с Айвазовским, у которого он потом начал учиться и около которого добился своих первых творческих успехов.

А Боголюбов, Кормон, талантливые друзья-товарищи, чьи советы и подсказки не раз выручали? И, наконец, его самый первый наставник, что остался в далёкой Сибири, учитель рисования и черчения Томской классической гимназии Павел Михайлович Кошаров. Николай с ностальгией вспомнил высокие классные комнаты своего учебного заведения, открытого в 1838 году в бывшем доме купчихи Хлебниковой. Запомнилось место, где возвышался тот дом – на углу улицы Миллионной и Приюто-Духовного переул-

ка. Учитель Кошаров – столичный человек, выпускник Императорской академии художеств, учился у знаменитейших художников своего времени. Но не погнался за большими городами и хорошими деньгами. Своё богатство и счастье нашёл в холодной Сибири, куда в 1854 году приехал по приглашению высшего начальства Томской губернии. Он-то, заметный в городе человек, углядел в Коле Гриценко жаждущую душу художника и путешественника. Это он оценил заложенный Богом талант. Как будто знал опытный художник и бывалый путешественник Кошаров будущее своего подопечного, сказав ему однажды в классе пророческие слова:

– Настанет час – иди и учись у Лагорио!

БЕНГАЛЬСКИЙ ЗАЛИВ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА. 8 февраля 1891 года

Ему не спалось, хотя не было той духоты, как в прошедшую ночь. В иллюминатор с откинутым стеклом проникал свежий, чуть-чуть сырой поток воздуха. В каюте около двери висел ночник. Николай поднялся, посмотрел через круглый проём корабельного окошка. В ночной мгле лежал слабый отсвет южных звёзд, ни дальних огоньков на суше, ни пульсирующего света случайного маяка. Значит, земля где-то далеко и под фрегатом несчётное число футов до дна.

Николай натянул на себя морскую тельняшку, английские бриджи песчаного цвета и поднялся на верхнюю палубу. Вахтенные офицеры знали причуды художника. Каждый из них был осведомлён, что этот чудак не просто живописец, приближенный к Его Высочеству, но для них, флотских офицеров, свой в доску человек, прошедший службу на лучших боевых кораблях России и знающий суда до мельчайших деталей. Да, и, пожалуй, все члены большого, почти полутысячного экипажа «Азова» уже знали о прошлом Николая Гриценко. Он знал даже особое расположение к себе со стороны Его Высочества ...

Дул лёгкий береговой бриз. Здесь он почти таял, так как до суши было более пятидесяти миль. Океан укутала ночная южная полумгла.

– Тоскуем, Николая? – спросил неизвестно откуда появившийся наследник.

– Боже упаси, Ваше Высочество! Большой грех – пребывать в тоске. Я пытаюсь уловить чудные мгновения морской жизни. Такие минуты должны заполнять человеческую ветхость, особенно, если ты живописец...

В лунном свете широкие глаза цесаревича ещё больше округлились. Он тоже уставился в ночной простор океана. Гриценко вскинул взгляд искоса: Наследник был вершка на два ниже ростом, хотя при осанке с сильным телом и крепкой костью, что шло от отца императора Александра Александровича, по виду он выглядел несколько выше. Неожиданно цесаревич произнёс, как будто обратился не к собеседнику, а к водной пучине:

– Мне однажды пришлось иметь частную беседу с одним известным английским астрономом, назовём его инкогнито. Такой благообразный старичок лет пятидесяти... Я спросил учёного человека, что он видел интересного на небе за свою жизнь, не случилось ли видеть самого Бога... Тот долго собирался с мыслями, молчал, даже глянул в мои глаза. Я подумал, что мой собеседник не понял заданного ему вопроса. Но он ответил: «Бог всегда во мне, поэтому я при всём желании не могу его видеть. А там, на небесах среди звёзд и планет, поверьте, намного интереснее, чем здесь, на земле под ногами... Зря мы мало смотрим вверх себя... А только под ноги...» Выходит, что любое ремесло чудным образом опутывает человека, если будешь иметь к нему любовь.

Гриценко увидел, как возле передней дымовой трубы мелькнула тень штаб-ротмистра Волкова. Телохранитель вполголоса кашлянул, дав знать, что находится вблизи Его Высочества...

Облако, размытое ветром, приблизилось к кромке луны, вскоре закрыло всю светящуюся поверхность.

– Ладно, я пойду... – задумчиво заключил Цесаревич, – стал уставать от моря. Наверно, это не моя стихия, хотя... – и царственно, и в то же время по-дружески похлопал Гриценко по плечу.

...В другой раз вахтенным офицером на верхней палубе оказался Володя Менделеев. В пляшущем фонарном свете он сразу узнал тёмную вытянутую фигуру Гриценко.

– Опять не спится, Николай Николаевич?

– Старая привычка. Просыпаюсь вскоре после полуночи. Читал где-то: в это время происходит парад планет, в мире совершается какой-то загадочный перелом. А я люблю всякие ожидания, – и мечтательно добавил. – Гитарку б сейчас в руки да на заливной лужок...

Менделеев потёр кулаком утомлённые от бессонницы глаза:

– Тут тоже красотища необыкновенная. Вон: чей-то парусник под огнями... Как будто в дрейфе...

Николай повернул голову в сторону, куда кивком головы показал мичман. В смутной мгле на фоне тёмно-синего неба проступали размытые контуры чужого корабля. На нём слабо светились судовые огни – мачтовый и палубный.

– Надо бы не забыть, утром сделаю набросок.

Он уже твердо пришёл к решению написать большое полотно, на котором покажет в ночи такое же мачтовое судно. И обязательно ночь с лунной в разрыве грозных облаков...

С «Азова» раздался приветственный гудок. Парусник не отвечая медленно удалялся, теряя свои прежние очертания. Только сиреневатую мглу буравил ещё зеленоватый свет над кормой на уровне бизани и яркой точкой продолжал светить оранжевый судовой огонь где-то на носовой мачте между фор-марселем и фоком. На исчезающем корабле тоже, наверное, находятся люди и тоже, может быть, сейчас рассматривают издали случайно встретившуюся на своём пути плывущую громадину. Кто на том корабле: пираты или просто служивые люди? А, может, это настоящий летучий голландец?

– Дикие места. И люди здесь дикие. Нам их не понять. Вчера сам видел: наискось нашему курсу шло карантинное судно... Вместо сигнального флага на правом ноке нижнего рея висела потрёпанная жёлтая тряпка, определенно не из флагдука... Ни одной живой души на палубе, а может быть, и в трюмах... Одним словом, корабль мертвецов. Чума или оспа скитается по морям...

– Как служба, Володя? – осторожно перебивая товарища, спросил Николай. Ему за всю его морскую жизнь надоели всякие страсти-мордасти. А Володе ещё в новинку.

– В пределах морского устава, – уклончиво усмехнулся Менделеев.

– Верю, что трудно... Зато терпенье перерёт всякое хотенье...

– Не в хотенье вопрос... Дойдём до Японии – женюсь. Клин клином вышибают. У японцев это просто: захотел – и бери жену по контракту. Там наша целая колония устроилась, морячки русские. Посчитай: у каждого по такой жене.

Николай к словам Менделеева отнёсся внимательно и с сочувствием. Только люди с большой волей могут без надлома перенести драма-

тическую разлуку с любимой женщиной. Володя, как видно, начал сдавать.

Слева по курсу «Азова» небо начало наливать слабым румянцем. В густой тишине ударили склянки.

– Четыре часа, Николай Николаевич! Отдыхайте на здоровье! С рассветом, пожалуй, увидим берега Авы, а дальше пойдёт Сиам.

– И то верно, – ответил Николай, запрокинув голову в светлеющее небо. – Давно я не видел красивых снов...

ВОСТОЧНОЕ МОРЕ. 19 марта 1891 года

В каюте Николай делал в основном карандашные наброски, разводил акварели, но работать с масляными красками не мог – не хватало света и простора и, главное, не хватало природы, то есть того, что бы он мог взять от природы, впитать в себя и перенести на холст.

Когда не было большой качки, он брал с собой всё самое необходимое для работы и выходил из каюты на свою палубу. Потом поднимался по трапу вверх. Шёл вдоль фальшборта верхней палубы, часто останавливался. Охватывал ладонью свободной руки леер, проложенный вдоль борта. И дышал, дышал. Не воздухом, а силой живой воды океана. В такие минуты Николай не знал на свете никакого другого наслаждения...

Потом, минуя несколько маршей пологой лестницы, поднимался ещё выше. Рядом находилась деревянная рубка командира корабля и штурманского офицера. Николай осторожно проходил между передней дымовой трубой и вентиляторными кожухами. Здесь, как и на шканцах, шкафуте, юте и на всех мостиках, от жары, дождя и мелкой дымовой сажи по приказу капитана корабля Николая Николаевича Ломена были установлены брезентовые тенты.

Гриценко хорошо переносил все виды корабельной качки – бортовую, килевую и вертикальную. Последнюю он не считал даже за качку, но не любил её больше других – казалось, что море придумало издевательскую насмешку над человеком, пытаясь подбросить его неуправляемое тело, как лёгкий резиновый мяч.

Николай в сотый, а может быть, в тысячный раз укладывал в голове сюжет и композицию своей будущей картины. Долгое время не выходило из ума задуманное полотно. Николай закрывал глаза и воочию видел в большой раме силуэты двух кораблей. На переднем плане дол-

жен быть его любимый парусник, на котором он начинал свою флотскую службу. А где-то вдали будет силуэт современного броненосца. Конечно же, силуэт фрегата «Память Азова», на его борту Николай стоит в эту минуту.

Становилась почти видимой взаимосвязь цветов, ещё не положенных на холст. Там будет основной, естественно, синий цвет, который должен вызывать игру, гармонизацию нюансов жёлтого, зелёного и даже красного цвета. У каждого цвета будет своя смысловая нагрузка, а всё в целом должно в высшей степени воздействовать на глаз зрителя.

В голове художника калейдоскопом мелькала палитра всех отобранных цветов и красок. Николай уже начинал отыскивать удельный вес каждого из них, находил оттенки других цветов и определял их светосилу...

Почти каждую ночь, когда в каюте становилось особенно душно, Николай поднимался на облюбованное им место на фрегате. Иногда налетали рваные сизые облака. За ними вскоре появлялась луна, круглая и плоская, как лицо туземного идола.

ЯПОНИЯ. Апрель – май 1891 года

К вечеру 26 апреля эскадра во главе с флагманским кораблем «Память Азова» шла анфиладой по курсу прямо на север. Шесть кораблей под началом вице-адмирала Павла Николаевича Назимова сопровождали высочайшую миссию. В арьергарде эскадру замыкал быстроходный клипер «Джигит».

Издредка в небе появлялось несколько остроклювых альбатросов. Они медленно совершали круги над цепочкой кораблей и уходили на свой промысел. Большое багровое солнце медленно тонуло за горизонтом. На небе не было ни единого облачка. Завтрашний день сулил быть радостным.

Николай стоял на полубаке. Шагах в десяти от него матросы возились с двумя слонятами. Рядом в большой клетке прижалась к полу чёрная пантера. В подвешенных клетушках дрались меж собой диковинные заморские птицы. Все это были дары хлебосольного индийского магарджи Бенаресского и щедрого сиамского короля Рамы V Чулалонгкорна. Бывший корабельный инженер Николай Гриценко чувствовал, что ход «Азова» к концу многомильного круиза заметно убавился и не превышает двенадцать узлов вместо установленных шестнадцати – дни-

ще корабля успело нацеплять в тёплых водах несколько тонн ракушек.

С восходом солнца можно было разглядеть зелёные вершины далёких прибрежных гор. Пассажиры и экипаж «Азова» готовились к долгожданной высадке на японском берегу. Над водой установилась безветренная тишина. На этот раз вслед за кораблями разрозненными стайками тянулось множество чаек, ожидающих от каравана хорошего угощения, которое обычно выбрасывается за борт в виде остатков пищи или непригодных продуктов.

Еще позавчера «Азов» находился в китайском Нанкине. Путешественники почти целые сутки знакомились с этим приморским городом. Но за многие месяцы пребывания на воде люди соскучились по земной тверди, где не преследовала бы бесконечная качка и не было ожидания очередного шторма.

...Около полудня крейсер «Память Азова» под поднятым на стеньге корабля брейт-вымпелом цесаревича бросил якорь на рейде в порту города Нагасаки. Николай Гриценко впервые близко увидел побережье Страны восходящего солнца. Вдали каскадом поднимались горы, ближе к берегу, будто уместившись на уступах, разместились каменные домики с узкими окнами и двухскатными крышами. Все, кому было положено и разрешено, сходили по трапу без видимой спешки, но относительно быстро – уж так хотелось попасть на сушу! Город произвёл благоприятное впечатление. Поражало обилие зелени, цветов и цветущих деревьев. На конец апреля – начало мая здесь приходился сезон цветения сакуры, который обычно длится не более десяти дней.

– Как долго пробудем на берегу? – спросил Николая Менделеев. – Что говорят в высоких кругах?

– В кругах говорят: долго. Придётся побывать в Кагосиме, в Кобе. Потом направимся в Киото и Оцу. У Цесаревича намечена встреча с императорской семьёй, а мы поглазеим на наших восточных соседей...

Стоял тёплый, почти жаркий день, но дыхание моря было сильнее палящих лучей солнца. Кое-где тянулись в небо стволы остролистого дуба, блеском листвы выделялся кастанопсис – вечнозелёный каштанник семейства буковых, раскидисто выступали из тени кусты камелии и японской магнолии. За постройками живой оградой тянулись древовидные папоротники.

А выше неровными ярусами возвышалась щетиная цепь сосны.

– Ты представлял такую красоту? – допытывался Володя, устанавливая штатив фотоаппарата у перекрестка двух узких дорог. – Жалко, что не придумана фотография в цвете. Зато тебя здесь ждёт много работы, господин кавалерист... Прости, акварелист!

У ближней стороны дороги цвели бело-розово-красные азалии, рядом с ними стояли две беседки, оплетённые фиолетовыми гроздьями глициний. С другой стороны – поражало буйство ирисов и пламя ярких камелий. Первое впечатление: люди попали в страну, где смешались тысячи живых невиданных красок...

Многие японцы понимали речь приезжих иностранцев, а кое-кто даже пытался вступать в разговор. Рикши, встретившиеся по пути, сразу же уловили, куда надо попасть путешественникам из России.

– Ито Инасакура! – заулыбался тощий, как после продолжительной желтухи, японец в тапочках. – Луська делевиня!..

– Правильно, мужики! Русская деревня, – подтвердил Менделеев. – Весьма похвально!

Гости знали, что ещё в семидесятые годы здесь проживало несколько сотен русских моряков – офицеры и простые матросы. Их фрегат «Аскольд» при шторме потерпел крушение в японских водах. Кто-то вернулся в Россию сразу, другие – прожив в Японии два-три года, многие остались навсегда. Здесь появились русско-японские семьи, в них родились дети-метисы, и вскоре возникло отдельное русское кладбище, названное военным. Почти каждый российский моряк завёл свою семью. Благо, по японским законам для этого требовалось лишь подписать маленькую бумажку, и брачный контракт на этом считался заключённым. Любая японка по взаимному согласию могла стать легальной женой иностранца, зато муж обязан был содержать её и детей, рождённых в браке. В контрактные жёны, как правило, попадали самые красивые девушки из бедных семей – это был, как не жаль, единственный способ их выживания.

...Японская кухня оказалась хуже китайской, то есть той, что совсем недавно пришлось отведать в Нанкине. Здесь предлагали «киссатэн» – чай, кофе горячий и со льдом, варёный рис в чашке, рисовый плов непонятно с чем, скорее всего со смесью мяса и рыбы, и пережаренные до черноты пельмени «гедза». Правда, чтобы

сбить первое впечатление от непривычной кулинарии, можно было заказать «нихонсю» – настоящее японское саке. Тут допускалось сидеть сколько угодно и разрешалось, не спеша, курить, читать газеты или играть в шахматы.

Зато в Японии было намного чище, если не считать одного нюанса. Русских путешественников всюду преследовали страшные на вид, но, к счастью, не опасные для жизни тараканы. Хозяин недорогой забегаловки, увидев брезгливое лицо молодого русского мичмана, растянул пухлые губы и оголил несколько десятков жемчужных зубов.

– Ницива! Саталаху ни баитися! – что в переводе на чисто русский язык, видимо, значило: «Ничего, страху не бойтесь!»

Николая поражала удивительная способность Менделеева входить в диалог с любым японцем – будто он давно знал их язык. Потом выяснилось, что Володя на самом деле пытался когда-то познать иероглифы и их произношение по самодельному русско-японскому разговорнику. И вообще он к японскому образу жизни имел заметную слабину.

После того, как на «Азове» отпраздновали Святую Пасху, фрегат, сопровождаемый кораблями Российского Тихоокеанского флота, направился в Кобе. Из этого портового города вся свита по суше добралась сначала до Киото, потом до Оцу. Столица Японии в эти дни утопала в светло-сиреневом и бело-розовом цветах – здесь, как и по всей стране, цвела сакура и выбрасывала свои соцветия слива. Перенасыщенный ароматом воздух преследовал русских путешественников не только на открытом пространстве, но и внутри помещений. Цесаревич разместился в самом дорогом и обширном номере столичного отеля «Токива». Остальным членам свиты в отеле достались более скромные, но тоже весьма шикарные по местным меркам номера.

В понедельник 11 мая все отправились в город Оцу, расположенный на берегу знаменитого озера Бива – посмотреть его достопримечательности, посетить храмовый комплекс «Мии-дэра», воздвигнутый у подножия горы Хиэй, а заодно и отобедать. К сожалению, здесь произошёл драматический инцидент, повлиявший на ход дальнейших событий. На цесаревича было совершено покушение. Сабля потерявшего разум самурая-полицейского чуть не врезалась в голову высокого гостя. Только хладнокровие, сила и небывалая реакция кузена Георга, ока-

завшегося в эту минуту рядом с цесаревичем, спасли русского наследника от неминуемой смерти. Но клинок нападавшего всё-таки оставил на его голове кровавую рану...

В расследовании покушения участвовали не только японские сыщики, но и российские люди из числа тайной полиции – неприметные мужчины в штатском, находившиеся на протяжении всего плавания на кораблях, сопровождающих «Азов». Вечером того же дня Володя Менделеев рассказывал, как его в срочном порядке вызвали на место происшествия и приказали сделать несколько снимков улицы и лиц свидетелей, оказавшихся рядом при нападении на Цесаревича.

– Какая-то неуловимая цепь событий, – смотрел Менделеев на копошащихся в песке голубей... – Нас преследует рок... Это точно: предупреждение свыше... Только о чём? Что ты думаешь?

Николай на вопрос Менделеева только кивнул головой. Он с изумлением вспомнил, что два дня назад случайно оказался при разговоре Волкова с доктором Рамбахом.

– Как рука Николая Александровича?

– Всё в порядке, Евгений Николаевич! Маленькая опухлость. Через неделю закончится регенерация нарушенных тканей и подкожной клетчатки. До свадьбы заживёт!

Потом, когда Рамбах курил любимую гаванскую сигару, он, как бы между прочим, поведал, что утром на борт «Азова» доставляли двух японских мастеров-татуировщиков. По просьбе цесаревича они накололи ему и кузену Георгу небольшие рисунки. Известный японский мастер Хорите нанёс на правое предплечье Его Высочества цветную фигурку дракона с чёрным телом, красным брюшком, зелёным и лапами и жёлтыми рожками... «Выходит, – думал Николай, – всё как-то не по-христиански. Этот дурацкий дракон не сущее ли святотатство?»

– У тебя работы с фотографиями будет много? – повернулся Гриценко, тряхнув копной волнистых тёмно-русых волос.

– Тысяча и одна ночь. Поболе двухсот негативов в коробках. Когда обработаю, первая карточка будет твоя! – ответил Менделеев. – Но это уж в Петербурге, после нашего возвращения...

– Дай-то Бог!

...16 мая поступило телеграфное повеление от Его Величества императора Александра III: всей морской эскадре во главе с «Азовом» в срочном порядке предписывалось направиться

к русским берегам. 18 мая на корабле торжественно отметили день рождения цесаревича. А на следующий день рано утром под звуки Преображенского марша в исполнении корабельного оркестра «Азов» поднял якорь и из Кобе взял курс на портовый город Владивосток.

Николай слушал знакомую мелодию. Он, как никогда, чувствовал сейчас необыкновенную принадлежность к великому российскому государству, всеми фибрами души ощущал себя неотъемлемой частицей большой страны, своей Родины. На память пришли слова текста, написанного в давние времена к маршу Лейб-гвардии Преображенского полка:

*...Знамя их полка пленяет
Русский штык наш боевой,
Он и нам напоминает,
Как ходили деды в бой...*

«Азов» ещё раз оставил японцам длинный прощальный гудок. Впереди открывалась тёмно-синяя гладь, покрытая блестками рассыпанного серебра – милая дорога в Россию.

ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ. Июль 1891 года

Великий князь Николай Александрович возвращался после девятимесячного кругосветного путешествия. Большая, самая тяжёлая часть дороги была позади.

Цесаревич со свитой пересекал благодатные просторы Западной Сибири. Экипажи въезжали во владения Томской губернии. 15 июля 1891 года губернатор Герман Августович Тобизен встретил цесаревича и его многочисленную свиту недалеко от села Большой Косуль.

Фон Тобизен, давно обрусевший немец лютеранского вероисповедования, педантично, но деловито давал указания прибывшим с ним чиновникам. Среднего роста, с обширными усами и окладистой бородой он выглядел старше своих сорока шести лет. Тобизен старался сделать всё так, чтобы высокочтимые путники чувствовали себя, как в обычной домашней обстановке. Уж сам-то он знал эти российские дороги. На своем веку исколесил по ним тысячи трудных вёрст... Вскоре после полудня, когда еще стояла обильная жара, десятки экипажей под началом Тобизена прибыли в Тяжин. Здесь в парусиновых шатрах для высоких гостей было устроено чаепитие.

...А впереди ждал знаменитый город Мариинск, бывшее село Кийское, которое в 1857 году

переименовали в честь жены императора Александра II.

– Вы знаете, князь Ухтомский, настоящее имя Марии Александровны Романовой? – спросил сияющий Николай своего лучшего друга и энциклопедиста Эспера Эсперовича. Проверил его на эрудированность.

– А как же, Ваше Высочество! – с такой же неподдельной улыбочкой отвечивал князь, – это принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская, немка по происхождению. Одновременно приходится родной бабкой Вашему Высочеству!

Ответные слова пришлись цесаревичу по душе. Ведь он таил в себе в этот момент самые высокие чувства к другой немке – к принцессе Алисе Дармштадтской.

...Мариинск же в ту минуту готовился к исторической встрече цесаревича, старшего сына Царя Александра III. Николаю по наследству должны были достаться российский трон и державная корона.

На спуске крутого левого берега Кии построили высокую деревянную арку, украшенную иллюминацией и обвитую живыми цветами, привезёнными из тайги и взятыми с подоконников зажиточных горожан. Перед аркой вокруг бревенчатых изб и жердяных оград скопился простой люд, вертелась босоногая детвора. За аркой, ближе к реке, выстроились нарядными стенками учащиеся двух городских училищ, стояли члены различных ведомств при полном параде. Здесь же находился вездесущий городской голова Савельев с гласными думы, волостные старшины из Боготола, Почитанки, Дмитриевки, Зырянки.

Народ расступился – это прибыл и, степенно поглаживая один ус, спускался к воде начальник губернского жандармского управления в сопровождении мариинского исправника Новогонского. По правую руку от них горный исправник Перегонец. Шёл десятый час. Уже почти стемнело, когда покрывшиеся пылью экипажи остановились. Гости с шутками пересаживались в баркас, на котором в роли гребцов красовались местные молодые купцы с руками-кувалдами. Под перекаты криков «ура» баркас отчалил от берега, а когда он пересекал середину реки, все запели гимн «Боже, царя храни!..».

Рисовальщик Николая Гриценко из свиты цесаревича второпях скинул с ног японские сандалии «дзори», побросал в лодку верхнюю одежду,

забрёл по колено в воду и бултыхнулся в прохладный омут Кии. Он плыл вразмажку вровень с лодкой, подбадриваемый восторгами многоголосой свиты. Отфыркивался, выныривал из тёмной воды, снова устремлялся к противоположному берегу, как мухами, облепленному городскими обывателями.

Ступив на другой берег, долговязый Гриценко поскакал по нему на одной пятке, приложив к виску загорелую в круизе пятерню – вытряхивал из уха воду.

– Ах, родина! Ах ты, мать родна! – продувая ноздри, как мальчишка, восклицал тридцатипятилетний художник. Он ладошкой смахивал с глаз свои намокшие кучерявые волосы.

В свите знали, что Гриценко родом из этих краёв. Его уездный городок Кузнецк располагался в верховьях Томи, примерно в четырехстах верстах к югу от Мариинска. Там ещё сохранился дом, где раньше жили Гриценко-старшие.

Николай, так сразу же прозванный в свите, не раз пересказывал семейную историю о том, как его родители в 1857 году присутствовали на свадьбе писателя Фёдора Достоевского, повенчанного с вдовой Марией Дмитриевной, бывшей женой мелкого чиновника по кабацкой части Александра Ивановича Исаева.

59

Родители рассказывали, что после торжественного венчания на скромную свадьбу народу собралось не более пятнадцати человек. Посажённым отцом уговорили выступить местного исправника Ивана Мироновича Катанаева. Вдоль поставленных впритык двух столов сидело с каждой стороны человек по семь-восемь. Были две семьи от соседей и знакомых невесты, шаферы, четыре поручителя, среди которых крутился по уши влюблённый в Марию преподаватель приходского училища Николай Вергунов. Тут же находился давний знакомый Достоевского Тимофей Вагин. Тимофей жил с болезненной женой на Картасской улице, пролежавшей параллельно Большой Береговой, где обитала после смерти мужа Мария с восьмилетним сыном Павлом.

Ещё сидел за столом Михаил Дмитриев, знакомый с писателем по каторжной жизни. Он после получения свободы осел в Кузнецке и занялся портняжеским делом. Дом, в котором временно жила Исаева, Дмитриев сдавал внаём. Михаил много хорошего знал о писателе и считал за великую честь побывать на свадьбе почтенного человека...

Цесаревич не любил эту грустную и, как он считал, скверную историю с женитьбой писателя. И вообще Николай недолюбливал Фёдора Достоевского и старался его никогда не читать. Но Николю Гриценко цесаревич обожал как добрейшего, откровенного человека и талантливого художника-мариниста и пейзажиста. Цесаревич был рад, что такой человек оказался в его свите и ни за что не прерывал его увлекательных рассказов, когда к этому в пути располагала обстановка.

Зато в свите были не просто знатоки творчества Достоевского, а истинные почитатели знаменитого писателя. Любили Фёдора Михайловича «старички» – князь Владимир Анатольевич Барятинский и контр-адмирал Басаргин.

– С заскоком был Фёдор Михайлович, – узил глаза Эспер Ухтомский, – но читать его любопытно. Знал характеры людей. Толстой не может проникнуть так глубоко...

– А ну-ка, Николая, про свадьбу ещё расскажи поподробней, – просил Басаргин, выправляя свои сивые усы, – как там оно у них было?

Гриценко морщил загорелый лоб, нового он ничего сказать не мог.

– Пересказываю, господа, со слов отца. За что купил, за то и продаю. Места тамошние, правда, знаю с детства. Стоят они у меня, как перед глазами. Отец, помню, врачевал в уездной больнице, мама – тоже с ним. Они приехали в Кузнецк из Москвы. Жили мы тогда на Нагорье недалеко от Базарной площади. Из окошек был живописный вид на Одигитриевский храм, где венчался писатель. Говорили, что останавливался Достоевский в доме Вагиных. К Исаевым ходил по Блиновскому переулку... Не спеша, с тростью, зимой в любую погоду в тёплом картузе с отворотами. Хотя в Кузнецк приезжал в тюркском малахае...

Басаргин, почёсывая пальцами рано поседевшую бороду, интересовался:

– А что воздыхатель-то невесты? Сумел пережить поцелуй молодых под «горько»?

– Того не скажу, Владимир Григорьевич. Слышал, что сполна набрался к концу праздника, плакал много. А зачем, к чему – точно не знаю...

Гриценко рад был уважить контр-адмирала, что-то ещё добавить, но многие подробности о женитьбе Достоевского, о чём рассказывали когда-то родители, со временем рассеялись, вылетали из памяти.

Николя виновато глядел в глаза Басаргина – ведь тот был не только военным руководителем, обеспечивающим кругосветное путешествие цесаревича, но и приходился родным дядей знакомого художника-сибиряка Миши Врубеля. Мать Врубеля Анна Григорьевна была родной сестрой контр-адмирала Басаргина.

...В сумерках цесаревич и его спутники направились в каменный восьмикупольный собор святого Чудотворца Николая, расположенный по тракту на Кузнецк примерно в версте от речного причала. В храме в честь цесаревича был совершён молебен. За полночь гости отошли ко сну, а уже в семь утра, почти не выспавшись, на пароходе отправились из Мариинска в губернский город Томск. Там у Николи Гриценко закончилось детство, прошло отрочество и начались первые дни юности. Там же, в Томске, почти в полном одиночестве жила его вдовья мать Анна Гриценко, которой исполнилось шестьдесят пять лет. Отец Николай Семёнович умер ещё летом 1873 года... Так что молодой художник искал любой удобный случай повидать её и найти возможность перевезти в Санкт-Петербург, ближе к себе...

МОСКВА. Ноябрь 1893 года

60 Кто-то в кругу художников обмолвился, что в Москве к Гриценко имеет интерес известный собиратель картин Павел Михайлович Третьяков. Вскоре у Николая появилась причина побывать у московских друзей, попутно он решил навестить знатного коллекционера, о котором был давно и много наслышан.

В особняке Третьяковых в Лаврушинском переулке Гриценко появился после трёх часов пополудни. Приняли его быстро и добросердечно.

– Что же ты подгадал к шапочному разбору? – упрекнул хозяин. – А мы только-только отобедали.

Павел Михайлович пригласил Николая в свой кабинет на втором этаже, усадил на диван и присел рядом. Обстановка располагала к непринуждённому разговору. Слово за слово и потекла тихая беседа о русском живописном искусстве, о судьбе и талантах художников. Третьяков говорил увлечённо и откровенно, словно со своим давнишним знакомым. Он с любовью и малолетним умилением называл имена ранних художников русской земли, первопроходцев-иконописцев Прохора, Дионисия, Рублёва, Алимпия. Но, когда очередь дошла до передвиж-

ников, его небольшие глаза залились фанатическим светом:

– Господи! Только наша земля-матушка могла родить Левитана, Илюшу Репина, того же Перова или Серова... А каков Суриков! Да не он сам, а боярыня Морозова с её глазищами... А Васнецов?... Ну, где ты найдёшь таких самородков?

Третьяков вскочил с дивана, тряхнул головой с редкими волосами.

– Маковский, Шишкин, Крамской, Куинджи... Столько пальцев нету у меня на руках и ногах... Силища!

«Как малый ребёнок! – подумал Николай, внимательно рассматривая хозяина. – Станный человек». Негустые тёмно-русые волосы с зачёсом направо. Лоб без морщин, большие залысины, окладистая рыжеватая борода и такие же усы. Глаза умные, добрые, пронизательные.

– Братец мой Серёженька, царствие ему небесное, европейским искусством увлекался, знал в этом деле толк. Они там за морями тоже не лаптем деланы. Умел писать западный народ. Раньше нашего за кисть взялся. А это большой фактор! – И Третьяков поднял вверх указательный палец правой руки.

– Как тебе Тициан, Рафаэль, Мантенья? Вот же опять Боттичелли или Бартоломео. Я уж не поминаю о Микеланджело... Итальянцы, голубчик! Или те же французы, или голландцы... Европа – она во все времена создавала шедевры чему-то благодаря. А мы русские все – вопреки! Мы растём из суровости, а они из виноградной лозы... Такая вот разница... Нам, заметь, и писать, и собирать труднее, – это уже про себя скажу. Копейку надо вкладывать с умом. Нажитое от общества должно вернуться к нему же в полезных для него учреждениях...

Николай насторожился, прислушался. Это заметил Павел Михайлович, отреагировал быстро и благосклонно:

– Любашенька музицирует. Дочь моя. – И тут же ухватил гостя за руку, перейдя на «вы». – Идёмте, идёмте! Слушать её – одно наслажденье.

Они вошли в комнату, напоминающую небольшой уютный зал. У широкого простенка между овальными окнами стоял рояль белого цвета. Николай сразу определил «SEILER», да: всемирно известная фирма Эдуарда Зайлера. Играла девушка двадцати с небольшим лет.

– Чайковский! – тихо изрек Третьяков. – Свойственник наш дорогой. Пётр Ильич неза-

долго до кончины ужинал у нас. Любочку всегда впечатлял его талант... Особенно Третья симфония и фортепианные концерты.

Люба по лёгкому шуму или боковым зрением уловила, что в комнате появился кто-то посторонний. Она повернулась к вошедшим. «Боже! – чуть не сорвалось с губ Николая. – Какая ж красивая!»

– А это Николай Николаевич Гриценко! Художник из Санкт-Петербурга, – отрекомендовал гостя Третьяков.

– Люба... – с наивной простотой улыбнулась девушка. И стала ещё красивее. Румянец сгустился на её щеках.

Николай на секунду остолбенел.

«Она будет моей», – пронзила электричеством неожиданная мысль.

Люба неожиданно подняла опущенный взор и доверительно промолвила:

– Я, между прочим, знакома с вами. Мне искренне нравятся ваши акварели. В них много цвета и музыки.

Когда Гриценко покинул апартаменты известного мецената и собирателя, Павел Михайлович, опустив рыжеватые брови, спросил дочь без излишних предисловий:

– Неужели понравился? – и, не дожидаясь ответа, изложил дочери своё заключение о потенциальном женихе и зяте, – роду, конечно, никакого, но голова на плечах неглупая, крепко осведомлён в искусстве. Это хорошо. А то, что староват и лицом не Аполлон, это не только от природы, а от занятий – море, оно оставляет свои отметины... Главное, Любашенька, чтоб такой человек в сердце прижился. А я тебе в чувствах перечить не стану, только благословить смогу...

На следующий год состоялась их свадьба. Гриценко стал одним из четверых зятьёв Третьяковых – потомственного купца Павла Михайловича и Веры Николаевны, двоюродной сестры известного промышленника и мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Бракосочетание состоялось в 3 часа дня 10 июня 1894 года недалеко от имения Третьяковых. Венчали молодых в небольшой церкви села Большева, разместившегося по тракту между Москвой и Ярославлем.

МОСКВА. Осень 1897 года

Павел Михайлович не чаял души в своих зятьях. И не в том дело, что каждый из них был порядочен и знаменит. Взять того же Александра Зилоти – исключительно общительный, при-

ветлив, большой умница, интеллигент, прирожденный музыкант. Таких людей Павел Михайлович выделял из общей толпы и принимал близко к сердцу.

Сергей и Саня, сыновья бывшего лейб-медика Его Императорского Величества Александра III, тоже вошли в семью Третьяковых с взаимной любовью и радостью. Павлу Михайловичу, безусловно, льстило то, что оба Боткиных были на виду высшего общества. Но не это было главным в отношениях тестя с именитыми зятьями. И Сергей, и Александр, кроме своего семейного увлечения медициной, интересовались большим искусством.

Но истинным создателем, творцом в искусстве, по мнению Павла Михайловича, оказался Коля Гриценко, талантливый живописец и акварелист, к тому же не обойденный вниманием Его Величества государя Николая II. Успел он отвесть славы. И не возгордился ведь... А ещё сколько у него впереди лет жизни. Значит, столько же нераскрытых творческих возможностей!

...Павел Михайлович горько поморщился – занудело в груди. В тысячный раз вспомнились собственные сыновья. Не дал Бог здоровья сыну Мишане. Уже парню полных двадцать шесть. А умишко хуже младенческого. Никак не мог Третьяков справиться с вопросом: как так получилось, что долгожданный сыночек появился на свет неполноценным и не может быть полезным в отцовских делах? Теперь отвели ему спокойное место в светлом углу особняка, посадили под надзор добросердечной няньки Феклуши, а он знает только своё «бу-бу-бу» и «му-му-му»...

Неописуемая случилась радость, когда в семьдесят восьмом народился ангелочек Ванечка. Как радовалась супруга Вера Николаевна, уж как ликовала она!

– Ну, Пашенька, есть кому продолжить наш род земной! – целовала скуластые щёки мужа молодая женщина.

Ей тогда было тридцать три, ему – сорок пять. Оба понимали, что это их посланное свыше великое счастье и сладкая надежда. Теперь то Павел Третьяков знал: все начатые им дела не уйдут в песок, не развалятся прахом. Будет жить на земле человек, который продолжит и торговое, и банковское дело и, как отец его, будет собирать жемчужины отечественного искусства, не даст рассыпаться по миру уникальным произведениям русских мастеров и умельцев.

Но вышло оно всё поперек мечты и вразрез с большими надеждами. Горе накатилось, как всегда, неожиданно-негаданно. В ноябре восемьдесят седьмого Ванечка неожиданно занемог. В постели у него поднялась температура, покраснело горло, по телу покатила ярко-розовая точечная сыпь.

Доктор Каширин успокоил родителей:

– Скарлатина. Дней через пять-семь лихорадка спадёт. Мальчик крепкий, выдюжит. Но полежать недельки две придётся...

Да только не знал доктор Каширин, что начавшаяся хворь обманчива и закончится осложнением. Сначала показалось, что болезнь пошла по второму кругу. Но к вечеру жар усилился до сорока с лишним градусов, появилась одышка... А на другой день, когда солнце ещё не взошло, Ванечки у Третьяковых не стало... Не стало любимца и надежды поседевшего и сгорбленного горем отца...

С тех пор прошло десять лет. А нутро у Павла Михайловича до сих пор перевернутое. На днях повезёт кучер отца с матерью в храм Христа Спасителя. Помолятся перед Богом безутешные родители, поставят заупокойную свечу в память о рабе божием Иване, и опять каждодневно будит душу нескончаемая боль.

62 ...После смерти сына Павел Михайлович долго не мог найти сил, чтобы с былой энергией вести дружеские и деловые связи со здравствующими художниками, а также с родственниками и хранителями картин и других произведений искусства тех талантливых творцов, которые ушли в вечный покой.

И тут вроде Бог послал нужного для дела человека. Как сына родного. Конечно, нет у него настоящей мужицкой хватки, которой всегда отличался род Третьяковых. И кровь у него в жилах другая. Но в жизни этот человек разбирается основательно, здраво, и, главное, в нём живет честный и талантливый художник. Написал много на своём веку.

Павел Михайлович осторожно провёл широкой ладонью по коричневой фотокарточке – на ней они вдвоём – сам Третьяков и зять Николай Гриценко в кабинете на диване, покрытом французской парчой.

...За свою долгую жизнь Третьяковы обрели много родни. Куда ни кинь в Москве – попадёшь в своего человека, люди знатные, творческие, деловые. Кто-то пошёл от веточки Третьяковых, кто-то тянется по линии Веры Николаевны. Где-

то сваты, где-то кумовья – всех в одно место не соберешь: Мамонтовы, Боткины, Чайковские, Станиславские, Рахманиновы, Коншины, Алексеевы, Лахтины, Сапожниковы, Сатины, Поленовы... Да разве сразу всех попомнишь и разберешь, кто с кем в каком родстве состоит... А самый близкий – он всегда один...

Павел Михайлович сидел задумчивый и уставший, домой приехал запоздно – не всё ладилось в Московском Купеческом банке, в правлении которого с давних пор состоял Третьяков.

– Вот ведь как получается, – думал он, – люди от Бога совсем отошли. Мало, вишь, заработанной копейки. Алчность сглатывает их. В казну норовят руку запустить. Мздоимство, кумовство развели. Скверноприбытчество процветает – грех-то какой! Эх, люди, люди!

Павел Михайлович ещё раз положил тёплую ладонь на матовую поверхность фотокарточки, тяжело вздохнул.

– Ну, ничего, господа! Ничего! Дал бы только Бог нам доброго здоровья!

Павел Михайлович не знал, что до его смертного часа осталось меньше года. Он скончается 16 декабря 1898 года и будет похоронен в Москве на Даниловском кладбище. Через три месяца не станет и его любимой супруги Веры Николаевны.

МЕНТОНА. 10 декабря 1900 года

Отпевание происходило в храме Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца, вход куда шёл прямо из здания Русского дома. Куполообразное помещение храма не отличалось большими размерами: длиной чуть более десяти метров, а шириной и того меньше. Да и до макушки свода тоже около десяти метров. Внутреннее убранство как в обычной часовне, если не знать, что иконостас здесь расписывал сам Карл Брюллов. Любовь Павловна помнила, что такая художественная красота обязана внучке Николая I княжне Анастасии, по желанию которой был построен этот весьма скромный храм.

...Пошёл третий день, как не стало любимого Коленьки. Только что сейчас его тело в гробу внесли в церковь. Появился красивый пожилой священник с лёгкой сединой и короткой бородой. Он накрыл часть тела и гроб церковным покрывалом и рядом положил икону Христа Спасителя. Служка зажёл в подсвечниках свечи и ещё по одной раздал каждому присутствующему.

Любовь Павловна впервые видела мужа таким: бескрайне чужим и в то же время бесконечно близким. На бледном лице не было почти ни единой морщины. Впалые щеки выглядели намного скуластей. В раскидистых и заметно поредевших волосах вились длинные седые нити. Любовь Павловна поймала себя на мысли, что в шаге от неё находится уже не дорогой Коленька, а совершенно чуждый ей прах человека... И в этом заключалось самое страшное – она не хотела видеть этот прах и в то же время не могла оторвать взгляд от лица, которое унесёт в вечность следы её былых поцелуев... Под бровями сошлись, словно сцепились меж собой тёмные ресницы, доставшиеся мужу от малороссийских предков. И почему-то за эти дни коварно изменился профиль носа: посередине появилась горбинка, а вместо утолщения на его конце легла нелепая вдавлинка, заточившая самый кончик. Губы упрямо ужались, выражая ироническую усмешку. Это придавало лицу уверенное спокойствие и смирение со случившимся.

Два чтеца читают псалмы. Священник, не глядя на усопшего, производит ритуальное каждение – воскурение фимиама. После чтения Апостола и Евангелия он оглашает разрешительную молитву и от имени Церкви молит Господа Бога простить покойному все земные грехи и удостоить его Царствия Небесного.

Наступает один из скорбных моментов заупокойной службы – прощание и прощальное целование. Присутствующие один за другим подходят к гробу, кланяются, прося прощения у усопшего, прислоняются к иконе и к венчику на его лбу.

– Вот и всё... – шепчет Любовь Павловна. – Больше я тебя никогда не увижу, любимый...

Священник закрывает лицо Николая, крестом образно посыпает в гроб щепоть земли и произносит:

– Господня земля, и исполнения ею, и вся живущие на ней!

Двое служителей закрывают гроб крышкой.

...Свежая могила вырыта почти рядом с храмом, на расстоянии около двухсот метров. Недлинная процессия движется в сопровождении священника, хор из шести человек поёт «Святой Боже». Гроб с золочеными ручками по православному обычаю опускается на двух льняных полотенцах. Присутствующие по очереди подходят к краю могилы и бросают по горсти земли, Любовь Павловна ловит себя на

мысли, что вся её жизнь только что разрубилась на две части: одна, лучшая, осталась в неведомом далёке, вторая, пустая и непонятная, ещё предстоит впереди... Она бесстрастно рассматривает лица присутствующих. Сёстры Мария и Вера, горничная Лиза, доктор Лебрен, псаломщик, певчие, незнакомые женщины. На отшибе стоит высокий лысоватый мужчина в тёплом плаще. Любовь Павловна знает, что он вместе с Николаем когда-то посещал Кормона, живёт в Париже, но имени и фамилии этого мужчины сейчас не помнит.

Русское православное кладбище в Ментоне было основано в 1880 году. Здесь покоятся многие выходцы из России – офицеры, генералы, бывшие сановники, купцы, промышленники, аристократы, литераторы, музыканты – люди знатные и небедные. Почти всех загнали сюда преждевременные болезни – невылеченные раны и больше всего чахотка, против которой медицина не знает никакого средства.

Ровными рядами уместились каменные надгробия, чаще всего с крестами из чёрного мрамора, памятники из гранита и чугуна, доставленные сюда за тысячи вёрст из России и других стран.

В изголовье Николая поставили временный деревянный крест из белого дерева. Могильный холмик обложили венками, цветами, а крест украсили муаровыми лентами.

Любовь Павловна подошла к кресту, ещё пахнувшему лаком, поцеловала поверхность мягкого дерева:

– Теперь ты у себя дома... Вечный тебе покой!.. Дорогой и ненаглядный...

С этой минуты она ничего не помнила. Ни того, как её под руку подхватила Вера, ни того, как она с сестрой вошла в трапезную половину церкви. Она не видела приготовленных на поминки угощений и находившихся за столом знакомых и незнакомых людей.

Только к глубокому вечеру Любовь Павловна пришла в себя и почувствовала, как ей изнурительно больно и одиноко.

САН-РЕМО. ИЮЛЬ 1928 ГОДА

Небольшую комнату заполняла тишина, полная острого одиночества. Зеркала и люстра обтянуты чёрным крепом. За окном полуденная жара и полное безлюдье. Солнце пыталось выжать с брусчатых тротуаров всех, кто появлялся на улице.

Мария Павловна откинулась на спинку кресла, слабо сомкнув веки. Александра Павловна склонилась, почти сгорбилась у трельяжа, молча рассматривая фотографию в овальной дубовой рамке.

Вчера, 26 июля, сёстры хоронили Любочку – свою среднюю сестру Любовь Павловну. Высокие деревья с густой кроной пытались укрыть землю от южного солнца. Присутствующие слушали прощальные слова, которые с волнением и горечью произносил старший из Боткиных.

– Так уж распорядилась судьба, что Любовь Павловна, дочь известного русского собирателя произведений отечественного искусства, бывшего директора правления Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры, бывшего члена совета Московского Купеческого банка, действительного члена Российской академии художеств, основателя крупнейшей в России галереи, почётного гражданина Москвы, – Сергей проглотил мешавший в горле комок, перевёл дыхание и продолжил, – любимая дочь почётного гражданина Москвы Павла Михайловича Третьякова... теперь будет покоиться здесь на кладбище Фоче. На чужбине, вдали от родины и от могил своих дорогих родителей.

...За кирпичной оградой вдали находилось старое захоронение местных жителей – туда свозили умерших горожан во время чумы 1838 года. Сейчас в том месте торчали серые полуразвалившиеся надгробия. Здесь же, под сенью оливковых деревьев и каштанов, высились чёрные мраморные кресты, лежали отполированные плиты-надгробия из гранита разных расцветок. Глядя в далекое небо, стоял черноглазый юноша с густой вьющейся шевелюрой – это переживал горе сын покойной Андрюша Бакст. Редкие, но искренние капли слёз катились только из глаз двух самых близких Любочке женщин...

Прошла короткая летняя ночь. Мужчины удалились на осмотр красивого приморского города, где зимой любили проводить время многие царствующие особы. Гостям особенно нравился Променад императрицы, созданный в честь пребывания в этих местах супруги Александра II Марии Александровны. Маленьким приморским городом были покорены мать Его Величества Николая II Мария Фёдоровна и его любимая супруга Аликс.

Сан-Ремо распростёрся в виде широкой подковы и находился на расстоянии тридцати километров от Ментоны. Эти километры легли водо-

разделом между городами двух стран. Здесь заканчивался Лазурный берег, или по-другому Французская Ривьера, конечное побережье Средиземного моря у подножия Приморских Альп. И тут же начиналось Лигурийское море с итальянским побережьем Ривьера-ди-Поненте...

– Вот и нашла покой наша сестричка, – прервала долгое молчание Александра.

Мария поправила на лбу складку чёрной косынки, вздохнула:

– Царствие ей небесное! Она была мученицей, страстотерпицей, приняла столько горя и за себя, и за всех нас... Но у неё было своё счастье. Я который раз даже завидовала ей... Вот если бы не её болезнь... – И, затаив внутреннюю скорбь, протянула сестре небольшую фотографию, – посмотри: Мариша на Чистых Прудах. Жалко, не проставила дату. Своей рукой вывела «Милой мамочке и брату Андрюше на вечную память! Ваша единственная в мире дочь и сестра Рина. Люблю!». Как ты думаешь: почему она не приехала?

– Кто же её выпустит к врагам большевистской России? Хорошо, что разрешили отбить телеграмму...

– Конечно, не варвары всё ж...

– Так-то так. Только не забывай: ровно десять лет назад они безбожно погубили Государя с неповинной семьей. И нашего незабвенного Женечку.

Речь коснулась имени лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, их общего деверя, который был расстрелян уральскими большевиками внутри Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года...

Жизненные дороги Александры и Марии Боткиных были до невероятности схожи. Судьбы двух сестёр постоянно шли бок о бок. Даже злой рок забросил в одно и то же место – в Париж. Их старшая сестра Вера вышла замуж не за врача, а за талантливую музыканта, пианиста Александра Зилоти. Опасаясь непредвиденных событий в революционной смуте, семья Зилоти села на пароход и в 1922 году оказалась в Америке. Там как будто бы жизнь переселенцев наладилась, но при надобности, особенно, когда приходит неожиданное горе, оттуда не дотянуться рукой и в одночасье не добежать до нужного места... К тому же Вере уже исполнилось шестьдесят два, а это не шуточки – почти совсем старуха. Александра с Марией, правда, чуть моложе, но время достаёт и их...

А Любочке бы жить да жить. Но вот, поди ж... Ещё не пришла в себя после смерти мужа, а в апреле девятьсот первого тяжёлые роды с осложнением. Доктора считали, что кто-то не выживет – мать или дочь, но, к счастью, всё обошлось. Рожала Любочка в Москве. Вся родня тогда старалась вывести её из глубокой депрессии. Кое-как молодая мать воспрянула духом, около крохотной Маришки засветилось её лицо, появилась тяга к новой жизни.

Через год Любочке стал оказывать нескрываемое внимание театральным художником – живописец и график Лев Бакст. Красивый, нервный, уже не молодой человек из старой еврейской семьи. Родившийся как Лейб-Хаим Израилевич он со временем сменил первородное имя на Льва Самойловича Розенберга, позднее взял псевдонимом фамилию своей родной бабушки Бакстер и, наконец, вошёл в искусство как Лев или Леон Николаевич Бакст. Был он человек большого таланта, творческого и изощрённого ума, но пылкий и страшно амбициозный. Не сразу, а приложив большое упорство, Бакст покорила душу Любочки. И она решила отдать ему свою руку.

– Ты меня, как Достоевский Марию Исаеву, одолел, – сказала Любочка в минуту откровенного разговора.

В 1903 году они поженились, и она к своей фамилии Гриценко добавила через тире фамилию второго мужа.

С этого времени для Гриценко-Бакст началась новая жизнь. Лев Бакст безумно любил свою жену, боготворил, часто рисовал её, посвящал ей стихи, преподносил дорогие подарки. Даже ради жены сменил свою иудейскую веру на православную. В этой идиллии у них в 1907 году родился сын Андрюша. Любочка с мужем и маленьким сыном жила в Париже, а Мариша воспитывалась в Москве в доме Третьяковых.

В отличие от уравновешенного и даже по виду спокойного Николая Гриценко Лев Бакст был полной противоположностью. Частая смена настроения у мужа, муки из-за неосуществленных замыслов, его стремление охватить своим талантом необъятное, частые переезды за границу и обратно – все это постепенно вымотало Любочкины силы и силы самого Леона Бакста. Неспокоеное время истончало и истощало их былые чувства. В 1909 году семья распалась. Андрей практически не видел отца, мать с сыном перебрались сначала в Россию, потом в Италию. После развода Бакст отказался от

христианской веры и окончательно осел в Париже, изредка покидая свою мастерскую, расположенную на бульваре Мальзерб, 112.

Любочка несколько лет прожила в Москве, но революция и накопившиеся болезни вынудили её уехать, и она, взяв с собой сына, приютилась в Италии. Дочь Марина осталась на попечении родственников. Она рано увлеклась музыкой. По совету лучших московских педагогов её отдали в специальную школу, незадолго до этого открытую известными сёстрами Гнесиными.

МОСКВА. Середина 60-х годов

– Ты помнишь, Андрюша, как я тебя разыскивала на Пушкинской площади? Правда, называлась она в те времена Страстной.

Андрей Бакст имел французский паспорт и узкую недлинную бородку. Он слабо улыбнулся, стараясь припомнить детали их первой встречи у памятника великому русскому поэту.

Тогда произошёл забавный случай. Марину пригласили к единственному на этаже аппарату, установленному в приёмной секретарши начальника подотдела. По телефону Андрей сообщил, что это её парижский брат, приехал в Россию по коммерческим делам, заодно хотел бы встретиться с сестрой, которую видел только в раннем детстве и теперь совсем не помнит.

– Я буду в синих очках и в клетчатой рубашке.
– Узнаю! – ответила Марина.

Она работала в музыкальном секторе Госиздата, редактировала нотные выпуски русских композиторов, которые, по мнению советской власти, были достойны иметь доступ к широкому пролетарскому читателю. Зашла в кабинет главного, кратко объяснила причину срочной отлучки.

– Святое дело, – бесстрастно буркнул шеф и дал понять, что в дальнейшем разговоре он не нуждается.

Когда оказалась на Страстной, увидела несколько молодых людей в клетчатых рубашках. И ни одного в тёмных очках.

Кто-то осторожно коснулся её плеча.

– Марианна?
– Андрюша!

Андрей стоял без очков и был одет в желто-зелёную безрукавку, облепленную множеством металлических заклепок.

– Здравствуй, дорогой! – на правах старшей сестры обратилась она к брату. И, обняв его, поцеловала в щеку. Марина уловила тонкий изы-

сканный аромат заграничной парфюмерии на гладковыбритой щеке парня. Затем начала близоруко, почти в упор, рассматривать рыжеватое лицо своего ближайшего родственника. Наконец выдохнула:

– Безумно похож на маму...

Андрей смутился:

– Говорят, и на отца... Он у меня скончался недавно. В двадцать четвертом. От отёка легких. Почти скоропостижно. Нам почему-то никто вовремя не сообщил... Приехал я в Париж только через четыре года, уже после смерти мамы... А папа похоронен на кладбище Батиньоль...

И вот пролетело больше тридцати лет. На этот раз они стояли около дома под номером 10 в Лаврушинском переулке – у главного входа в Третьяковскую галерею. Снова лицо в лицо.

– Ты всё такая же, – поднял брови брат.

– И ты, – солгала Марина.

Она сразу же увидела, как не похож Андрей на того молодого беззаботного парня, который неожиданно появился на своей исторической родине.

Марина повела брата в залы. По пути они обменивались короткими фразами. Да и фразы перемежались долгими паузами. По-русски Андрей говорил без акцента.

– Как твоя жизнь?

– Всё так же пишу... Художник-декоратор. Работаю для кино, для театров. Есть другие заказы. От отца досталось небольшое ателье. Запомни: улица Лористон, 16.

– Семья, дети?

– Был женат. Но это был еще довоенный брак с Ольгой Мас. Правда, без успешного окончания. Она стала активисткой Сопротивления. А я другой, я сам по себе. Сейчас холост. Детей нет и, пожалуй, не будет... По-прежнему живу в Пуаси, это предместье Парижа. Полчаса на электричке до центра. А ты?

Марина задумчиво рассматривала кончики своих немодных коричневых туфель. Посторонилась, пропуская мужчину с нетвёрдой вихляющей походкой. Андрей брезгливо поморщился.

– Знаешь такое русское слово «вековуха»? Так это про меня. Замуж не выходила. Споткнулась в молодости о трагическую любовь – есть в жизни ловушка под названием «любовный треугольник». Выскочила из него, слава Богу, живой, но никого родить не сумела... Теперь вся моя жизнь позади. Я же давно советская пенсио-

нерка. Изредка сажусь за рояль... Бывает, гнусь над чужими опусами. Сама ничего не пишу. Единственная стоящая работа в жизни – это про нашего деда и про историю Третьяковки... Кстати, первую картину дед приобрёл у симбирского живописца Василия Григорьевича Худякова. «Стычка с финскими контрабандистами». Этим полотном он положил начало своей великой коллекции. Если интересно, знай: это было в день 22 мая 1856 года. Странное совпадение: в этом же мае родился мой отец Николай Гриценко.

О нём я тоже накопила немало...

Они медленно переходили из зала в зал. Останавливались около картин, которые когда-то выкупал у великих и малоизвестных, но талантливых художников их общий дед Павел Михайлович Третьяков.

– Иван Грозный убивает сына... В порыве душевной ярости... Илье Ефимовичу долго не давался цвет крови. И когда его собственный сын разбил колено...

– Бессмысленный русский бунт, – прервал Марину брат.

Она промолчала. Подумав, задала вопрос, обычный для таких ситуаций:

– Что знаешь о наших? – и уточнила. – О Боткиных...

– Я не в курсе. Семь лет назад на тридцатую годовщину смерти мамы ездил в Сан-Ремо. Там случайно столкнулся с тётёй Сашей. Она очень плакала, жаловалась: болеет, осталось жить недолго. Рассказала, что тётя Маруся скончалась в пятьдесят втором.

– Такая у всех судьба... Я жалею, что не сумела побывать на могиле у мамы. А про папу и не говорю.

– Да: жаль, жаль... А надо бы, – Андрей зачем-то пошарил в карманах, как будто пытался достать пачку сигарет. – Что-нибудь слышно о тёте Вере?

– Проходил в одно время материал об Александре Ильиче. Узнала, что потерял он Веру Павловну перед войной, а сам скончался в сорок пятом. Да и не Зилоти теперь их потомки, а Силотти – это на американский лад... Корней своих почти не знают. О прадеде великом мало что слышали, о Третьяковской галерее ни сном, ни духом не ведают...

– Зилоти – он же двоюродный брат Сергея Рахманинова?

– Да. Хотя это теперь не имеет никакого значения.

– А я передал Третьяковке архив отца, кое-что оставил на память в Русском музее... После смерти папы всё, что у него было, растащили всякие родственники по его линии. Даже сумели набиться в папину могилу... Я обнаружил самовольные подзахоронения. Теперь на прекрасном надгробном камне красуются чуждые мне имена... Такая вот жизнь, Марианна!

К концу осмотра Андрей выглядел усталым и поникшим. Брат не предложил Марине посидеть в ресторане или кафе. И никаких маленьких презентов-безделушек на память, как было в прошлый раз. К себе она тоже не стала приглашать, понимала, что накопившееся любопытство с его стороны, равно, как и с её, исчерпано и полностью удовлетворено.

Марина так же, как и в начале встречи, поцеловала брата в щеку.

– Будь счастлив, братик! – сказала она на прощание.

– И ты! Живи долго!

Андрей пошёл медленной, тяжёлой походкой. Шагов через десять остановился, повернулся к сестре. Лицо его на миг стало похожим на лицо матери.

– Марианна, живи долго!

Марина ничего не ответила... Через несколько лет она найдёт свой вечный приют на Новодевичьем кладбище. Могила Марины окажется рядом с новым захоронением праха её великого деда, вблизи надгробия бабушки Веры. На серой гранитной плите, уложенной на землю в виде обложки книги, останутся памятные слова: «ГРИЦЕНКО МАРИНА НИКОЛАЕВНА 23 апреля 1901 г. – 4 октября 1971 г.».

Так океаны сливаются с небом.

ОМСК. 22 июля 2014 года

Вместо эпилога

...Ещё раз здравствуй, дружище! Увидимся не скоро, поэтому спешу поделиться своими последними впечатлениями.

Ты знаешь, что впервые я увидел «Ночь на Тихом океане» в 2008 году, вскоре после окончания ее реставрации и презентации. Это был для меня неожиданный подарок, ведь приходилось только догадываться, что такое чудо хранится где-то под боком на моей родине.

Тогда я долго стоял перед лучшим полотном Николая Гриценко. Помню, низко нагнулся, всматриваясь в мазки красок, положенных на холст.

Я находился в полушаге от картины. На таком же расстоянии стоял когда-то сам художник с кистью в руке...

На этот раз перед картиной оказалась прямоугольная авансцена высотой около 40 см и размером 8 на 5 метров со скошенными углами. Теперь на полотне можно посмотреть только с расстояния не менее шести метров...

Извини, забежал немного вперёд.

Узнал, что Гриценко в искусстве был многогранен – не только рисовал и писал картины. Он хорошо играл на музыкальных инструментах (фортепиано и гитара), был неплохим писателем, путешественником, причём не простым бродягой, а членом Географического общества. Кроме морей и океанов, объехал Сибирь, Поволжье, Украину, Кавказ. Нарисовал более 300 акварелей, 20 из них хранятся в НИИ Академии художеств в Петербурге. В 1902 году Николай Константинович Рерих, будучи секретарем Императорского Общества Поощрения художников, организовал посмертную выставку Гриценко из 805 картин, рисунков и эскизов. Огромные силы в отборе экспонатов приложила и Любовь Павловна. Гриценковские акварели и полотна на холсте теперь хранятся в музеях Москвы, Перми, Пензы, Омска, Астрахани, Костромы, Саратова, Ярославля, Хабаровска, Иркутска, Львова и т. п. А у нас в Новокузнецке и в том же Томске, то есть на малых родинах художника, – ничего... Можно довериться словам Ильи Ефимовича Репина, он когда-то о Гриценко написал: «Талантливый человек, умный, с любовью к искусству» и рекомендовал Третьяковской галерее приобрести 10 его картин. Это скорее для справки, а не для поддержания безусловного авторитета Гриценко... Десять лет назад в краеведческом сборнике «Кузнецкая старина», выходящем в Новокузнецке, была напечатана статья томского краеведа и коллекционера Э. Майданюка «Кавалер ордена Почетного легиона». Из неё я понял, что в Томске (думаю, что в частных руках) могут храниться две работы Николая Гриценко «Панорама Москвы» (масло) и акварель «Вид на Томск с полотна ж. д.»...

Случайно узнал, что в Новокузнецком художественном музее недавно прошла выставка скульптора Константина Зинича из Красноярска. Он обратился к личности Николая Гриценко. Показанный проект скульптурного изображения художника – то, что надо нашему городу. Я думаю, что будущий памятник первому известному ху-

дожнику дореволюционного Кузнецка всё-таки появится и будет стоять у входа в наш художественный музей. А самому музею должно быть непременно присвоено имя Николая Гриценко!..

И снова о своей поездке в Омск. Сообщаю, что музей находится в начале, пожалуй, самой центральной и старой улицы города – на Ленина, 3, Врубелевский корпус. Нынешняя улица – это бывший Любинский проспект. Ровно 123 года назад, в июле 1891 года, генерал-губернатор Степного края барон Максим Антонович Таубе знакомил со своими владениями цесаревича Николая.

В Парадном зале на втором этаже музея центральное место отведено «Ночи» Николая Гриценко. Посетители, попадая в зал, сразу же на полотне высотой 260 см и длиной 395.5 см видят панораму небольшой акватории Тихого океана. Картин в скромной раме «под золото». С двух сторон от картины размещены старинные двенадцатисвечовые канделябры, покрытые настоящей позолотой. Слева две ступеньки ведут к чёрному роялю, повидавшему немало всяких времён и разных хозяев. Справа на подставке аннотация: Н. Н. ГРИЦЕНКО. «НОЧЬ В ТИХОМ ОКЕАНЕ». 1900 г.

На картине штормящий в меру океан – где-то два-три балла. На фоне бескрайнего неба рваные кучевые облака. Между ними пробивается сияние низкой луны, оно ложится на водное зеркало золотистой полоской... И два корабля из разных эпох, словно из разных миров – они перекликаются друг с другом бортовыми огнями. Слева винтовой клипер «Стрелок», на котором начинал свою флотскую службу Николай Гриценко. Это корабль крейсерского типа с деревянными небронированными корпусами. Справа – фрегат, полуброненосный флагманский корабль – крейсер I ранга, спущенный на воду в 1888 году и принятый в эксплуатацию в середине 1890 года. Строился тоже под паруса (видишь три мачты?), а получился, как пароход, работающий на угле (видишь: три трубы!). Но то технические детали...

И кажется, что это совсем и не ночь, а неведомое пятое состояние суток. Всё вокруг торжественно, романтично, приподнято... Но не парадно. На полотне нет цветового обилия и мало света. Картина выполнена без украшательства с максимальным использованием тонов синего и зелёного цветов... По большому счету, дело не в необъятности показанного океанского просто-

ра, а вся суть в маленьких огоньках двух кораблей. За ними живые люди – одни стоят на палубной вахте, другие бросают уголь в топку котла, кто-то в каюте тоже не спит, тревожится о завтрашнем дне... Перед своей кончиной Николай Николаевич распорядился передать «Ночь на Тихом океане» Томскому университету – он его всегда считал храмом науки на своей второй малой родине. В 1902 году полотно после показа на посмертной выставке художника поступило на временное хранение в Государственный Русский музей. Подчеркиваю: на хранение! По настоятельной просьбе первого директора Омского музея Фёдора Мелехина в 1927 году картину направили в Сибирь, и она попала непосредственно в ведение инициативного чиновника. И снова оказалась не в выставочном зале, а в хранилище Омского музея на валу. «На валу» – это способ хранения художественных полотен... Предполагаю, что объективно и у Томского университета в конце двадцатых не было надлежащих условий приютить такое размашистое полотно...

Годы Первой мировой войны, революция, затем Великая Отечественная война, перестройки и перетряски, перевозка картины по стране, наконец, невесть какое хранение – всё это нанесло урон живописному произведению. Более ста лет не видел широкий мир гриценковской «Ночи» – произведения, поставившего автора в число лучших русских художников-маринистов. За столетие практического небытия картина оказалась повреждённой: появилось много царапин не только на краске, но и на грунте вплоть до холста, местами краска отслоилась и даже осыпалась...

После 80-летнего пребывания в запасниках Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля картину передали в руки художников-реставраторов. Руководитель проекта Н. Г. Минько и реставратор В. П. Ефименко привели картину не просто в божеский вид, но и вернули ей состояние видимой первозданности. И, прошу заметить, что двое талантливых умельцев – две симпатичные женщины, отдавшие кропотливой и ответственной работе несколько месяцев своей жизни. А об уровне их квалификации говорит, например, такой факт: Наталья Григорьевна Минько – заслуженный работник культуры Российской Федерации, к тому же член Ассоциации искусствоведов нашей страны.

– Зачем всё-таки перед картиной устроена сценическая площадка, зачем рояль и такие огромные канделябры? – допытывался я. И тут же получил ответ.

– У нас сложилась традиция около этой картины проводить творческие вечера и встречи, – объяснила кареокая женщина, пришедшая из соседнего зала удовлетворить мое навязчивое любопытство. – Сюда приходят поэты и чтецы, композиторы и музыканты. Здесь вы услышите свежее слово, новые мелодии, послушаете классику и авангард... Бывает много людей, особенно молодежи.

После этих слов я представил: у похожего рояля сидел когда-то Николай Гриценко, впитывая в себя аккорды, извлекаемые из инструмента незабвенной Любашей Третьяковой... Так что сценический помост перед самым крупноформатным полотном в Омске не случаен, точнее, оказался к месту.

Вот и всё. До следующей встречи!..



**Людмила
ЩИПАХИНА**

**ПЛАНЕТА
ЗАХЛЕБНУЛАСЬ
ЛОЖЬЮ**

**ОЛИГАРХАМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Как раздетым и распятым,
Неприлично и опасно
Быть несправедливо богатым!
Быть богатым – безобразно...*

*То в макушку ворон клюнет,
То прохожий в личность плюнет,
То тебя покроют матом...
Неприлично быть богатым!*

*Отравляют миллиарды:
Власть над «быдлом», блеск богемы...
Лжепоэты и лжебарды
Даже сложат лжепоэмы...*

*Но грозой сквозь дни и мили
Всё равно придёт расплата.
Берегись автомобиля!
Гнева, взрыва, автомата...*

*Дорогие интерьеры
Сотрясаются от страха.
Гибнут бизнес и карьера,
Мокнет потная рубаха...*

*Всё опасней топорнице
Над твоим плечом покатым...
Не жалеете братьев нищих,
...Посочувствуйте богатым!*

* * *

*Поэты не любят друг друга,
Завидуя желчно и зло...
Не выйти из этого круга!
Такое у нас ремесло...*

*Хотела бы выглядеть здраво
И видеть, что рядом – собрат.
Налево смотрю и направо,
Но в душу плюёт демократ.*

*И, словно готовясь к укусу,
Припрятан улыбки оскал.
И слышу, как рядом по курсу
Меня материт либерал.*

*А – наши? Как вымерли вообще!..
Трибуны, герои пера...
...Какая печальная осень!
Какая глухая пора!..*

ПАНИХИДА ПО СОЖЖЁННЫМ И УБИЕННЫМ

*Ни от шока, ни от стресса
Не укрыться всё равно...
Гарь и копоть из Одессы
Валит с ног! И бьёт в окно!*

*Вот уже и слышен глуше
Крик отчаянья в тиши:
«СОС! Спасите наши души!
Мы сгораем в пекле лжи!»*

*И глядят, сдержав проклятья,
На трусливый мир людской
Наши сёстры, наши братья...
С укоризной и тоской...*

*А в бандеровском угаре,
Преумножив капитал,
Ходят рядом люди-твари.
Секют горе.
Правят бал!*

*От пожара, от угара
С ними мир – несовместим!
...Беспощадна будет кара!
Не забудем!
Не простим!*

* * *

*Не во имя Света,
Не во славу Божью –
Бедная Планета
Захлебнулась ложью.*

*Врут неугомонно!
За глаза и лично.
Вслух и в микрофоны.
Гласно и публично.*

*Ссорятся за архи-
Мегадивиденды.
Лживые монархи,
Пешки-президенты.*

*Вечный зов и шорох
Капиталов мира...
И наглец в оффшорах
С головой Сатира...*

*Долго ль слушать будем?
Окормляться ложью?
И бродить по будням,
Как по бездорожью?*

*Рвётся обвязавшая пространство
Каждая связующая нить...
В мире, где царит непостоянство,
Надо одиночество любить.*

*На пиру победном, не на тризне
Яркая лампада зажжена.
Это – я! Аз есмь! Я – воля к жизни!
Это мне внимает тишина...*

*А вокруг – стреляют, тонут, бьются...
Всё в разладе. Всё летит в трубу.
Говорят, под вспышки революций
Где-то правду видели в гробу...*

*Я – вдали! Я вижу свет высокий!
Бесконечный купол голубой...
Белый парус, путник одинокий,
Странник, очарованный судьбой.*

*О, не покидай, отрада жить
Вдалеке от бренного экстаза!
Надо одиночество любить
И беречь от воровского сглаза.*

*Чашу бытия неспешно пить
В век, что обворован и оболган.
Надо одиночество любить
Горячо и жадно! И... не долго.*



**Михаил
КАЗАНЦЕВ**

**УВЕДИ МЕНЯ,
ПАМЯТЬ,
В ТУ ОСЕНЬ**



Вспомнились грустные строки стихов Феди, друга яркой той поры: «Уведи меня, память, в ту осень...». А она неумолимо, хотя, казалось, и неспешно подходила к концу. Берёзовые рощи, подступавшие к окраинной улице села, обнажались и придавали ещё более унылое настроение. Мое безразличие к будущему передалось, как безразличная зараза, и моей невесте. Почти до середины октября стояла сухая погода, позволившая окрестным колхозам убрать редкий богатый урожай хлеба. По случаю досрочно и без потерь собранного с полей и засыпанного в закрома богатства секретарь райкома приказал провести парад уборочной техники и демонстрацию трудящихся. Наша «районка» давала репортаж о празднике со списками отличившихся и награждаемых передовиков. К моей молчаливой радости, среди награждённых были и персонажи материалов, которые я публиковал без особой фантазии под рубрикой «Битва за урожай». Первый секретарь не обошёл вниманием и нашу газету, пообещав редактору выделить одну квартиру для её сотрудников в новой строящейся кирпичной двухэтажке. Редактор, ранее видевший меня с девушкой, которую я назвал в ответ на его вопрос невестой, вызвал меня к себе в кабинет и предложил написать заявление на квартиру, при этом намекая, что надо успеть до момента рас-

пределения жилья жениться. Я был не против квартиры, но как-то не представлял себе семейную жизнь с моей девушкой в качестве супругов.

72

Почему же я тогда и редактору, и другим знакомым или незнакомым людям представлял её своей невестой? Наверное, потому, что в то время просто не мог её назвать «моя подруга» – ведь подруги бывают только у девушек и женщин. Знала ли она, что я её называю невестой? Наверное, знала. А потому, как мы в первый же вечер нашего знакомства сблизились, то я и не представлял себе называть её иначе. В момент знакомства обнаружилось, что мы родились в один день. Только она на год моложе. Может быть, и это совпадение тоже подтолкнуло к нашему моментальному сближению. А ещё жаркий июль, любовь к поэзии и мягкость характеров. Из-за её доброты и уступчивости я и не мог представить её своей женой.

Почти каждый вечер сухого и по-летнему тёплого сентября я приходил к дому её тётки, у которой она жила после окончания учёбы всё лето. Она легко и сдержанно-радостно появлялась у калитки, и уже вместе мы направлялись в сгущающихся сумерках по одной из многих тропинок в приветливую берёзовую рощу. Медленно шагая в лёгком шорохе среди деревьев, я слушал её рассказы об очередном рабочем дне

КАЗАНЦЕВ Михаил Андреевич родился в Кемерове в 1945 году, с 1952-го жил в Калтане. Окончил истфак Томского государственного университета. Служил в армии, преподавал в техникуме, школе, трудился в шахте на подземных работах. Ветеран труда. Живёт в деревне Верхний Калтан. Печатался в газете «Калтанский вестник».

в детском саду, о том, как эти маленькие «издеватели», зачастую с немецкими фамилиями, потому что в войну их деды и бабки были массово завезены из Поволжья, мотают ей нервы. Я слабо сочувствовал, предвкушая радость уже скорого соития на лоне гостеприимной и такой ласковой природы. Иногда даже набегаящие лёгкие тучи, видимые в свете луны сквозь вершины берёз, ещё с тёмными листьями не могли набраться смелости и спугнуть нас, лежащих на мягкой сухой траве.

И в этот раз, закурив, я присел, прислонившись плечом к берёзе, под которой мы лежали, и поведал ей о сегодняшнем событии с вручением мне военкоматской повестки на медкомиссию. Она, не вставая, подобралась ко мне, положила голову на моё плечо и неожиданно низковатым глубинным, казалось шедшим из души, голосом запела: «На тебе сошёл клином белый свет...».

Когда она так же с тоской выводила: «Я могла бы побежать за поворот...» – я хотел представить час расставания с ней, но что-то не получалось. И даже после заключительных строк песни: «Сколько зим, ты тихо скажешь, сколько лет», – мне не стало жалко ни её, ни себя. Нежная грусть и абсолютное безразличие к будущей своей и её судьбе одолели меня. Было хорошо здесь и сейчас. А что будет через неделю, месяц – война, зима, служба в армии или женитьба – не трогало меня. А вот мелочи, вроде той, что житьё на постое у бабы Тани, особенно после отъезда моего дружка Борьки, стало не просто невыносимо однообразным и полуголодным, а невозможным и заставило уже в середине октября искать новое место проживания.

Ах, баба Таня, баба Таня, почти полвека прожила она за своим «деданькой» – бывшим ветераном первой мировой, как «птичка Божия, не зная ни заботы, ни труда». После внезапной смерти весной этого года «деданьки» она получила половину его пенсии на житьё-бытьё, которой вполне хватало на безбедное существование. А наши сорок рублей за постой она пускала на производство браги, которую сама же с племянниками и потребляла на затянувшихся с весны поминках. Своих детей у них с «деданькой» не случилось – бог не дал. Тяжко было, приходя с работы, видеть её плачущую и взывающую к фотографии покойного среди немой посуды и засыхающих луковых перьев

на столе. «Да как же мне жить дальше? – стонала она. – Ведь он же был такой умный, партийный. Уважали его». За всю замужнюю жизнь так и не научилась она готовить еду. Даже кашеварил дома он сам.

Через два года, когда я ещё служил в армии, до меня донеслось известие, что в первую же зиму вдовства баба Таня поднялась на чердак своей маленькой избёнки и свершила над собой страшный грех – повесилась. В бога она не верила. Его ей заменял всю жизнь «деданька».

А меж тем ночи становились холодными, но по-прежнему сухими. В один из вечеров, когда я пришёл к заветной калитке, из дома вышла тётя моей невесты, тридцатилетняя молодая женщина, у которой рос сын-первоклассник «Витька-неслух». Она мне сказала, что Нина – так звали мою невесту и её племянницу – поехала домой в областной город, чтобы привезти тёплые вещи – зима-то не за горами. Я отказался зайти в дом на чай и в вечерней сгущающейся темноте отправился в редакцию; там за бутылкой недорогого вина в компании из таких же, как я, сотрудников в тепле под мерный глухой шум, доносящийся из типографской половины, можно было скоротать время за спорами о поэзии, за песнями Окуджавы. Но после увольнения и отъезда Борьки задушевность песен не складывалась, а ночевать идти в избушку бабы Тани не хотелось.

Компанию за столом с бутылкой «Варны» мне на сей раз составили Коля, литсотрудник, заочник филфака, уже отслуживший на флоте, неспешно выбирающий себе достойную будущую супругу, да метранпаж Крупчиха – бойкая бабёнка тридцати с лишком лет, без гордости носящая знаменитую фамилию жены Ленина. Коле не терпелось скорее вычитать последний оттиск свежего номера газеты и отправиться к очередной пассии, поэтому я предложил ему заменить его, пообещав не допустить «ляпов». Я-то не спешил никуда. Полбутылки недопитого вина одиноко маячили на столе. Наконец Крупчиха принесла последний оттиск, присела рядом, я налил и ей. Она не отказалась и маленькими глотками цедила приятное вино, пока я скороговоркою вслух вычитывал номер. Когда я налил ещё раз, она будто и не заметила, продолжая потягивать вино и терпеливо ожидая, когда я закончу и поставлю подпись. Затем унесла последний оттиск печатнице. Через ми-

нута ритмично заработал печатный станок, а в кабинет опять зашла она и поинтересовалась, почему я не спешу домой. Пришлось объяснить. Я разлил остатки вина, мы выпили, бледноватое лицо её порозовело, в глазах появился решительный блеск, и она участливо предложила мне остаться ночевать в кабинете редактора, ключ от которого имелся у неё: ведь она по совместительству являлась и кассиром редакции, а сейф с деньгами стоял в том же кабинете. Из этого небольшого железного ящичка ей частенько приходилось выдавать нам – конечно же, с разрешения редактора Якова Прокофьяча – небольшие авансы на очередную пирушку по какому-либо поводу, а иногда и без него – просто «под настроение». Между тем, она растегнула верхние пуговицы своего рабочего, из чёрного сатина, халатика, сверкнув совсем белой, без летнего загара, кожей, сняла с шеи связку ключей и тихонько открыла дверь заветного кабинета. У боковой стены просторной комнаты стоял удобный старый упругий кожаный диван, широкий с круглыми валиками по бокам. Свет она не включала, его достаточно проникало сквозь дверное рифлёное стекло из коридора, затем, встав на стул, сняла одну из плюшевых мягких и скользких штор – вместо одеяла и осторожно, беззвучно вышла. Было слышно, как плотно захлопнулась двустворчатая дверь в типографию, и неравномерный стук печатного станка стал более монотонным, тихим и усыпляющим. Я разделся и лёг под приятно скользкую штору. Тени деревьев из уличного окна слегка качались на стене кабинета и стульях, стоящих вдоль неё. Крупчиха, наверное, уже спешит домой к любимой дочке, которая одна дожидается её с работы.

Но неожиданно чуть слышный до этого стук печатной машины на мгновение усиливается, я открываю глаза и вижу на фоне стеклянных створок двери силуэт бесшумно приближающейся к дивану фигуры. Она садится на край, спрашивает: «Не спишь?» «Нет ещё», – отвечаю. Молчит, не может объяснить своё появление. И вот, будто осмелившись, начинает: «Помнишь, две недели назад вашу вечеринку в редакции, я ещё сказала тогда, что у моей дочери день рождения?» Я, конечно же, помнил, и тогда и сейчас. За вином в тот вечер выпало идти мне. Покупая вино, я почему-то вспомнил, что дочке Крупчихи исполнилось десять лет,

и на сдачу вместе с закуской купил для неё большую плитку шоколада. За столом, среди весёлого возбуждения, я поздравил добрую кассиршу и подарил её дочери шоколад. Для нас, молодых, не имеющих своих детей, этот момент остался почти незаметным. «И шоколадку помнишь?» – продолжает она. «Конечно помню», – отвечаю, а её тёплые, слегка шершавые руки уже у меня на плечах, груди под скользким плюшем. Я ответно протягиваю руки, трогаю её подёрнутые жирком бока, крупные мягкие груди. Она сползает рукой ниже по телу, убеждается в нужной реакции, затем поднявшись, раздевается. И хотя она была абсолютно непритягательна для меня, я пребывал в той поре и состоянии, когда, как у пионеров на призыв: «Будьте готовы!», следовал ответ: «Всегда готовы!»

Никакого продолжения в последующем у нас не было да и не могло быть. В памяти она осталась из-за своей фамилии, которую все произносили на деревенский манер, не смея путать с женой вождя, да профессии, трудно произносимой из-за иностранного звучания.

Я её не осуждал, но было очень странно – шоколадка и... такая вот благодарность. Больше никогда такого у меня не было, хотя женщины были, и подобные поводы случались.

Начало следующей недели совпало с прохождением медкомиссии, хождением по врачам, указанным на военкоматском бланке. «Годен», «годен», «годен» – были приговоры всех специалистов, а иначе и быть не могло, ведь на военной кафедре универа нас готовили к службе офицерами. Только кардиолог отметил повышенное давление. На его вопрос, употребляли ли накануне алкоголь, я простодушно ответил: «Да, было». Его предложение померить давление в течение нескольких дней, я отклонил, не потому, что рвался в армию – просто не хотелось ежедневно ходить в больничный городок на край райцентра и выглядеть в глазах военкоматских чинов пытающимся «откосить» от призыва.

А между тем ночные холода наступившего октября вызлатили берёзовые рощи вокруг села. В старинном купеческом особняке, в котором располагалась редакция и типография «районки», вставили вторые окна и начали протапливать печи. В эти дни в редакцию был принят новый сотрудник, причём сразу заведую-

щим сельхозотделом. Среднего роста, сухощавого, с незаметной из-за цвета волос сединой, сорокапятилетнего мужчину в очках по фамилии Пирожков мы, молодые лоботрясы, чуть было не приняли очень несерьёзно, под стать его фамилии. Однако к вечернему застолью по случаю знакомства с ним, мы уже знали от Феди, что Борис Николаевич (так звали новичка) – фронтовик, ветеран Великой Отечественной и – самое главное – шурин Исаака Бабеля. Оказался он «своим парнем», довольно простым, но интереснейшим рассказчиком, тем более, что ему было о ком и о чём поведать удивительные и жизненные истории – как о войне, на которой он служил корреспондентом армейской газеты, так и о знаменитом муже своей сестры. Как ценнейшую реликвию, хранил он подарок зятя – добротное кожаное пальто, с тёмно-коричневым блеском. Подарок был сделан им незадолго до ареста и гибели. Только редким своим знакомым Борис Николаевич, вынимая из старого шифоньера, показывал прекрасно сохранившееся, довольно тяжёлое пальто и рассказывал, как он зимой в лёгкой стёганой куртке приехал в гости к сестре, а на обратный путь получил от зятя этот тёплый подарок. Возникал вопрос, как он, будучи членом партии, военным корреспондентом на фронте, за столь длительное время не достиг по службе более значительных высот? Но уже в первые дни работы за нашими весёлыми застольями этот вопрос вполне прояснился. В потреблении спиртного он от молодежи не отставал.

К концу недели своего отсутствия объявилась моя невеста. Выглядела она безрадостной и нездоровой, как будто скучала и жалела, что, связавшись со мной, вместо городского распределения предпочла село. А я, чувствуя вину в том, старался ни о чём не спрашивать её – такой задумчивой и печальной она выглядела. Когда мы вместе проходили мимо районного кинотеатра, на нас с яркой афиши взглянула Ассоль – Вертинская, приглашая на фильм «Алые паруса». Почти на два с половиной часа в молчаливом восторге, взявшись за руки, не замечая окружающих, погрузились мы в мир прекрасного волшебства. Море, горы, сосны, яркие картины Крыма и на этом фоне феерическая любовь Артура и Ассоль.

Когда мы вышли из узкого кинозальчика, меня вновь охватила просто невыразимая тоска:

до того тусклыми и серыми красками поздней осени были нарисованы окружающие пейзажи. И люди, выходящие вслед из широко распахнутых дверей с облупленной штукатуркой задней стены кинотеатра, казались такими же удручёнными, не желающими расстаться с красивой сказкой Грина.

Провожая невесту к дому, я молчал, как и она, но когда до калитки оставалось совсем немного, остановила меня, обняла, а потом повинулась в том, что никуда она не уезжала на прошлой неделе, а в местной больнице сделала аборт. С глазами, полными ожидания и мольбы, она искала у меня ответ, готовая на любую реакцию. А у меня первой и единственно ясной высветилась мысль о том, что и я в её представлении не очень-то серьёзный жених. Счастливое и беззаботное время наше заканчивалось.

В понедельник после планёрки ко мне подошла Крупчиха и сказала: «Пойдём, я нашла для тебя подходящий дом с маленькой комнаткой. Хозяева её старые немцы. Дом большой, но тёплый, а их дочь уехала в поисках счастья на Север». Минут через десять я поздоровался с пожилыми супругами, сидящими во дворе на чистеньком уютном крыльце. Они, должно быть, ожидали моего визита, и хозяин сразу повёл внутрь дома, приглашая оглядеть мой будущий угол – маленькую, но светлую комнатку, половину которой занимала кровать. Выйдя снова во двор, я прислушивался, как старики обсуждали условия моего содержания, питания, причём на немецком языке. Без труда я разбирал, что в моём рационе будут Milch, Eier, Butter, Gemüse... Ожидая окончательной суммы за постой, я был обрадован, что она только на червонец превышала плату бабе Тане. После моего согласия договорились, что я перейду к ним первого числа следующего месяца. (Не предполагал я в тот момент, что первого ноября за тысячу километров отсюда буду стриженным «под нолик», в новой форме, остро пахнувшей свежей тканью, сидеть в мрачной одноэтажной казарме, не веря, что стал военнослужащим на три долгих года.)

А пока, вернувшись в редакцию, я получил устное распоряжение Якова Прокофьяча сходиться в военкомат с паспортом. Мелькнула неживучая мысль, что он, член бюро райкома, мог бы спокойно «отмазать» от службы, как он без

труда отсрочил от призыва уже не первый год редакционного шофёра. Но я не собирался делать какие-либо шаги в этом направлении. Пребывая в состоянии осенней сонной мухи, трепыхаться не хотел, будь что будет.

Недалеко от военкомата во дворе садика моя невеста выгуливала детвору. Она заметила меня, окликнула и, узнав, куда я направился, выразила желание сопроводить. Я удивился и сказал, что в армию пока не забирают. Но она, крепко сжав моё предплечье и не слушая возражений, решительно шагала рядом. Найдя в старинном бревенчатом здании нужный кабинет, мы вошли. За письменным столом, заваленным стопками папок с тесёмочными завязками, сидел довольно безразличного вида здоровый краснолицый старший лейтенант, судя по эмблемам в петлицах – артиллерист; на гладком пухлом лице резко выделялись следы небрежного бритья. Маленькие маслянистые глазки его установились куда-то за мою спину, и он вдруг потупил свой пороссячий взор. Старлей возрастом лет тридцати с лишним сразу вызвал антипатию. Невеста тронула меня за руку и, сказав, что подождёт в коридоре, вышла. Он перевёл взгляд на меня, молча протянул руку ко мне, продолжавшему стоять посреди кабинета, и, наконец, коротко спросил паспорт и приписное удостоверение. Чёрно-зелёная тонкая книжка с фотографией шестнадцатилетнего парнишки перекочевала на его стол. Он крикнул в сторону смежной с кабинетом комнаты, оттуда появился писарь и забрал мои документы. А мне было предложено подождать в коридоре, пока будет оформляться мой новый документ – военный билет. Невеста сидела нервно-напряжённая и ждала от меня или объяснений, или вопросов. «Сейчас выпишут военный билет», – сказал я, и она, казалось, успокоилась, ожила, повеселела. Только через три месяца в письме она объяснила мне, что этот военкоматский старлей «положил на неё глаз» ещё с тех пор, как она устроилась на работу в детсадик. Жена старлея работала здесь же поваром. К тридцати годам, набравшая вес около десяти пудов и потерявшая надежду иметь детей, она перестала интересоваться мужа.

Получив без поздравления и рукопожатия в таких случаях военный билет, заполненный красивым почерком с завитушками в заглавных буквах, я стоял, ожидая возврата паспорта, но старлей, ухмыляясь, объяснил, что паспорт я по-

лучу только после трёх лет службы, которая начнётся для меня с... (он растянул это удовольствие, взглянув в повестку тут же мне врученную под подпись) двадцать первого октября.

Ну что ж, вперёд к неизведанной жизни, знакомой мне только по весёлым фильмам о Иване Бровкине и Максиме Перепелице.

В редакции уже все знали о моём призыве и готовились к вечернему прощальному пиршеству. Крупчиха выдала расчёт за отработанные дни и двухнедельное пособие, итога аж около ста пятидесяти рублей. Нас с невестой отправили в магазин, снабдив объёмистой хозяйственной сумкой. Редактор, зная, что сабантуй по случаю проводов не обойдётся без песен и пляски, распорядился организовать его в просторной квартире своей секретарши. Сам он, как всегда, редакционных застолий избегал. К вечеру уютная тёплая квартира заполнилась гостями. Из магнитофона лились песни «парижского воробышка». Девчонки из типографии помогали хозяйке накрывать стол. Отсутствовали только четверо. Кроме редактора, не было заведующего типографией. Он, тихий домашний пьяница, присутствовал на вечеринках только по заданию самого Якова Прокофьича. Не было молоденькой беременной корректорши да старшей печатницы, всегда строгой, с осуждением взирающей на «современную молодёжь».

После нескольких рюмок раскрасневшиеся молодые наборщицы, глядя на нас с невестой, затаили, как положено в таких случаях: «...вы служите, мы вас подождём», а замредактора торжественно произнёс рифмованное напутственное слово новобранцу, хотя сам в армии не служил и в увлечении поэзией ранее замечен не был. Ещё через часок я заскучал, хотелось напоследок уединиться со своей девушкой, покинуть расшумевшуюся весёлую компанию. Будто читая мои мысли, бойкая Крупчиха отозвала меня и с заговорщическим видом сунула ключ от кабинета с заветным старым диваном, предупредив, что утром до начала работы зайдёт за ключом. Незаметно порознь, пока девчата запевали очередную песню о том, «что для солдата главное ...», мы с невестой покинули эту весёлую обитель, где на смену песням уже просились анекдоты. Тёмное беззвёздное небо и холодный ветер с реки прижал нас плотно друг к другу, и мы быстрым шагом пошли к редакции...

«А поутру они проснулись...», но не было, как в песне, помятой травы, а только наполовину свалившаяся с дивана на пол плюшевая сморщенная штора. Несмотря на поздний октябрь, показалось, что за окном уже светает. В полутьме она быстренько оделась, прильнула ко мне с долгим поцелуем, пообещала подойти к автобусу, что должен был после обеда увезти призывников в город.

Выкурив безвкусную с утра сигарету, я вышел во двор. О боже, что произошло за ночь в природе! Серой и мёртвой осталась только широкая река, всё остальное пространство сияло чистым первым снегом. Невероятное торжество царило кругом и отвлекало от

грустных мыслей. Через час потеплело под лучами встающего солнышка с крыш закапало.

Наше маленькое прощание с Фёдей и Борисом Николаевичем за бутылкой «Варны» оборвал звонок из военкомата. Оказалось, что автобус неисправен, поэтому в облцентр полетим с местного аэродрома на «кукурузнике», причём уже через полчаса. На редакционном ярко-голубом «газике» мы подкатили прямо на лётное поле к уже готовому взять разбег Ан-2. После взлёта пилот, наверное, специально сделал большой прощальный круг над селом. Я успел различить дом с калиткой, где безмятежно спала моя грустная невеста.



**Владимир
КРЮКОВ**

**БОЛЬШАЯ
РЕКА**



Ах, давно это было! И время было простое, но для мальчишек тех лет весёлое, манящее дальше по бесконечному полю жизни. Вот какое было время: на всю деревню – три мотоцикла, и пацаны бежали за проносщимся «ижом», стреляющим сизым дымом, чтобы глотнуть, вдохнуть отработанный бензин из выхлопной трубы. Они любили и другие, близкие с рождения запахи – навоза для огуречной гряды, коровьего стада, растекающегося вечером с улицы по дворам, любили дым сжигаемой картофельной ботвы. Но это был новый, экзотический запах и новый голубой дымок романтики.

В тот год, весной, взлетел в космос Гагарин, и все обсуждали нерядовую новость. Старики и вполне пожилые крестьяне, сосланные сюда, за Нарым, говорили про этот виток ракеты вокруг Земли спокойно. А тех, кто помоложе, внезапная гордость охватила. Казалось, у них тут своих забот хватает – и по мере взросления их только прибавляется. Но, может быть, жизнь больше и не даст повода для такого высокого чувства. А тут оно всколыхнулось. Затрепетало... Не всякий сейчас вспомнит тот знаменитый год, начало космической эры. 1961-й.

Под косогором на краю деревни текла речушка. Название у неё было красивое – Ольга. Она была мелкая, но хорошо проточная, потому

не было мест, захваченных тиной. На таком мелководье вода, что у берега, что на серёдке, была равно тёплая. И хорошо было в ней плескаться – всем по пояс и лишь на самой *глыби* до плеч. Каждый летний день часами валялись у воды несколько таких же малолеток, как Митя (он первый класс нынче закончил). И тучи не страшали, не отпугивали: бежать до деревни в случае затяжного ливня или дождя недалеко. Но погожих дней было несравнимо больше.

Взрослые ребята купались на другой реке, до неё надо было идти через поле и овраги, пожалуй, километра два. Там, на большой реке, были места, где сразу резко от берега начиналась глубина. Ребята отыскивали такой крутой обрыв, где с разбега можно было нырять хоть солдатиком, хоть по-взрослому – вниз головой, с вытянутыми вперёд руками. Там над водой нависали большие деревья. Рассказывал об этом Мите Васька Помешкин, насмешливо глядя на мелководную Ольгу. На берегах Ольги, кроме яркой зелёной травы, ничего не росло, ни одного куста, помогающего спрятаться от зноя. Здесь в солнечный день да ещё в безветрие было утомительно. Рассказы Васьки западали в память и снились иные берега, иные волны.

Зато в августе, когда уже не палило, а грело, выйдя из воды, можно было зарываться в тё-

КРЮКОВ Владимир Михайлович родился в 1949 году в селе Пудино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Поэт, прозаик, краевед. Автор многих книг стихов и прозы. Публиковался в антологии «Лёд и пламень» (Москва, 2009), журналах «Звезда», «Знамя», «День и ночь», «Сибирские огни», в русскоязычных альманахах Германии «Эдита» и «Пилигрим». Член Союза российских писателей. Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

плый песок. На нём оставляли следы присутствия деревенские коровы, и не только следы копыт, но и большие блины, которые рождались иногда прямо на глазах малышей. Коровы задирали хвосты, и лепёшки укладывались на землю со звуком, напоминающим хлопки в ладоши.

Ребятня прогоняла коров подальше вовсе не из-за этих лепёшек, быстро подсыхающих на солнце, а из-за паутов – тупых и агрессивных кровососущих. Часть их, прилетая за коровами, переключалась на детей. Из-за бесшабашной устремлённости на кровь век паутов был недолог. Наглость не прощалась, вера в безнаказанность их губила. Даже самые маленькие пятилетки (в деревне привычно звали их шибздиками) лупили мерзавцев наповал, не давая им присосаться. Но лучше бы их вообще не было. Потому отгоняли коров, которые тоже хлестали себя по бокам направо-налево, впрочем, скорее отмахиваясь, чем убивая.

Митя прибежал домой голодный. Бабушка встречала радостно, приговаривая: «А мы сейчас живой рукой соберём на стол». *Живой рукой* – это он запомнит на всю жизнь. То есть скорее, по-быстрому. А сколько других её при сказок, особых словечек забудутся, затеряются в суетной жизни. Бабушка по-кержацки звала верхнюю одежду *лопотинной*, улица у неё называлась *улка*, красивое платье у неё было *баское*.

Слушал разговоры бабушки со своими подругами и, казалось, не вникал. А вот кое-что запомнилось. И почему именно это? Вот как история про Сухиню. Наверное, всё дело в этой необычной фамилии. Рассказывалась довоенная ещё история, когда некоторые ссыльные из этих мест совершали побеги. В основном зимой, когда застывали реки и болота. Рисковые были люди, и не у всех получалось уйти далеко, затеряться в просторах Сибири. Но кому-то удавались эти отчаянные походы. Таки ушёл, схоронив жену, Сухиня с подростками – дочерью и сыном... Через несколько лет вернулся в деревню, отслужив в армии, сын колхозного конюха Ляхов. Среди прочих армейских баек поведал и такую. В начале службы было общее построение. Командир выкрикивал по фамилии, будущие солдаты отвечали: «Я!». Ляхов на всех поглядывал. И закричал, когда один парнишка отозвался на фамилию Панов: «Какой же ты Панов? Ты ж Сухиня!» Произошла заминка, командир строго спросил: «В чём дело?». И дурковатый Ляхов охотно ответил: «Я ж его узнал!» После строя

дал он пояснения начальству. И Сухиню больше никто из солдат не видел.

Старухи печально качали головами. И Митя, кажется, впервые переживал предательство, как будто оно его коснулось. Но старухи не поминали Ляхова недобрым словом, а только лишь: «Вот Бог и наказал», потому что он погиб чуть ли не вначале войны. А за что же Бог наказывал хороших людей, думал Митя. Вон у Васьки Помешкина отец пришёл с войны израненный и десяти лет после Победы не прожил. А сколько вообще не вернулись. Как их вспоминают, какие они были добрые, весёлые, славные люди.

Однажды утром Митя отправился обычным маршрутом в магазин за хлебом. Иногда, как сегодня, приходилось дожидаться, когда из пекарни приедет подвода. Подъехав к магазину, возчик Гена Полоротый (у него и вправду рот всегда был приоткрыт) привязывал лошадь к столбу ограды и распахивал большой деревянный ларь. Там на поддонах лежали свежие булки с наплывающей, нахлобученной коркой. Такой хлеб был только в том деревенском детстве. Во взрослой жизни Митя покупал уже аккуратный стандартный хлеб, который не нужно было взвешивать на весах. А какой одуряющий запах шёл от этого хлеба! Может, из-за него, этого вкусного, дразнящего запаха и стоило приходиться прямо к разгрузке.

В это утро Митя неожиданно стал центром внимания. Мальчишка годами тремя старше (Митя знал его и по фамилии – Брагин) смотрел на него насмешливо-внимательно и вдруг спросил своих таких же по возрасту спутников:

– Этого, что ли, бабушка привязывает ниткой за ногу, чтобы не потерялся?

Товарищи его засмеялись. Митя стоял, не зная, что ему делать. Хотелось повернуться и убежать, но он уже понимал, что это будет трусость. Но не оправдываться же, не смеяться вместе с ними. И кто это придумал такую глупость?

Тут из переулка появился босоногий Васька Помешкин со своей кирзовой сумкой в руке. И к нему тоже Брагин обратился:

– Его бабушка привязывает ниткой, чтоб далеко не убежал?

Васька обернулся к растерянному Мите. Сказал подросткам:

– Не, это не про него. Он вообще с нами просится к реке сходить.

– Ну, если просится, давай сегодня и возьмём. Пойдешь с нами?

Отступать было некуда. Митя кивнул. Тут Гена и хлеб подвёз. И другие темы разговоров нашлись. И Васька уже на пути из магазина довольный лопотал своей скороговоркой:

– Ну ты ж правда ни разу на реке не был? Пойдём! Прихвати у бабки пару огурцов да кусок хлеба, только незаметно, чтобы шум не подняла. Я тебе под окном помаячу, и побежим.

И ушёл тогда Митя к большой реке, не сказавшись бабушке.

Перешли Ольгу вброд, спустившись прямо с улицы Набережной, сразу за колхозным конным двором. Весело шла новая для него компания по незнакомому лугу. То есть луг этот Митя видел со своего огорода и с берега родной для него Ольги. Но луг заканчивался для глаза полосой тёмного ельника на взгорке. За чёрные пики ёлок и садилось летнее солнце. Теперь же они шли по лугу, по едва намеченной дороге, но всё-таки она была, продавленная тележными колёсами, отмеченная кое-где следами конского навоза. А вокруг стояли травы, в них гремели кузнечики, иногда в чистый свежий запах луга вплетался сладкий дух лабазника или медуницы. Вдруг кто-то из пацанов срезал высокий стебель пучки, отрубил до размеров школьной линейки и начал пулять в товарищей через эту полую трубку загодя прихваченным из дому горохом. Надоело – бросил её в траву. И опять они шли, смеясь и болтая, по зелёному лугу. Потом поднялись на пологое взгорье, прошли еловым леском (тем, который из деревни казался краем мира) и вновь спустились. И это уже был берег реки. Она показалась Мите большой. Да такой и была – метров с полста до другого берега, густо поросшего тальником и черёмухой. Светло-зелёная вода медленно двигалась мимо. И в этом достойном движении, в отчуждённости и независимости виделось ему что-то тревожное, опасное. И несмотря на галдящих собратьев, сбрасывающих свои холщовые штаны и сатиновые трусы, он не мог освободиться от этого чувства. Но нашлась и для него заводь с мелкой прогретой водой, куда он и вошёл, и присел, погрузившись до шеи. А дальше открывался широкий простор, куда заплывали ребята постарше. Потом жгли костёр, ели, что бог послал – огурцы, яйца вкрутую, хлеб, Брагин со своим соседом пили молоко из одной бутылки. Хотели сегодня дойти до плотины, но уже устали от плавания, заленились. Ладно, в другой раз. *В другой раз.*

Митя возвращался, гордый победой над собой, с радостным чувством открытия новых земель. Сколько прибавилось сегодня освоенного пространства!

И вот Митя видит у крыльца бабушку. На ней лица нет. Самые страшные бабушкины ругательства: «Пролета голубушкá» (от проклятая), «Будь ты неладна» (чаще всего обращённое на себя за якобы какие-то промашки). И вовсе экзотические: «Андрян дикой» и «тун-тун-игоян-братка». Ни одного из них Митя не удостоен.

Соседские старухи – и это не раз слышал Митя – грозились беспутным внукам божьей карой: «Ох, смотри, паршивец! Бог – он всё видит! Накажет, так и знай!». Бабушкин Бог был человечней. Он жил в её благодарных молитвах и никогда не представлял строгим экзекутором. И сейчас она к нему не взывает.

Она просто молчит, только позволяет себе заплакать, когда отпустило напряжение. Как всё меркнет перед этим горем! И раскаяние охватывает Митю, и стыд – как он мог ещё минуты назад радоваться удачному обману, бесследному исчезновению из-под бабушкиного призора. Они примиряются, бабушка тихо плачет, прижимая его к себе и поглаживая коротко стриженую голову.

И на завтра он уже не идёт с пацанами, не смотря на их подначивания.

А после обеда бежит по улице тётя Шура, из ссыльных, латышек и кричит: «Ребята потонули!». Они дошли-таки до плотины, а там на привязи – чья-то лодка, они забрались, лодку снесло к водопаду, и один из троих не выплыл. «Это и был *другой раз*», – с ужасом подумал Митя.

Уже вечером эту жуткую историю представлял её свидетель и участник Васька Помешкин:

– Какого чёрта эта мелюзга в лодку полезла! Их и снесло к водопаду, и выбросило в поток. Крыгин ещё сумел выпрыгнуть. Сашку Пестерева я выловил, его почти к берегу прибило. Он воды нахлебался. А Вальку не удалось догнать. Я бежал вдоль берега, думал перехватить его на мостках, которые там недалеко. А он нырнул – и с концами! Мужики его ниже нашли, где течения уже нет почти...

Валька Чудаков был мальчишка из параллельного Мите класса. Русый, невеликий ростом, но складный, заводной, вполне отвечавший своей фамилии. Митя вместе с другими не раз смеялся его проделкам на перемене. И вот сейчас Валька вернулся домой не своим лёгким

шагом – его привезли бездыханного на телеге. И мать, и сёстры плачут-убиваются. А отец сидит во дворе и курит папиросы одну за другой.

Митя не пошёл проводить Вальку на кладбище. «Я не могу, баба», – сказал, умоляюще глядя ей в глаза. «И не надо, если не можешь. И не надо», – бабушка провела рукой по его голове, похлопала по спине и, уже отворачиваясь, проговорила тихо, для себя, но он услышал: «Наглядишься ещё». И правда, так оно и было.

И вот родители переехали в посёлок далеко отсюда, ближе к городу. И в новом доме у них с бабушкой тоже был отдельный угол до поры, пока он не уехал учиться в город. Он сказал ей тогда: «Помнишь, как ты радовалась, что я в первый класс пошёл? А вот уже на первом курсе института». Бабушка ответила просто: «Дал Господь боле, чем просила».

На втором году учения Митя с подачи старшекурсника открыл для себя Пастернака, читал и перечитывал, испытывая новое чувство упоения. И когда наткнулся на строки:

*И белому мёртвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даёшь»,*

то сразу вспомнилась бабушка, тихо ушедшая прошлой весной. Никого не обременившая заботами, так и не побывавшая немощной или слабой. И Митю взволновало, как сопрягнулись слова великого поэта и его неграмотной бабушки.

...Когда Дмитрию было уже далеко за двадцать, полетел он на родину на испытанном друге северян Ан-2 и, глядя в иллюминатор рокочущей машины, видел внизу редкие ниточки речушек, иногда массивы тайги, а больше – всё болота, болота. Ни жилья, ни возделанной земли. Безлюдье, болота...

Теперь он уже знал, какая злая воля сорвала людей с насиженных мест и бросила сюда, на край света. Тех, кто это устроил, нисколько не заботило, выживут ли мужики, женщины, дети. А они, скреплённые общей бедой, выжили (не все, понятно) и почти сроднились.

Уже не первый год шофёры укрепляли на ветровом стекле фотографию человека, который «выиграл войну и спас СССР», как они повторяли с чужих слов. Человек этот при царизме отбывал ссылку именно в этих местах и благополучно бежал, то есть почти не таясь, уехал отсюда на пароходе до Томска, а там по железной

магистральной последовал дальше, в Россию, чтобы с товарищами продолжить подготовку освободительной революции.

Новая власть посчитала эти места вполне пригодными для новой ссылки, но она учла просчёты и послабления царской системы. При советской власти только крепкие люди решались на побег отсюда.

А такие хрупкие, как Альма Яковлевна... С не проходящей жалостью вспоминал он эту яркую красивую еврейку с грустными глазами, на которую засматривался с детской влюблённостью. Её разлучили с мужем, сослали в эту глушь из тёплой, обжитой предками Бессарабии. И спасло её здесь медицинское образование, полученное не где-нибудь, а в Вене. Подумать только – где Вена и где забытое Богом село в нарымских болотах. Но самое удивительное было дальше. После отмены комендатуры многие ссыльные уехали, кто почти втихую, наскоро собравшись, как будто боясь, чтобы власти вдруг не передумали. Кто, попросившись по-людски, вечером в небольшой компании за самогоном, как отец Митиново одноклассника Юзика, крепкий молчаливый литовец. Уехала на родину и Альма Яковлевна. И вдруг на другой год возвратилась. В родных местах никого из той счастливой жизни она не нашла и не встретила – муж погиб в лагерях, брат умер, другой брат уцелел в военной круговерти и очутился в Америке. И оказалось, что самые близкие люди живут здесь – врачи и медсёстры, их дети. С мужчиной она ни до отъезда, ни после *не сошлась*, как это называли в деревне. Но место в больнице для неё нашли. Не врача, конечно. Никакого венского диплома она предъявить не могла, да, наверное, начальство и не признало бы несоветской бумаги. Но старшую медсестрою работала до конца жизни. И прожила она немного за шестьдесят. Она переписывалась с братом, получала редкие посылки, угощала Митю заморскими конфетами, шоколадом.

А однажды сделала фантастический подарок: принесла тонкую папку размером с альбом для рисования. Но это была не простая папка. Во-первых, на обложке был штурвал старинного корабля – он вращался на круглой стальной скрепке. Альма Яковлевна открыла папку и поставила на стол. Именно поставила, потому что перед Митей и бабушкой выросли парусные корабли Христофора Колумба – и «Санта-Мария», и «Пинта», и «Нина»... С мачты главного кора-

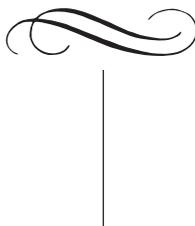
бля матрос простирал руку, и рот его был открыт в радостном крике. Понятно, он кричал: «Земля!». Громадная картонная конструкция «Санта-Марии» крепилась нитями, которые казались верёвками настоящего корабля. Митя замер в полном восхищении. Альма Яковлевна тихо улыбалась красивыми грустными глазами.

Но ни Альмы Яковлевны уже не было среди живых, ни тётки Шуры – глашатая всех новостей, и трагичных, и радостных. Тётя Шура тоже покоилась здесь, не пожелав отправиться, когда это стало возможным, в свою Прибалтику.

Здесь же были похоронены и Хохряковы. Когда-то они жили по соседству с домом бабушки. Тётя Люба работала медсестрой в больнице, а сын её, взрослый парень, нигде не работал. Но это не как сегодняшние великовозрастные балбесы, которые просто не хотят. Миша не мог работать. Левая рука его висела плетью. Но мало того – он и умом был тронутый. «Февраль» называла таких мать Васьки Помешкина, подразумевая, что у человека «не хватает». А в чём это выражалось? В том, что развитием был он на уровне дошкольника. Ему уже семнадцать-восемнадцать, а люди называли не иначе как Мишкой. Но Митя в отличие от других звал его Миша. Оба они самозабвенно любили кино. В деревне,

понятно, на киносеансы все ходили. Но так смотреть, чтобы назавтра припоминать поразившие места, хохотать или, наоборот, ужасаться, могли немногие. А они этому от души предавались. Правда, вспоминал эпизоды Митя, обращая к старшему другу реплики типа «а помнишь?» или «здорово, да?», а Миша лишь согласно гудел да смеялся охотно. О чём ещё говорили? Иногда Митя, глядя, как под вечер стянуло тучи, мог сказать: «Похоже, завтра погода испортится?». И старший товарищ отвечал: «А что? Свободно». Остался он в памяти на всю жизнь со своим неизменно добрым взглядом.

Митя пришёл на кладбище. Когда-то его обнимал березняк. Сейчас остались деревья, которые росли у самых могил и тронуть их, видимо, было неловко. Остальное выпилили на дрова. Остановился с краю, не стал пробираться между холмиками и погнившими оградками, искать знакомые имена на крестах и памятниках. Всё кладбище было одной дорогой могилой. Всех вспоминал он, стоя в пожухлой сентябрьской траве – и безымянных людей, которых встречал на улицах или в магазине, и тех, с кем сидел за чаем в гостях у одноклассников, и знакомых бабушки, и друзей отца-матери. Все они были ему родней.



**Татьяна
НИКОЛАЕВА**
КОЛОКОЛ



*Чтобы колокол был слышен далеко,
Колоколу должно быть очень больно...*

И Мун Дзэ

В ТОСКЕ

*Белым – по чёрному, чистым – по скверному
снова февраль нас стирает с лица
гордого незамутнённою верою
города-чернеца.*

*Сколько ему доставалось от племени
власть-пре-держаше-сменяемых каст?..
Есть епитимия места и времени –
Бог и воздаст.*

*Город-чернец одержим послушанием:
уголь, руда, коксохим и цветмет.
Что сокровенно в тоске разрушали мы?
Менталитет:*

*золото – люди, и топливо – люди же,
судьбы по вышке закалку прошли.
Крест, освятивший Спасителю, будь же
милостив к детям земли!*

*Разве они не алкали, что сеяли?
Разве жалели и сил, и души
на возрожденье разумного семени?
Только судить не спеши...*

*Ты загляни в наши души отпетые,
и в неотпетые – Ты загляни:
теплого ливня, заботы ли, света ли
разве не ждали они?..*

Февраль 2014 г.

В КЛАССИЧЕСКОМ СТИЛЕ

*На Украине – окраине бывшей Руси –
маму мою Ты помилуй, мой Бог, и спаси!
Я-то в Сибири бытую
в классическом стиле.*

*К пашням слетелись
грачи и скворцы – это май:
с верой в груди
и с лопатой в руках принимай
всех, кто тебя
за твоё вольнодумство простили.*

*На Украине бендеровцы режут века,
перелицовывают свой зипун, а пока
кровью ржавеет асфальт
пресловутых майданов.*

*Ну а на пашнях – страда:
и грачи, и скворцы
дюбают вредных личинок, не метя в отцы
братских народов.
Да только до братства куда нам?*

83

НИКОЛАЕВА Татьяна Николаевна родилась в 1956 году в Семипалатинске в семье офицера Советской армии. До 1973 года училась в разных школах страны и за рубежом. Помнит гарнизоны Казахстана, Уссурийского края, Сахалина, Прикарпатья, Германии. Автор четырёх стихотворных сборников. Член Союза писателей России. С 1973 года живёт в городе Новокузнецке.

Вроде бы Новый Завет
имплантирован в нас,
все – христиане... Пока же психоз не угас,
судим друг друга по имиджу и по породе.
Предок забыт.

Окопались. Построен редут,
мама мне писем не пишет – они не дойдут,
папа на кладбище знает: и это проходит.

Май 2014 г.

В ТЕРПЕНИИ

У колокола моей души
украли язык на цветмет,
и в смирительной рубашке немотства она,
открытая всем ветрам, бессловесно
погудывает на четыре стороны света,
то взмывая в высь благодарением,
то погружаясь на дно отчаянием...
роняет последние опавшие смыслы
на рельеф стареющего лица, завершённый
глубокими морщинами от перепада культур.

У колокола моей души
сдали язык на цветмет!
Привяжите обломок базальтовый
в пространство вопиющих немотств –
непроницаемый шестигранник мужества
шести взоров духа, изнемогающего от
двухмерного формата письменной речи.

У колокола моей души
от прикосновения лапок шмеля
зазвенели любовью сплавы –
меди, золота, серебра, олова,
а от угля остался шлак...
Это прикосновение породило в душе дитя,
и оно хочет родиться!
Но язык украли на цветмет.

У колокола моей души
память зашкаливает на будущем, она
выгорела в огне ужаса перед ненавистью
братьев друг к другу, и только
сестрические лохмотья жалостливого тепла
под толщей белого пепла ждут
подачки: бросьте хотя бы
иссохшую в терпении траву, хотя бы
свернувшуюся негодованием ветвь –
лишние презренные никчемучки,
в которых дитя хочет родиться...

У колокола моей души
много любви – её хватит на
костёр для трёх женщин вдов,
забывших, что такое нежность. Бросьте
старые газеты, обноски, пачки от сигарет
в этот самозабвенный пепел светлых дней
прошлого, и вы увидите звёзды на небе
и лица тех, кому можно сказать
о красоте ночи, в которую
дитя ждёт рождения.

Колокол моей души,
обезьязыченный, алчет ваших
косынок, рубах, простыней, пелёнок... –
бросьте!

Пусть возродится пламя, пусть вам,
нагим, будет тепло около него,
пусть заголосит в рождающемся

колокол моей души –
последними вещами, с которыми
вы не могли расстаться прилюдно.
Нет никого... и больше не будет...
но дитя имеет волю быть!

У колокола моей души,
базальтово орущего в Небо,
вы совершенно святы,
потому что наги, потому что плачете,
потому что вам жалко Землю,
потому что и ваши языки
украли на цветмет.

Июль 2014 г.

В ТЩЕТЕ

Страшные вещи бывают на белом свете,
самые страшные – это родные дети,
волком рычащие из-под твоих молитв...
Страшные миги бывают в душе: мигни-ка, –
сердце опутают плесень и повилика,
и понимаешь, что это предвестник битв.

Страх одолеем! Возьмём свои мысли в руки,
скажем: готовы на подвиги и на муки!
Волю направим отчаянно от плеча!..
Брызги рябины, кровавые, в снег ложатся...
Нам приходилось и в юности облажаться,
в старости как-то паскудно. Но горяча

кровь наших дочек, сыночков,
висящих в рынке.
Я понимаю: я – лох, но гундѣж сурдинки
нового времени слишком похож на ложь.
Я понимаю: на правду всегда – глушитель,
я принимаю, но вы-то, орлы, пишете,
если писатели, – правду, а не гундѣж!

Правда кровава и пахнет навозом, дѣгтем,
и за неё отоварят пинком и локтем.
Это нормально. От этого не уйти.
Падают в землю безногие с неба птицы...
Вам никогда этот ужас в ночи не снится?
Изнемогаю в тщете этих птиц спасти.

Август 2014 г.

В МОЛЧАНИИ

...вот отпиваюсь таёжным чаем –
густым, горячим,
промываю сухие мысли
о том, что вижу.
Мы с тобою, душа, никогда уже
не заплачем, –
разряженные чувства... ведь небо
всё ближе, ниже,
звёзды – больше, я в них различать
начинаю лица,
и орбиты планет, словно нимбы,
вокруг роятся...

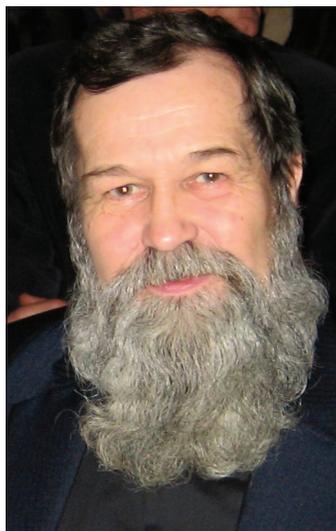
85

Ах, как ласково в душу ложится
чаёк с душицей,
наполняя жаленьем её, –
хоть живѣм да в святцы...
А давно ли я водочкой потчевала
её же –
эту душу, ещё не выкорчеванную
из детства?
Как полынно горчит обида,
когда не можешь
никуда от ярма, от дерьма,
от сумы не деться?!
Вот смородины правильный привкус:
висел листочек
над ручьём, от куста ни на шаг, –
не ярмо ли это?
Не сума ли – сермяжные ритмы
сушёных строчек
с золотисто-зелёным оттенком
тайги и лета?
Для кого я так нежно в молчаньи
слова смакую
Рядом нет ни души, – закричись...
Для Тебя ли, Боже?
Как давно ты не видел
полночно – меня – такую...
Вот и слёзы пришли. Это Ты.
Пожалел, похоже.
Октябрь 2014 г.



Николай КОНЯЕВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ



Дайте мне точку опоры, и я переверну мир. Не такое это сложное дело – переворачивать мир, если есть точка опоры и подходящий рычаг. Рычаг нужен обязательно. Главное, грамотно рассчитать длину – так, чтобы хорошенько взбодрить основную массу и не потревожить ненароком кого не надо.

Дайте мне точку и вы увидите, что будет. Дайте рычаг и через три дня вы не узнаете того, что было сделано за шесть. Дайте мне кто-нибудь семьсот пятьдесят рублей и ждите. Только больше не давайте. Если дать больше, последствия вообще – непредсказуемы.

Баю-баюшки-баю, многоуважаемая N. N.!

В этот поздний час позвольте пожелать Вам доброй, спокойной ночи и приятных, лёгких сновидений, коих Вы, несомненно, заслуживаете как совершеннейшую красоту, так и добрым сердцем Вашим.

Но пишу Вам, увы, не столько с наилучшими пожеланиями, сколько с целью предостеречь

Вас от возможной близкой опасности. Дело в том, что так упорно ширящиеся в последние месяцы слухи о вероятном появлении в наших окрестностях Серого Волчека, по всей видимости, не лишены серьёзных оснований. Озабоченность и тревога за Вас более не покидают меня ни днём ни ночью. Я содрогаюсь при мысли о том, что Вы по незнанию ли, или по неосторожности своей можете быть ухвачены за бочок этим жестоким, кровожадным, не знающим сострадания существом. И потому заклинаю, умоляю Вас: будьте осмотрительны, насколько это во власти Вашей, и ни в коем, ни в коем случае не ложитесь на край, какими бы вескими не казались Вам для этого причины.

Всеми силами души моей надеюсь, что предупреждение моё не опоздало, а так же на то, что оно не будет оставлено без должного внимания.

За сим позвольте проститься с Вами,
Покорный слуга Ваш, вечно Вам преданный
К.

Ничего не понимаю. Как можно ходить в гости с женой, если она своя? Сразу столько за-

КОНЯЕВ Николай Михайлович родился 25 августа 1949 в посёлке Вознесенье на берегу Онежского озера. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. В 1984–1986 годах работал редактором на киностудии «Беларусь-фильм» и в издательстве «Советский писатель». В 1986–1988 годах заведовал отделом прозы в журнале «Нева».

Член редсоветов журналов «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Проза», «Немига литературная», «Родная Ладога», газеты «Литературный Петербург». Автор более сорока книг. Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина, премией имени Андрея Платонова, премией ВЦСПС, годовыми премиями журналов «Наш современник» (дважды), «Молодая гвардия» (дважды), «Север», «Студенческий меридиан», премией «Русская повесть», премией правительства Санкт-Петербурга, премией Валентина Пикуля, Большой литературной премией России. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

претов... Нет, в принципе, всё можно: есть, пить, танцевать. Можно даже рассказывать анекдоты. Пить нельзя. А как я должен есть, пить, танцевать и рассказывать анекдоты, если любое из этих действий по определению начинается со стопки и ею же должно логически завершаться? Ничего не понимаю.

Столько запретов... На День рыбака нельзя, на День танкиста нельзя, на Рождество – грех, 8 Марта не мой праздник, на Новый год – «чуть-чуть и хорошо закусувай».

Я – да, я согласен. Тогда скажите, когда можно? Объясните, я буду знать, я буду спокоен.

У меня всегда под рукой причина, почему выпить, у неё – почему нельзя. «Тебе с утра на работу, у тебя – печень, и вообще вчера одного вот так же похоронили».

Да, на работу. Да, печень.

Это моя печень. И мы с ней достаточно близки, чтобы без посторонних разобраться в наших отношениях. Да, похоронили. Но он лежал со счастливым лицом.

Обидно. И стол ломится, и всё есть: оливье, сёмга и салат «Глухариное гнездо» с ананасом. Есть коньяк. Но пить нельзя.

Я – да, я согласен: оливье – хорошо, сёмга – прекрасно, салат «Глухариное гнездо» – великолепно. Но уберите коньяк, и зачем я пришёл? И если вы хотите, чтобы я хорошо закусувал, объясните, как? Огласите список, озвучьте инструкцию, доведите процент. Сколько я должен съесть за вечер голубцов, если в холодильнике стоит три бутылки водки, и при этом тесть не пьёт, а зять пьёт, но язвенник? По какой формуле должно рассчитываться количество бутербродов с яйцом и шпротой, если в восемь вечера начали с красного сухого из Бордо и закончили в два ночи белой от соседа? Мне будет плохо, но я буду знать, я буду спокоен. Объясните, растолкуйте, я пойму. Только учтите, что иностранных языков я не знаю, а в русском таких слов нет. Или не придуманы совсем, или глубоко забыты из-за отсутствия ожидаемого эффекта.

– Доброго утрачка, Анастасия Павловна! Как ваше здоровьичко? И ладно, и хорошо. Я же к вам с вопросом. Аполлинарий Матвеевич был у окна и увидел в вашем огороде нашу курицу. Так я её заберу. Да. Точно. Точно наша. Ну и что, что рыжая? Это ничего не меняет. Ваша внучка тоже месяц назад была рыжая. Я не поняла, вы

что, мне не верите? При ваших-то сединах... Вы же порядочный человек. Когда я увидела, как вы разгружаете вещи, я сказала Аполлинарию Матвеевичу: «Аполлинарий Матвеевич, нам наконец-то повезло с соседями!» И теперь вы хотите меня разочаровать?

Да что вы, не надо, не надо, зачем! Зачем звать Нину Петровну? Вам что, чтобы отдать курицу, надо у дочери разрешения спрашивать? Я просто удивляюсь, такие на вид приличные люди... Ну ладно, зовите... Зовите, если вам курица дороже дочери.

Здра-авствуйте, Нина Петровна! Я дико извиняюсь за причинённое беспокойство, но по вашей капусте дефилирует наша курица. Так не могла бы я её получить? Точно наша. Абсолютно уверена. Нина Петровна, вы знаете меня, как себя, к чему эти оскорбительные вопросы? И вообще, покажите мне человека, который спутает наших с Аполлинарием Матвеевичем кур с вашими задохликами. Ну и что, что рыжая. А я говорю наша. Уверена. По походке. Не надо так горячиться, мы же с вами интеллигентные люди. И не нужно звать Петра Аркадьевича. Во-первых, он слепой, как крот, а, во-вторых, я удивляюсь, если он отличает курицу от вороны. И, кроме того, вы ведь не хотите, чтобы он услышал, что от вас прошлой ночью выходил телефонист?

Милочка, вопрос не в том, выходил он на самом деле или нет. Вопрос в том, услышит ли об этом Пётр Аркадьевич... Ну, как хотите... Если вам всё равно... Страшная вы, оказывается, женщина, Нина Петровна! Видит Бог, я всякого повидала на веку, но чтобы после тридцати лет совместной жизни из-за курицы сделать мужу такой удар...

Здра-авствуйте, Пётр Аркадьевич! Пётр Аркадьевич, дорогой, вы знаете меня, как себя, мы с вами интеллигентные люди. Отдайте курицу.

Что значит: «Нина Петровна сказала...»? Мало ли что скажет Нина Петровна. Вы мужчина или тряпка? Сумейте настоять на своём!

Я знаю, что жена. Я знаю, что тридцать лет. Я всё знаю. Вы про неё не знаете, что я знаю. Всё. Всё, говорю! Успокойтесь. Успокойтесь и сядьте. Сядьте и закройте рот. Вы так кричите, как будто вам есть что сказать. Анастасия Павловна, утихомирьте зятя, ему станет плохо. Дайте ему валидол и идите уже в дом!

Господи, ну и семейка! А ещё интеллигентные люди... А я всегда подозревала. Едва я увидела, как вы разгружаете вещи, я сразу сказала: «Аполлинарий Матвеевич, нужно прятать кур!»

Что вы машете, Нина Петровна? Кому вы машете? А-а, и сынок со снохой здесь! Идите сюда, я вас выведу на чистую воду. Вы что, думаете, если у вас новая машина, то всё можно? Или если у вас папа профессор, то все куры в огороде ваши? Ничего, я на вас найду управу! Ишь, расфуфырились! А машину в долг купили, все знают. Видали мы таких! Машину купили, а из-за курицы удавитесь.

Нина Петровна, в последний раз прошу, как интеллигентный человек интеллигентного человека – верните птицу. Давайте расстанемся друзьями. Верните, и я забуду, что вы мне тут наговорили. Ну вот, давно бы так... Спасибо, Нина Петровна. Сами подавитесь. Цып-цып-цып... Иди ко мне... Ты моя хорошая, ты моя красавица! Цып-цып-цып...

Аполлинарий Матвеевич, у нас на ужин лапша с курятиной!

Самая неудобная из человеческих привычек – привычка думать. Она не способствует физическому здоровью, серьёзно затрудняет карьерный рост и крайне раздражает окружающих. В отдельных случаях она может значительно сократить жизнь и почти всегда заканчивается нервным расстройством. Самое страшное – от неё практически невозможно избавиться. Можно бросить курить, можно перестать грызть ногти и заставить себя отказаться от котлет после шести вечера. Бросить думать практически невозможно.

Почти непреодолимые затруднения в быту приносят сопутствующие этой привычке пороки, такие, как стыд и совесть. Некоторым удавалось в процессе жизни полностью от них освободиться, но такие случаи крайне редки и обычно заканчиваются рецидивом. Многие пытались избавиться от них при помощи алкоголя, и были примеры, когда человеческая воля и настойчивость торжествовали над этими недугами. Но существующие в данном методе нюансы, такие, как требование полного абстрагирования от окружающего и необходимость постоянного увеличения дозировки, часто сводили на нет эти попытки. Кроме того, о положительном результате можно уверенно говорить, лишь уничтожив причину заболевания, а не его симптомы.

При внимательном взгляде вокруг можно заметить, что эволюции некоторое время на-

зад наскучило поступать логически, и она вывела невероятно жизнеспособную породу людей, обладающих стойкой смесью глупости и хитрости, а естественный отбор вознёс их на самую вершину пищевой пирамиды. Оттуда они постоянно плотоядно осматривают окружающих, пытаются вычислить тех, кто находится ступенью ниже. Поэтому человек думающий вынужден вести себя крайне осторожно, постоянно маскируясь и скрывая свой постыдный недостаток. От этого он обычно становится неуверен, нелюдим и неразговорчив, чем опять же вызывает подозрения. В общей массе таких особей довольно скоро разоблачают, и с момента обнаружения у них совести дни их становятся сочтены.

Привычка думать не щадит человека. Она может неожиданно проявить себя в любое время года или суток. Она настигает его в любых, самых неудобных для него местах и обстоятельствах. Она необычайно коварна, её обострения внезапны и не поддаются контролю.

Единственным пока достоверно известным способом ненадолго от неё избавиться является влюблённость. Да, хлопотно, да, дорого. Зато гарантия – сто процентов.

Не бойтесь обещать. Никогда не бойтесь обещать. Обещайте женщинам – смело, напористо и с размахом, и мужчинам – доброжелательно, озабоченно кивая головой и добавляя в конце: «Конечно, конечно. Постараюсь не забыть». Обещайте всё, что угодно: ужин, шубу, продвижение по службе, Луну с неба и счастливое будущее. И вас станут узнавать, с вами будут здороваться за руку и приглашать на семейные праздники. Вы будете жить легко, красиво и не задумываясь.

Главное – не делайте ничего, иначе вы всё испортите.

Во-первых, с выполнением обещанного можно тянуть какое-то время.

Через год просьба может стать неактуальной или быть выполнена кем-то другим – к вашему глубочайшему огорчению. Действительно, нельзя же быть такой необязательной скотиной. Так вас подвести... Ведь вы уже потратили столько сил и даже вложили некоторые средства...

То, о чём вас просят, может вдруг случиться само собой. Вдруг. Само. Так бывает. Не нужно паниковать и делать удивлённое лицо. Если на-

мекнуть просителю о тех тайных пружинах, на которые вы нажали... Если он будет знать, через что вам пришлось ради него пройти...

Наконец, проситель может переехать в другой город, спиться, заболеть птичьим гриппом и умереть. Жаль, жаль... А вам уже почти удалось сдвинуть его дело с мёртвой точки. Какая досада. Потрачено столько времени... И не только времени... Ну что ж, придётся смириться. Человек, как говорится, предполагает...

Однако среди просителей наверняка найдутся наглецы, которые будут интересоваться ходом дела, звонить, уточнять и задавать вопросы.

Им нужно рассказать всё.

Да. Так вышло. Трудно было на что-либо надеяться. Вы, в общем-то, с самого начала почти не надеялись, но решили попробовать. Вы взяли за это только из человеческого понимания и тех дружеских чувств, которые вы так давно питаете. Вы старались. Один Бог знает, чего вам это стоило... Пришлось общаться с такими нечистоплотными людьми... Столько оставлено нервов...

И вам положат руку на плечо, и вас будут утешать, и вам будут обязаны по гроб жизни. Вы сделали всё, что могли. Это не ваша вина, что все ваши усилия разбились о стену тайного недоброжелательства какого-то негодяя.

Я думаю, у вас есть на примете такая сволочь. Порядочному человеку всегда есть кого назвать в таких случаях.

Решили вспомнить молодость. Взяли бутылку портвейна и бычки в томате. Молодость не вспомнили. Старость чуть не загубили.

Все хотят, чтобы я был порядочным. Скромным, приличным и порядочным. Кроме мамы, жены и моего начальника. Маму я устраиваю любой, жена понимает, что порядочный столько не заработает, начальник – что приличный за это не возьмётся. Остальным – всем: государству, его отдельным представителям, частным лицам и асоциальным элементам, таким, как маргиналы, воры и депутаты любого уровня – я нужен скромный, послушный и порядочный.

Слушай, что говорят, верь, не думая, плати по прейскуранту. Положи, где взял, спи спокойно, иди, куда послали. Не трогай, не замахвайся, не сомневайся, не пересчитывай.

Все хотят, чтобы я был порядочным: стоматологи, ЖЭК, санэпидемстанция, производители колбасы и налоговая инспекция.

А как я могу оставаться порядочным, если каждый день приходится иметь столько беспорядочных контактов с непорядочными людьми?

Они меня учат, лечат, защищают, они снимают для меня телепередачи, выпускают газеты и прокладывают канализацию. Они пишут мне законы и выписывают рецепты.

От них никуда не деться. Если я до сих пор жив, то не благодаря, а вопреки.

И все просто умоляют меня быть порядочным: прокурор, кондуктор в трамвае, РАО ЕЭС, соседи и сотрудники ГИБДД.

Государственная Дума вот тоже уговаривает. И часто даже голосует за это полным составом. Не знаю. Не соглашусь, наверное. Жену не хочу расстраивать.

Есть такая фраза: можешь не писать, не пиши. Ерунда. Если она и действует, то только в рамках индивидуального человека в отдельно взятом случае. В глобальных масштабах она не срабатывает, ибо графоман, как и талант, не писать не может. Он, как и талант, внимает откровению свыше, страдает, горит вдохновением, радуется найденному слову и пишет в самое неподходящее время, где попало и на чём придётся. Он так же, как и талант, выплёскивает на бумагу самые сокровенные желания, мысли, переживания и чувства. Разница между ними состоит только в том, что талант до конца мучительно сомневается, стоит ли кому-то показывать написанное.

Страшная вещь – мелкие семейные ссоры. Ссоры, где нет правых и нет виноватых, где мизерный предмет становится вдруг огромным принципом и где выигравший часто жалеет о своём выигрыше больше проигравшего.

– Таня!

– Что, Катя?

– А где моя шапочка?

– Какая?

– Серенькая, в которой я в огород хожу.

– Какая серенькая? С белой полоской?

– Ну да!

– Так я её постирала. Только с чего это она твоя?

- А чья?
- Моя!
- Здрасьте! С каких это пор?
- Здрасьте. Всегда моя была.
- Да брось ты!
- Вот ты и брось!

И замолчали, и посмотрели друг на друга с неприязнью. А Кате шестьдесят два. А Тане шестьдесят четыре.

– Нет, Таня, ты путаешь. Я эту шапочку специально в прошлом году привезла у тебя по огороду ходить. Я же помню.

– И я помню. Сто лет у меня эта шапочка.

– Да что ты говоришь! Что уж я, совсем дура, по-твоему? Я же помню, её привезла и перчатки резиновые.

– А по-твоему, значит, я дура? Вон твои перчатки, на дровах валяются, а про шапочку не рассказывай. Не знаю, что ты там привозила, а шапочка точно моя. Я что, своих вещей не знаю? Будешь мне ещё!

– Да ладно, всё, твоя, успокойся только.

– Вот сама и успокойся, не надо мне одолжение делать. Говорю же, как человеку, нет, она опять за своё!

– Да твоя, твоя, успокойся. Тебе же всё равно без толку доказывать.

– И не надо мне доказывать. Я и так знаю, что моя.

И сжали губы обиженно, и не смотрят в глаза друг другу. И белеет между ними клеёнка на столе, пустая, как нейтральная полоса. До страшных пропастей могут довести такие ссоры.

Ушла Таня в комнату, заскрипела трельяжной дверцей, зашуршала бумагами. Вернулась, швырнула на стол фотографию:

– На, смотри! Видишь шапочку? В позапрошлом году снимались! Убедилась? Убедилась? Будешь мне ещё рассказывать? Из города она привезла! Дуру из меня сделала. Смотри, смотри, чего отворачиваешься!

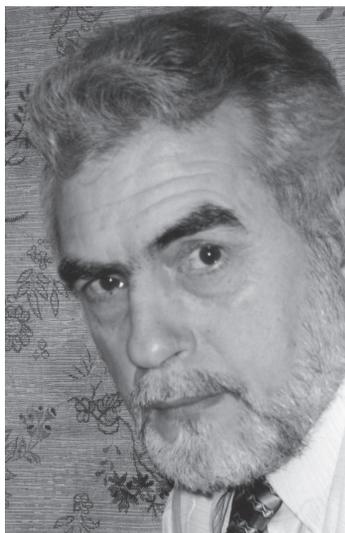
И заблестели слёзы в Катиных глазах, и пошла она, собрала вещи и уехала домой, в город. Полгода не видятся сёстры и не звонят друг другу.

Страшная вещь – мелкие семейные ссоры. Те глупые, мелкие ссоры по дурацкому поводу, где мы не хотим спорить и не способны уступить, и которые не умеем ни проиграть без унижения, ни выиграть по-человечески.



Сергей ЧИНЯЕВ

ОТ ВОДЫ Я НЕ ПОГИБНУ



Ещё с весны они решились на этот сплав; всю реку задумали пройти – от самых истоков до устья. Месяц выбрали тёплый, благодатный – июль, макушка лета всё ж. Собрались быстро и без особой суеты, опыт в этом деле был. В два дня на перекладных добрались до последнего кордона в верховьях речки, вздули баллоны добротной резины, и вот уж река несла их лёгкое надувное судёнышко по извилистому руслу, петляющему меж горных таёжных кряжей.

Два немолодых геолога, да теперь уже и пенсионеры, не случайно оказались в здешних краях. Когда-то ещё совсем молодыми бегали они маршрутами по этой тайге, бродили по берегам этой реки, да так вот на ходу, на бегу и полюбили эти заветные места. Только не было у них тогда свободного времени, чтоб остановиться, отвлечься от дела да вволю надышаться этими красотами, этими затаёженными берегами и этой замечательной синей речкой – ведь хорошая погода у геолога всегда лишь для работы. Ну, а теперь-то, на пенсии, спустя много лет, такая возможность им, конечно же, представилась. Вот и потянуло ветеранов, как говорится, пройти свободным маршрутом по местам боевой геологической молодости.

К тому же и рыбка в тех местах водилась знатная: хариус, ленок и, конечно же, хозяин

тёмных омутов, таймень. Тоже немаловажный факт, ведь единожды приунывшись к такой рыбалке, человек навсегда становится заядлым харюзятником, и его неудержимо тянет к бурливым перекатам, к прозрачным голубым струям, где за камнями прячется хитрющий серебристый хариус.

Сплавщики без особых приключений прошли верхние пороги и теперь, расслабившись, предоставили лодку течению, лишь изредка лениво подгребая вёселками; по карте на этом участке реки не было опасных мест. Но вот впереди оказался остров – русло распадалась на два рукава. Сидевший на носу Николай обернулся к напарнику:

– Какой протокой пойдём?

– Давай вправо! – отреагировал с кормы Чудов. – Левая, похоже, совсем мелкая.

Пенсионеры дружно налегли на вёсла, прижимая лодку к правому берегу. Перед входом в протоку течение стало стремительным. Понесло. Только теперь геологи увидели, что струя за поворотом резко ныряет вправо и всем напором бьёт в ошетилившийся кустами крутой берег.

– Гребём! – завопил Чудов и что есть силы налёг на весло.

Николай спохватился и, силясь выправить лодку, стал беспорядочно, то слева, то справа, бить веслом по воде.

ЧИНЯЕВ Сергей Викторович родился 3 октября 1953 года в селе Терёхино Новокузнецкого района Кемеровской области. Служил в армии. В 1981 года окончил Томский государственный университет. Отработал в полевой геологии более тридцати лет. Прошёл путь от маршрутного рабочего до главного геолога. Работал в Монголии.

Печатался в областной газете «Край», журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

– Отгребай! – орал кормщик. – На кусты не сёт, пропорем лодку! – но резинку неумолимо несло на торчащие ветки тальника.

– Куда ж ты гребёшь? Мать твою! – отчаянно махая веслом и видя безвыходность положения, продолжал распалаться Чудов. – Бей справа!

Николай загребал, как мог, но когда уже баллоны лодки готовы были встретиться с голыми острыми ветками, вдруг, не предупредив напарника, вывалился из лодки через левый борт. Некогда было осмысливать правильность его действий, но от такого манёвра лодку поставило на ребро и кормчего тоже выбросило за борт.

Глубина на струе оказалась приличной, и, не ощутив дна, Чудов стал спешно выбирать на поверхность. Выгребать было тяжко, болотники, словно пудовые кандалы, тянули ко дну. «Скинуть бы их, – подумалось Чудову, – но что ж это за рыбалка будет без сапог?... Да и стянуть их быстро, с туго навёрнутыми на шерстяной носок толстыми портянками, не получится...»

Вскоре голова его во что-то упёрлась – он сразу понял, что это днище их лодки. Перебирая руками по резине, стал продвигаться к краю – там, на баллонах должен был быть леер¹. Рука скользнула по баллону – леера не было... Горло и лёгкие сжало от недостатка воздуха, одежда стесняла движения, полные воды болотные сапоги тянули вниз. Его несло по стремнине вместе с лодкой, и он словно прилип к её днищу. Подсознательно проклиная изготовителей этой новой модели, Чудов вспомнил, что леер с бортов был лишь на половине лодки – раньше-то на экспедиционных лодках он крепился по всему периметру.

Нестерпимо хотелось глотнуть хоть капельку воздуха. Паника уже почти овладела им – он спешил, цеплялся, скользил руками по надутым бокам резинки, но сил уж не хватало... «Неужели всё, неужели не успею, неужели не хватит терпения?» – предательски работала мысль... Он уже по инерции, с мизерным остатком сил, боролся с течением и этой скользкой, накрывающей его резиной. Уже страшная мысль о смерти проникла в его сознание, и это предчувствие лишь усиливало панику. И был он уже на грани отчаяния, и стало казаться ему, что всё: сейчас не выдержит... Но тут вновь, как уже бывало когда-то с ним раньше в его речных стран-

ствиях, явился ему вдруг светлый лик прекрасной Дивы, и вспомнил Чудов, что ведь есть у него покровительница, и не может он вот так просто утонуть, потому как не должен... Вроде даже совестно стало ему за свою слабину... «Терпеть! – словно приказал он себе. – Ну, ещё, ещё малость, ещё чуть-чуть...»

Наконец, судорожно перебирая и скользя руками по гладкой бочине лодки, он нащупал капроновую ленту на баллоне с другого борта и, отчаянно рванув за леер, с каким-то чудовищным, не то вздохом, не то всхлипом, высвободил голову из-под днища.

Николай уже висел на носу лодки, обхватив его руками. В его взгляде застыл испуг – он был очень озадачен исчезновением товарища и чуть ли уже не простился с ним, а теперь, услышав его судорожный всхлип, забубнил: «Ты чего? Ты чего?»

Сил сразу забраться в лодку у сплавщиков не было, да и полные воды болотники не позволяли поднять и забросить ногу. Их всё ещё несло вдоль обрывистого берега, но вот наконец под сапогами обозначилась опора, и к перекату становилось всё мельче и мельче. Теперь можно было подтащить лодку к положому левому берегу.

– Ты куда из лодки-то делся? – немного опомнившись, спросил Чудов.

– Так я, специально, за борт... Хотел за верёвку оттащить, а там глубоко...

– Ага, твои девяносто килограмм чуть лодку не опрокинули, и я как пробка из шампанского вылетел за борт... Да ладно уж, проехали. Вот весло я потерял...

– Весло?... – переспросил Николай, и, обозрев противоположный берег, воскликнул. – Да вон же оно за кусты зацепилось! Щас я его достану...

Пока Николай доставал весло, Чудов втащил на берег лодку и принялся стягивать полные воды болотники, в глубине души радуясь, что всё благополучно закончилось.

В этот раз обошлось без ощутимых потерь – груз в лодке был хорошо увязан и даже не намок. Оставалось только подсушить одежду, попить горячего чайку и двигаться дальше.

– Да, Николай, а смертушка-то меня нынче за ноги хватала, пока я там под лодкой барахтался... Всё уж, задыхался, чуть не глотнул водицы... – начал разговор Чудов, разводя на галечнике костерок.

– Ха! Да, конечно, в таком месте... Вот, даже зацепись штормовкой за те кусты, и всё – оста-

¹ Туго натянутый канат, трос, закреплённый с обеих сторон и служащий ограждением, предохраняющим от падения людей за борт.

нешься там... Ещё сапоги эти... Не зря же туристы в кедах сплавляются. Так нет – мы ж бывалые – плавали, знаем! Вот те и пожалуйста, как говорится, и на старуху бывает проруха.

– Это верно, сплеховали малость. Я уже, наверно, годков десять, а то и поболее, как не сплавлялся. Нюх теряю.

Чудов немного помолчал, закурил и вдруг побавил:

– Хотя знаешь, Коля, не должен я вообще от воды погибнуть... потому, наверно, и выбрался...

– Да тут бабушка надвое сказала. Повезло... а могло и не повезти...

– Везение не везение, а надёжная хранильница у меня есть, и не бабушка она вовсе, а красивая женщина – богиней Даной зовётся.

– Это из греческих, что ли?

– Да нет, Николай, это же наша – светлая и добрая славянская Дива животворящая, а вода – это ж её стихия. Так вот, не первый уже раз я в подобных ситуациях «сухим» из воды-то выхожу. А началось ещё всё в далёком моём детстве...

– Хм! Ну, давай, повествувай, пока сохнем, всё одно пережить, – заинтересовался Николай, пристраивая байковые портянки поближе к огню, – какое там у тебя приключение случилось с этой красивой женщиной?

– Ну, если интересно, могу рассказать, история со мной приключилась странная... Вот слушай: было мне тогда лет пять... или шесть – в школу я ещё не ходил. По весне это было, в апреле. Большие нашинские пацаны как-то вернулись с реки во двор и радостно так возвестили:

– Ура! Ледоход начался! Ледоход на Томи!

Ну а мы, мелюзга, отродясь ведь ещё ледохода не видали – посмотреть-то хочется. Кто взрослые во дворе были, сразу нас предостерегли – не вздумайте, мол, на реку ходить, малышня! Утонете! Да куда уж там! Мы ватагой в несколько пацанят скрытно, окольными путями ушмыгнули всё ж со двора и напрямик через городской парк, вприпрыжку на речку. Погода стояла солнечная, помню, а небо было таким повесеннему нежно-голубым – радовались мы солнышку, теплу и весне.

Прискакали на реку, а там действительно – льдины по реке плывут – на них всякие фигурки голубо-белые изо льда и снега, а льдины, что ко-

рабли, насакивают друг на друга, шуршат, ломаются – загляденье!

Снег в ту пору на берегу ещё не весь растаял, вот и принялись мы снежки лепить из него да по льдинам швырять – кто метче. Одна льдина далековато от берега плыла, и мы всё не могли до неё добросить. Ну, интересно ж, кто первый докинёт, кто ловчее. Помнится, я тогда крепкий большой снежок слепил и подскочил к самому краю... Берег там был обрывистый, а на самом краю снежный козырёк висел...

– Рухнул?! – не выдержав, перебил Николай.

– Да. Быстро как-то всё произошло... Помню вместе со снегом полетел вниз, а потом звонко так в ушах стало, а в глазах зелено-зелено, да пузырьки вперемешку со снежной ватой...

– Да, вода-то в ту пору ещё ледяная, – вмешался Николай, – долго в ней не протянешь.

Чудов согласно кивнул головой и продолжил:

– Шуба на мне была тогда из овчины и шапка меховая – круглая такая с сверёвочками... Цигейка-то сразу не намочла, вот вода и вытолкнула на поверхность мои двадцать килограммов. Ну, вытолкнула да вытолкнула – я тогда это как за должное принял, только странно было, что лежу на воде и не тону. Несёт меня река, а я смотрю в небо – в голубизне его облака плывут белые, лёгкие, а вокруг меня льдины – крошатся, шуршат, будто ругаются – в ушах-то у меня сильно отдаётся. Вода ещё не заливала лицо, и мог я видеть, как по берегу вдоль дамбы от местного водозабора бегут мои пацаны, кричат чего-то, руками машут. И тут только до меня дошло, что помочь-то они мне не могут, и что я ничего не могу сделать, и что, наверно, я скоро утону... Нелепость какая-то, подумал тогда, да и признал, что сам виноват, что не послушал наказа старших... ох, папка, наверно, ругаться будет, а мамка заплачет... Мне даже жалко её стало.

– А к берегу грести не пытался? – снова вмешался Николай.

– Вот о том, чтобы плыть, я даже и не помышлял. Да и плавать-то я тогда ещё толком не умел. Так, летом плескался возле берега, пособачьи барахтался. А может, это и к лучшему... кто знает, как бы всё сложилось? Слухай дале...

Так вот, не могу припомнить, сколько времени прошло, но шуба всё ж понемногу намочала, тяжелела – вода уже стала доходить до краешков глаз и временами заливать лицо. Тогда я по-

нял, что тихонечко погружаюсь, и ручонки-то растопырил, вроде как старался удержаться за воду.

Не было у меня тогда никакого страха смерти, и холода воды я не ощущал, но только обидно было, что вот так, ни за здорово живёшь, оказался я в этой ледяной реке, а друзья мои вон – несутся по дамбе, и солнышко на небе светит... Страшновато лишь было, когда вода заливала глаза, словно в какой-то иной неизвестный мир погружался. А вот, когда водица стала в нос попадать и дыхание приходилось сдерживать, тут совсем мне не по себе стало: приближение беды я тогда почувствовал. И стал я как мог, головёнку-то приподнимать, чтоб отфыркаться и носом воздуху хватить, но от того глаза совсем водой заливало. Скверно стало... Приготовился я... И тут, представляешь, через пелену воды увидел я над собой такой расплывчатый, но необычайно красивый, образ женщины с длинными распущенными волосами и добрым таким лицом – мне тогда даже показалось, что улыбнулась она мне... ласково так.

– Надо ж, примерещилось...

– Ну, не знаю, на явь это было похоже, словно на помощь ко мне она прилетела, по крайней мере, я тогда уверовал, что поможет мне эта добрая женщина. Я ведь тогда ещё ничего не знал ни о богах, ни об ангелах, время-то сам знаешь какое было, но чудо я тогда увидел... И не случайно это вовсе было, а ко времени, потому как головёнка-то моя вдруг во что-то упёрлась... и стал я затылком ощущать эту опору и давай-давай шеей-то работать – забираться маковкой на ту твердыню. Плохо получалось, но смог я всё ж немного приподнять голову – словно подушечку мне кто под затылок подложил. Понял? Вот, то-то и оно. Дышать-то стало свободней, и мог я теперь боковым зрением снова за берегом наблюдать.

– Как же это ты всё так помнишь? – удивился Николай.

– Хм! Такое не забудешь! Всё помню, до деталей. Сильно это во мне засело!

– Да, вообще-то с детства многое помнится – сознание-то ещё чистое и не засорено всякой ерундой...

– Так вот, река всё дальше меня уносила, уже и поворот обозначился – я там раньше и летом-то не бывал никогда: то даль для меня была. Захотелось мне на прощание увидеть сво-

их пацанов, скосил я глаза на берег – и вижу, как, обгоняя ватагу моих сотоварищей, несётся по дамбе мужик в больших резиновых сапогах – мне даже показалось, что гремят они. Надежда тогда во мне затеплилась...

Меня уже до поворота дотащило, а там по берегу ещё оставался ледяной припой. Лыдину мою ударило об него и стало разворачивать – закружила вокруг неё вода, бурунами заходила, забулькатила, а головёнку мою сбросило с неё, а меня течение прижало лопатками к коренному льду. А вода-то ноги мне так и подгибает, так и подгибает. Я тогда уж своим детским умишкой-то понял, что если меня сейчас затащит под лёд, то всё... Жутко мне стало, но боролся я ещё. Все силы собрал и даже немного расшиперился, пытаюсь локотками за крайину льда-то зацепиться. Руки уже почти не слушались, стали соскальзывать, и не знаю, сколько бы я там продержался, если бы не пришло спасение...

Я и не слышал, как кто-то подполз ко мне со спины, но только почувствовал, как ухватила меня за шиворот чья-то крепкая рука и втащила на лёд. Подумалось: правда, что это, наверно, тот мужик в гремучих сапогах. И откуда он вообще взялся?..

Я тогда, кажется, даже обомлел малость. Помню, на дамбе меня раздевали уже двое взрослых, растирали руками и ещё чем-то пахучим. Потом спаситель-то мой завернул меня в какую-то тряпку, поднял на руки и понёс. Мне тут стеснительно стало, что меня такого здорового на ручках несут, да и пацаны мои рядом идут, смотрят. Заерепенился я тогда – мол, большой, сам пойду, пустите, дяденька, меня!

Отпустили, попытался я пройти несколько шагов, но тело совсем не слушалось. Взял мужик снова меня на руки и понёс через весь городской сад – я уж больше не хорохорился. Пацаны рядом – кто шубу мою несёт, кто ботинки... так и пришли к дому. А уже когда в арку входили, попросил я поставить меня на ноги: неудобно было перед дворовыми. Согласились – взяли под руки и повели до подъезда. Меня качало, а старался я переставлять подгибающиеся ноги и шагать прямо, и всё равно тётки на лавочках тогда увидели и зашущукались: «Батюшки, пьяный, чё ли?».

Ну, уж когда в квартиру завели – я дальше толком не помню. Канитель, конечно, поднялась, забегали все, засуетились. Хорошо, что в подъ-

езде у нас врачаха жила, Вишневская её фамилия, так вот, она меня осматривала, растирала, и знаешь, что она мне прописала?..

– Горчишники, поди, – тогда одно средство было, ну, аспирин ещё... – предположил Николай.

– Не-а! Мне, правда, тогда не сказали, а узнал-то я позже, – это было очень сладкое лекарство, горчило лишь малость.. Не догадываешься?.. Спирт медицинский это был с малиновым сиропом от варенья! Очень мне это лекарство понравилось! Лежал я на кровати и, кажется, кейфовал – пацаны приходили на меня посмотреть – мать их пустила, а я как в полусне...

И что удивительно, я тогда ведь не только не схватил воспаление лёгких, а даже и простуду с насморком не подцепил! Во как! День-два дома отлежался и снова на улицу – бегать.

Так что, я ещё в детстве прошёл крещение ледяной водой, и светлая, любимая моя богиня Дана всегда теперь помогает мне в таких вот случаях, как сегодня. Уверовал я в неё! Вот, поклон ей, благодетельнице, спасительнице... – Чудов встал и поклонился на реку.

Уже и одежда у костра почти подсохла, и вода в котелке закипела белым ключом... Заварили сплавщики чай покрепче, пошвыркали из эмалированных кружек «купеческого» да стали вновь собираться в путь-дорожку – впереди ещё было полторы сотни вёрст. Поджидали их там и кривуны с перекатами, и шиверы, и пороги каменные. И хоть Николай вовсе не верил в Бога, Чудов, словно язычник, поклонялся животворящей славянской Диве – храни их Господь на этом пути!



**Алексей
ПОПОВ**

РАССКАЗЫ



СТАРЫЙ ВОРОН

Последние годы старый ворон жил на кладбище. Никуда не улетал: у людских жилищ о еде не надо беспокоиться, да и здесь всегда что-нибудь оставляют. Ему хватает, если, конечно, молодые не отнимут. К старости ворон стал сторониться всех. В его сердце кипела едкая кровь сарказма и не давала ему молчать. Тогда он каркал, ругал молодых ворон. Сначала они откаркивались, обзывали его «шизом», а потом дали по шее и выгнали из своей стаи.

Сейчас старый ворон сидел на могильном кресте. Крест был такой же чёрный, как и он сам. Годы, снег и дождь, холодные ветра погрызли дерево, оно потрескалось. Старый ворон любил сидеть именно на нём. Старость с крестом роднила. Новые могилы он не любил. Возле них люди сооружали какие-то неудобные жёсткие столбы, на них прикрепляли что-то остроконечное. Однажды он попробовал сидеть на таком столбе. От дождливой погоды или ещё от чего-то ноги его соскользнули, и остроконечная штука ободрала грудь. «Кр-р-реновый кр-р-рест», – прокаркал ворон и после этого на новых могилах уже не сидел.

Кладбище для ворона было зеркалом жизни людей: как они живут, так их и хоронят. Если много людей на могилу пришло, значит, хороший человек умер или начальник какой-то. Возле могилы хорошего человека всегда плакали. Иного же хоронили громко, но без слёз. Если еды много принесут, то, слава богу, ничего жизнь идёт у людей, если со скудной едой придут – что-то неладно.

96

Помнится, сюда привозили покойников только старых или уж совсем молодых. Потом было время, когда привозили в основном молодых. Возле них сильно плакали, пили что-то вкусное из прозрачной посуды с узким горлом. И так горевали, что многие падали возле могилы. Ворон, бывало, пугался даже, что и они тоже не встанут. Но земля вытягивала из них горе, и люди, отлежавшись, вставали и ослабевшие, на верное, от плача, плелись домой.

Да, всякое видел на своём веку, таком долгом, старый ворон. Сейчас, сидя на кресте, он то ли дремал, то ли мучительно думал. Уж совсем было закрыл белёсые от старости глаза, но слышались голоса людей. Они свернули на кладбище. Потом пришла другая стая, третья...

ПОПОВ Алексей Вячеславович родился в 1950 году в селе Большелуг Корткеросского района Коми АССР. Служил в рядах СА. Вернувшись на родину, публиковался в республиканской печати. Окончил исторический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Автор более десяти книг прозы и двадцати пьес. Повести и рассказы печатались в журналах «Север», «Сельская молодёжь», «Наш современник», еженедельнике «Литературная Россия». Переведён на марийский, удмуртский, чувашский, коми-пермяцкий, хакасский и другие языки народов России, а так же на финский, французский, болгарский и венгерский. Спектакли по его пьесам идут в театрах России и зарубежом. Заслуженный работник культуры Республики Коми и Российской Федерации. Народный писатель Республики Коми. Член Союза писателей России. Главный редактор республиканского литературно-художественного детского журнала «Би кинь» («Искорка»). Живёт в Сыктывкаре.

Тогда старый ворон догадался, что наступил тот день, когда много людей приходит на кладбище, что-то едят и пьют. Сердце его наполнилось радостью сытого праздника. Много чего оставляют люди в такой день возле могил. Старый ворон не шевельнулся. Он знал, что к его кресту не подойдут. К нему давно никто не приходит...

В небе восторженно кричали собратья, поднялось кладбищенское воронье на дармовую жратву людского горя.

– Кар-р-раульте! Кар-р-раульте! – злобно вырвалось из клюва старого ворона. Это он кричал людям. Но что люди слышат, кроме своей беды? И ворон замолчал. И только когда они уже засобирались уходить, ворон не выдержал: «Кар-р-ртофельные шаньги оставьте!» – рявкнул он во всю дурь своей глотки. Но что людям до голодных птиц?!

Старый ворон первым набросился на жалкие ошметья еды. Сразу же определил – снова люди живут хреново: сладостей – шиш. Он едва нашёл конфетку. Оставили её у небольшой могилки. Торопливо освободил её от обертки, попробовал. Невкусная.

– Пр-р-рямо скажем, кр-р-реновая.

Склеила клюв. На мыло похожа, но не горькая. Мыло старый ворон когда-то пробовал, не понравилось.

Вдруг воронья стая ринулась с могил в небо. На кладбище появился человек, в штанах, блестящих, как воронье крыло. Старый ворон узнал его. Больно часто чёрные штаны заходят сюда. Если люди на кладбище приходили, то после них обязательно этот заглянет. Когда люди приходили сюда с большими сумками, в которых стояло много узкогорлых прозрачных сосудов, этот человек приходил на кладбище вместе со всеми. Бросался на первую могилу и начинал реветь. Потом глаза у него целый день не высыхали. И губы тоже. Люди подзывали его к себе, наливали из узкого горлышка воду. Этот человек первым от горя падал возле какой-нибудь могилы. Долго лежал. Вставал, когда все уже уходило. Он поднимался и обходил могилы, опрокидывая в рот оставленную в стаканах воду, и снова падал. Старому ворону даже нравился этот человек, особенно после того, как сам попробовал этой воды. Набрал в клюв и тут же выплюнул – такая дрянь. Как не уважать этого человека! Ведь сколько надо в сердце носить горя, чтобы выпить столько глотков этой горькой воды!

Но в последнее время люди не стали подзывать этого человека к себе. Даже каркали, когда он пробовал присоединиться к ним. Жалко было старому ворону этого человека. Его самого воронье обижает и гонит, как люди этого, черноштанного. Тяжко на сердце у ворона. Так же, конечно, плохо и этому человеку. И сейчас, когда человек подошел к одной могиле и стал внимательно что-то искать, старый ворон захотел помочь ему.

– Ка-р! Кар-р! – крикнул он, сообщая, что горькую воду там сегодня не пили, чуть левее могила – там пили. Но только в стакане не оставили. В двух посудинах приносили и обе опустошили. На могилу только несколько капель капнули. Но человек не понял старого ворона. Зло сверкнул глазами, поднял с земли небольшую палку и бросил в его сторону. Старый ворон поднялся невысоко, затем снова сел на свой крест. Кровь кипела от обиды, но Черноштаный больше не смотрел в его сторону. Старый ворон расслабился и сел по удобнее. Сердце его снова потянулось к странному человеку. А тот стал что-то негромко выговаривать.

– Вот тебе, Николай, и причаститься нечем. Ничего не принесли тебе. Нда-а... Но не обижайся на сестру. Она новый дом поднимать взялась. За подвоз леса бутылку дала, строителям тоже... Вот и не осталось.

У старого ворона защемило сердце от этого причитания. Снова ему захотелось помочь бедному человеку.

– В Сыктывкар-р-р съезди, в Сыктывкар-р-р!

– Ты все ещё здесь? – снова рассердился человек. – В Сыктывкар отправляешь? Ещё дразнишься?! – Он посмотрел вокруг. Потом схватил толстую палку и размахнулся. Старый ворон почему-то не испугался. Может, подумал, что человек, как и в прошлый раз, промахнётся. Или же подумал, что сил у него не хватит, чтобы добросить такую большую палку. К несчастью, человек на этот раз был точен и зол. Оглушающий удар сбросил ворона с креста.

– Кар-р-раул! – только и успел он каркнуть. Боль прошла по всему телу. Старый ворон увидел, что человек снова взял в руки палку и с перекошенным от злобы лицом шагнул к нему. Ворон пытался заползти за крест – хоть ты защити!

– На тебе! На! – рявкал человек и бил старого ворона. У ворона потемнело в глазах. Сначала исчезло лицо человека, потом пропали деревья, потом кладбище. Последними ушли злость и обида...

– На тебе! – все ещё, зло крича, бил человек. Старый ворон катался по земле, молча. Он не слышал ни боли сердца своего, ни этого человека, ничего. Он был уже не мудр, он был мёртв.

ДОГОНИ-СУДЬБА

Спорить со всеми Мирон, председатель комитета бедноты, уже не мог. Попробуй тут спорить – не успеешь слова сказать, а тебе в ответ уже десять.

– Ну не буду же я в голбце прятаться! Уж лучше в лес, – горячился он.

– А вдруг белые придут ненадолго? Вдруг погонят их красные? Что тогда? Ты из лесу быстро не вернёшься, а мы как докажем, что ты живой? – заново объяснил Мирону Матвей Константинович, мужик курносый и рыжий, на доброй морде его все вопросы – как веснушки.

Мирон ничего не ответил. Засопел.

В избе сегодня нет привычного на таких мужицких сборах табачного дыма. Мужики несколько раз доставали кисеты, да, наткнувшись на тяжелый взгляд отца Викентия, убрали их обратно в глубокие карманы штанин. Стеснялись отца Викентия, ведь он крестил их всех, кроме Матвея Константиновича. Мужики как никак молодые, никто из них не мог долго выдержать взгляд попа. Будто ведь насквозь видит отец Викентий. Не был бы попом, небось, звали бы колдуном.

Слово у батюшки крепкое. Скажет, так скажет. Да ведь и говорит-то он уже то, что мужики ещё только думать начали. А он – глянь-ко – и слова уже нашёл.

Сегодня у них толковище о Мироне и об отце Викентии, о белых да красных. Но главное дело – о селе у них разговор. Белые и красные приходят и уходят, а село остаётся...

Пополудни влетел нынче в село сын Варвары, лошадь свою ямщицкую с дури да перепугу чуть не запарол. «Белые! – брякнул мужикам, толпившимся у гумна. – Белые... а за ними – красные. Гонят белых от Кыркеша. Вёрст сорок отсель – не более. Видимо, красные хотят загнать беляков в верховья. Злые, как собаки...»

– Кто собаки? – хотел пошутить кто-то из мужиков. – Белые или красные?

– Злость цветом не меряют, – хрипнул остервеневший всадник. Мужики насупились...

Это сообщение растревожило и отца Викентия. Пробормотав под нос молитву, он перекрестился и направился к Матвею Константиновичу.

Понятное дело – никому в Макарьеле ни белые, ни красные милы не были. Может, только Мирону красноармейцы ближе. Больше для революционной моды – как руководителю комбеда. Впрочем, и «комбед» – это тоже только одно название. Мирон придумал – сам организовал. А зачем? Никто не знал...

Мирон организовал комитет бедноты два года назад, когда вернулся с германской войны. От роду Мирону – двадцать пять, из них четыре года не был в Макарьеле. До войны был бедовый, а с войны и вовсе вернулся пьяный от крови, с деревянной ногой – после ранения, и забияка пуще прежнего. Сельчане ведь не забыли ещё предвоенное время, когда Мирон в каждый церковный праздник всё село на ноги поднимал. Очень уж драчливый был. Мать его слезами умывалась – погибель от такого сына. Дрался каждый раз, как выпивал. А выпивал, мягко говоря, нередко. Старушки приносили матери Мирона мыло, которым мыли покойника. Говорили, что если сын, дескать, этим мылом руки вымоет, то не будут они на драку чесаться... Не помогло. А после войны да в революцию, когда везде сплошная драка, Мирон – как рыба в воде. Вот уж: кому война, а кому мать родна.

В общем, создал Мирон комбед, а кому из сельчан новая жизнь нужна, у них никто особо не спрашивал – вроде и по-старому неплохо жили. Может, кто ничего не сажал и не сеял, в лес ни разу не ходил, тот, может, и был голодным. Остальные с молоком и мясом были. Хлебушек на белку меняли, да и рябчика на Вятку мешками по зимнику возили. Туда куль – обратно куль. Кто не ленился, тот и побогаче, конечно, был. Матвей Константинович вон даже лавку держал. А отец Викентий – тот не только себя, село богаче сделал: школу открыл через три года, когда сюда – в Макарьель, приехал. И здесь уже тридцать лет.

А Мирон каждый вечер собрания проводил. Путался, врал, нёс какую-то чушь, но о новой жизни рассказать пытался. В конце концов, переходил на байки о фронтовой жизни – там ведь про новую-то жизнь слышал. Когда в госпитале лежал. Объясняли ему, конечно, по-разному, но запомнил он главное: нужно землю у богатеев отнять. А в Макарьеле у кого отнимешь? Хм. Да и зачем? Если новые земли нужны – иди и кор-

чуй лес. Вот тебе и вся революция. Да и по всей России земли-то немеряно.

* * *

...Когда Мирона сегодня позвали прийти к Матвею Константиновичу, он не стал торопиться. Пришёл позже всех. Хоть самому очень хотелось побыстрее узнать, зачем его позвали. Но вот не спешил, заставил себя не торопиться. Бросая вперед деревянную ногу, он прошёлся по полу и сел на лавку. Отец Викентий, не мигая, долго глядел на него. Будто оценивал его по новой. Потом начал разговор:

– Вы, конечно, уже слышали, что от села Кыркещ к нам поднимаются белые...

– Радоваться собрались, – поднялся с лавки Мирон, но быстро замолчал под взглядом отца Викентия.

– За ними красноармейцы идут, – продолжал поп. – Белые зайдут, что-нибудь смогут с Миронем сделать.

– Отдамся я им! На-кося! – дёрнулся председатель.

– Красные их отсюда выгонят, а нас за Мирона накажут, – спокойно продолжал отец Викентий.

– Могут, могут, – соглашались мужики.

– А сейчас посмотрим с другой стороны, – рассуждал священник. – Рассказывают, что к белым помощь идет из верховья. Так что красных они выбьют отсюда.

– Не может быть! Врешь! – снова сунулся Мирон. Да мужики на него так глянули, что он стих.

– А если большевики со мной что-то сделают, то снова село виноватым будет. Только уже перед белыми. Потому думать надо, как от тех и других село уберечь, чтобы не сожгли его от злости.

– Что же нам делать? – растерялись мужики.

– Быстрее мирись со своим соперником, когда ты еще в пути, чтобы тот, кто встал против тебя, не дал тебя твоему мучителю, – пробормотал отец Викентий. Из Библии, наверное. Потом перекрестился и поделился соображениями: – Чтобы ни красные, ни белые не могли найти зацепку, чтобы отомстить за что-то, убить детей, стариков и женщин нужно спрятать меня и Мирона.

– Как спрятать? Обоих вместе? – даже вскочил Матвей Константинович.

– Я не буду прятаться, – воспротивился Мирон. Мужики все похлопали по кошелькам с табакеркой, будто проверили, на месте ли они.

– Нет, не вместе будем прятаться. Перед тем, как зайдут в село белые, нужно прятать Мирона. Если красные выгонят их из села, то тогда спрятаться придется мне.

– Неужели так будете всю жизнь по очереди прятаться? – снова вскочил Матвей Константинович.

– Когда-либо это кончится, – тихим голосом успокоил отец Викентий. – Но сгоряча и одни, и другие могут село сжечь или другую беду придумать.

Сторону попа первым принял Матвей Константинович. Не зря он со счётами дело имеет, быстро сообразил, что к чему. Через некоторое время уже вдвоём перетянули на свою сторону остальных мужиков. Только вот Мирон всё противился. Никак не хотел прятаться.

– Ты не только о себе думай, – снова и снова спокойно пытался убедить его поп. – Вдруг да расстреляют тебя белые. Тогда красные будут мстить за тебя. А кому? Виновных будут искать в нашем селе. А будут ли они долго разбираться? Убьют, кто в руки попадет. Так же смогут сделать и белые, если со мной что-то случится. Зацепку им обоим не надо давать. Вот что.

– Ладно, – сквозь зубы процедил Мирон. – Зайду тогда к себе в подпол.

– Там найдут, – вставил Матвей Константинович.

– В том-то и дело, – окинув мужиков взглядом, сказал отец Викентий. – Нужно под чьим-то полом вырыть яму. Приготовить там постель, еду, воду. Ведь неизвестно, кому из нас сколько придется прятаться.

Посоображали недолго и решили сделать укрытие под полом в доме Варвары. Она женщина не болтливая. Сын тоже в её род пошёл. Пришли к одному мнению, что сейчас же нужно начать копать там яму, оборудовать её. Чтобы к рассвету было все готово. Завтра белые должны уже сюда подойти.

* * *

Все вышли на улицу. Здесь мужики жадно выкурили по несколько сигарок и ненадолго разошлись по домам. Направился к своему дому и Мирон. Тяжело поднялся по лестнице на крышу и вместе с палкой содрал красный флаг. Материал освободил от палки и, бережно сложив, спрятал за пазуху. Зашёл в дом, долго курил, пока дым не стал есть глаза. Ругался про себя, шёпотом. Под утро отправился к дому Варвары.

У мужиков убежище было уже готово. Сделали его возле картофельной ямы. Тесновато, правда, но уместиться можно даже вдвоём. Даже нары сделали для сна. Кто-то матрац, набитый соломой, притащил. На полке стояло ведро с водой, много шанег, булок, буханок, сушеное мясо, квашеная капуста. Даже репу поднесли.

Мирон, недовольно ворча, зашёл в убежище. Мужики закрыли люк, оставили отверстие для воздуха и ушли. Мирон со злостью выпил целый ковш воды и лег.

Он, конечно, не видел, как ещё до полудня в Макарьель зашёл отступавший белый отряд, как с хлебом-солью, с иконами их встречали возле села отец Викентий, Матвей Константинович и ещё несколько односельчан. Ночь белые здесь отдохнули, а на утро отправились дальше, в верховье.

В дом Варвары, тайком от людей, зашёл отец Викентий и спустился в подпол.

– Мирон, ты здесь? – спросил он.

– Где же мне быть? Конечно здесь, – сердито ответил Мирон. – Что, ушли уже ваши спасители? Удрали?

Поп не ответил. Поднял крышку люка. Мирон поднялся.

– Узкий проход-то. Не войдёшь. Ты же, смотри, какой пузатый, – съехидничал он над попом, который спускался в убежище.

– Войди в узкую дверь, потому что широкий проход и широкая дорога ведут к гибели. И многие идут там... – снова из Библии нашёл ответ отец Викентий.

А Мирон вышел на улицу. Ночь ещё на дворе, темно. Он поковылял домой. Снова поднялся на крышу и повесил палку с красным флагом. А утром он уже встретился с командиром красноармейцев. Отцу Викентию пришлось прятаться целую неделю. Дальше красноармейцы идти не решались. Будто знали, что обратно придётся бегом пройти по этому селу, убежать от белых. Отец Викентий освободил место для Мирона. Так ещё два раза менялись местами, пока борцы за новую жизнь полностью не успокоили борцов за старую власть.

Прошло пятнадцать лет. Сейчас все жители Макарьеля твёрдым голосом кричали и хвалили новую жизнь. До дырок читали газеты, которые

их учили, как нужно идти по пути социализма. Для этого нужно было избавиться от всего старого. В первую очередь – от попов и церквей.

Изменился и Мирон Власович. Без чтения газет даже спать не ложился. Да и должность сейчас у него другая – председатель сельсовета.

Однажды утром он собрал возле сельсовета колхозных коммунистов и комсомольцев, и они артелью направились к церкви. Разбить, разрушить это подлое гнездо. Навстречу им вышел постаревший отец Викентий. Что-то пытался объяснить, удержать людей. Схватил Мирона за рукав и говорил:

– И когда пошёл дождь, вышли из берегов реки, поднялся ветер, и бросились они на его дом. Он не упал потому, что на камень была поставлена его основа...

– Иди отсюда! – пытался освободить руку Мирон Власович. – Сеятель опиума для народа! Разрушим твоё злоё гнездо. Морочишь людям голову. Хватит!

Молодёжь поднялась на колокольню, хотели сбросить колокол. Мирон командовал снизу, на земле. Возле него, закрыв лицо руками, сидел отец Викентий и болтал о каком-то завтрашнем дне: «Оставь людям свет, ирод. Оставь свет... не только красный». А ещё отец Викентий пытался добиться у Мирона, чтобы вспомнил тот, как берегли они вместе село.

Но Мирон уже не слышал. И летучий всадник, бывший ямщик – сын Варвары – тоже уже не слышал. И не помнил своих собственных слов:

«Злость цветом не меряют...»

На коленях в камере Верхне-Човской тюрьмы промозглым утром тысяча девятьсот тридцать восьмого года просил отец Викентий у Бога милости к падшим: «Прости их, Господи, ибо не ведают, блудные дети, что творят...» Он гладил своими могучими руками по голове человека, лежащего вдоль стены у окна, гладил и просил у Бога прощения за сумасшедший мир, за себя, за слепых и нищих духом, просил один, потому что Мирон бредил в горячке и, тычась в холодную стену камеры, клекотал отбитыми лёгкими и шептал что-то о братстве мирового пролетариата.

...Их обоих расстреляли рано утром. Залпом в пять стволов.



Елена
ДАНЧЕНКО

ГОЛЛАНДСКИЙ
ПЕЙЗАЖ



ЧЁРНЫЙ СВЕТ

Белый вечер. Чёрный свет.
В чистом вечера начале
что за тема прозвучала
музыки, которой нет?
И не Шёнберг, и не Берг,
отчего же свет померк?
Стал таким иссиня-чёрным,
будто кто-то душу чёрту
за бесценюк уступил.
Дверь – с петель,
рука – с перил,
и с закушенной губою,
с непонятною бедою
выбегаю в лебеду.
Нет, не падаю, впадаю
в стебли, в забытьё, сминая
дисгармоний суету,
расходившиеся звуки.
Только небо, только руки,
взвесившие пустоту.

101

ЧЕРЁМУХА

Я счастлива почти – поскольку во дворе
черёмуха цветёт и пахнет.

Майской вишни
ещё свежи соцветья. В январе
расстались мы. Ты больше не звонишь мне.
И ты не позвонишь. Но вешняя метель
накрыла мир воздушным покрывалом.
Любимая, прозрачайшая тень
мелькает во дворе – знакомое лекало –
покрой твоих одежд – впечатался в неё,
и ветер расправляет тихо складки...
В сиротское забытое жильё
с пыльцою пополам, накрапывает сладкий
и невесомый дождь. Я виновата в том,
что слишком быстро, сильно полюбила.
За это Бог наказывает – сном.
Изгнанием из жизни. Тенью милой.

Данченко Елена родилась в Кишинёве. Окончила факультет журналистики Кишинёвского госуниверситета, Высшую школу переводчиков. Стихи пишет с десяти лет, переводит с двенадцати. Автор шести книг стихов. Четвёртая книга, созданная в соавторстве с китайской поэтессой Мин Минг Ли, написана параллельными текстами, на нидерландском и русском языках, с вкраплениями китайских иероглифов, издана в Москве. Пятая скоро будет издана в Германии. Шестая ждёт своего издателя.

Автор стихотворных публикаций в Молдове, России, Беларуси, Украине, Узбекистане, Нидерландах, Бельгии, Израиле, Канаде. Печаталась в газетах и журналах: «Вечерний Кишинёв», «Сельская молодёжь», «Модус Вивенди», «Москва», «Дружба народов», «Новая Юность», «Смена», «День и ночь», альманахах «День поэзии» и «Год поэзии», на разных сайтах. С 2004 года живёт в Нидерландах.

ПЕРЕВАЛ

Этот возраст трезвости и забот
на вершине жизни меня догнал.
Каждый месяц – как высокосный год.
Каждый день – как дорога на перевал.
Я карабкаюсь. Я молчу, терплю,
вместо сердца игольчатый холодок.
Пекло лета. Века моего июль.
Я по Крымским дорогам уже не ходок.
Не зовут меня ни морская волна,
ни скала, ни сосна, что растёт на ней.
Я жива пока. Я пока сильна.
На губах моих соль и пена дней.

ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Пейзаж, как на картинах
нидерландских художников:

справа и слева – чёрные силуэты деревьев.

Мальчики и девочки катаются на коньках.

Бледно-голубое небо.

И так спокойно.

Я не вписываюсь в пейзаж,

потому что думаю о смерти.

Хорошо бы умереть позже своих близких,

чтобы они не плакали
и не глотали нитроглицерин.

Хорошо бы умереть летом,
подальше от всех праздников,

чтобы никому не портить настроения.

А лучше всего – ничего не знать о смерти,

хотя бы до её прихода.

Стать такой же спокойной,
как зимний пейзаж,

и такой же простой.

ВАЛИНО ОТРАЖЕНИЕ

Валентине Андреевне
ЯНКОВСКОЙ,
белорусской
золотошвейке-иконописцу

Июль. Коровы. Рыбаки
с уловом знатным.
Ты отражаешься в реке
в чём-то нарядном.

Подруга лет моих лихих
да дней суровых,
всё чёрно-белых и худых,
как те коровы.

Я в отражение всмотрюсь,
склоняясь к бликам
воды, поранившись о куст
шипшины* дикой.

Алеют от людских обид
её сердечки.
Перекликаюсь с ней, горит
в саду паречка**.

Ни позвонить, ни навестить,
ни отогреться.
Горит кроваво-красным нить
от сердца к сердцу.

Ах, одиночество моё!..
Так в одночасье
друзей уводят за жнивье –
туда, где – счастье

бледно-лазурного стекла.
Где ангелочки
блаженствуют. Где ты светла
в своём платочке.

* Шипшина – шиповник;

** паречка – красная смородина (бел. яз.).

ПАМЯТИ ДАФНЫ

Дафне ван ден Берг-Верфяй

Как дела твои, Дафна?

В ответ – ничего... Тишина.

Только речка Буеш,

спотыкаясь о камни, бушует.

Только птичья мелодия

в воздухе зыбком слышна,

только ветер, срываясь с деревьев,

уносится с шумом.

Только белое облако

пёрышком лёгким плывёт.

Уж не ты ли на нём, как на скутере,

движешься в вечность?

Этим летом в Буеше вода холодна,

словно лёд,

как, наверно, летейская, –

там, где обещана встреча.

Знаешь, Дафна, тут

в принципе нет ничего,

что держало бы прочно.

Ни радости нет, ни опоры...

Так за небо и держимся,

вверх уходя кочевой

птичьей стаей –

от злой обезумевшей своры,

до конца не постигнув

ни каменных книг этих скал,

языка этих вод, па-де-де двух подружек –

двух бабочек дивных,

бирюзового неба, полей изумрудных лекал,

корсиканского хора лягушек

и фокусов рыбьих.

Был бы рай на земле, если б...

лучше взахлёб промолчу.

Как рыбёшки, рискнувшие

прыгнуть на камень, и с камня

сиганувшие в воду –

у рыбок довольно причуд –

в материнскую реку –

в небесное синеве – канем.



**Михаил
АНОХИН**

ТРИ РАССКАЗА



ПЛАТА ЗА ДУШУ

Фамилия Сергея звучала как издёвка над ним, да и на фамилию она мало походила, больше на ласковую кличку: «Воробушек». Представляете, приходит в отдел кадров дядя весом за сто кило и ростом под два метра и представляет: «Я, Сергей Воробушек – мастер по ремонту топливной аппаратуры».

Ну да ладно, на Руси и не такие фамилии есть, даже похабно звучащие, да и не фамилией человек определяется, а тем, каков его характер, или даже так: какая у него душа. Так вот, душа у Сергея Воробушка была дерзкой до неприличия! Мало того, что он начальства никакого терпеть не мог, так он и женщин своей дерзостью приводил в смущение. Словом, ни такта, ни приличия этот человек с ласковой фамилией Воробушек не знал, и по всему видно, что и знать не хотел.

Многие называли его хамом, но какой же он хам, если отца своего до самой смерти не иначе, как тятей не величал? Смешно в наше оголтелое время было слышать от него такие слова: «Не могу, тятя этого не одобрит».

Это сейчас-то, когда сопливые юнцы ни во что родителей не ставят, но о своих правах, точно сороки, по любому поводу стрекот поднимают

такой, что уши затыкай да беги куда глаза глядят, а ещё лучше: вынь да положь!

Да и жену, пока она жива была, очень даже уважал, хотя она бездетна, и свой дерзкий язык при ней не распускал. Нет, не хам был Воробушек, а именно – человек дерзкий, до неприличия. Можно сказать – стихийный был человек этот Сергей Воробушек. Не оформленный да не запряжённый, иначе сказать – невоспитанный.

Из-за своей дерзости Сергей Воробушек на одной работе долго не задерживался. А мастер он был классный! По звуку работы мотора определял, что у него там, внутри, происходит.

– Я, – говорит, – доктор, а вы все фельдшера...

О его дерзости судите сами. Когда генсек бывшего СССР Михаил Горбачёв в «народ ходил», довелось ему побывать на предприятии, где работал Сергей Воробушек. И что ж вы думаете, Серёга и тут отличился! Во время встречи с самым главным человеком в стране он возьми да и спроси: «А сколько этот костюм, что на Вас, стоит?».

Михаил Сергеевич, то есть Горбачёв, чего-то там про жену сказал, но смутился здорово, а крепкие ребята плечами затолкали Воробушка в общую массу рабочего люда, чтобы не смел смущать начальство.

АНОХИН Михаил Петрович родился в 1944 году в селе Калары Таштагольского района. Работал пожарным, геологоразведчиком, рыбаком тралового флота на Камчатке, строителем, журналистом. Окончил литературную студию при Алтайской организации Союза писателей СССР. Пишет стихи, прозу, публицистику. Автор нескольких книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Звезда», «Наш современник», «Алтай», «Огни Кузбасса», в различных коллективных сборниках. Участник забастовочного движения шахтёров (1989 год). Член Союза писателей России. С 1984 года живёт в Прокопьевске.

Понятное дело, при таком характере и при нашем-то советском воспитании Серёга не верил ни в Бога, ни в чёрта, ни даже в материю, если она не была зажата в его маленьком, но крепком кулаке. Словом, это человек не только дерзкий, но и до крайности самонадеянный.

Вот такой был этот «воробушек», составленный из каких-то углов и шипов, хотя кто его знает, что там у человека внутри.

Сергей Воробушек дожил до пенсионного возраста и явился в органы назначения пенсии с четырьмя исписанными от корки до корки трудовыми книжками! Это удивило даже выдавших виды чиновников. Но и этот многотрудный этап оформления пенсии был преодолен им. Наступили времена пенсионные, и тут на беду Сергея случилось прочесть ему объявление в газете. Короткое такое объявление, буквально несколько строк: «Покупаю души. – И приписка соблазнительная: – Дорого».

В газетах нынче печатают и не такую дурь, но эта запала ему в душу, которую некто хотел у него купить. Долго он мусолил эту тему про себя, пока не пришла в голову, как ему показалась, гениальная мысль: «А что, если я продам свою душу, а деньги отправлю на строительство храма?»

Мысль эта, можно сказать, родилась одновременно с прочтением злосчастного объявления в газете, потому что номер расчётного счёта строящейся церкви был как раз рядом с объявлением о покупке душ, вот только оформилась, осозналась она несколько позже.

Соблазнился Серёга тем, что, по его мнению, душу можно «вытряхнуть» из человека одним способом – убить его! А всё остальное из области суеверий и человеческого лохотронства. Да и как можно распорядиться тем, чего в руки не возьмёшь?

Так думал Серёга и пришёл к твёрдому заключению, что это – лохотрон, только вот маленькое облачко оставалось на горизонте: если это лохотрон, то как с него поиметь выгоду, купив нечто, что, по мнению Сереги, являлось метафорой человеческой личности? И стало Серёгу Воробушка жечь любопытство, да так неотвязно, что он даже заболел от этого. Ну никак не решалась эта загадка: зачем кому-то понадобилась его душа?

Вспомнил Сергей школьное: и Чичикова, и доктора Фауста, и многое что другое, слышанное от людей и читанное в дешёвых бульварных газетах. И заговорила в нём дерзость: обману

этих прощелыг, которые души скупают, и тем самым сделаю дело доброе. Мысленно целую теорию сочинил о добродетели, даже азарт появился, поскольку до этого такие мысли о добре не приходили в его голову.

Впрочем, когда-то давно, когда Серёга Воробушек увлекался чем попало и в частности стихами, он твёрдо усвоил, что «добро должно быть с кулаками». Вот и все понятия о добре, что сидели до этого в глубине Серёгиной души, обреченной им на продажу.

И вот надо же: объявление о покупке души и молитвенная просьба о помощи в строительстве храма странным образом соединились и родили азартное и дерзкое намерение Воробушка самому обмануть обманщиков. Сделать небывалое для него дело: помочь в строительстве, как бы он сказал ещё год тому назад, да и то через губу – культового сооружения.

Так и сделал: написал по указанному адресу письмо о том, что согласен продать свою душу и вскоре забыл о нём. Вспыхнула эта идея в нём ярко, как новогодний фейерверк, и тут же пропала.

Однажды в пресквернейшую осеннюю погоду поздно вечером в дверь его квартиры постучались. Сергей выключил телевизор и пошёл открывать. Привычки спрашивать, кто там, он так и не приобрёл, обычно спрашивала и дверь открывала его жена, но жена вот уже два года, как покоилась на кладбище.

Не успев перешагнуть порог, незнакомец из-под капюшона мокрого плаща сказал: «Я насчёт покупки Вашей души», чем ввёл Сергея в страшное смущение, поскольку он стал подзабывать этот эпизод из своей жизни.

Пришлось не только принять из рук посетителя плащ и повесить его в ванной, чтобы вода немного стекла с него, но и провести гостя на кухню. Без горячего чая также не обошлось. И всё время, пока Сергей суетился, эта затея с продажей души ему уже не казалась такой уж умной. И особенно неудобно он чувствовал себя, когда искоса и изредка бросал взгляд на этого позднего гостя.

Надо сказать, что внешность гостя была невзрачной, разве что особая борода «а-ля козёл» да быстрый, обегаящий всё вокруг взгляд придавали этому бледному и флегматичному лицу некоторую живость. На госте был глухой свитер, что неудивительно, если судить по погоде.

Когда чай был разлит по стаканам и выставлена на стол вазочка с песочным печеньем, Сергей, давась словами, сказал:

– Только я никаких документов подписывать не стану. Тем более – кровью...

– Фу ты! – искренне отреагировал гость, и Сергей почувствовал эту искренность. – Начитались всякой чепухи и телевизор насмотрелись... – И уже с ноткой жалобы в голосе продолжил: – Ну что ты будешь делать?! К кому бы ни пришёл, везде почти одно и то же! Это уже скучно становится. – И совсем упавшим голосом пробормотал: – Средневековье какое-то.

Это искреннее возмущение и бормотание подействовали на Сергея как ушат холодной воды на пьяницу, поскольку он так и не мог до конца поверить, что нашёлся человек или организация какая-то, которая и на самом деле, без дураков, покупает души.

– Да Вы что, на самом деле души покупаете? Ну, Чичиков, понятно, там основа была – ревизские сказки, а тут? Не морочите ли Вы голову мне и другим? – спросил Серёга между двумя глотками горячего чая.

– И, тем не менее, Вы написали, что готовы продать свою, подчёркиваю это, свою душу, следовательно, поверили в то, что есть люди или организации, готовые эту душу купить. Так?

– Так, – Сергей вынужден был признаться в этом. – Но я подумал, что это шутка, или, простите меня, сумасброд какой-то написал. – Ему при всей его дерзости, никак не выговаривалось сказать то, что вертелось в голове: «Или сатана покупает?».

– И тем не менее Вы в это поверили. Даже вот, мысленно предположили, а не сатана ли это покупает души? А какая Вам разница, кто? Вы ведь всё равно не верите ни в Господа Бога, ни в сатану, как, кстати сказать, и душу понимаете чисто метафорически.

Серёге хотелось сказать: «Большая разница», – и опять, к собственному удивлению, он ничего не сказал. То ли оттого, что душа его трепетала от одной мысли, что будет продана, и потому из неё вся дерзость улетучилось? Или же Серёгина дерзость почувствовала в пришельце родственное начало, упала, наподобие собаки, на спину и замолотила хвостом в знак покорности. И этот стук сердца у горла не есть ли стук молотящего хвоста Серёгиной дерзости?

– Как бы то ни было, – ровным голосом, даже без малейшего признака эмоциональности,

словно не человек, а машина читает заранее написанный текст, продолжал незнакомец, – а я готов предложить за Вашу душу сто тысяч рублей наличными. – Он нагнулся и достал пачку купюр. – У меня даже упаковка, заметьте, банковская...

И только тут Сергей обратил внимание, что посетитель был с кожаным портфелем. Пока он занимался плащом, этот господин пронёс портфель на кухню и сунул его под кухонный стол.

– Предвосхищаю Ваш вопрос: зачем мне Ваша душа? – спросил незнакомец.

– Вот именно, зачем? – как эхо откликнулся Сергей.

– А Вы скажете, зачем Вам деньги? – посетитель сделал паузу, а потом, словно омывая под струёй воды кисти рук, стал энергично их потирать. – Вот видите, Вы затрудняетесь ответить на этот вопрос. Представьте себе, и я не знаю, что буду делать с Вашей душой, когда её куплю у Вас. Как говорят, были бы деньги, а куда их потратить – нет проблем!

– То деньги, а то душа! – Сергей попытался возразить, но посетитель легко парировал и это.

– Вот именно! Стало быть, я как-то предполагаю использовать Вашу душу, точно так же, как и Вы, как-то предполагаете истратить мои деньги. Как-то, но как точно – о том и сами не ведаете. Согласитесь, что использование денег и собственности – дело личное, так ведь?

Сергей молча кивнул головой, поскольку решение о продаже своей души, несмотря на какие-то вспыхивающие в голове сомнения, только окрепло.

– Сто тысяч за мою душу – это мало, – сказал он и сам удивился некой ирреальности происходящего, словно уснул и вот – сон, а во сне происходит эта нелепица! За столом сидит человек, в руках у него – банковская упаковка достоинством в сто тысяч рублей, и он покупает у Сергея душу – нечто такое, чего нельзя положить вот так, в портфель, как деньги, и унести с собой.

– Дурак! Сумасшедший! – такие мысли одна за другой, словно стрижи, прочеркивали пространство его сознания поверх всех неясных тревог.

Посетитель опять сделал этот странный жест кистями рук, словно умывал их, и сказал:

– А сколько бы Вы хотели за свою душу? Я Вам предложил хорошую цену, многие за меньшую продавали.

– Миллион! – выпалил Сергей и задохнулся от своей дерзости.

– Вы полагаете, Ваша душа стоит таких денег?

– Это самое малое. И учтите, мне не нужна наличка здесь и сейчас. Нынче таких денег напечатывают – просто загляденье, а завтра – милиция и наручники...

– Хорошо, я дам Вам банковский чек на предъявителя, и Вы получите свои деньги в Сбербанке.

– Миллион?

– Давайте компромисс – половину. Больше не могу.

Холодный пот выступил на лбу Сергея, и ощущение нереальности стало еще сильнее, а странный посетитель между тем ровным голосом продолжал: – В сущности, нам остаётся только ударить по рукам, и Вы должны сказать: «Согласен», – он протянул Сергею банковский чек на полмиллиона рублей.

– Ничего я говорить не буду, – буркнул Сергей, ощущая сухость во рту. – И руки Вам подавать не стану. – Произнеся это, он взял чек и сунул его под чайное блюдечко.

– Как хотите, я не настаиваю, – с этими словами незнакомец встал из-за стола.

Уже на пороге квартиры незнакомец сказал как бы невзначай, словно запямятовал и только сейчас вспомнил:

– Сделка будет считаться состоявшейся с того момента, как Вы станете тратить полученные деньги, – и уже с не скрываемым юмором, за порогом: – Берегите душу, как-никак она, в некотором смысле, уже не совсем ваша, а, так сказать, чужая собственность, находящаяся под Вашим временным управлением.

На следующее утро Сергей встал с больной головой, и всё вчерашнее показалось ему сном. Он по обыкновению прошёл на кухню, чтобы поставить чайник на плиту и тут увидел, как из-под блюдечка выглядывает краешек бумажки весьма необычного цвета. Дрожащими руками он почти отшвырнул блюдечко... Чек на полмиллиона рублей, самый настоящий чек, а вовсе не плод ночного кошмара, глядел на него и, казалось, нагло и дерзко улыбался своей гербовой печатью.

Ноги у Сергея сразу одеревенели, а сердце заколотилось в горле. «Всё! Всё! – мысленно говорил себе Сергей. – Всё до копейки и ничего себе... сразу... сейчас же...»

Он даже не стал пить утренний чай, а наспех собрался и поехал в ближайшее отделение Сбербанка.

Операторша удивилось, что некий гражданин Воробушек перечисляет такие деньги на храм. Она даже сносила чек «куда надо», но чек был подлинный, «на предъявителя», и оснований для несовершения операции по переводу денег на строительство храма не было никаких.

Всё это время Сергей Воробушек находился в странном, заторможенном состоянии, словно не сам подписывал бумаги и отвечал на вопросы, а не имел к этому никакого отношения. Более того, какая-то здраворассудочная часть в нём удивлялась происходящему. Удивлялась и истошно вопила от необъяснимого, иррационального страха.

– Вот, – сказала операторша и выложила перед Сергеем четыре копейки, – это, простите, сдача от суммы переведённых Вам средств и после уплаты из этой суммы соответствующих сборов.

Сергей машинально сунул эти медяки в карман и скорым шагом вышел из помещения Сбербанка. Остро захотелось курить. Он зашёл в ближайший киоск, купил пачку болгарских сигарет «Опал» и коробку спичек. Вышел на крыльцо и с наслаждением сделал глубокую затяжку. Удивление тому, что глупейшая во всех смыслах сделка состоялась, не только не прошло, но напротив – усилилось.

– Уж не сплю ли?

Почти вслух спросил Воробушек неизвестно кого, не имея больше сил сдерживать в себе внутренний голос. И тут почувствовал, что кто-то сзади дотронулся да его плеча.

Словно ушат кипятка вылили на Сергея. Он охнул и осел здесь же на крыльцо киоска, под ноги покупателей. И последним, ярким видением в его жизни он увидел, как в общей массе денег, которыми он рассчитался за сигареты и спички – жёлтым глазом мелькнули копеечные монеты; та самая сдача, которую он получил как плату за свою душу.

И услышал дикий хохот над собой: «Надо же, алкаш! Утро ещё, а он уже нализался!»

Мявкнули чего-то губы Воробушка, вроде как «мама» сказать хотел, да только никому до его последнего слова дела не было. А те, кому дело было до Воробушка, чего человек последним своим выдохом сказать хотел, мало интересова-

лись. Они взяли его за ноги и за руки, и забросили Воробушка в кузов машины на брезентовую палатку. А дальше... Дальше у Воробушка был путь, которого никто не минует. Даже те, у кого душа не продана.

ДЕДУШКИНА СКАЗКА

В многоквартирном доме на окраине небольшого городка, в комнате, где письменный стол и книжный шкаф, на двуспальной кровати лежали внук и дед.

Хрюша и Степаша пожелали малышу доброй ночи, и оба, внук и дед, надеялись, что эта ночь, как и все предыдущие, будет доброй.

– Дедушка, расскажи мне сказку? – попросил внук.

Попросил внук. Сказка была обязательной перед отходом ко сну, и деду приходилось выдумывать каждый раз что-нибудь новенькое.

– Ту, из книжки, которую я тебе читал в прошлый раз, про Алёнушку и брата Иванушку?

Спросил дед на всякий случай, потому что выдумать сказку не так-то уж просто.

– Нет! Я не хочу.

И внук нараспев, подражая деду, произнёс: «Рожки болят, ножки болят! Ты придумай новую, свою сказку. Я твои сказки люблю».

– Ну, хорошо, так и быть, сойду что-нибудь, – усмехнулся чему-то своему дед.

– Врать не надо, ты взаправду рассказывай.

Внук вздохнул, отвернулся, прижал к груди дедову руку, а потом стал почёсывать ему ладонь. Было приятно и в то же время тревожно, так как неизвестно, к чему приведет такая привычка. Дед не знал этого и от того, что не знал, волновался. Тайна становления человека, была самой тревожащей из всех тайн, смущавших душу деда.

– Ну это я так сказал потому, что в сказках всё бывает понарошку, но так, как по правде, – поправился дед. – Хорошо. Слушай. Жили-были папа, мама и сынишка, Кирилка...

– Опять «жили-были», – откликнулся внук, переворачиваясь с бока на спину, но дедову руку не отпустил.

– В прошлый раз «жили-были дед да бабка» и сейчас – «жили-были...»

– Но ведь и на самом деле «жили и были».

Возразил дед, пододвигаясь поближе к внуку, иначе, если не пододвигаться, то он уляжется поперёк кровати.

– Вот ты живёшь, и у тебя есть папа и мама, а ты есть у них, так ведь?

Внук подумал и сказал:

– И у тебя есть я, да?

– Разумеется, и у меня. Сказку рассказывать?

– Ладно, рассказывай, – великодушно разрешил внук и оставил ладонь деда в покое, повернулся к нему лицом и провёл рукой по щеке.

– У меня тоже, когда я буду старый, щетина вырастет? – спросил внук.

– Не отпадёт голова – прирастёт борода, – ответил дед той же присказкой, какой ему отвечал на этот вопрос его дед, когда он был маленьким.

– А как она прирастает? – внук приподнялся и заглянул деду в глаза.

– Обыкновенно, как волосы к твоей голове приросли, так и щетина к щекам прирастет.

– А на лбу не будет прирастать? – и он дотронулся до дедова лба.

– Не будет, – сказал дед. – Ты сказку просил...

– Ну ладно, рассказывай, только когда усну, можешь не рассказывать, потому что ясны смотреть буду.

– Ну, так вот, жили-были папа, мама и сынишка Кирюшка...

– Его, как меня, звали, да?

– Да, как тебя. Мама работала стюардессой на большом самолёте, что каждое утро, когда ты идёшь в садик, пролетает высоко в небе...

– А моя мама в банке работает, – сказал внук.

– Это сказочная мама... А папа работал спасателем.

– Он людей спасал, да?

– И людей, и зверюшек разных, словом, всех, кто попал в беду – такая у него была работа.

– Тяжёлая, да?

– Тяжёлая, ответственная и опасная. Так вот, сынишка у них, Кирилка, рос мальчиком серьёзным, в лужи не лез, девочек за косы не дергал, слабых и маленьких не обижал, и потому папа отпускал его гулять одного и не боялся, что он выскочит на проезжую часть дороги...

– А на не проезжую он мог выскакивать, да?

– На не проезжую – мог. Они жили на окраине города в большом доме...

– Как наш, да?

– Как наш, – согласился дед и продолжил – А за домом было поле, а дальше большой тёмный лес. Мальчику всегда хотелось поглядеть,

что в лесу, потому что он бывал на поле и видел, какие цветы и в какое время там растут, а в лесу не был...

– Папа ему показывал, да? – спросил внук.

– Да. Папа водил мальчика на поле и весной, и летом, и осенью...

– А он говорил, что цветочки рвать нельзя, что им больно?

– Говорил. И вот однажды Кирилка решил пойти в лес...

– Он из садика убежал, да? – спросил внук в очередной раз, поворачиваясь с одного бока на другой.

– Нет, садик был на карантине, а он был один в доме. Я же тебе говорил, что он был мальчиком серьёзным и самостоятельным, и потому мама и папа оставляли его одного.

– Без присмотра? – внук спросил серьёзным тоном, в котором легко читалось осуждение сказочного папы и сказочной мамы.

– Серьёзных и самостоятельных мальчиков можно оставлять без присмотра, но это нужно заслужить, – пояснил дед. – Когда я был такой маленький, как ты, меня мама оставляла в доме за старшего на целый день и даже на целую ночь, потому что папа мой...

Тут дед прервал собственные воспоминания и сказал:

– Ты слушай и не перебивай меня, а то я до утра сказку не расскажу.

– А она длинная? А ты был серьёзным, когда был маленьким, и заслужил?

Дед задумался. Он не знал, что сказать о себе маленькому своему внуку, как этого не знал, когда такой же вопрос задавали его сын и дочь. Ограничился кратким: «Длинная».

– Тогда я до утра спать не буду, – уверенно заявил внук.

– Так вот, прошёл он поле и вошёл в лес. На поле ярко светило солнышко, а в лесу было сумрачно, как бывает, когда солнышко спать ложится...

– Ты говорил мне, что солнышко не спит, а светит в других странах, другим мальчикам и девочкам.

– Совершенно верно, оно закатывается. Ты слушай. Мальчик хотел было уйти из леса, но увидел кустик с ягодой. Ягоды были красные, и он знал, что их можно кушать, хотя они и кислые без сахара...

– Я знаю, у другого деда в огороде такой куст растёт, его красной смородиной называют.

– Так оно и есть. Так вот, деревце за деревце, кустик за кустик, и вышел мальчик к большому тёмному озеру посреди того леса. По берегам озера росла высокая трава-тростник. Мальчик вытащил из кармана складной ножичек, который ему папа подарил на день рождения...

– А мне папа не дарит ножичек, – пожаловался внук. – Говорит: «Ты ещё маленький» и ещё говорит: «Беды не оберёшься».

– Будешь серьёзным и самостоятельным, подарит. Так вот, срезал он тростинку и дунул в неё, а она, дудочка та, заплакала девчоночьим голоском: «Лежу я на дне озера, ручки-ножки мои травкой связаны, злая колдунья меня утопила».

Испугался мальчик Кирилка и со всех ног припустил домой, а дудочку ту не бросил. Дома папа с работы пришёл, и сын ему всё рассказал, а мамы не было потому, что она была на работе, в своём самолёте.

«Нет никаких колдуний, тебе в лесу со страха показалось», – сердито сказал папа. Он очень не любил разные выдумки про страшное, наверное, потому, что много чего страшного видел на своей работе.

«А вот есть!» – выкрикнул мальчик и вытащил из кармана дудочку. Теперь он был дома и рядом папа, так что бояться совершенно нечего было. Он дунул в неё. Заплакала тростинка, и папа вначале удивился, а потом разозлился на ту злую колдунью. «Ты иди в ванную, помойся да спать ложись, а завтра утром мы с тобой сходим и девочку ту поищем, попробуем её спасти». – «Пробовать не надо, – сказал сын, – а надо спасти». – «Вот-вот», – согласился папа, прикрывая дверь ванной за сыном.

Ночью пришли к мальчику сны всякие-разные, и был один нехороший сон, потому что приснилась ему колдунья на берегу озера. Погрозил ей Кирилка кулаком и назвал её злою, и та исчезла из Кирилкиного сна.

Папа утром встал рано и всё приготовил, чтобы спасти девочку, а потом разбудил сына. Они попили чай с сыром, маслом и хлебом, оставили на столе записку маме, что вернуться после обеда, и ушли.

И вот они пришли к озеру тому проклятуемому, где на дне лежит девочка. Снял папа с плеч рюкзак, и тут налетела стая чёрных ворон, так, что всё ещё темнее стало, чем было, а потом раздался хохот, и увидели они, что перед ними стоит колдунья.

Папа наклонился к сыну и сказал ему тихонько: «Ты ничего не бойся, а я пойду и разберусь с этой особой».

Только эта особа, то есть колдунья, не стала дожидаться, когда с ней «разберутся», а сказала страшное заклинание, и папа с сыном превратились в диких серых уток...

– Я не хочу больше слушать эту дурацкую сказку! – выкрикнул внук. – Этих дурацких колдуний не хочу и этого дурацкого озера тоже!

– А кто хочет? – спросил дед, – никто не хочет, а девочка та в беде, может быть, потому и в беде, что никто не хочет слушать о дурацком озере и дурацкой колдунье.

Дед сделал паузу, а потом спросил внука:

– А ты, как ты думаешь?

Внук попыхтел-попыхтел, раза два ударил своим кулачком по подушке:

– Вот так её! Злюку! Вот так!

Дед молчал. Прошла минута, другая, и внук сказал, сглатывая слёзы:

– Ну, чего замолчал? Рассказывай дальше свою дурацкую сказку.

– Приехала мама из аэропорта, прочла записку и принялась на кухне готовить вкусненькое для сына и папы. Вот и вечер наступил, солнышко стало закатываться, а их нет. А там, на озере, плавают две утки, и маленькая утка говорит большой: «Папа, я хочу домой. У нас крылышки с тобой есть, давай прилетим к маме и сядем на балконе». – «Нельзя, сыночек, – отвечает ему большая утка-папа, – не признает нас мама, да и люди подумают, что мы обыкновенные дикие утки. Поймают нас, головки отрубят, зажарят и съедят»...

Внук плакал уже навзрыд, но дед продолжал рассказывать, словно не слышал этих приглушённых подушкой всхлипываний.

– Вышла мама на балкон, а тут птичка серенькая прилетела, села на перильце и поглядывает на маму своими бусинками-глазками.

«Зёрнышко хочешь?» – спросила мама, удивляясь тому, что серенькая птичка её не испугалась и не улетела, как это обычно бывает.

Пошла она на кухню и в ладони принесла подсолнечных семечек. Протянула ладошку к птичке, а та скок к ладошке и клюнула раз, два. «А у меня, – пожаловалась мама, – муж и сын потерялись».

И вдруг та серенькая птичка стала говорить человеческим голосом: «Их злая ведьма в уток превратила, плавают они на лесном озере.

Ты время даром не теряй, собирайся в дорогу, нужно отыскать добрую волшебницу-фею, иначе с той колдуньей не справишься».

«Ох! – сказала мама и заплакала, потому что все мамы после «ох» плачут, а папы не плачут. Где же я её найду, добрую фею? Я дороги не знаю». – «А ты иди туда, где солнышко садиться, а дорога тебя сама найдёт», – посоветовала птичка.

Мама тут же принялась одеваться и пошла в ту сторону, где солнышко садилось. Шла она, шла и ночью, и днём, и зашла она в лес, но не тёмный, как тот, где озеро, а светлый. Очень она устала, но мамы, которые ищут своих сыновей, своих любимых мужей, много чего могут, а уж про то, что устали, так об этом и не вспоминают вовсе. И вот она нашла домик с голубыми ставнями, с высоким крыльцом, с яблоневым и вишневым садом вокруг дома. А на крыльце в плетёном кресле сидела молодая женщина, очень красивая...

И тут внук подал голос:

– Как наша воспитательница, Полина Ильинична, да?

– Конечно, – согласился дед – Увидела она маму и говорит ей: «Знаю, зачем пришла. Ждала я тебя. Присядь, медовой воды попей, яблочко скушай»....

– Лучше бы тархун попросила, – сказал внук. – Моя мама тархун любит.

– Ладно, в следующий раз она тархун предложит, – сказал дед и добавил: – Учтём. Ну, так вот, отвечает доброй волшебнице мама: «Спасибо тебе на добром слове, да не могу я воду пить и яблоки кушать, потому что кусок в горле застрекает. Горе у меня». – «Горю твоему помочь можно. Вот тебе палочка-выручалочка»...

– Палку большую нужно! – крикнул внук, – чтобы как дать-дать той злой колдунье!

Он уже давно не плакал, предугадывая финал сказки. Ведь дед всегда говорил ему, что в сказках вначале всё плохо, а потом всё хорошо. Только дед всегда рассказывает так, что кажется – всё взаправду, а в взаправде не всегда всё бывает хорошо даже в конце. Это внук стал уже понимать, особенно тогда, когда мальчик из его группы погиб вместе с отцом, разбившись в машине.

– Взяла мама палочку-выручалочку, а добрая волшебница и говорит: «Махнешь палочкой и скажешь: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое»...

– А наваждение – это когда наваживают? – спросил внук.

– Что-что? – не понял дед.

– Ну, это когда мама говорит: «Вы его не наваживайте?»

Дед на секунду-другую задумался:

– Наверное, мама права, и ты прав. Ведь когда наваживают, то хороший мальчик становится капризным, нехорошим, злым.

– А девочки? – поинтересовался внук.

– У, а девочки ещё хуже, – вырвалось у деда что-то своё, наболевшее.

– Ну ты слушай, уже немного осталось. Так вот, взяла мама эту палочку и запомнила слова, которые следует сказать, а добрая фея сделала так, что мама враз оказалась на берегу того лесного тёмного озера. И видит она двух уток, и зовёт их: «Ути, ути, плывите ко мне». Обрадовались утки...

– Папа и сынишка, – поправил внук.

– Конечно папа и сынишка, – согласился дед. – Подплыли утки к бережку, мама палочкой-выручалочкой взмахнула и сказала: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое», и обернулись утки папой и сынишкой. Мама поцеловала их, обняла...

– Крепко-прекрепко, – и внук обхватил шею деда и прижался к нему.

– Да, внучек, да. Именно так: «крепко-прекрепко!» – и дед погладил внука по голове. – А сынок, Кирилка, сказал маме: «Знаешь, мама, как без тебя плохо нам с папой было?!» – «А мне без вас – невыносимо плохо», – сказала мама.

И тут опять налетели вороны, лес зашумел, деревья закачались, и появилась злая ведьма: «Ты зачем моих уток в людей превратила? Да я тебя!»

И только хотела злая ведьма сказать свое страшное-престрашное заклятие, как мама подняла палочку и сама сказала заветное слово: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое». И тотчас ведьма превратилась в старый трухлявый пенёк. «Ну, теперь домой, – сказала мама, – а то дома стены без нас скучают...»

– А девочка, – спросил внук, борясь со сном, – которая в озере, на дне лежит?

– Папа сказал: «Тут девочку одну спасти нужно», – и принялся вытаскивать из рюкзака свои спасательные инструменты. А мама взмахнула над озером палочкой-выручалочкой и сказала: «Ты сгинь-пропади, наваждение злое», и девоч-

ка, ровесница мальчика Кирилки, очутилась на бережку, жива и здорова!..»

– Здоровецкая сказка, деда, – пробормотал внук и тут же уснул.

Утром, собираясь в садик, внук спросил:

– А девочка та нашла своих папу и маму?

– Какая девочка? – удивился дед.

– Ты что, забыл? Ну та, что в озере была и в дудочку плакала?

– А ты как думаешь? – спросил дед.

– Наверное, нашла, – ответил внук и добавил самым серьёзным тоном, на который был способен: – И девочкам без пап и мам плохо.

Потом, уже дня через три, неожиданно для деда внук вернулся к теме этой сказки.

– Если не нашла та девочка папу и маму, то её Кирилка усыновил. А потом, когда они выросли, он сделал её своей женой.

ЧЕГО ВРАТЬ-ТО?

В районное село приехал песенный ансамбль из города поздравить ветеранов. Председатель райисполкома строго-настроено наказывал заведующей отделом культуры:

– Зиночка, чтобы мне никаких ненужных эксцессов не было, – и, помолчав, добавил: – Особенно проследи за Петром Кузьмичём Ложкиным, кабы он, как в прошлом годе, не оконфузил весь наш район неуместными вопросами и комментариями. Слово ему ни в коем разе не давать, ни перед началом чествования ветеранов, ни в конце.

– Да ведь он, Ипполит Матвеевич, слово ни у кого не спрашивает... – жалостливо, почти обречённо ответила заведующая культурой района.

– Тем более, Зинаида Ефимовна, – как можно строже сказал Ипполит Матвеевич и свёл брови к переносице, что означало наивысшую форму его озабоченности.

Между тем Пётр Кузьмич Ложкин был ветеран всех «времен и народов». Во-первых, он первый основывал колхоз в этой деревне. Не по доброй воле, конечно, но быстро вписался в обстоятельства. Во-вторых, – фронтовик, контужен на ближних подступах к Москве. В-третьих, с весны сорок третьего года и до ухода на пенсию – бессменный председатель колхоза, известный во всех партийных органах своей строптивостью. Он даже кукурузу на силос отказался садить, а когда хотели снять, то нужно было

«снимать всё население колхоза», так как, не в пример многим, в его колхозе люди в самые голодные годы не голодали. Вот и представьте, как такому человеку не дать слова? Хотя Петру Кузьмичу и было уже семьдесят пять годков, однако голос он имел звонкий, отнюдь не старческий, а характер настойчивый.

Все вступительные речи да и сам концерт прошли без эксцессов, а всё началось тогда, когда артисты вышли на кромку сцены и стали кланяться сидящим в зале ветеранам. Пётр Кузьмич встал со стула, специально доставленного из райисполкома для ветеранов, и стал в ответ кланяться артистам. А потом, когда приутихли овации, своим звонким и внятным голосом сказал:

– Спасибо, спасибо! Хорошо орали! Старались.

И опять принялся кланяться. На весь зал, обращаясь уже к главе района, предложил:

– Ты бы, Ипполит Матвеевич, чего-ничего ребятам дал за усердие да с Богом и проводил. Вона, как громко орали-то!?

Уже выходя из Дома культуры, Зинаида Ефимовна вцепилась Ложкину в локоть и зло прошипела:

– Не орали, а пели, – и добавила с ноткой негодования в голосе, – для вас, между прочим.

Ложкин остановился и нарочито громко сказал:

– Да что Вы, любезная Зинаида Ефимовна, разве ж я за свои семьдесят пять лет пения не слышал? Нет, голубушка, когда песни-то поют, то плакать хочется, а когда орут, то, понятное дело, хочется плясать или ещё что... нет, они, эти городские, и вправду старались. Чего врать-то?!



**Любовь
АРБАЧАКОВА**

**СЛУЧАЙ В ГОРАХ
И ДРУГИЕ ИСТОРИИ**

СЛУЧАЙ В ГОРАХ

Мукийт и Илдим, два друга, выехали из Кабырзы уже после того, когда уставшее солнце стало стремительно совершать свой путь к закату. Но они были счастливы! Их день оказался одним из самых удачных: друзья выгодно продали всю свою пушнину.

С собой у них была бутылка белой и колбаса с хлебом, купленные в единственном магазине села.

К вечеру, доехав до высокой Горелой горы, Мукийт и Илдим решили остановиться, чтобы угостить духов и допить свою уже начатую в пути бутылку. Дружно беседуя, они сошли с коней и привязали их.

Мукийт разложил на потничке колбасу, хлеб и, когда к нему подсел Илдим, стал разливать водку по стаканам, которые они прихватили из дома. Налив, Мукийт уже забыл про угощение духов, но только он хотел приложиться к питью, как вдруг увидел: темнеющее небо осветилось и с четырёх сторон горы к ним приближаются очень красивые девушки, одетые в шёлковые платья.

Они были прекрасны! Их длинные волосы развивались, а сверкающие в темноте платья плотно облегли стройные фигуры. Слышались их весёлые голоса, похожие на пение птиц ранней весной. Мукийт долго смотрел, очарованный ими. Такой красоты он никогда не видел!словно во сне, он наблюдал, как самая красивая из них направилась прямо к нему. Подойдя, красавица стала о чём-то говорить.

От страха у Мукийта стакан с водкой выпал из рук: он сразу же вспомнил хозяек гор и рассказы старых охотников об их коварстве. Мукийт знаками дал понять другу, что нужно срочно уходить. А сам вскочил на коня и ударил его бока стремями. Но странно: конь не двинулся с места. В лихорадочном состоянии Мукийт вспомнил советы родителей и, сойдя с коня, стал чиркать спичками вокруг его ног. При этом он произносил то по-русски, то по-шорски молитвы, пришедшие ему на память.

Через некоторое время, когда он огляделся, всё было тихо. Только его друг кричал ему в ухо, спрашивая, что случилось. Когда он рассказал Илдиму о своём видении, тот то ли испугался, то ли не поверил, проворчав, что это место злых духов, а от них надо держаться подальше.

По дороге домой Мукийт вдруг понял, что душа его осталась там, на горе...

ХОЗЯЙКА ВОДЫ И МУКАЛАЙ

Сегодня Мукалай вновь решил спуститься к реке. Он мечтал увидеть там прекрасную незнакомку, расчёсывающую свои золотистые волосы...

Выйдя из дома, Мукалай стал подниматься вверх по течению к тому месту, где впервые увидел ту девушку.

По дороге парень размышлял: «Откуда же могла взяться такая красotka?» Подобных ей Мукалай никогда не видел. Девушки его села были темноглазыми и смуглыми. А эта – светлоглазая, златовласая. Конечно, он слышал о подобных людях из чужого ханства, но как она оказалась здесь – парень не мог понять.

Задумавшись, он не заметил, как оказался недалеко от девушки. Златовласая незнакомка всё так же расчёсывала свои струящиеся волосы, которые на закате солнца отливали медью. Мукалай тихо окликнул красавицу:

– Эй, ты кто?

От страха она вскрикнула, и гребень выпал из её прекрасных рук. Мукалай быстро наклонился и подобрал его. Он решил оставить гребень у себя и не отдавать до тех пор, пока та не согласится на свидание с ним. Девушка стала умолять вернуть ей гребень, но сколько ни просила – всё напрасно.

Мукалай, так и не отдав гребень, повернул домой. Уходя, он не расслышал, как златовласая тихо сказала: «Раз так, ты погибнешь от воды!».

Люди рассказывали, что через месяц Мукалай утонул. Когда утопленника нашли, увидели: в руке у него была зажат золотистый гребень.

Говорят, это Хозяйка воды его погубила...

МОЛОДОЙ ОХОТНИК МЕРГЕН

Охотник Мерген лежал в одаге уже третий день. Он не знал, что с ним происходит. В лесу он был второй месяц, но ничего подобного с ним не случилось.

Три дня назад, после появления в его одаге женщины и разговора с ней, он вдруг затемпературил.

Мерген вспомнил свою любимую, на которой должен был этой весной жениться.

Её отец запросил огромный калым за свою дочь. Поэтому он отправился с братьями в тайгу. Братья на неделю ушли охотиться дальше, а он остался здесь, недалеко от тёплого одага.

В первый день после их ухода всё было хорошо: Мерген добыл двух соболей и двадцать белок, а вечером, поужинав, лёг спать. Засыпая, он, словно во сне, увидел, как к нему подошла женщина и сказала, что хочет выйти за него замуж. Он ответил, что любит другую. Тогда она пригрозила:

– Отныне ни одного зверя ты не поймашь!

Мерген не поверил и пошёл охотиться, но безуспешно. К тому же было ветрено, морозно, он, видно, простыл. И теперь лежал больной.

А та женщина не отступала, приходила каждый вечер.

Мергену рассказывали старые охотники о хозяйках гор, но тогда он не верил их байкам.

Теперь же, когда с ним такое приключилось, он вспомнил о том, что они говорили. Дескать, Таг Ээзи, Хозяйку горы, можно отвадить только так: выстрелить в неё, вставив в заряд новую иглу.

Следуя их совету, Мерген решил избавиться от этой Хозяйки горы и стал ждать её. Болезнь не отступала, ему становилось всё хуже.

На седьмой день, услышав долгожданный стук, он взвёл курок.

Когда скрипнула дверь – выстрелил, не дожидаясь.

Братья очень испугались, когда прозвучал выстрел. К счастью, заряд пролетел мимо, не задев никого. Войдя в одаг, увидели брата в горячке.

Через день они доставили его на санях в сельский медпункт, где ему сделали укол и отправили в больницу.

Весной братья помогли Мергену уплатить калым за невесту, и он смог жениться на своей возлюбленной.

* * *

Как-то раз, когда уже завечерело, одна шорская красавица взяла вёдра и отправилась за водой. Эзе, кроме этого подхватила коромысло и спустилась вниз, к реке Пызас.

В спокойном Пызасе красиво отражалась яркочерная, круглолицая луна. Девушка полюбовалась чудным отражением в реке, зачерпнула воды и стала подниматься по крутому яру домой. Когда красавица проходила мимо густого тальника, из-за деревьев появилось огромное чудовище – Челбеген. Не успела она опомниться, как оказалась в цепких руках-лапах Челбегена. Он схватил её и стал вместе с вёдрами поднимать на луну. Девушка вырвала руку и ухватилась за талину, но чудовище с корнем вырвало талину, и вместе с девушкой они на луну поднялись, оказывается. Теперь в полнолуние на луне виден силуэт девушки с коромыслом и деревом.

Так старики рассказывали.

* * *

Дед Мукийт, сидя с трубкой на нарах, внимательно наблюдал, как его молоденькая сноха собирается на дойку коровы: она тщательно вымыла свои руки, взяла туес, вместо хлеба – толкан и щепотку соли. Мукийт нахмурился: он заметил, что тонкие руки снохи без перстней. А ведь он подарил ей несколько серебряных перстней, изготовленных местными мастерами, заплатил большие деньги, и всё для того, чтобы в их доме не переводился скот. Старик подумал, что сноха специально, видать, делает так, чтобы нажитый трудом скот перевёлся?! Сколько раз он повторял ей, что нельзя доить корову без перстня: он не только защищает скот от злых духов, но приносит прибыль их дому...

В гневе Мукийт хотел схватиться за плётку, да очнулся. Его сын – первый коммунист села, не простит он ему такого.



Анатолий ПАРПАРА

«МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ ПОИМЁННО...»

Три эссе о поэтах-фронтовиках

Историю часто переписывают, желая извлечь определённую выгоду. К сожалению, и события Великой Отечественной войны пытаются подменить неправдой, как в Европе, так и у нас, бессовестные, лукавые люди.

К счастью для нас и наших потомков, есть забываемые свидетельства подвигов на войне, запечатлённые в прозе Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Леонида Леонова, Юрия Бондарева, Михаила Алексеева, Виктора Астафьева, Евгения Носова и других подвижников русской прозы.

Но есть и такое забываемое по таланту и честности явление, как фронтовая поэзия. Муза нашёптывала под грохот пушек и на полях сражений жемчужные строки, но записывались они в блокноты «не в боях – между боями».

Читаю и перечитываю стихи фронтовых поэтов, и сердце заходится в мучительной тревоге. Оттого, что трудно, горестно, невозможно читать эту суровую правду о войне. Оттого, что и я сам – дитя невероятных лет, переживший двухлетнюю оккупацию на Смоленщине, расстрел карателями смоленской деревни Тыновка в феврале 1942 года. Оттого, что за скупыми, резкими и горькими строками фронтовых поэтов стоит забываемая четырёхлетняя трагедия битвы за само существование нашего многострадального народа. Фронтовая поэзия – это мужество на войне, обострённое чувство справедливости и великая жажда жить во имя созидания.

Я много лет собирал стихи поэтов, павших на войне, интересовался дальнейшей судьбой поэтов, вернувшихся с фронта. Многих из них знал лично. И мои размышления оформились в рукопись книги, которую я назвал «100 фронтовых поэтов».

Итак, дорогие читатели, вспомним о поэзии, которая поднимала в бой, рождалась вновь после боя и вдохновляла на восстановление мирной жизни. Вспомним о фронтовиках, которые были истинными поэтами и, к сожалению, незаслуженно забыты.

«...ХОЧЕШЬ ЖИТЬ – УМРИ, НЕ ОТСТУПАЯ!»

Отвечая на моё письмо, в котором я просил известного поэта рассказать о своём друге, Александр Петрович Межиров прислал мне (15.01.1970), молодому руководителю литобъединения имени А. Недогонова, полторы странички о поэте, вернувшемся с войны: «Все мы писали тогда грубым стихом, вдалеке от мастерства, но Недогонов был природный мастер. Его стих, необыкновенно изящный, изысканный, воплощённая пластика, звучал необычно, являя пример врождённой поэтической культуры. И сам Алексей был похож на свои стихи: стройный, худощавый, с тонкими чертами лица. Глаза живые, добрые, слегка лукавые, таящие в себе опыт, «неутешительное знание», едва уловимую усталость. Ему была свойственна элегантность во всём, в умение носить небогатое платье и красиво держать в руке бокал с вином».

Алексей Иванович Недогонов (1.11.1914 – 13.03.1948, уроженец г. Шахты Ростовской области, трудился шахтёром, работал в Москве на заводе в Филлях (ныне знаменитый Государственный космический научно-производственный центр им. М. В. Хруничева), занимался в литобъединении при Дворце культуры им. Горбунова. Теперь оно носит его имя. В 1935 году поступил учиться в Литературный институт им. М. Горького. В 1939–1940 годы участвовал рядовым в Советско-финляндской войне. Там, в суомской снежной пустыне, у двадцатипятилетнего поэта окреп и возмужал стиль его героико-философских баллад, обновивший этот поэтический жанр, в котором учительствовали Николай Гумилёв и Николай Тихонов: «Выноси, мужайся и терпи, // нелегка судьбина фронтовая! // Хочешь спать – ложись в сугроб и спи, // опалённых век не закрывая! // Хочешь встать – лежи на котелке! // Хочешь петь – тревожна мгла ночная! // Хочешь пить – мечтай о роднике! // Хочешь жить – умри, не отступая!». Там же он был впервые ранен.

Именно на полях сражений Великой Отечественной войны в краткие перерывы между боями он создал шедевры фронтовой поэзии, в которой любовь к жизни возобладала над торжеством смерти, а суровая нежность, лирика соседствовала с мужеством воина. Таковы «Испытание», «Баллада о смерти», «Гнездо», «Дорога на Днепр», «Тайна», «Баллада о позывных», «Башмаки», «Баллада о железе»...

Алексей Иванович, поэт яркого дарования, боевой офицер, успел написать ещё поэму «Флаг над сельсоветом», которая была удостоена Сталинской премии первой степени и сделала его имя знаменитым. Но об этой награде тридцатитрёхлетний поэт не узнал: за три дня до публикации указа, садясь в утренний трамвай, он попал между вагонами... На памятнике, что установлен на Ваганьковском клад-

бище Москвы, выбиты его вещие строки из «Эпитафии» (1935): «Мы должны учиться у растений, // погибая, снова расцветать!»

Он ушёл из жизни молодым, ненадолго пережив своего кумира Лермонтова, предсказав свою творческую судьбу в письме к другу А. Лильеру (Логвину): «В середине нашего железного столетия вспыхнет (но веки не потухнет) звезда». А в другом стихотворении – дату гибели: «Я умру тринадцатого марта». Как и Михаил Юрьевич Лермонтов (на которого он, кстати, был похож: друзья его в шутку звали Лермонтович), Недогонов был полон творческих планов... Но и то, что он успел создать, вошло в золотой фонд русской поэзии.

Не удержусь, чтобы не опубликовать одно из лучших стихотворений поэта, прожившего всего тридцать три года. Кстати, заголовок этой публикации – строка Алексея Ивановича.

Весна на старой границе

Александру Лильеру

*В лицо солдату дул низовый,
взор промывала темнота,
и горизонт на бирюзовый
и розовый менял цвета.*

*Передрассветный час атаки.
Почти у самого плеча
звезда мигала, как во мраке
недогоревшая свеча.*

*И в сумраке, не огибая
готовой зареветь земли,
метели клином вышибая,
на Каму плыли журавли.*

*Сейчас рассвет на Каме перист,
лучист и чист реки исток,
в его низовьях – щучий нерест,
в лесах – тетеревиный ток.*

*Солдат изведал пулевые,
весёлым сердцем рисковал,
тоски не знал, а тут впервые,
как девочка, затосковал.*

*Ему б вослед за журавлями –
но только так, чтобы успеть,
шумя упругими крылами,
к началу боя прилететь...*

*Возникнуть тут, чтоб отделенье
и не могло подозревать,
что до начала наступленья
солдат сумел одно мгновенье
на милой Каме побывать.*

*Вдруг – словно лезвие кинжала –
вдоль задремавшего ствола
мышь полевая пробежала,
потом рукав переползла.*

*Потом... свистка оповещение.
Потом ударил с двух сторон
уральский бог землетрясения, –
стальных кровей дивизион!*

*Взглянул солдат вокруг окопа:
в траве земля, в дыму трава.
Пред гребнем бруствера – Европа,
за гранью траверса – Москва!*

1944 г.

«ОНА НАЧАЛАСЬ ПОД СМОЛЕНСКОМ...»

Так в первый месяц нашествия гитлеровских войск тридцатилетний корреспондент армейской газеты, будущий известный поэт и общественный деятель писал о судьбе своего полка, сформированного в Ростове-на-Дону, но оказалось, что этой строкой обозначилась и его фронтовая судьба.

Наряду с песнями Михаила Исаковского, Алексея Фатьянова и других талантливых поэтов, песни Анатолия Владимировича Софронова входили в каждый дом, сопровождали людей и в радости, и в печали. До сих пор они, несмотря на торжествующую попсу, звучат в эфире радиостанций, передаются по телевидению, известны в городах и деревнях.

Я напомним названия наиболее популярных песен на стихи Софронова: «Шумел сурово Брянский лес», «Как у дуба старого», «Цветут сады зелёные», «Ростов-город», «Краснотал», «Ах, эта красная рябина», «Дай руку, товарищ далёкий», «Шёл казак на побывку домой...», «Под клёнами зелёными»... Возможно, что многие читатели, за исключением, быть может, совсем молодых, вспомнят эти, небезразличные душе и сердцу маленькие шедевры. Моя ранняя юность была овеяна дивной: «Расцвела сирень-черёмуха в саду // На моё несчастье, на мою беду». И только лет в тридцать я узнал, что стихи этой печально-нежной песни принадлежат перу Софронова.

Анатолием Владимировичем написано за долгую творческую жизнь двадцать пять пьес. Такие из них, как «Карьера Бекетова», «Сердце не прощает», «Стряпуха», «Миллион за улыбку», «Стряпуха замужем», «Старым казачьим способом», «Ураган», «Операция на сердце», ставились на сценах многих театров по всей стране и принесли ему широкую известность. Он создал восемь киносценариев. Кинокомедия «Стряпуха», в которой главную роль сыграла обаятельная Светлана Светличная, особо нравилась советскому зрителю. Поэт – автор более

двадцати стихотворных книг, половину из которых посвятил родному Дону... Прозаик и критик, он также выпустил в свет несколько книг рассказов, очерков и статей.

Я думаю, что читателям не лишне будет узнать, как фронтовая судьба Анатолия Владимировича пересеклась с судьбой земли Смоленской и... с моей.

В своём очерке «Начало» Софронов вспоминает летний день 16 июля 1941 года, когда немецкие танки ворвались в Смоленск и загрохотали по замершим от ужаса улицам. Пером очевидца и летописца он передаёт реакцию мирного населения на это агрессивное вторжение в их размеренный быт: «Ребятишки с испуганными глазами, вздрагивающие от каждого орудийного выстрела, от рёва пикирующих немецких бомбардировщиков. Женщины с бессонными, красными, зарёванными глазами. В глазах был упрёк и недоумение: что же это? Как случилось, что вот здесь, на высотах Смоленска, на его грозных холмах, происходило что-то страшное, такое, чего, казалось, уже остановить было невозможно. Колонны отступающих войск шли к Днепру, переправлялись на левый берег...».

А за двое суток до этого ростовский поэт, тридцатилетний сотрудник армейской газеты «К победе» 19-й армии под командованием генерала (будущего маршала СССР) Ивана Конева, вместе с воинским эшелоном прибыл для защиты Смоленска. Он был свидетелем того, как немецкие самолёты бомбили районный центр Смоленской области Рудню и буквально смели его с лица земли.

Утренний налёт фашистских стервятников стал для молодого журналиста страшным небесным крещением на войне, а нижеследующие строки – началом стихотворения, написанного бессонной ночью потрясенным этой варварской бомбардировкой политруком Анатолием Софроновым. Оно положило начало фронтовым стихам, рождённым на огненной ниве.

*День был и страшным, и трудным,
В зное, в пыли деревенской –
За день сгоревшая Рудня –
Семьдесят вёрст от Смоленска.*

С этого дня писатель всё больше погружался во фронтовую жизнь «со всеми драматическими, трагическими подробностями, с горечью отступления, с небольшими радостями первых побед, с сожалением о том, что эти победы (и первая из них под Ельней) одержаны пока не на нашем участке фронта». И всё это откладывалось в глубинную память и надёжно запоминалось, ибо «сама война с каждым днём при всей её тяжести становилась бытом, привычкой, и каждый из нас всё увереннее находил своё место в ней, только горестно отдаваясь печали при прощаниях с погибшими товарищами».

Эвелина Сергеевна Софронова, спутница и муза поэта, благородная женщина, труженица, много лет работающая над архивом поэта, отвечая на мой вопрос о том, сколько раз он был ранен, уточнила: «Действительно, писали в газетах, что трижды был ранен. Но на самом деле единожды. А писали, видимо, потому что когда редакция «К победе» была разгромлена авианалётом и погибли Фридов, Эдельман, другие сотрудники её, то подумали, что в их числе и Анатолий Владимирович. Но, к счастью, он с гранками очередного номера был в этот момент в типографии».

Смерть явно охотилась за ним, ибо через две недели крестатый бомбардировщик выследил машину, в которой Софронов возвращался с задания...

Очнулся он от свирепой боли в руке, рядом разбитый грузовик, развороченная земля... Контуженный в голову, он понял по тому, как под ним трясется земля от военной техники, идущей по дороге, что ничего не слышит. Тяжело раненному повезло необычайно: он вдруг почувствовал, как над ним наклоняется чьё-то лицо и мужской грубый голос кричит: «Парень, ты живой?». И, видимо, заметив руку, висящую на сухожилиях, спрашивает: «Кто ты по специальности? Писатель... Ребята, надо спасти руку писателю. Срочно грузите на машину, которая идёт в Москву».

Эвелина Сергеевна, рассказывая о трагедии, переживала произошедшее с Анатолием Владимировичем семьдесят лет назад так, как будто это было вчера: «Всё-таки это Божий промысел! Я удивляюсь, как санитарная машина столько сот километров в невероятных условиях проехала по разбитым дорогам и всё-таки дошла до столицы, до госпиталя и не погибла, не взорвалась, не сломалась. Чудо какое-то!».

«Да, чудо, – подтвердил я. – И не случайное!»

Как не случайно и то, что встреча моя с Анатолием Владимировичем была так же предопределена, как ни странно, судьбой Смоленщины. Его ранение в 1941 году на смоленской земле. Моё, полуторагодовалого мальчика, ранение при расстреле деревни Тыновки Знаменского района карателями в феврале 1942 года. В 1943 году он, после полугодового лечения, снова на фронте в качестве корреспондента «Известий» проходит по многострадальной Смоленщине, но уже на запад. В один из вечеров, в полуразрушенной избе, глядя «грубой рукою» льняную головку маленькой девочки, которая радостно сосёт кусочек сахара, данный щедрым дядей, он сочиняет стихотворение «Мы ласкаем чужих детей», которое заканчивается такими волнующими сердце строками:

*Может, где-то в моём краю
Бородатый, небритый дядя
Дочку ласковую мою
Так же нежно и бережно гладит.*

*И она ему в этот час
Говорит и глядит на медали:
«Где мой папа воюет сейчас?
Вы на фронте его не видели?»*

Это стихотворение он посвятил своей дочке Виктории, будущему филологу, критику, умному и справедливому редактору, с которой я проработал двадцать лет в журнале «Москва» в 70–80-е годы прошлого столетия.

Нет, нет! Нас не познакомила Виктория Анатольевна. Об этом стихотворении я узнал только год назад. Всё было иначе. Наше знакомство с поэтом произошло ровно сорок лет назад.

В Москве, в концертном зале имени П. Чайковского, тогда проводились литературные вечера, собиравшие полный зал поклонников поэзии. На этих вечерах была удивительная атмосфера духовной близости выступающих и слушателей. Каждое оригинальное стихотворение, интересный образ или неожиданный поворот мысли вызывали восторженную реакцию зала. Поэты рвались на эстраду, ибо была возможность проявить себя, но зато неприятие зала могло надолго отбить охоту к публичному выступлению.

Однажды и мне, мало кому известному тогда сочинителю, не так давно окончившему заочно факультет журналистики МГУ, предложили принять участие в одном из таких вечеров. Помню, что я очень волновался, но всё же твёрдым голосом прочитал два лирических стихотворения. А завершил своё выступление «Балладой о суровой нежности», посвящённой замечательному рабочему поэту Александру Балину, чей фронтовой путь проходил по нашей Смоленщине. Это был стихотворный рассказ о судьбе мальчика в оккупации, который разлучён с отцом жестокой войной с годовалого возраста. И хотя я не помнил своего отца, но знал от матери, что тот бьётся с фашистами, чтобы освободить своего сына из неволи. Поэтому когда в том же освободительном 1943 году проходили мимо деревни наши роты, мальчик выбегал навстречу солдатам и спрашивал их: «Ты – папа мой?»

*...У каждого такой же сын иль брат.
С какой печалью их глаза глядели,
Какою нежностью ладони их гудели,
Но пальцы их впились в автомат...*

*Я детство мог забыть, как сон, как небыль,
Но через годы на меня глядят
Глаза солдат, печальные, как небо,
И небо, как глаза солдат.*

*И страшно мне в глазах увидеть синих
Живую мысль, забитую войной,
И слышать голос маленького сына:
«Где папа мой? Где папа мой...»*

Эта горькая история оказалась близкой слушателям, и потому стихи были отмечены бурными аплодисментами. Но более всего меня поразил вопрос и последующая реакция ведущего наш вечер известного поэта, фронтовика, главного редактора популярнейшего тогда журнала «Огонёк» Анатолия Владимировича Софронова:

– Анатолий, эту балладу ты публиковал где-нибудь?

Услышав мой отрицательный ответ, он отекал, обращаясь к залу:

– Читайте стихи Анатолия Парпары через три недели в журнале «Огонёк»!

А меня попросил, чтобы завтра я принёс ему подборку своих стихотворений. И непременно «Балладу о суровой нежности».

На следующий день, с трудом проникнув в охраняемое здание издательства «Правда», я пришёл к заведующему отделом поэзии журнала Анатолию Кудрейке со своими стихами. Но старый поэт, прославленный ироническими стихами Маяковского в его адрес, вместо того, чтобы прочитать мои сочинения, долго и нудно говорил мне о том, как много присылают стихотворений в журнал, как много расплодилось виршетворцев, что им нужны стихи о комсомоле, о современном поколении. Просил не спешить и дать это к осени.

Мне стало жалко его, и я ушел из редакции, так и не отдав стихи.

Месяца через три в фойе Центрального дома литераторов я сидел на диване с приятелем и увидел стремительно идущего А. В. Софронова в окружении нескольких человек. Вдруг он, заметив меня, прервал движение:

– Анатолий, почему ты не пришёл ко мне в редакцию?

Я стал оправдываться тем, что постеснялся беспокоить его и потому зашёл в отдел поэзии...

– Чтобы завтра в двенадцать часов дня был в моём кабинете. Пропуск будет заказан.

В бюро пропусков действительно всё было оформлено, и спустя несколько минут я входил в приёмную главного редактора «Огонька», где сидело на стульях и стояло человек двадцать известных литераторов. Я предупредил симпатичную секретаршу о своём приходе и приготовился терпеливо ждать конца очереди.

Минут через пятнадцать она, заглянувшая по вызову в кабинет главного, объявила: «Анатолий, вас ждут». Вскочило несколько Анатолиев. Я узнал среди них прозаиков Анатолия Ткаченко и Анатолия Иванова, но секретарша уверенно отчеканила: «Главный редактор зовёт Анатолия Парпару». В кабинете вокруг огромного стола стояло человек десять сотворцов «Огонька». На столе лежали полосы журнала. Софронов держал одну из них в руке и го-

ворил известному фотокорреспонденту Бальтерманцу, пальцем указывая на фотографию: «Здесь десять членов Политбюро. А где одиннадцатый? Срочно вклеить».

Я тогда ещё не был ни разу на журнальной кухне и мало что понимал в проблемах издания журналов, тем более единственного на всю страну общественно-политического и литературно-художественного. Я знал, что выходит он многомиллионным тиражом и разлетается не только по всему Советскому Союзу. Понимая, что сотрудникам издания не до меня, сел на стул, благо стульев было много, и приготовился ждать.

Минут через пятнадцать Анатолий Владимирович поднял на меня взгляд и мягко сказал: «Стихи принёс? Давай свой конверт. Можешь идти».

Через десять дней мой телефон накалился от телефонных поздравлений: опубликовать, пусть и небольшой, но цикл стихотворений в «Огоньке» означало тогда стать известным в стране, которая любила своих писателей.

Когда мои друзья и знакомые расспрашивали, как мне удалось напечататься в таком журнале, где современные классики печатаются не каждый год, я честно рассказывал, как было. И никто мне, кроме близких, не верил, что такое возможно. И я их понимал. Пригласить в журнал, пообещать напечатать могли многие редакторы. Но чтобы через четыре месяца вспомнить о начинающем сочинителе, который не приходит, не звонит, не надоедает?... Да и как вспомнить занятому до предела общественными, международными, писательскими делами главному редактору «Огонька»... Я и сам несколько десятилетий не понимал, как это произошло. Не понимал побудительных мотивов. А они были.

Слишком многое совпало в наших судьбах, и виновата в этом была земля древних кривичей, опалённая невиданной войной. Мы прошли через один ад в одно время: он, сложившийся к тому времени, сильный телом, твёрдый духом мужчина, поэт и офицер, и я, обездоленный, умирающий от голода и обстрелов с двух враждебных друг другу сторон и одинаково опасных для мальчугана, будущий поэт и офицер. Я догадываюсь, что Софронова, написавшего стихотворение «История полка»: «Она началась под Смоленском, // Там первая вышла глава – // Когда на лугах деревенских // Шуршала в пожаре трава», конечно, не могли не тронуть начальные строки моей баллады: «На запад уходил стрелковый полк. // А рядом с ним, таким суровым, // Бежал мальчишка белобровый, // Немногим выше кирзовых сапог». Слишком многое совпало, сблизилось тогда, в тот поэтический вечер: его строки о дочери и мои стихи о своём детстве: его фронтовая молодость и молодость поэта, стоящего на

сцене. Ведь мне было тогда столько же лет, сколько было Софронову под Смоленском.

Прав был Александр Пушкин: «Бывают странные сближенья». Бывают. И пусть вас, дорогой читатель, не смущает эпитет «странный», ибо из девяти значений этого слова (смотри древнерусский словарь И. И. Срезневского!) есть несколько подходящих к нашему состоянию: удивительный, необыкновенный, непостижимый. Выбирайте любое из них. Мне милее непостижимые сближенья. Но, оказывается, с годами их можно постичь, как постигнул их я.

Но на этом история с балладой не закончилась. Однажды мне позвонил консультант отдела поэзии журнала «Огонёк» поэт Александр Говоров, который служил за год до меня в киевской военно-морской школе, готовившей специалистов для радиоразведки. (Кстати, ещё о сближениях: в этой же разведшколе учился задолго до нас и Василий Макарович Шукшин, от которого у Виктории Софроновой родилась замечательная дочь Катенька.)

Оказывается, что уже около года в отделе лежит письмо на моё имя. Питерский музыкант Марк Бек, руководитель трио знаменитого композитора Соловьёва-Седого сообщал мне, что на стихи «Баллада о суровой нежности» написана музыка и просил откликнуться. Разговаривая по телефону с ним, я узнал удивительную историю о том, как эти стихи вернули к жизни отчаявшуюся женщину и дали ей энергетический заряд на долгие годы. Дело в том, что у Галины Сорочан, пианистки, работавшей в ленинградской филармонии, был убит восемнадцатилетний сын. Известие об этой трагедии настигло её на гастролях в Свердловске и выбило из привычной колеи напрочь. Марк Бек, друг Галины, чтобы как-то вернуть ей душевное равновесие, дал прочитать журнал «Огонёк», лежавший в его гостиничном номере. Именно в нём он прочитал «Балладу о суровой нежности» и порекомендовал внимательно прочитать.

И свершилось невиданное: драма мальчика на войне и весть о потере её сына вызвали в душе матери творческие силы. Талант проявляется в человеке не только от великой любви, но и от великой скорби. Галина, которая и не мечтала о композиторстве, написала музыку на мои стихи. Утром она проиграла свою первую в жизни песню Марку. Так родилась композитор Галина Сорочан, написавшая немало замечательных мелодий и музыкальных пьес. Кстати, «Балладу» исполнили великопленные певцы Виталий Коротаев и Эдуард Хиль.

Так солнечно вошёл в мою жизнь знаменитый писатель и советский общественный деятель Анатолий Владимирович Софронов, у которого было немало друзей и немало врагов. Впрочем, ненависть неприятелей тоже говорит о многом.

А СОВЕСТЬ И РОДИНА СПРОСЯТ...

*Как ни прискорбно, а пора
Сказать в плену самоукора:
Ушли такие мастера,
Каких доищемся не скоро...*

Богата Россия природными талантами. Сколько у нас замечательных поэтов, о которых мы не вспоминаем даже в юбилейные даты! Я не говорю о классиках нашего столетия, я печалюсь не о великих, но – о достойных памяти: Дмитриии Кедрине, Алексее Недогонове, Василии Фёдорове, Сергее Орлове, Александре Яшине, Сергее Васильеве, Дмитриии Ковалеве... И вспыхивают в сердце их забываемые строки. И не дают покоя.

*Какая мощь, какое торжество –
Душа не спит, талант не увядает.
Пой, соловей, от счастья твоего
И людям кое-что перепадает.*

Это вдохновенное четверостишие, как и начальное, принадлежат перу Сергея Васильевича Смирнова, чьи юбилеи за последние двадцать лет не отмечались не только государством, но даже литературными изданиями. Хотя творчество лирика и публициста, автора поэм и оригинального сатирика, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького достойно отдельного разговора.

Человек невиданного оптимизма, он от рождения был свидетелем драматических событий двадцатого столетия: Первая мировая война, революция, Гражданская война, голод, разруха, детство, лишённое материнства, и несчастный случай, сделавший бы любого другого озлобленным на всю жизнь, но только не Сергея Смирнова. Недаром его девизом стали собственные строки:

*Да здравствует уменье быть весёлым,
Когда тебя ничто не веселит.*

Неудачи не могли сломить молодого подвижника. Не пройдя в школу живописи по конкурсу, он поступает работать оформителем в московский клуб железнодорожников, затем, захваченный энтузиазмом первых строителей метро, становится комсомольцем-добровольцем, несмотря на решительное «нет!» врачебной комиссии. Метрострой и рекомендовал начинающего сочинителя в только что созданный по инициативе М. Горького ВРЛУ – вечерний рабочий литературный университет, предтечу Литинститута. Его товарищами по учебе оказались Симонов и Бокков, Недогонов и Матусовский, Высотская и Макаров... Константин Симонов станет редактором первой книги Сергея Смирнова «Друзьям» (1939).

А вскоре грозноедыхание Второй мировой опалило и наши просторы. Анкетист «завода оборонного значения» – ныне знаменитого Государственного

космического научно-производственного центра имени М. В. Хруничева, ставшего надолго и моим родным домом, – рвётся всеми правдами и неправдами на фронт. Ему хочется «побыть в солдатской шкуре», чтобы заслужить право говорить от имени солдата. И – о чудо! – его принимает в свои ряды героическая 8-я гвардейская Панфиловская дивизия, с которой он протопал до начала 45-го победного года по фронтовым дорогам.

*Всю науку русского солдата
Мне пришлось изведать целиком –*

с чувством непреходящей гордости писал «гвардии рядовой». И эта гордость небезосновательна, ибо он, «негодный по всем статьям» к призыву, получил от Отечества, которое защищал, орден Красной Звезды.

Весну он встречает в выездной редакции газеты «Правда» в Чкаловской (ныне Оренбургской) области, затем следуют длительные командировки на восстановление подмосковной ГРЭС, на хлебозаготовки в Алтайском крае, к бумажникам Балахны, на освоение целинных земель... Это была хорошая школа познания жизни. Он старался найти достойные слова для воспевания труда солдаток, стариков да подростков, чьими силами держался наш тыл, не менее героический, нежели фронт. В своих воспоминаниях Сергей Смирнов, возвращаясь мыслью к горьким испытаниям, выпавшим на долю советского народа, писал о значении тех месяцев, охваченных жарким трудом: «Работа в выездных редакциях «Правды» новизной событий, масштабностью задач, горячим сердцебиением жизни переполняла, захлёстывала душу, духовно врачевала от всякого рода минорных раздумий о своих утратах и огорчениях личного порядка. И в перерывах между очередными рейсами горячо, весело и творчески-добытливо работалось сразу над двумя рукописями собственных сочинений».

Поэт Сергей Смирнов в меру своего дарования служил своему социалистическому отечеству острым пером сатирика и публициста, лирическими стихами и душевными песнями, которые любили петь простые люди (многие из них стали народными: «Пароход покинул Химки», «Давай сегодня встретимся», «Назначай поскорее свидание», «Песня пожарного», «Вот ведь ты какая!»).

Он расширил границы поэтического языка, включив в него опасные для других творцов канцеляризм («Отфыркивалась данная кобыла», «И я, как таковой, буквально сам не свой»), внося этим добрую иронию в лирические стихотворения. Он умел балансировать между дозволенным и невозможным, но шёл в сторону поэзии. Он был мастером малой формы. Его талант позволял кратко сказать о главном, и строки эти мгновенно запоминались.

Кристалл

*В не ту среду попал Кристалл,
Но растворяться в ней не стал.
Кристаллу не пристало
Терять черты кристалла.*

Он до совершенства отработал новый жанр короткой басни.

Якорь

*Он сброшен с корабля на дно,
Но – будет поднят всё равно.*

Свои басни, эпиграммы, шутки, каламбуры Сергей Васильевич Смирнов любил называть «Сатиричинками».

Но и большие формы поэзии подчинялись ему. Читатели помнят его повести в стихах «На верхней Волге», «Владычица морская», поэтический сказ «Неизвестный – известен», поэмы «Имеем право», «Светлана», «На поединке двух миров», «Скрипичный мастер», которые он посвящает своим героям: любимой девушке; капитану корабля «Шторм» В. Н. Орликовой; метростроителям; отважной девочке Светлане; врачам Боткинской больницы; скрипачу Е. Ф. Витачеку... Редкий поэт имел такой прямой контакт со своей аудиторией.

Но самым большим достижением Сергея Смирнова была поэма «Свидетельствую сам», удостоенная Государственной премии РСФСР имени Горького за 1969 год. Она и сегодня не утратила душевного накала, острой публицистичности и выверенности строк. Большая удача автора – лирический герой поэмы – человек чести и совести, не знающий иных путей. Он подставляет под невзгоды своего времени плечо с горячим желанием помочь. Именно такие отстояли в горе и в ненависти достоинство своего отечества и помогли сохранить свободу всему миру.

В этой поэме С. В. Смирнов коснулся впервые запретной и до сих пор темы: взвешенной характеристики жизнедеятельности И. В. Сталина. Вот как честно пишет об этом поэт:

*Да! В таких, буквально, – людях-глыбах,
До вершин вознесшихся не вдруг,
Надо не замалчивать ошибок,
Но и не зачёркивать заслуг.*

*Этот образ вглубь души затолкан,
То гнетёт, то жжёт её огнем...
Я и сам ещё не знаю толком
Объективной истины о нём.*

Рождённый за три года до октября 17 года, он почти на три года пережил насильственное разрушение СССР. В рамках жизни одного человека уложилась жизнедеятельность великого государства. Он не стеснялся декларировать своё отношение к непреходящим, с его точки зрения, социалистическим ценностям: «Самым главным мне представляется быть на страже советской действительности, не только присутствовать в роли очевидца, но и участвовать во всём по приказу разума и зову сердца, ратоборствовать с недругами, а их хоть отбавляй в современном мире...». И в этом поэт был тоже прав, ибо и сегодня делают всё, чтобы вычеркнуть его имя из книги русской поэзии 20-го столетия.

Каково было ему, метростроителю, работнику оборонного завода, панфиловцу, песнопевцу Державы видеть, как она продаётся, растаскивается на части и уходит в небытие вместе с остатками его здоровья! Последние годы его жизни – трагедия целого столетия.

Сергей Смирнов соизмерял свой быт и свой поэтический дар только с двумя камертонами: голосом совести и голосом Родины. И такая мера личной ответственности достойна уважения.



Анна
ГВОЗДЕВА-ПРОСКУРИНА

НЕ ОТКАЖУСЬ
ОТ РОДИНЫ МОЕЙ...

К 75-летию Анатолия Парпары

Никогда не знаешь заранее, не можешь предугадать, кто из друзей и близких тебе по духу людей пойдёт с тобой по жизненной дороге, а кто отстанет в пути или, что ещё хуже, предаст на первом же повороте, и сокровища твоей души разлетятся вдребезги.

Главная черта в характере Анатолия Парпары, чьё 75-летие литературная общественность отмечает в июле, – это надёжность. Надёжность – черта, обычно несвойственная писателям. Чрезвычайные, сверхъестественные эгоцентристы, что заложено уже в самой природе творчества, они, как сундуки, собирают и складывают всё, что ни попадает на пути, и уже считай, что навсегда! Раз и навсегда уверовав в своё исключительное предназначение, эти небожители лениво, сыто, нехотя срывают предлагаемые жизнью дары, без благодарности и удивления, как должное, положенное им по статусу их пребывания на свете.

Тем радостнее светлеет душа, когда встречаешь такую личность, как Анатолий Парпара. И трудно, и легко писать о нем. Трудно, потому что он – ренессансный человек, вобравший в себя много граней художественной натуры. Успешный писатель-историк, на счету которого две широко известные исторические драмы в стихах, серьёзное историческое исследование «Державные строители России»; проникновенный поэт-лирик; блестящий переводчик, общественный деятель, редактор, просветитель, эссеист и взыскательный летописец современного литературного прогресса, щедро откликающийся на все заметные явления литературы.

Да, трудно охватить всё перечисленное одним взглядом, так естественно и гармонично воплотившееся в одном человеке.

А легко потому, что, несмотря на всё им сделанное, достигнутое и свершённое, он остался добрым, солнечным, справедливым человеком, который постиг заповедь: чем больше отдаёшь, тем больше получаешь.

Дитя войны, он хлебнул в оккупации и голод, и холод, и ужас бомбёжек, и смрад картофельной

ямы, едва прикрытой жердями, толем и лапником, в которой жила семья, когда каратели дотла сожгли родное материнское село на Смоленщине. Поэт чувствует своё бессилие перед тем, чтобы воссоздать жестокие картины тех военных лет: «разруху, мор, на трупах вороньё...». В память намертво врезаются «широкие листья, мощный ствол, корневая умная система» лебеды-кормилицы, лебеды-спасительницы в голодное военное лихолетье.

*На Запад уходил стрелковый полк.
А рядом с ним, таким суровым,
Бежал мальчишка белобровый,
Немного выше кирзовых сапог.*

*Он спрашивал солдат:
«Ты – папа мой?»,
Ручонкою хватал за голенище,
Но с каждым разом безнадежней, тише
Звучало горькое: «Ты – папа мой?»*

...
*У каждого такой же сын или брат..
С какой печалью их глаза глядели,
Какою нежностью ладони их гудели,
Но пальцы их впились в автомат.*

122 Поколение детей войны оказалось поразительно стойким, героическим, оно было сродни поколению победителей и вписало в историю страны немало ослепительных страниц: космос и БАМ, целина и баллистические ракеты, ядерный щит страны и покорение Северного полюса.

Отслужив на флоте на Балтике четыре года, Парпара навсегда остался верен узам матросского товарищества, о котором вспоминает с сердечной благодарностью и восторгом:

*Годы службы далеко вдали.
Я – другой.
И всё же поневоле,
Флотские увижу корабли,
Сердце вздрогнет в радости и боли.*

...
*Вот идут они,
Такая статья,
Мужественны и русоволосы...
На себе пришлось мне испытать
Нежность и любовь людей к матросам.*

После службы на флоте Парпара работает на родном московском заводе им. Хруничева, на котором до войны работал его отец, и одновременно учится на заочном отделении факультета журналистики МГУ. Начав печататься ещё на флоте, а затем в заводской многотиражке, он постепенно овладевает нелёгкой, но завораживающей его профессией журналиста и литературного редактора. И пишет, пишет стихи...

*Ты поднимаешься над синими холмами,
И видишь даль на много-много лет.
И говоришь неспешными словами,
И благовест услышится в ответ.
И посреди внезапных откровений
Вдруг понимаешь в сокровенный миг,
Что ты – звено великих поколений
И потому обязан быть велик.*

То было удивительное время. В 60–80-е годы на арену вышла когорта корневых русских писателей, прозаиков и поэтов, знаменитая «деревенская» проза. Писатели 60–70-х и читатели тех же лет – это явление социальное, интеллектуальное, нравственное и, главное, верующее в смысл и назначение литературы. Энергетический заряд, посланный писателем, попадал не в пустоту, как сейчас, а сталкивался с читательской энергетикой и высекал те искры, которые оставались в сердцах на всю жизнь.

*Не откажусь от Родины моей,
Пусть твердят иные доброхоты,
Что за морем
И лучше, и теплей,
А здесь одни суровые невзгоды...
Не откажусь от Родины моей.*

*...
Могилы предков здесь,
Здесь дом моих детей.
Вот постоянства моего причины.
А если где-то
Лучше и теплей,
Так в бегстве ли достоинство мужчины?
Могилы предков здесь,
Здесь дом моих детей.*

Вот и пришла пора зрелости и мужания. Остались позади годы ученичества. Парпара всегда ставил перед собой очень высокие планки: он тянется к осмыслению ярчайших достижений советской русской литературы таких авторов, как: Леонид Леонов, Михаил Пришвин, академику Борис Рыбаков, Владимир Соколов, Расул Гамзатов, Василий Белов, Михаил Алексеев, Пётр Проскурин. Общение с ними укрупняет его собственное видение мира:

*Есть глас народа. За согласие он
Всех добрых сил, стремящихся к здоровью
Российской нации. Пусть колокольный звон,
Как в древности, с душою в унисон
Объединит всеобщую любовью.*

В 80-е годы Парпара создает главное произведение своей жизни, над которым он работал пятнадцать лет и за которое получил в 1989 году Государственную премию РСФСР им. Горького – поэтическую драматургическую историческую дилогию «Противоборство» и «Потрясение».

«Противоборство» – эпоха Ивана III, завершившего соби́рание русских земель под рукой Москвы, противостоянием на Угре блистательно осуществившего освобождение Московской Руси от татарского ига.

«Потрясение» – Смутное время, трагичнейший развалный период русской истории, напоминающий то, что произошло с Россией недавно, в 90-е годы прошлого столетия. Выход России из смуты – только в объединении всех здоровых сил нации, в осознании самобытности своего исторического пути, в подвиге народа, в подвиге Минина и Пожарского во имя национального спасения. Единство усилий спасло тогда государство, спасло Россию.

Иван III (драма «Противоборство»):

*Мы были в рабстве долго. Но рабами
Мы не были. И жизни наших предков,
Их тяжкий труд, их долгая борьба
Тому залогом. Вековым залогом.
Терпели гнёт, но не смирились с ним.*

*...
Припомним именитых, безымянных,
Какие жизни клали на алтарь
Победы нашей! Мы не те Иваны,
Не знающие сродников. Мы помним,
Откуда есть отчизна наша Русь.
Нам предстоит великая работа,
Чтоб земли
Под крыло Москвы собрать.*

Своей драматической дилогией Парпара заявил о себе как зрелый мыслитель, создатель крупномасштабного полотна, чётко прочерчивающий сквозь пелену веков историческую перспективу; как художник, замечательно владеющий литературной и разговорной речью XV–XVII веков, тесно переплетённой с песенной народной интонацией. В свободном владении тайной белого стиха – безусловное влияние кумира Парпары, Алексея Константиновича Толстого.

*... Иоанн – великий полководец.
До сраженья предвидит он,
Что недруги замыслят,
И упредить удар умеет он.
У нас привыкли, чтобы полководец
Был на коне в сраженье впереди.
Владеть мечом – великое уменье.
Но сила, но спасенье государства
В объёмном государственном уме.*

Впервые эти чеканные строфы я услышала в 1981 году в авторском чтении в Доме творчества писателей – Малеевке, любимом благословенном цехе московской писательской братии. Здесь, на

заснеженных аллеях Малеевки, мы и встретились с Анатолием Анатольевичем. Жили мы в одном корпусе «А». Был он молод, кудряв, длинноволос, брит, без теперешней шкиперской бородки, собран и немногословен. Из своей однокомнатной кельи выходил только в столовую...

И вдруг молчаливый отшельник засиял молодой белоснежной улыбкой и пригласил меня и двух учительниц литературы (было это в школьные каникулы), благоговейно отдыхавших в священном для них воздухе Малеевки, на одной лестничной площадке с Парпарой, на дружескую трапезу с чтением только что законченной драмы.

Драмы? Да ещё и в стихах! Исторической драмы в двух частях об Иване III... Анатолию было необходимо на живых слушателях впервые проверить наработанное здесь за целый месяц. Такие застолья с открытым дружеским чтением и немедленным обсуждением наработанного были приняты тогда в Малеевке.

Помню, с открытыми ртами слушали мы драму и комментарии к ней самого автора: «Именно на Угре во время противостояния было тридцать четыре нескончаемые битвы. На протяжении шестидесяти километров русские держали оборону, и только после того, как Угра замерзла, и исчезла естественная граница между татарской и русской ратями, русские организованно и чётко отошли на заранее укрепленные позиции к городу Кременец, наглухо закрыв путь татарам на Москву».

Мы с учительницами тогда от души отдались стихии восторга перед развёрнутой величественной панорамой Московской Руси, перед чудом рождавшегося на наших глазах художественного произведения, которому суждена была долгая счастливая жизнь.

Иван III (драма «Противоборство»):

*Лебёдушкой любимая Москва
Плывет среди лесов непроходимых,
Мужает не по дням, а по часам,
И в облике всё четче проступают
Прекрасные и зрелые черты.*

Мир казался тогда в Малеевке таким прочным и чистым, и жить хотелось. Были ещё встречи в Союзе писателей России на Комсомольском, в ЦДЛ, в поездках по стране и у нас дома, куда не раз приходил Анатолий к Петру Лукичу по делам и просто в гости, на огонёк. Они с Петром дружили, тянулись друг к другу и радовались каждой встрече. Анатолий уже стал известным поэтом, общественным деятелем, секретарем СП России, председателем Международного фонда Лермонтова, главным редактором полюбившейся широкому читателю «Исторической газеты», руководителем многочис-

ленных поэтических семинаров, писательских бригад. А главное – художником со своим видением, со своим миром выстраданных страстей.

Набатов загремели обе драмы об историческом пути России в годы перестройки. В беседе с журналистом Николаем Горбачёвым А. А. Парпара даёт определение понятию «Смутное время»: «Это глубоко потрясающее, великое «шатание» именно государства, ибо в это время всесторонним банкротом оказался не народ, а сама правящая власть; между тем как народ-то именно обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских устоев, какие в нём и предположить-то было невозможно... Корни этого – в характере народа, свободолюбивом, не терпящем строгой узды. Он-то и противоречит измышлениям о так называемой «рабской» душе русского народа». Торжество великой Московской победы над Смутой даётся Парпарой в великой радости и великой горечи, в предвидении будущих битв и противостояний.

...Рушились судьбы государства и рушились отдельные человеческие судьбы. Февраль 2002 года. Убитая, разгромленная трагическим уходом Петра, оглушённая и слепая еду в Орёл на дни памяти Проскурина. Пётр Проскурин был почётным гражданином города Орла, этой прославленной мекки русской литературы. Перед входом в вагон в бешеной февральской метели сталкиваюсь с залепленной снегом квадратной фигурой в длинном чёрном пальто. Парпара. Лицо его, обычно спокойное и ясное, искажено болью. Жёсткий приступ радикулита согнул его перед самой поездкой, но он не мог отменить поездку, не мог изменить памяти старого товарища и друга, изменить своему профессиональному долгу. Как секретарь правления СП Российской Федерации он представлял на Днях памяти писательский цех России, его руководство.

Опираясь друг на друга, мы медленно прошли вдоль длинного ряда великолепной выставки, составленной из фонда Проскурина, хранящегося в музее-заповеднике им. Тургенева, начало которому было положено ещё в конце 60-х годов прошлого столетия, во время нашего проживания в Орле, и щедро пополненного в августе 1999 года актом дарения музею-заповеднику автографов четырёх романов Проскурина и всех повестей и рассказов, написанных Проскуриным в благословенные орловские годы.

Не видя ничего от хлынувших ручьями слёз (Петины родные рукописные тетрадки в клеточку, родной невообразимый клинообразный почерк – ставшие в одночасье холодными, безучастными музейными экспонатами!), я вдруг почувствовала твёрдое мужское рукопожатие Анатолия Анато-

льевича, осторожно сжавшего мой локоть. Оно мне запомнилось.

И на открытие первой мемориальной доски, посвящённой Проскурину, в Твери, на доме № 12 в Свободном переулке, где Петром было написано уже в постсоветский период сумасшедшее количество прозы (в том числе и прогремевший роман «Число зверя», по определению Юрия Бондарева, явивший прорыв в XXI век), Анатолий Парпара приехал вместе с Михаилом Алексеевым, Владимиром Карповым и Егором Исаевым. О, этот космический звёздный десант в честь друга и соратника по оружию потряс дремотную холодноватую Тверь в последние дни яростного солнечного мая 2002 года!

Оказывается, ничто не исчезает так быстро на земле, как человеческая память... Заметают, замечают метель беспмятства наши следы на земле. И как быстро это происходит! И если бы не усилия таких подвижников, как Анатолий Парпара, – а их, кстати, крайне, до обидного мало! – цепочка времени давно распалась бы.

Иногда я думаю: зачем Парпаре это нужно? Отрываться от письменного стола, от своих героев и выстраданных образов, чтобы вспомнить кого-то, вытащить из забвения на страницы «Литературной газеты» забытых фронтовых поэтов в преддверие Дня Победы, чьи огненные строки обжигали и звали в бессмертие в годы Великой Отечественной. Зачем спешить на очередной семинар молодых поэтов в Ульяновске, чтобы зажечь на ульяновском небосклоне (всего лишь на ульяновском!) новое имя? Зачем не спать несколько ночей, чтобы выступить на общеславянском празднике трёх братских народов в древнем Трубчевске, на Брянщине? А ведь именно Брянщина положила начало этому прекрасному, такому нужному сейчас и всегда (!) празднику в самые окаянные, самые мрачные годы перестройки, когда всё рушилось и расползлось по швам, казалось бесповоротно... Зачем, зачем?

«Мне нравится чувствовать себя необходимым людям», – говорит Анатолий Парпара. И этим сказано ВСЁ.



Владимир ЧИКИЛЬДИК

В БОЙ ИХ ВЁЛ ПОКРЫШКИН

(Ведомые Покрышкиным. Сикстинская мадонна с Героями. Встречи на Эльбе)

Среди многих событий и встреч, свидетелем которых мне пришлось быть, находясь в течение нескольких лет на территории ГДР, а затем и ФРГ, в служебной командировке, особенно памяты эти – связанные с именами героев, покрышкинцев...

В сентябре 1989 года в 105-ю авиационную дивизию истребителей-бомбардировщиков, которая располагалась в небольшом городе Гроссенхайн, что в тридцати пяти километрах западнее Дрездена, прибыла группа советских ветеранов войны.

Прославленные авиаторы воевали в составе 9-й гвардейской Мариупольско-Берлинской орденов Ленина и Богдана Хмельницкого Краснознамённой авиационной истребительной дивизии, которой в своё время командовал трижды Герой Советского Союза полковник Александр Иванович Покрышкин, впоследствии маршал авиации. Они приехали сюда, чтобы спустя десятилетия вновь посетить места своей героической молодости и принять участие в съёмках документального фильма «Наследники Покрышкина».

Наша авиационная дивизия, которой в ту пору командовал генерал-майор авиации Николай Иванович Посредников, была выбрана для посещения не случайно. В мае 1945 года на местах её дислокации располагались части дивизии, командиром которой и был трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин.

В группе ветеранов были легендарные лётчики Великой Отечественной – четыре Героя Советского Союза полковники в отставке Константин Васильевич Сухов и Аркадий Васильевич Фёдоров, капитан

в отставке Иван Ильич Бабак и почётный гражданин ГДР, старший лейтенант в отставке Михаил Петрович Девятаев. Кроме них в группе находились офицеры в отставке полковники В. А. Берёзкин, А. Л. Иванов, подполковник В. В. Маслов, старший лейтенант А. И. Героев. Тем, кто хотя бы немного интересовался историей советской авиации, хорошо известны имена этих воинов-авиаторов.

Четыре дня ветераны гостили в авиационной дивизии, именно там, где в 1945 году они встретили день Великой Победы.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ САМОЛЁТЫ

По рассказам полковника А. В. Фёдорова, именно на военном аэродроме города Гроссенхайна полковник А. И. Покрышкин должен был весной 1945 года разместить один из авиационных полков своей дивизии. Известно, что авиация наступала тылами. И вот, когда на этот аэродром прибыли части обеспечения, чтобы провести необходимый объём работ для приёма первых бортов, выяснилось, что немцы перед отступлением вывели из строя взлётную полосу и рулёжные дорожки аэродрома.

Посадка наших самолётов на этот аэродром могла осуществляться только после ремонта полосы. Однако боевые задачи дивизии по прикрытию наших войск с воздуха никто не отменял.

И эти задачи были с честью выполнены. Самолёты дивизии Покрышкина, к удивлению противника, который знал, что ближайший аэродром не функционирует, внезапно появлялись над немецкими позициями и наносили врагу огромный урон. Как это было достигнуто?

Александр Иванович до этого лично обследовал все окрестности Гроссенхайна и обнаружил ровный прямой участок шоссе длиной около двух с половиной километров.

Бросив туда людей и технику для вырубki деревьев и кустарника по обочинам шоссе, а также для налаживания работы авиационно-технического обеспечения полётов, А. И. Покрышкин через два дня имел полевой аэродром. Он первым лично посадил свой самолёт на автобан, а следом за ним совершили посадку его ведомый Георгий Голубев (кстати, воспитанник Ачинского аэроклуба), а затем

ЧИКИЛЬДИК Владимир Карпович родился на Алтае. Окончил Ачинское военное авиационно-техническое училище, Барнаульское высшее военное авиационное училище и служил там. В 1987–1992 годах находился в служебной командировке в составе группы советских войск в Германии, офицер военно-политического отдела полка, дивизии, с августа 1991 года по февраль 1992 года исполнял обязанности заместителя командира 105-й авиационной дивизии истребителей-бомбардировщиков по работе с личным составом. Заканчивал службу в Барнауле, в лётной школе им. Героя Советского Союза К. Павлюкова. В 1995–2014 годах работал на предприятиях энергосистемы Алтайского края. Имеет историческое и экономическое образование. Печатался в журналах «Барнаул», «Бийский вестник», «День и ночь», «Крылья Родины», сборнике «Три реки», краевой и военной печати. Лауреат алтайской краевой литературной премии им. Владимира Свинцова (2009 г.).

и другие лётчики полка. Именно отсюда совершали свои боевые вылеты покрышкинцы, пока основной аэродром не был отремонтирован.

Кстати сказать, ликвидации Западной группы войск в 1993 году этот участок шоссе предполагался для использования в качестве запасного аэродрома в случае вывода из строя основного. Всегда на прилегающих к шоссе участках земли были вырублены все деревья и кустарники, организованы съезды с дороги с твёрдым покрытием, а поля засеивались только легко убираемыми кормовыми культурами.

СВОИХ НЕ БРОСАЕМ

Был в составе делегации фронтовиков один из командиров полков покрышкинской дивизии времён войны Иван Ильич Бабак. У него необычайно трудная судьба. Герой Советского Союза, Иван Бабак в двадцать пять лет был назначен командиром 16-го гвардейского авиационного полка в воинском звании... старший лейтенант!!! Обстановка тяжёлая, потери огромные на подступах к Берлину, даже опытные лётчики выбывали из строя.

Однако молодой лётчик Иван Бабак воевал блестяще. 14 марта 1945 года Покрышкин направил в штаб армии документы на присвоение Ивану Бабаку звания дважды Героя Советского Союза. А через день, 16 марта, прямо из бани, не успев до конца одеться, он вылетел по тревоге на штурмовку вражеской колонны, и тут случилось непредвиденное. Всю войну прошёл – ни ранения, ни царапины, словно заговорённый. И лез, что называется, в самое пекло...

16 марта 1945 года гвардии старший лейтенант Иван Бабак вылетел на разведку особо важной цели в районе небольшого немецкого города Лаубан. Ведомым у него был недавно прибывший из авиационного училища младший лейтенант Козлов. Когда боевая задача была практически решена, идя на свой аэродром, недалеко от линии фронта Бабак увидел вражеский эшелон с войсками и техникой. В воздухе спокойно, на борту полный боекомплект. Удобный случай ввести в строй молодого лётчика.

– Атакуем, – передал по радио ведущий.

От их точных ударов загорелись несколько вагонов. И вдруг выпущенная откуда-то зенитная очередь прошла машину командира полка, и она вспыхнула.

Раненый лётчик упал на позиции вражеских артиллеристов и в полубессознательном состоянии, сильно обгоревший, был взят в плен.

– Когда бежал от бани к самолёту, ордена своя не успел нацепить, не до того было, – вспоминал позднее Бабак. – Ну и решил выдать себя за рядового лётчика. А немцы слушают мои байки и смеются. Потом дают мне альбом с фотографиями наших

асов-истребителей, где на первом месте красовался портрет Покрышкина, ну и моя личность там тоже оказалась.

Попав в плен к немцам, Иван Ильич не сломался, пытался бежать из лагеря, был схвачен, затем переведён в другой лагерь на территорию Чехословакии. Впоследствии лагерь оказался сначала в зоне оккупации американцев, затем наших войск.

Комдиву Покрышкину стало известно, что в одном из лагерей – совсем рядом, в ста пятидесяти километрах от Гроссенхайна, содержится его боевой командир полка. С машиной автоматчиков на «студебекере» Александр Иванович прибыл в лагерь военнопленных, где уже наши костоломы из НКВД выбивали последние зубы и ломали рёбра бывшим узникам фашистских концлагерей. Почти силой он освободил своего фронтового друга, привёз в дивизию и вопреки всем возражениям особого отдела вновь назначил Ивана Бабака командиром полка!

Вскоре после Победы в дивизию прибыл командующий 1-м Украинским фронтом маршал Советского Союза Иван Степанович Конев. Полковник А. Покрышкин представил командующему своих командиров полков.

– Что-то звёздочек маловато у этого командира, – кивнул Маршал на старлейские погоны Бабака.

На следующий день пришёл приказ о присвоении Ивану Ильичу Бабаку очередного воинского звания – капитан. Однако после войны летать и служить Родине герою войны не дали – был в плену. Это было как клеймо. Кстати, представление на вторую Звезду Героя так и не было реализовано. Комдив, как мог, защищал командира полка перед грозным ведомством, но и он был не всемогущ.

Вскоре, вспоминая Иван Ильич, он был отправлен в Москву на учёбу. Но и там отважному лётчику не довелось доучиться до конца – командир курса посоветовал получить «неуд» по одному из предметов. Когда же Иван отказался это сделать, то был просто отчислен без объяснения причин. Он уехал в Полтавскую область, всю оставшуюся жизнь учительствовал и никогда не надевал боевые награды.

Но и в дальнейшем обстоятельства сложились для Ивана Ильича крайне неблагоприятно. Особенности не оставляли его в покое. Много лет ни учителя, ни дети не знали, что их преподаватель химии – один из лучших асов Великой Отечественной войны. Но все знали о плене, что в советские времена не приветствовалось. Помог его бывший командир дивизии, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин: сначала всегда приглашал на встречи однополчан, потом помог в издательстве книги. Иван Ильич написал книгу «Звёзды на крыльях», с главным героем Иваном Ильичом Бельским. Издание начинается вызовом к комдиву

А. И. Покрышкина 16 марта 1945 года. Но о плене и лагере в книге Иван Ильич не вспоминал.

На одной из первых встреч с однополчанами в Киеве, рассказывал Бабак, Александр Иванович Покрышкин обратил внимание, что на пиджаке у Ивана Ильича нет ни одной награды. Вот тогда он и получил от комдива: «Ну, знаешь ли, друг любезный, от такой твоей скромности гордыней и обидой на весь свет отдаёт. Золотую Звезду тебе вручили не для того чтобы ты её в шкатулке прятал! – возмущился Покрышкин, – Вот тебе дубликат, у меня ещё есть, и будь добр носить её и пацанов на примере своих подвигов воспитывать». Так всю жизнь и делал Герой.

Иван Ильич умер в июне 2001 года, похоронен на главной аллее Центрального кладбища Полтавы. На стене школы № 7 им. Тараса Шевченко, директором которой Бабак был с 1971-го по 1975 год, установлена мемориальная доска.

УГНАТЬ И ДОЛЕТЕТЬ

Не менее драматическая судьба была и ещё у одного покрышкинца – Героя Советского Союза, почётного гражданина ГДР Девятаева Михаила Петровича.

Летом 1944 года в одном из воздушных боёв над территорией Западной Украины в районе Львова он был сбит, приземлился на парашюте и тут же был схвачен фашистами. Он перенёс все муки фашистского плена, бежал, вновь схвачен, в сентябре 1944 года переведён в лагерь смерти «Заксенхаузен». Под чужой фамилией, скрыв, что он лётчик, Девятаев попал в концлагерь ракетного центра близ городка Пенемюнде, что на острове Узедом, на Балтике. Военнопленные работали на заводе, где разрабатывалось немецкое «оружие возмездия» – ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2.

Девятаев, работая на военном аэродроме, стал готовить побег. Но для этого нужны были верные товарищи, они нашлись среди военнопленных. В феврале 1945 года, убив часового у самолётной стоянки, Девятаев с десятью товарищами захватывают личный самолёт начальника лагеря – военно-транспортный «Хейнкель-111».

Ценой огромных усилий и с помощью товарищей Михаилу Петровичу удалось справиться с управлением самолёта, ведь лётчик весил тогда всего сорок килограммов! Девятаев направил самолет сначала на север, на Швецию, и только затем на восток, чем и сбил с толку своих преследователей. А возглавил погоню за дерзким беглецом опытный лётчик, обладатель двух Железных крестов и Немецкого креста в золоте обер-лейтенант Люфтваффе Гюнтер Хобом. Однако преследователи вернулись ни с чем. Самолёт был обнаружен воздушным асом полковником Вальтером Далем, возвращающимся с задания, но

приказ немецкого командования «...сбить одинокий „Хейнкель“» он выполнить не мог из-за отсутствия боеприпасов. В районе линии фронта самолёт обстреляли советские зенитные орудия, пришлось идти на вынужденную посадку. «Хейнкель» сел на брюхо южнее населённого пункта Голлин уже освобождённой Прибалтики.

Вновь лагерь, допросы, побои, издевательства... девять месяцев проверок в фильтрационном лагере! Веры побывавшим в плену не было. После войны Михаил Петрович работал грузчиком в порту, мотористом на речных судах в Казани, шкипером водил баржи по Волге и Каме. И только в 1957 году после того, как про подвиг Девятаева была напечатана большая статья в газете «Водный транспорт», по личному указанию тогдашнего руководителя страны Н. С. Хрущева состоялось награждение М. П. Девятаева Золотой Звездой Героя Советского Союза, ему были возвращены боевые ордена.

За те дни, которые мы провели вместе, Михаил Петрович много рассказывал о том, как готовился побег, как трудно было выживать после войны, когда на всех бывших военнопленных стояло клеймо предателя. Всё вынесло то поколение: и невероятные тяготы войны, и людскую ненависть! Однако непоколебимая вера в победу, вера в правду помогали победить и выжить!

Уже на склоне лет, в 2002 году, ему вновь пришлось побывать на месте своего подвига, на острове Узедом (по приглашению немецкой стороны Михаил Петрович приехал в Германию и гостил там несколько дней). Там, в районе бывшего военного аэродрома Пенемюнде состоялась встреча Михаила Петровича и бывшего немецкого лётчика Гюнтера Хобома. Два ветерана Второй мировой войны, представители двух сражавшихся народов пожали друг другу руки, обнялись, выпили по чарке... Они долго говорили о жизни, о внуках, о судьбах людских. И, конечно же, о войне, её жестокости и бессмысленности. И ещё – об ответственности людей, чтобы подобная трагедия не повторилась.

Михаил Петрович Девятаев скончался осенью того же года в Казани, где он жил все послевоенные годы.

Судьбы Ивана Ильича Бабака и Михаила Петровича Девятаева были положены в основу биографии героя фильма «Чистое небо», снятом в 1961 году Григорием Чухраем.

ВЫКОВАННАЯ ПОБЕДА

Воины-ветераны проводили много встреч с лётчиками, техниками авиационных гарнизонов Западной группы войск, в том числе и в нашей дивизии. Будучи в штабе дивизии, Герой Советского Союза Аркадий Васильевич Фёдоров, который был назначен командиром 16-го авиаполка после ранения

Ивана Ильича Бабака, войдя в один из кабинетов, воскликнул:

– А здесь мы встретили День Победы!

Майской ночью 1945 года личный состав гарнизона Гроссенхайн был разбужен автоматнo-ружейной стрельбой. Лётчики, техники, специалисты связи и тыла, ночевавшие в помещениях штаба дивизии, выскочили с оружием на место построения: видимо, какая-то группировка немцев прорывается. Однако дело было в другом. Это был солдатский салют! Только что была получена радиограмма: подписан Акт о капитуляции фашистской Германии. Победа! Начались братания, салют из всех видов оружия, застолье...

А рано утром авиаполк был построен лично командиром. Команда: лётчики – бегом на озеро, техники – готовить самолёты к боевому вылету. На берегу озера Александр Иванович поставил задачу: немцы прорываются к Праге, есть приказ поддержать восстание в столице Чехословакии. Покрышкин первым нырнул в холодную воду озера, за ним и все лётчики – для отрезвления...

Через час «авиакобры» дивизии Покрышкина уже патрулировали в небе над Прагой. В один из таких майских дней ведомый Покрышкина Георгий Голубев, находясь в небе над Прагой, сбил немецкий «Дорнье-217», шедший с запада на восток. Это был последний вражеский самолёт, сбитый покpышкинцами в ту войну.

После войны Александр Иванович Покрышкин был первым советским комендантом города Гроссенхайн. Старшее поколение немцев в период моего пребывания в Германии ещё помнило нашего национального героя, его справедливость и заботу о населении.

Кстати, после объединения Германии одна из главных площадей города Гроссенхайна, носящая имя В. И. Ленина, не была переименована. На одном из домов так и осталась висеть мемориальная доска с барельефом Ленина и памятным текстом.

Возвращаясь к событиям, связанным с пребыванием в нашем гарнизоне лётчиков-покpышкинцев. В один из дней мы побывали в крепости «Кёнигштайн», под Дрезденом. Эта крепость, построенная на высоком базальтовом выступе над Эльбой, многие века считалась неприступной. Но в минувшую войну гарнизон этой крепости был вынужден сдаться в плен нашим парашютистам, которые высадились в начале мая 1945 года на небольшой площади в центре цитадели. В каменоломнях, неподалеку от неё, наши воины вскоре обнаружили сокровища Дрезденской картинной галереи, которые были спрятаны фашистами в конце войны.

Несколько сотен полотен величайших художников Европы, в том числе Рафаэля, Дюрера, Джор-

джоне, Вермера, Тициана и других были на грани гибели. В течение нескольких лет советские реставраторы восстанавливали эти полотна. В середине 50-х годов они были переданы вновь в картинную галерею Дрездена. Благодарные немцы освободили советских солдат и офицеров от платы за вход в галерею. Во время посещения этой сокровищницы мировой культуры мне и посчастливилось сфотографироваться с героями под шедевром Рафаэля Санти «Сикстинская мадонна».

Много встреч провели фронтовики в авиационных гарнизонах нашей дивизии. Бывалые лётчики щедро делились с молодёжью своим фронтовым опытом, восхищались современными боевыми машинами СУ-24, которые составляли основную ударную мощь авиации ГСВГ, а затем ЗГВ. После каждой встречи была концертная программа, в которой принимали участие как ветераны, так и молодые воины-авиаторы. В составе делегации фронтовиков был старший лейтенант в отставке Александр Иванович Героев, ставший после войны заслуженным артистом УССР, он и задавал тон всей концертной программе...

Много лет прошло с той поры. Ушли от нас почти все ветераны-фронтовики, о которых я сегодня рассказывал. Ликвидирована Западная группа войск – форпост нашей обороны в центре Европы. Нет уже той страны, которую защищали многие поколения наших воинов. Мы уже и сами стали ветеранами военной службы.

Но пока мы помним о том, как ковалась Победа, о подвигах наших отцов и дедов, о наших боевых друзьях, пока мы храним и чтим лучшие традиции боевого товарищества, братства, войсковой дружбы – они будут жить...

Фото автора

На снимках:

1. Военный комендант г. Гроссенхайн полковник А. И. Покрышкин (второй справа) на городской площади им. Карла Маркса с офицерами комендатуры. Снимок из музея). 9 мая 1945 г.
- 2, 2а. Дрезденская картинная галерея. Герой Советского Союза Михаил Петрович Девятаев, майор Владимир Карпович Чикильдик, Герой Советского Союза Аркадий Васильевич Фёдоров. 17.09.1989 г.
3. Гарнизон Гроссенхайн, ЗГВ. На съемках фильма «Наследники Покрышкина»: Герой Советского Союза М. П. Девятаев, генерал-майор авиации Н. И. Посредников, майор В. К. Чикильдик, Герой Советского Союза А. В. Фёдоров. 16.09.1989 г.
4. Герой Советского Союза М. П. Девятаев, Герой Советского Союза И. И. Бабак (слева) подписывают фотографии на память. 20.09.1989 г.
5. Фото на память... Генерал-майор авиации Н. И. Посредников подписывает фотографию на спине А. И. Героева. 20.09.1989 г.
6. Герой Советского Союза Михаил Петрович Девятаев, майор Владимир Карпович Чикильдик. Гарнизон Гроссенхайн. 16.09.1989 г.
7. Делегация советских лётчиков на ступенях Дрезденской картинной галереи. 17.09.1989 г.
8. Покрышкинцы с офицерами авиационного гарнизона Гроссенхайн. 20.09.1989 г.
9. Герой Советского Союза, почётный гражданин ГДР Михаил Петрович Девятаев.





Диана БАЛИБАЛОВА

ЯРКИЙ ПРАЗДНИК

(Как кемеровчане праздновали
день Победы в 1945 г.)

В этом году мы отметили уже 70-летие великой Победы. Перебирая в памяти эти праздничные даты, возвращаясь к тому – первому Дню Победы. Как его праздновали кемеровчане тогда, в далеком 45-м? Остались рассказы родителей, подшивки многотиражки «За азот», что выпускала мама, «Кузбасс», папины письма с фронта, а также воспоминания моего мужа (ныне покойного) Азария Сергеевича Малашевича. Он мальчишкой всю войну работал токарем на 120-м заводе, где делали порох.

Вот что он рассказывал: «День Победы – это самое главное событие в моей жизни. Мы все уже чувствовали, что вот-вот этот день настанет, ведь наши войска взяли Берлин, но всё равно произошло это неожиданно. В тот день утром я, как обычно, собирался на работу: первая смена начиналась в 8 утра. Вдруг слышу в коридоре шум, радостные возгласы. Выбегаю из комнаты, соседка кричит: «Азарий, победа!» Все обнимаются, целуются.

Я, не осознавая, надеваю свою лучшую одежду и бегу к проходной 7-го производства, где я тогда работал. Около проходной много народу, почти все, как и я, пришли на работу в праздничной одежде. Прямо у проходной митинг. Помню, что выступил парторг нашего производства Арсентьев, начальники цехов. Потом мы все идём к Дворцу культуры, там масса народа, вся площадь запружена. В 9 утра начинается районный митинг. Открывал его секретарь Кировского райкома ВКП(б), затем выступил директор нашего завода генерал-майор Гречишин, потом кто-то ещё. Конечно, все говорили о победе, поздравляли.

День казался ярким, солнечным. Он и был необычным, радостным, праздничным. После митинга мы пошли домой, хотелось как-то отметить победу, чтобы этот день запомнился. Вынесли столы в общий коридор, накрыли их, каждый принёс, что мог, что было. Собралось человек шестьдесят, на первом этаже было двадцать комнат, в каждой жила семья, тут были и взрослые, и дети. Жили мы дружно, делили и радость, и горе. А здесь такой праздник! И радовались и вспоминали то, что пришлось пере-

жить. И хотя в нашей победе никто не сомневался, но было очень тяжело.

Я попал на завод мальчишкой.

В 1940 году был принят закон СССР «О трудовых резервах» для подготовки высококвалифицированных рабочих с двухгодичным сроком обучения. Брали туда по направлению с 14–15 лет. Я стал просить родителей, чтобы они меня туда оформили. Я был непоседой, озорником, читать любил, а уроки учить – не очень. Старший брат Володя, напротив, был серьёзный, он оканчивал среднюю школу, играл на трубе в духовом оркестре шахты «Северной», частенько выручал меня в конфликтных ситуациях.

И вот в октябре 1940 года я стал учащимся ремесленного училища. Для него было построено новое здание в Кировском районе (впоследствии там разместился медицинский институт), нам выдали красивую форму. Учили не только школьным предметам, но и токарному делу. Мне очень нравилось в училище, и родители были довольны. В конце мая 1941 года они со старшим братом уехали на Украину. Я перешёл жить в общежитие училища. В комнате нас было пять человек, там чисто, уютно, прекрасная столовая, где нас бесплатно кормили.

И вот война! Нас сразу вызвали всех в училище, по ускоренной программе доучили, а в сентябре тех, кто не подлежал призыву в армию, оформили на завод. Я попал в цех, где делали тару для пороха, корпуса мин. Я тогда был маленького роста, так мне к станку подставили ящик, и я стал токарить. Сдал на разряд, на этом учёба и закончилась. Рабочий день был вначале восемь часов, а потом, несмотря на возраст – пятнадцать лет, мы стали работать по двенадцать часов. Вскоре ввели продуктовые карточки, в общежитии не стало ни воспитателей, ни уборщиц. Мы, подростки, остались там одни. Придешь после работы, есть нечего, ребята в карты режутся, вещи проигрывают. В конце 1941 года к нам подселили эвакуированных ребят из Пскова и Ленинграда. В комнатах сделали нары в три яруса, вместо пяти поселили по пятнадцать человек в каждую комнату.

Осенью приехали с Украины мои родители, им удалось, бросив всё, буквально в последнюю минуту эвакуироваться. Брат стал работать на заводе, но потом его призвали в армию, после окончания ускоренного курса пехотного училища он уехал на фронт. Воевал под Ленинградом на Волховском фронте командиром роты. Через несколько месяцев он был тяжело ранен в голову. Долго лечился, несмотря на инвалидность, его оставили в армии. Он трудился на заготовке дров для военного госпиталя в городе Бердске Новосибирской области.

Отец опять стал работать в профсоюзном комитете шахты «Северная», жили они с мамой на Руднике. Я ходил к ним на выходные, с транспортом стало

совсем плохо. Отец вскоре слёг, у него снова открылся туберкулёз, полученный в Гражданскую войну, когда он раненый лежал несколько часов в холодных водах Сиваша. В феврале 1942 года отец умер. Мать сдала комнату на Руднике, и мы с ней перебрались в барак недалеко от завода. Сначала жили в одной комнате с ещё одной семьёй, но через год получили свою комнату в том же бараке.

Трудились мы, мальчишки, как и все, самоотверженно. Если приходили вагоны с тарой, то шли разгружать, хотя нам, несовершеннолетним, на сверхурочные можно было не ходить, но шли все. Или, например, мастер объявляет, что на следующий день идём на пятое производство грузить порох, а он мокрый в мешочках по восемь-шестнадцать килограммов весом. Зимой холодно, валенки быстро промокают. Чтобы не простудиться, приходилось подкрепляться спиртом, а закусить зачастую было нечем, в обед съедали весь дневной паёк хлеба, из дома тоже много не принесёшь, мать не работала, жили на мою зарплату.

Когда готовились десять сталинских ударов, то во всём Кировском районе объявлялся аврал, надо было срочно отправлять на фронт пороха разного типа, снаряды, мины. Из всех цехов снимали рабочих, даже с других предприятий, из школ, из учреждений, отовсюду. И наш цех пустел, мы шли на пороховое производство и работали сутками, безо всяких норм времени, пока не отправляли на фронт нужное количество порохов и снарядов.

Мы, ремесленники, были бедовые. Завод был военный, а мы, случалось, нарушали дисциплину. Однажды я здорово проштрафился. Питание у нас зимой 1942–1943 годов было скудное. Но особенно тяжело приходилось эвакуированным ленинградцам, они в блокаду так наголодались, что все время хотели есть. И вот один из них взял несколько полотняных мешочков из-под пороха и попытался их вынести с завода, чтобы продать и купить себе еды. Но его задержали на проходной, он в слезах вернулся в цех. Мне стало его жалко, я взял и написал вместо кладовщика расписку, что он сдал мешочки. Назавтра кладовщик, увидев мою расписку, поднял шум. Парнишку вызвали, припугнули, он признался, что писал я. После разбора этого дела я получил три дня гауптвахты. Это означало, что я должен был жить в изоляторе, а вместо своей работы выполнять другую: ночью выгребать из печи огарки медного колчедана на первом производстве. По законам военного времени за нарушения дисциплины нас должны были под суд отдавать, но заводское начальство старалось своих рабочих под суд не отдавать, назначали до двух недель гауптвахты.

Руководство завода относилось к нам строго, но заботливо. Для нас, несовершеннолетних, вы-

делялись особые талоны на горячее питание. Во время войны почти не было выходных дней, были отменены отпуска, но нас, подростков, каждое лето на две недели отправляли в Верхотомский дом отдыха.

Помню, в 1942 году нас, бывших ремесленников, собрал комсорг ЦК ВЛКСМ завода и стал спрашивать, в чём мы нуждаемся, чем занимаемся после работы, почему не в комсомоле. Мы решили вступить и написали заявления, а дома соседка стала причитать: «Что ты делаешь, вдруг немцы сюда придут?». Но ни я, ни мои друзья по ремесленному училищу даже мысли такой не допускали.

В октябре 1942 года я вступил в комсомол. И хотя мне никто не поручал, стал в своём цехе проводить политинформации, притащил карту Советского Союза и флажками отмечал линию фронта, в обеденный перерыв читал вслух газеты, потом стал книги читать. Сначала надо мной рабочие посмеивались, а потом бросили домино и стали подсаживаться, слушать, обсуждать сообщения Совинформбюро о положении на фронте.

На заводе организовывали фронтовые бригады, брали повышенные обязательства. Много вносилось рационализаторских предложений, мы старались всё делать для фронта, для победы, иначе себе и не представляли. Когда наши войска перешли в наступление, пороха потребовалось ещё больше, постоянно устраивали трудовые вахты, участвовали в движении «тысячников», стахановцев. На нашем производстве, как и на других, в конце войны стали проводить вечера стахановцев, меня тоже на них приглашали. Норму я всегда перевыполнял, умел работать почти на всех станках, что были в нашем цехе. В конце войны меня уже поставили работать нормировщиком, так как я знал уже все операции.

Завод всю войну расширялся, людей не хватало, многие уходили в армию. Мой друг Литвиненко был старше меня всего на два года, но он успел повоевать, а после ранения снова на завод вернулся. На заводе работали не только эвакуированные, но и выселенные немцы с Поволжья, их в армию не брали. Они трудились в строительных батальонах, но во время авралов их, как и нас, посылали на пороховое производство.

Производство пороха было не только вредным и тяжелым, но и опасным. Было несколько крупных взрывов, гибли люди. Завод и весь Кировский район были засекречены, о нас нельзя было писать в городских и центральных газетах.

Всё это вспоминали мы тогда, 9 мая 1945-го, за праздничным столом, многие плакали. Да, этот праздник действительно «со слезами на глазах».

А ещё год Победы запомнился мне вот чем. Вскоре после победы нас, бывших ремесленников,

заводской комитет профсоюза послал в санаторий «Озеро Тагарское» в Красноярском крае. Там нас лечили, хорошо кормили. И вдруг после этого я начал расти, за полгода вымахал под потолок. В войну я был очень маленького роста, и меня прозвали Малышом, а тут стал 185 сантиметров ростом, больше уже никогда меня так не называли».

По рассказам моей мамы, Ситниковой Анастасии Павловны, 9 мая 45-го для нее был не только праздничным, но и ответственным рабочим днем. С 1943 года она работала ответственным секретарем многотиражной газеты азотно-тукового завода «За азот». И ей нужно было выпускать очередной номер. Тогда почти все газеты печатались в типографии газеты «Кузбасс». Праздничный номер многотиражки «За азот» вышел 12 мая, значит, в набор надо было сдать утром 11 мая.

И вот он передо мной, этот праздничный номер 37 (220) газеты «За азот», выпущенный 12 мая 1945 года. В связи с тем, что завод был военным, в подзаголовке указано, что это «газета парткома, завкома и заводоуправления ордена Ленина завода имени XVIII съезда ВКП(б)». Нигде не говорится, что это азотно-туковый завод, не называются должности работников завода.

На первой странице сверху справа крупным шрифтом написано: «Гитлеровская Германия разбита наголову, период войны в Европе кончился, начался период мирного развития. Слава нашему великому народу-победителю! Слава гениальному Сталину!» Под этими строками во всю страницу читаю: «Победоносное завершение Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков вдохновляет коллектив нашего завода на новые подвиги».

Затем страница делится на две рубрики – слева дан репортаж с заводского митинга 9 мая, краткая запись выступлений Сичкова П. В. (был главным инженером завода, впоследствии лауреатом Сталинской премии), Низяева (работал главным механиком цеха № 1, в 1949 году стал лауреатом Сталинской премии), 70-летнего стахановца Писаревского, передовиков предмайского соревнования.

Слева на первой же странице напечатана правительственная телеграмма: «Директору завода т. Сорокину, секретарю парткома т. Мельникову, председателю завкома т. Шагину. Решением ВЦСПС и Наркомхимпрома по итогам социалистического соревнования вашему заводу присуждена первая премия с сохранением переходящего Красного Знамени ГКО. Выражаем уверенность в ваших дальнейших успехах и безусловном выполнении плана мая. Народный Комиссар химической промышленности М. Первухин».

На второй странице напечатано стихотворение «Победа» Антонины Полозовой. Оно было напеча-

но в номерах сразу двух газет – в «Кузбассе» и в многотиражке «За азот». Стихи очень искренне передавали настроение кемеровчан в тот праздничный день.

*Сквозь полог туч пробился луч рассвета
Предвестник счастья светлого людей,
И слово долгожданное – ПОБЕДА –
Над миром встало солнца горячей.*

*Мы этот день как праздник наш чудесный
В своих сердцах навеки сохраним.
Пусть к небу рвутся радостные песни
И выше всех – страны Советов Гимн.*

*Над каждым домом флаги полыхают,
Салюты честь героям отдают,
Чужие, встретившись, с победой поздравляют
И, как друзья, друг другу руки жмут.*

*Конец войны, кровопролитьям, бедам.
Враг в логове своем раздавлен до конца!
И слово окрылённое – Победа!
Переполняет радостью сердца.*

Газета «Кузбасс» вышла 10 мая 1945 года под «шапкой»: «Кузбасс празднует Победу!»

В статье «95 тысяч трудящихся Кемерово вышли на празднование Победы» говорится: «...Люди спешили на свои заводы, фабрики, учреждения. Никто их не звал собратиться, но они шли туда, где в тяжелые годы войны они трудились вместе, ковали сегодняшнюю торжественную минуту».

Они стекаются к стадиону Кемеровского азотно-тукового завода, где состоялся 75-тысячный митинг. Открывал его секретарь горкома ВКП(б) т. Прасс. С речью выступил первый секретарь Кемеровского обкома и горкома ВКП(б) Задионченко С.Б. Он сказал, что «...трудящиеся Кемерово и всего Кузнецкого бассейна – могучего арсенала Красной Армии, вместе со всем советским народом могут с гордостью отметить, что их самоотверженный труд является большим вкладом в дело нашей общей победы над врагом...».

На митингах в Кировском и Рудничном районах участвовало двадцать тысяч человек.

В газете дана небольшая зарисовка журналиста Алексея Косаря «Незабываемый день». Он пишет:

*Радости не видно конца
Кемеровцы ликуют с рассвета.
Это – в наши дома и сердца
Вливается победа!*

«...У здания цирка скрещиваются две дороги (старый цирк тогда находился на углу Советской и улицы Кирова. – Б. Д.). Со всех концов плывут с площади маки шапчонки и беретов. Волнуется море флагов...

*На клавишах выстукивай
про кемеровский туковый.
Труби, пускай доносится до фронтовых
высот.
Стремительная, броская, живая
комсомольская
Орлица-песня вольная про наш
родной Азот!*

Песни не умолкают ни на минуту. Они сливаются в единый величественный рокот, который катится по улицам и переулкам города и поднимается под облака...

Чернобровая девушка, распустив косы, с платком в руке, приплясывает русскую плясовую, колонна подпевает ей. Это идет механический завод.

Ольга Ковальчук. Кто в городе мог сравниться с ней? За девушкой и сейчас мудрено успеть. На протяжении трехкилометрового шоссе, от завода до площади, она пляшет.

Моросит дождь. Вышедшие в новых, лучших платьях не замечают его. Это – не дождь – это слезы радости! Вырвавшийся внезапно ветер разрывает тучи, и майское солнце отражается в знаменах, бежит по медным трубам оркестров... Над колоннами во всю улицу плывут, утопая в знаменах, портреты Ленина, Сталина, Кутузова, Суворова...

Сыны и дочери Кузбасса вышли на улицы, чтобы отпраздновать великое торжество...».

Интересная деталь – он пишет, что моросит дождь. Но все, с кем я говорила об этом дне, уверяли, что день был солнечный, о дожде ни один не вспомнил. Такой это был для всех яркий праздник!



Вера ЛАВРИНА

НА БЕРЕГАХ СЕВЕРНОГО АФОНА

Валаамский дневник

Валаамский монастырь издавна называют Северным Афоном. Как и Афонская гора, остров Валаам является «монашеской страной», где проживает только братия монастыря, он находится в таком же аскетическом отдалении от мира, разделён с ним водным пространством. И на Северном, и на Южном Афоне из вод, скал и деревьев Творец создал, как бы предвкушающие райские, уголки природы необыкновенной красоты.

С тех пор, как прочла замечательный очерк Ивана Шмелева «Старый Валаам», послушала рассказы паломников о монастыре, я стремилась побывать там. Не удержусь и скажу: моя поездка превзошла все ожидания: как будто я просила у Бога хижину, а он подарил дворец.

Путешествие началось с... *136* опасюсь сказать, «чуда», но с чудесного исполнения желания. На Валаам я отправилась одна и молилась, чтобы Господь послал мне подругу, наперсницу для трудов и общения. Наша группа «Неделя на Валааме» должна была собраться в Петербурге 28 июля в 6:30 на автобусной остановке на Выборгском шоссе у метро «Озерки». Оттуда автобусами мы отправлялись на Ладогу, в Приозёрск, где располагался причал Валаамского монастыря. 28 июля рано утром я выхожу из метро и, потеряв ориентацию, бреду в неизвестном мне направлении. Вдруг слышу сзади голос:

– Женщина, вы на Валаам?

Оборачиваюсь, растерянно отвечаю:

– Да...

– Вы в другую сторону идёте. Выборгское шоссе – там. Я тоже на Валаам еду. Я просто увидела у вас в руках этот листочек: «Валаамский паломник»...

Так я познакомилась с Таней. С ней мы вместе слушали, молились, гуляли по острову, подолгу беседовали. Сердечность, доброта, открытость в Татьяне сочетались с внимательной тактичностью. К тому же она была очень красива: большие синие глаза с чёрными ресницами, чёрные вьющиеся волосы. Таня сказала мне, что эту Пасху вместе с мужем она встречала на Валааме:

– Передать эту радость невозможно. Я со слезами на глазах уезжала с острова. И вот опять еду туда.

Рассказы о Валааме Тани и других паломниц, с которыми мы познакомились уже на «Метеоре», наполняли душу радостным предчувствием чудесной встречи. Над Ладогой стоял сияющий ясный день: в лучах солнца блестели лазурные воды, в лёгкой дымке таяли дальние берега и островки. Охваченные трепетным волнением, на корме катера мы с Таней запели «Царица моя преблагая...».

И вот, мы оказываемся в устье Монастырской бухты. Когда-то при въезде в бухту стояла таможня. Выходил монах и тщательно досматривал суда: табак, водку изымал, пьяных ссаживал и отправлял на расположенные неподалеку маленькие необитаемые «Пьяные острова» до полного их протрезвления. На месте таможни сейчас стоит маленькая сторожка.

Зайдя в узкую и длинную Монастырскую бухту, катер сбавил ход. Мимо проплывали скалистые берега, покрытые сверху густым хвойным лесом. Насыщенная солнечным светом зелень, тихая гладь воды, лазурный простор небес, поднимающиеся из воды чёрные камни – все оттенки цвета были размечены так чудесно, что не оставалось сомнения в работе Великого Художника, так дивно украсившего землю. Его замыслу вторила природа рукотворная: ослепительно белели стены Никольского скитского храма, диковинным цветком мелькала между елей маленькая часовня Валаамской Божией Матери на противоположном берегу, дальше, на высоком холме возвышались над зелёной купиной голубые купола Спасо-Преображенского собора с натянутой в небо струной колокольни.

У причала нашу группу из сорока девяти человек встретил опекун и экскурсовод Владислав из Питера.

Места для нас ещё не были освобождены предыдущей группой, поэтому мы сдали вещи в монастырскую камеру хранения и отправились в трапезную на обед.

Мне очень нравились эти трапезы. Нравилась тактичность, с которой они устраивались. Мы приходили в строго определённое время, становились вдоль длинного ряда столов и начинали молитву. Потом усаживались на лавках. На столах стояли приборы и блюда с едой. Каждый накладывал себе и приступал к трапезе. Еда была очень простая, постная, но всегда хорошо приготовленная и вкусная. Конечно, мужчинам, которые работали на рубке дров, погрузке этого было маловато. Но можно было купить вкусную монастырскую выпечку – пирожки, булочки, работали у причала два кафе, где и мясные блюда подавали. Они назывались «Валаамский паломник» и «Трапеза в старом саду». По-

сле трапезы мы опять молились и уносили каждый свою посуду на мойку. А девушки быстро накрывали стол для следующей группы.

После обеда состоялась наша первая экскурсия по главному подворью монастыря с посещением Спасо-Преображенского храма. День стоял необыкновенно жаркий. Уставшие с дороги, мы с трудом воспринимали слова экскурсовода. Нас тянуло присесть или прилечь где-нибудь в тени, но мы держали об их устройении. Мы осмотрели несколько часовен, построенных в честь различных памятных дат. В надвратном храме послушали небольшой двадцатиминутный концерт, где певцы (не монахи, а артисты) демонстрировали нам различные стили церковного пения. Пели они прекрасно, хорошо поставленными сильными голосами. Однако не превзошли услышанное позже на службах пение братии монастыря. В пении монахов нет ничего эффектного, никаких «красивостей», но оно трогает сердце и просветляет душу.

Потом нас повели в Спасо-Преображенский храм. В нижнем храме стоит рака с мощами основателей обители Германа и Сергия. Древний период истории монастыря утрачен, как и жизнеописания основателей-подвижников, остались только их имена.

Наше внимание привлекли также две совершенно одинаковые иконы Валаамской Богородицы: они висели рядом – одна большая, а другая совсем маленькая. На табличке можно было прочесть, что эта маленькая икона в 2005 году побывала в космосе. За всю историю космонавтики это первый случай, когда на борт корабля была взята икона.

Побывали мы и на Братском, и на Игуменском кладбищах. Я впервые увидела вместо надгробий лежащие на земле небольшие гладкие камни, покрашенные простой белой краской с восьмиконечным чёрным крестом и краткой надписью: «Здесь покоится раб Божий» – без имени и даты. Камни лежат длинными рядами, как напоминание о много раз разорённом погосте.

Гуляя по монастырю, не перестаёшь удивляться, с каким тщанием монахи устраивают не только храмы в обители, но и дороги, мосты, даже тропинки. К Игуменскому кладбищу ведёт одна из самых красивых дорог на Валааме, вдоль которой растут пихты, потом их сменяют лиственницы. Я обратила внимание на то, что меняются породы деревьев. Оказывается, это не случайно. Позже в интернете я нашла тому объяснение. В основе лежит символическое столкновение реальных деталей. Пихтовая аллея, открывающая путь на кладбище, как бы олицетворяет земную жизнь человека. Ветвистые деревья делают её густой и даже мрачной, как и наш жизненный путь, не лишённый тревог, горестей и заблуждений. Лиственничная часть аллеи олице-

творяет духовную жизнь праведников после смерти: стройные деревья тянутся высоко к небу, в ясный день солнце зажигает изумрудом зелень ветвей. На кладбище покоятся настоятели монастыря, и самые чтимые из них: игумен Назарий и игумен Дамаскин – великий благоустроитель обители и воспитатель монахов.

Наконец-то под вечер нас распределили по корпусам: расселяли в мансардном этаже полиции (в монастыре она есть), спортзале и в рабочем доме. Мы с Таней и ещё четырьмя женщинами и девушками попали в рабочий дом. Это подлинный рабочий дом для трудников, двухэтажный, построенный в XIX веке из красного кирпича в виде каре.

Сейчас в комнатах на нижних этажах ещё обитают жители поселка, а в мансардном этаже селят трудников и волонтеров. Жители, похоже, в течение многих десятилетий не ремонтировали здесь ничего: широкая парадная лестница закопчённая, расписанная памятными надписями, увитая паутиной. В местах обитания трудников сделан дешёвый минимальный ремонт: есть туалеты, раковины. В нашей комнате стояла большая печь, возле которой были навалены дрова, ещё в июне её активно топили. На острове почти везде, даже в церквях, печное отопление. Внешний и внутренний вид рабочего дома является печальным свидетельством того, в какие руки попал остров в советское время. Сейчас возле всех церквей, возле каждого монашеского корпуса, домика, в каждом дворике устроены клумбы, розарии, насажены деревья, декоративные кустарники, а возле рабочего дома, где уже более полувека живут местные жители, только вытопанная пожухлая трава и одно чахлое деревце. Когда в 1989 году для восстановления разорённой обители и налаживания монашеской жизни на остров прибыли первые четыре монаха и два послушника, он представлял собой ужасное, плачевное зрелище. И следы этого разорения ещё можно кое-где увидеть.

География приезжающих на Валаам паломников очень обширная: от Дальнего Востока до Санкт-Петербурга. Но больше всего приезжают, конечно, из ближайшего мегаполиса. Питерцы составляют половину паломников. Из нас шестерых, живших в одной комнате в рабочем доме, трое были из Питера: Варвара, бухгалтер, молодая красавица кустодиевского типа, пенсионерка Светлана, в прошлом инженер и туристка-сплавщица, и менеджер Ксения, тоже девушка. Татьяна, моя подруга, мать троих детей, воспитательница детского сада, приехала из Белоруссии, из Могилёва, Галина, учительница физкультуры, тоже мать троих детей, из Жуковского Московской области. И я – из Кемерово. В эту поездку при плотном общении с представителями разных регионов России я заметила такую яр-

кую черту нашей российской действительности как «столичноцентризм». У большинства коренных обитателей обеих столиц и прилегающих к ним городов всё, что дальше Золотого кольца представляется такой окраинной Тмутараканью. Они совершенно не различают, где там Пермь, Иркутск, Томск или Горно-Алтайск, прости Господи. Дальше МКАД – ровная, серая, безликая протяжённость без ярких вспышек и огоньков. Примерно также представляет себе Зауралье и большинство жителей европейской части России. В этом нет ни надменности, ни презрения к провинции – это такая обыденная данность. Тем не менее сибиряков на Валааме я встретила немало из Тюмени, Екатеринбургa, Горно-Алтайска. Причём они приезжали небольшими группами по три-пять человек.

Перед сном Ксюша, молодой менеджер из Питера, спросила:

– Мы вместе будем вечернее правило вычитывать?

Мы с Таней переглянулись:

– Да... будем... – не ожидали такой высоты.

Вечерние молитвы читала Ксюша очень хорошо: неторопливо, сердечно. Ксюшу мы все очень полюбили. Внешне не красавица, она представляла собой чудесный редкостный тип русской православной девушки. В Питере у неё был духовник, который руководил её духовной жизнью. Мы видели, как весь покаянный канон Ксюша вычитывала стоя на коленях. При этом она не была занудой. Ценила шутку, легко могла посмеяться над собой. Приехала в монастырь с женихом, красивым, высоким парнем. Вернее, жених привёз её на остров, сам он здесь уже бывал. На осень у них была намечена свадьба. Ксюша собиралась устраиваться на работу в школу.

– В руце Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой. Ты же мя благослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь, – завершила Ксюша молитвы.

Так закончился день первый пребывания в монастыре.

И был вечер, и было утро, и настал **день второй**. Во второй день у нас была запланирована экскурсия по монастырю, вернее, по Валаамской Палестине, которую составляют несколько скитов.

Я представляла себе, что скит – это ветхая избушка, затерянная в лесной чаще, от которой вьётся едва заметная тропка к храму. Такого скита я не встретила на Валааме. Но все они очень разные. На территорию некоторых можно свободно пройти, они не огорожены. Церковь всегда открыта. Монахи живут в каменных домах или в небольших деревянных домиках. Только на тропинках к дому братии висит табличка: «проход не благословляется». Это такие скиты, как Никольский, Смоленский, Коневский.

Ряд скитов находится на островах, их посещение паломниками ограничено. На Ильинский скит можно попасть лишь раз в году на Ильин день и то, если тебе повезёт и ты будешь приглашён каким-либо знакомым. На Ильин день там устраиваются праздничные богослужения с приглашением гостей. Но круг гостей тоже ограничен. Когда мы узнали, что наши девушки попали в этот открытый раз в году скит на праздник, мы с обидой спросили у них:

– Почему вы нам не сказали?

– Нас самих по секрету пригласили и просили никому больше не говорить, чтоб ажиотаж не создавать, – откровенно признались они.

Нам с Таней не повезло – никто не проговорился.

В некоторых скитах не благословляется посещение женщин. Например, Всехсвятский скит, подобно монастырям Святой горы, закрыт для посещения женщинами, кроме одного дня – престольного праздника. Он огорожен вокруг высокой каменной стеной, как крепость.

А на возрождающийся Предтеченский скит, славившийся самым строгим уставом и подвижнической жизнью, вряд ли кто из паломников может попасть. На Святоостровский скит организуют экскурсии за отдельную плату.

Монахи живут по послушанию, и не каждый может выбрать себе отдаленный скит. Скит населяют, как правило, три-четыре или восемь-десять монахов, в зависимости от размеров. В основном они живут на главном подворье, в братских корпусах. Те, кто живут в скитах, тоже пытаются ограничить контакт с мирскими и трудниками.

Однако некоторым из братии постоянно приходится общаться с паломниками разных полов. Существуют летние школы для волонтеров; с трудниками проводят беседы, где каждый может задать свой вопрос. А об иеромонахах и говорить нечего: они исповедуют сотни паломников за службу. Подавляющее большинство – это женщины.

Мне запомнился один эпизод, когда мы с Таней в последний день нашего пребывания на Валааме поехали на велосипеде в бухту Дивную. Впереди я заметила силуэт идущего монаха. Потом он куда-то исчез. Оглянувшись, я увидела, что он стоит за деревом, повернувшись к нам спиной, явно, чтобы избежать встречи. Хотя ещё за несколько минут до этого мы узнавали дорогу у встретившегося нам молодого послушника, тот, улыбаясь, любезно объяснил нам, как проехать к Смоленскому скиту.

Итак, возвращаемся к Валаамской Палестине. Нашим экскурсоводом была Марина – девушка необыкновенной красоты: голубоглазая с каштановыми волнистыми волосами, точёными чертами лица, изумительной кожей. На пальчике поблёскивало обручальное кольцо. Её красота оставила бы меня равнодушной, если бы на ней так внятно не лежала

печать чистоты, веры, высокой духовности. Мне даже показалось, что она вполне подходила для модели образа Богородицы. И это придавало нашей экскурсии (лично для меня) какое-то особое очарование.

Многие монастыри устраивают свои скиты как прообраз Палестины со своей горой Фавор, Гефсиманией, храмом Гроба Господня. Такая Палестина есть и на Валааме. Главный Спасо-Преображенский храм стоит на горе Фавор. В западной части острова располагаются Гефсиманский и Воскресенский скиты; в последнем есть храм Гроба Господня с Голгофой и кувуклией.

Началась наша экскурсия с посещения Коневского скита, устроенного в честь иконы Коневской Богоматери. Этот образ особо почитается на русском Севере. На иконе изображены Богоматерь с маленьким Христом, который держит два голубиных птенца, – очистительная жертва за младенца мужского пола, поэтому этот образ называют еще Голубицким. Скит расположен в окружении тихих лесных озер, заросших по берегам жёлтыми кувшинками. Простая деревянная церковь – самая маленькая на острове. У храма слева и справа от тропинки небольшие скитские домики братии с садиками и цветниками. Тишь, красота, молитвенный настрой (который, конечно же, нарушают бесчисленные паломники). Храмы во всех скитах всегда открыты и пусты. Можно заказать молебны, оставить пожертвования. Можно самим помолиться, почитать акафисты, которые есть на аналоях. Братия молится в кельях или трудится. Днём в скитах монахов практически не увидишь.

По дороге Марина показала нам форелевое хозяйство обитатели. На Валааме есть и коптильня, где можно заказать форель нужных размеров. Форель горячего копчения очень вкусная. Это настоящий валаамский деликатес.

Далее наш путь лежал в Гефсиманский сад, который являл собой образ Иерусалима. По чудесным тропинкам и лесным дорогам мы вышли к Елеонской горе, её вершину украшала пятиглавая часовня в русском стиле, освященной во имя Вознесения Господня. Здесь неподалеку в полном согласии с иерусалимской географией есть и свой Кедрон, и Мёртвое море (Лещеевское озеро). У подножия Елеонской горы находится Гефсиманский скит. Кстати, скиты называют ещё по цвету построек. Так, Гефсиманский скит называют Жёлтым. В Гефсиманском саду была погребена Богородица, поэтому скитская церковь освящена во имя Успения Богородицы. За церковью находятся два келейных корпуса. Вход на территорию скита не благословляется. Можно помолиться у маленькой часовни «Моление о Чаше».

Последняя цель нашей экскурсии – Воскресенский скит, который расположен на восточном бере-

гу острова. Построен скит из красного кирпича с высокой кирпичной же стеной. Его называют ещё Красный скит. Я с радостью узнала, что благоустроителем этого скита был известный меценат, сибирский золотопромышленник Иннокентий Сибиряков. По всей Сибири он помогал больницам, библиотекам, подарил библиотеку Жуковского Томскому университету. Здесь, на Валааме, в Воскресенском скиту на его средства построен главный двухэтажный храм с верхним Воскресенским и нижним храмом Андрея Первозванного. Иннокентий Сибиряков собирался принять постриг на Валааме, но афонские монахи уговорили его уехать на Афон. Он совершил монашеский постриг на Афоне и вскоре там умер.

Нижний храм устроен по подобию пещеры храма Гроба Господня в Иерусалиме с камнем помазания, Голгофским крестом и кувуклией.

Мы по очереди, низко склонившись или даже ползком, на коленях заходили в притвор Ангела, где находился камень, отнятый Ангелом от Гроба Спасителя, с частицей подлинного, и далее в пещеру, где стояло мраморное подобие Гроба Господня. Разрешалось всё фотографировать, ставить свечи. Было время помолиться.

Завершилась наша экскурсия в Большой Никонской бухте, куда причаливают круизные пароходы. В небольшом кафе у причала мы попробовали Валаамское мороженое, которое изготавливают из местного молока (в Валаамском хозяйстве содержится около тридцати коров). Мороженое делают трех видов: сливочное, со смородиновым джемом и шоколадное. Наибольшей популярностью пользуется сливочное.

А к причалу все прибывали суда. Вереницей одна за другой тянулись от пристани группы туристов, паломников. Я слышала французскую, английскую, финскую речь. Марина сказали нам, что за сезон, с мая по октябрь, Валаам посещают свыше ста тысяч туристов. А на сайте Валаамского монастыря есть даже цифра двести тысяч! Порой в воскресные дни приезжает по сорок групп. Сейчас основной доход монастырь получает именно за счёт туризма. И только с октября по май начинается уединённая, поистине монастырская жизнь. Немногочисленных паломников принимают лишь на Рождество и Пасху. Не всем монахам нравится такое многолюдье. Некоторые из них уезжают в более отдалённые и тихие монастыри: на Кавказ, Афон. Владыка Панкратий тоже обеспокоен наплывом туристов и паломников. Он даже высказывался за то, чтобы каким-либо образом регулировать число посетителей – и уникальная природа уже не выдерживает стотысячного наплыва туристов, и монахам тяжело.

К вечеру того же дня для желающих за отдельную плату была организована ещё одна экскурсия

на Святой остров. Захотели поехать все. Это знаменитейший остров, с которого, по преданию, и начинался в X веке монастырь, здесь при основателях монастыря Сергии и Германе находился первоначальный Свято-Троицкий монастырь. Здесь же в XV веке подвизался великий русский святой Александр Свирский, основавший позже монастырь на реке Свирь.

Поплыли мы на открытом рыболовецком катере, довольно уютно по сравнению с «Метеорами» и парходами. Погода стала портиться, солнце заволкло тучами, начал накрапывать дождь, усилился ветер. Погода на Ладоге коварна: в одночасье безмятежную морскую прогулку в солнечный день может превратить в отчаянную борьбу с водной стихией. Ближние берега и острова затянула серая пелена. Вот из тумана стали вырисовываться крутые скалистые берега Святого острова, со стройным порядком елей и сосен. Когда нас высадили на причал, катер отошёл от берега и лёг в дрейф, поскольку поднялись большие волны, бившие его о причал. На самом острове, густо поросшем густым сказочным лесом, ветер приутих. Моросил дождь. Мы пошли к церкви Александра Свирского мимо небольших скитских домиков, окружённых кустами красной смородины, маленькими огородиками, цветниками. Разувшись, зашли в церковь.

– Давайте прочитаем акафист Александру Свирскому, – предложила Марина.

Немногочисленные добровольцы по очереди неумело, часто запинаясь, читали акафист, а мы стояли вокруг, вглядываясь в лица святых на иконостасе, кто-то писал записочки, заказывая молебен. За окнами накрапывал дождь, зеленел лес. Это была какая-то чудесная минута, в которой мы, незнакомцы, приехавшие из разных уголков России, духовно, единоверчески соединились не только друг с другом, но и с глубокой святой древностью, поколениями монахов-подвижников, которые, как драгоценный дар, обустроили, сохранили, восстановили и преподнесли Богу и нам этот дивный остров. На Валааме потом я не раз испытывала такие удивительные переживания подлинной, пронзающей времена соборности и приобщённости к великому очагу духовности. Эти переживания возникали во время богослужений, при посещении храмов и просто во время прогулок по монастырю. Наверное, это самое драгоценное, что даёт Валаам и ради чего стоит посетить его.

Рядом с церковью мы увидели небольшую узкую канавку, обложенную замшелыми камнями – это могила, которую вырыл себе сам Александр Свирский, в знак вечного памятования о смерти. Рядом стоит поклонный крест. Александр Свирский отбыл потом на реку Свирь, открытая могила так и осталась, монахи сохранили её. На острове осталась

также и пещера, в которой спасался этот подвижник. В пещеру можно было зайти, ненадолго остаться в ней одному, помолиться, сфотографировать. Пещерка обложена плоским камнем, в ней несколько икон, зажжены свечи. Находиться там можно было только одному человеку, и то согнувшись или на коленях. Мы долго и терпеливо стояли в очереди так, чтобы все могли побыть в пещерке и помолиться там. Потом можно было немного погулять по острову. Небо стало очищаться.

Вдоль берега вьётся золотистая тропка, она то взлетает на отвесный берег, то сбегает к прибрежным камням, то проходит по деревянному настилу над пропастью. И с каждым поворотом открываются чудесные виды, один краше другого: блестит между иглами и золотыми ветвями вода; с выступающего далеко в озеро каменистого мыса бредут одна за другой к воде сосны. Вот разливаётся широкая Ладога с манящими островками и тающими в дымке едва заметными дальними берегами. На чёрных камнях ближнего острова вздымается могучий лес. И думается, почему Александр Свирский бежал от этой Божественной красоты в тёмную и узкую пещерку, где неверным светом мерцали маленькие свечи, роняя блики на чёрные грубые камни? Неужели и Божественная красота отвлекает от самого Господа и рассеивает ум и молитву?

Когда мы подошли к причалу, над Ладогой во всю ширь уже сияло солнце, тучи ушли за горизонт.

– Вот видите, мы помолились Александру Свирскому и дождь прекратился, – радостно улыбалась Марина.

Кстати, Марина как-то предупредила нас:

– Будьте осторожны с желаниями – на Валааме они сбываются.

Всю обратную дорогу нас преследовала стая чаек. Словно цирковые, они ловко ловили на лету брошенный им хлеб и другую еду. Вокруг катера их собиралось всё больше и больше. Когда капитан предупредил нас, что не надо кормить чаек, было уже поздно: кое-кто стирал со своей одежды птичьи метки. Чайки преследовали нас до самой Монастырской бухты.

После экскурсии небольшой компанией мы совершили прогулку на мыс Земляковский. Красота валаамской природы восхитительна, в особенности бухт и мысов, где земная, водная и небесная стихии соприкасаются. У горизонта небо и вода сливаются в нежной голубой дымке. Скальная порода, на которой стоит Валаам, называется габбро-долерит – это иссиня-чёрный камень с геометризированной структурой – он раскалывается и дробится по прямым линиям. Сам по себе камень живописный, скульптурный. Каменные плиты мысов образуют большие гладкие поверхности, естественные уступы и ступени, спускающиеся к синей, спокойной

воде. Трещины и борозды на плитах сплетаются в живой рисунок. Эти чудесные каменные изваяния в сочетании с зеленью и лазурью Ладоги создают впечатляющие картины. Что может Господь уготовить прекраснее этой дивной природы!

И был вечер, и было утро, и настал **день третий**.

На третий день начались наши трудовые послушания.

Но прежде с утра мы с Татьяной пошли на полунощницу – так называется ранняя братская служба в монастырях. Она начиналась в пять часов в верхнем храме Спасо-Преображенского собора. Северное белёсое утро, тишь, немногочисленные паломники, устремляющиеся на службу. Храм светлый, высокий. В окружении тянущихся вверх мощных столпов чувствуешь себя чуть-чуть ребёнком. В церкви по старинному благочестивому обычаю женщины стоят слева, мужчины справа. Иногда некоторые женщины по неведению забредают на правую сторону, но никто на них не шипит, не тащит их на «женскую» сторону. Монахи всё делают не торопясь, сосредоточенно: не они для времени, а время для них.

Позже всякий раз, когда нам позволяло время, мы ходили на молебны, которые служились почти каждый день в 13:30 в нижнем храме: иконе Валаамской Божией Матери, Всецарице, преподобным Сергию и Герману, преподобному Антипе. На Валаамских молебнах поют не только монахи, но и молящиеся. В хоре молящихся всегда выделяются красивые женские голоса, которые уверенно ведут мелодию. Чувствуется, что эти женщины поют в церковных хорах. Когда начинается миропомазание, монах берёт горящую лампадку и помазует всех маслом прямо из горящей лампадки.

На Валаам члены нашей группы приехали как трудники, купив путёвку «Неделя на Валааме». Нас там называли почему-то «линейками». Настоящие трудники приезжали без путёвок, работали очень много во славу Божию, жили отдельно в гостинице. В эту гостиницу мы с Таней и отправились на послушание. Мы поступили под начало Татьяны, внешне строгой, мало улыбочливой управляющей гостиницы или горничной. Татьяна была тоже трудницей из Тюмени, нам она понравилась.

– Чай пить будете? – Татьяна всегда начинала разговор о послушании с предложения попить чай. Потом говорила: – Помолитесь, девочки, и начинайте.

Работа была простая: мыть пол, двери, стирать пыль, чистить кафель в ванне и туалете – обычная женская канитель. Часто Татьяна освобождала нас раньше. Или вообще отпускала:

– Сегодня не послушаемся.

Когда в первый день Татьяна после обеда освободила нас от послушания, нам даже стало неудобно. Некоторые наши коллеги-трудницы целыми

днями работали в жару на огородах или в садах. Мы с подругой сами придумали себе послушание: пошли гулять к ближайшему Никольскому скиту и прихватили с собой перчатки и пакеты для мусора. Собирали по дороге окурки, обрывки бумаги и другой мусор. Почему-то нам было радостно выполнять эту работу.

Я не раз посещала монастыри в качестве скорее туристки, а не паломницы, и всегда завидовала тем людям – девушкам, женщинам, которые чувствовали себя там «своими». Они были явно заняты какой-то работой, деловито сновали от корпуса к корпусу, озабоченно обсуждали друг с другом или монахами какие-то проблемы. И вот теперь я тоже, пусть на небольшой срок, влилась в жизнь монастыря: работаю здесь, хожу на богослужения, гуляю, где хочу (и где можно). Все семь дней я ощущала постоянную радость, даже – я решусь сказать это слово – ликование! У меня странным образом не возникало чувство гостя – я не гостила, я жила в родном доме.

Кроме работ, связанных с уборкой помещений и территорий, женщины трудились на кухне (в основном чистили овощи), пололи монастырские огороды, собирали ягоду, ухаживали за цветниками, мужчины рубили дрова, разгружали катера и пароходы. Послушания выбирались преимущественно по желанию – если было возможно.

Вечером этого дня согласно программе была запланирована беседа с иеромонахом Виталием. Мы все с желанием отправились на эту встречу, ведь можно было, так сказать, в неформальной обстановке пообщаться с одним из монастырской братии, задать ему свои вопросы. Мы собрались в павильоне на причале. Он был переполнен. Зашёл невысокий монах средних лет, чёрные с проседью длинные волосы были собраны в хвостик. Он снял чёрную трикотажную шапку и негромко произнёс:

– Сестры, братья, давайте помолимся.

Мы встали, пропели «Царю небесный». Отец Виталий начал разговор о самом распространённом, с его точки зрения, современном грехе – грехе гордыни.

– Современный человек старается жить по своему разумению, по своему уму, он думает, что сам устроит свою жизнь. А сам – это значит, без Бога. И когда в его жизни начинаются нестроения или что-то рушится, он чаще не может разобраться в сути того, что происходит.

Его вступление было не длинным. На всём его облик – речи, жестах лежала уже знакомая мне печать неторопливости, несуетности, внутренней собранности, которая сразу отличает монашеский дух от мирского. Отец Виталий предложил задавать вопросы, чтобы дать возможность разрешить свои недоумения. Вопросов было очень много. Люди задавали в основном вопросы, связанные со своими

личными жизненными обстоятельствами, родственниками и близкими. Встреча длилась более двух часов. Пока не иссякли вопросы, отец Виталий был с нами. Потом мы опять помолились: «...без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

И был вечер, и было утро, и настал **день четвёртый**.

На четвёртый день до обеда мы делали уборку в гостинице, а после обеда отправились на экскурсию в Смоленский и Всехсвятский скиты. Экскурсоводом нашим опять была Марина.

К Всехсвятскому и Смоленскому скитам мы шли по прекрасной дороге, обсаженной монахами ещё в позапрошлом веке дубами. Здесь тридцать три дуба. И теперь, поднявшись к небесам, они образуют своеобразную торжественную колоннаду. О растительности Валаама можно говорить бесконечно. Без преувеличения: монахи вели здесь научно-селекционную, ботаническую работу. Одних яблонь в садах было выращено шестьдесят сортов. По дороге нам встретилась знаменитая Шишкина сосна – старинное разлапистое дерево, которое рисовал некогда сам Иван Шишкин. Будучи студентом художественной Академии, он приезжал на Валаам, много рисовал здесь, в том числе и эту сосну.

В Смоленском скиту мы увидели наших девушек, которые копались на клумбе. Они не захотели идти ни на какие экскурсии ради этого послушания. Очень хорошие отношения сложились у них с монахом Викториним, под начало которого они поступили. Мы позвали их:

- Пойдёмте с нами на экскурсию.
- Нет-нет, нам некогда, – отмахнулись они от нас.

Потом девушки с восторгом описывали своё общение, трапезы с отцом Викториним. Трудницы готовы были работать в скиту и в свободные от послушания дни. Но Викторин наградил каждую большой копчёной форелью и отказался. Подоплёкой его отказа было именно желание уединения: не полезно монаху много общаться с мирскими. Монаха Викторина мы мельком увидели, он давал какие-то распоряжения девушкам: среднего роста, худощавый, с седоватыми волосами, собранными сзади в пучок, с лёгкой улыбкой на губах. Девушки сказали, что ему пятьдесят четыре года.

Смоленский скит был устроен на Валааме самым последним в канун крушения Российской империи. Его сердцем является удивительный храм иконы Смоленской Богоматери. Он воздвигался как мемориальный храм для ежедневного поминовения русских воинов, «на поле брани живот свой положивших». Образ Богоматери Смоленской считается заступницей русского воинства. Идея эта принадлежала великому князю Николаю Романову – верховному главнокомандующему русской армией во

время Первой мировой войны. Белокаменный храм был завершён в 1917-м, когда уже шла первая мировая война и вот-вот должна была начаться революция. По замыслу, двенадцать схимников каждый день должны были проводить поминальные службы. Храм был разрушен, как и многое другое на Валааме, и восстановлен в прежнем облике в 2007 году. Братия по мере сил стараются продолжать традицию и ежедневно поминает русских солдат, погибших во всех войнах XX столетия. В храме хранятся также блокадные книги и поминаются погибшие во время блокады Ленинграда. Неподалеку стоит очень скромная деревянная часовня царственных мучеников. Мы тоже зашли в неё помолиться.

О Всехсвятском ските можно сказать очень коротко: нас, женщин, туда не пускают, за исключением одного дня – престольного праздника. Поэтому мы написали записочки, вместе с деньгами положили их в ящик, прикреплённый к высокой железной ограде. Попили водички из святого источника, которую мужчины принесли в ведре из скита, и отправились восвояси.

Всехсвятский скит называют ещё Белым, так как он по виду напоминает белокаменную крепость: окружен, как уже говорилось, высокой стеной-каре с островерхими башенками по углам, за стеной поднимаются главы белокаменной церкви. Вокруг скита – обширный сад, в котором растёт много красной смородины. И некоторые наши трудницы работали здесь, собирая смородину вместе с монахами этого скита.

Один из местно чтимых святых, старец Антипа, был насельником Всехсвятского скита. Чтобы паломники имели доступ к могиле старца, его похоронили вне стен скита, у западного входа. Как нам сказала Марина, Антипа был утешителем именно женщин. Они приходили к нему со своими скорбями и находили сердечную любовь и душевное утешение. Могила старца была вскрыта в 60-е годы местными «безбашенными» жителями. Не найдя драгоценностей, они засыпали её землёй, оставив надгробную плиту сдвинутой в сторону. Земля на могиле со временем просела, позже это помогло определить место захоронения старца. Когда мощи открыли, от них исходило благоухание, что является явным свидетельством святости. В 1991 году мощи Антипы перенесли в нижний храм главного Спасо-Преображенского собора. У его раки регулярно служатся молебны. А у ограды монастыря осталась пустая могила – кенотаф.

На следующий день в пятницу мы с Таней планировали причаститься. В комнате вычитывать каноны было невозможно, поэтому мы с ней разделились, каждая отправилась искать свой пустынный уголок для молитвы. Я нашла его на берегу залива неподалеку от Никольского скита. Наверное, не первая

я читала здесь над водами Ладоги: «Ныне приступих аз грешный и обремененный к тебе, Владыце и Богу моему; не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя: даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько...».

И был вечер, и было утро, и настал **день пятый**.

С раннего утра мы с Татьяной отправились на литургию. На Валааме я впервые получила возможность участвовать в монастырских службах. Храм был полон народа. Звучал знаменитый валаамский распев. Валаамский стиль – это северорусская переработка древнего знаменного распева. Его отличает простота, строгость и в то же время захватывающая душу своеобразная красота.

К батюшкам или, точнее сказать, принимающим исповедь иеромонахам выстраиваются большие очереди. Иногда у аналоя исповедники стоят по полчаса и больше – их внимательно выслушивают, не торопят. После исповеди священники готовы ответить на вопросы, которые есть у исповедника. Мне показалось, что иеромонахи при всём внимании к исповеднику исповедуют без особой строгости, как это можно было бы предположить. Никакой напускной грозности, хмурости в лицах, они не задают вопросов, которыми можно было бы уловить какой-то скрытый грех. Напротив, у них спокойные открытые лица, они могут даже улыбнуться. Мне кажется, в них есть большая доля снисходительности по отношению к мирянам. Но это не снисходительность высшего по отношению к низшему, а скорее снисходительность мудрой матери по отношению к ребёнку. Как я потом узнала, меня исповедовал иеромонах Гурий из Валаамского подворья в Петербурге, обладатель необыкновенной яркой татарской внешности. Он производил впечатление скорее рассеянного, нежели сурового монаха. Очень волновалась. После исповеди он задал мне только один вопрос:

– Причащаться будете?

– Да.

Отец Гурий прочёл разрешительную молитву.

На литургии служил владыка Панкратий, настоятель монастыря. После причастия он произнёс проповедь. В проповеди затронул украинскую тему и призвал верующих молиться о мире на Украине.

Во время причастия вся церковь с хором братии поёт «Тело Христово примите...». Потом хор умолкает, и поют только прихожане. Если пение прихожан сбивается или затихает, хор снова вступает. Также и на молебнах верующие поют с монахами: молящиеся дополняют или повторяют какие-то молитвы, а общеизвестные молитвы – полностью поют верующие.

Молитвенное стояние в храме на отдалённом северном острове, куда со всей России собрался православный народ, дарит глубокое переживание

сопричастности великой духовной истории, прообразу «Святой Руси», – это глубинные, внешне почти никак не проявляющиеся радость и торжество.

Татьяна опять освободила нас от послушаний. К моей подруге приехали муж и дочь из Могилёва, поэтому я оставшееся время провела в прогулках, размышлениях и разговорах с паломниками.

Вечером мы пошли с девушками в душ, который находился неподалёку от рабочего дома в строительных вагончиках. Проходили мимо клуба. Местные жители каждую неделю устраивают дискотеки. Гремела музыка, молодые люди тянули из бутылок пиво, курили и матерились – всё как обычно. Очень не вязалось это с монастырской обстановкой. Присутствие местных жителей – тяжёлое испытание для монахов. Когда на базе разоренного монастыря устроили приют для инвалидов Отечественной войны, здесь возник посёлок, где жили работники этого приюта. Посёлок разросся, ко времени возврата строения монастыря и начала возрождения обители здесь уже прописались несколько сотен местных жителей, которые жили в бывших монастырских кельях и ни в чём не хотели считаться с монастырским уставом. Постепенно монастырь стал их отселять, покупая им квартиры в ближайшем городе Сортавале. Но до сих пор они есть, живут обычно мирской жизнью. Очень колоритно выглядела директор и единственный сотрудник местной почты, расположенной во внешнем каре монастыря. Жила она в рабочем доме. Молодая женщина с татуировками на многих частях тела ходила на работу в коротких шортах с дымящейся сигаретой в одной руке и поводком с собачкой в другой. К своему удивлению и радости, я увидела её однажды на всенощной в юбке и косыночке, игривый хвост был аккуратно заплетён в косу.

В этот день у нас поменялся наставник, Владислав уехал в Питер, и к нам пришла Анна. Владислава я бы назвала теплохладным, а Анна была горячей. Главной её обязанностью было не только распределение послушаний среди трудников, она была замечательным экскурсоводом, в чём мы потом убедились. На следующий день Анна пригласила нас на экскурсию в соседний Никольский скит, в котором мы, конечно, уже не раз были, но пойти на экскурсию с Анной захотели многие.

Так закончился день пятый. И был вечер, и было утро, и настал **день шестой**.

С утра у нас были послушания, как обычно, уборка, чистка ковров и кафеля в гостинице. А после обеда мы отправились с Аней на экскурсию. Собирались обычно у северной арки внешнего каре центрального подворья – для непосвящённых звучит как зашифрованное место встречи.

Поскольку в первый день с дороги и в жару наша экскурсия с Владиславом напоминала тяжёлое по-

слушание, мы мало что помнили, и теперь стали задавать Ане вопросы: «что за церковь?», «когда рабочий дом построили?», «был ли он всегда рабочим домом?»

– Вам не проводили экскурсии по центральной усадьбе? – удивлялась Аня. Владислав и правда был не особенно ярким рассказчиком.

– Проводили, но мы были в таком состоянии... Мало что запомнили.

– Ладно, повторим, – легко согласилась Аня.

Она подробно рассказала нам о рабочем доме, в котором мы разместились и где, как уже говорилось, ещё жили местные жители. Потом сводила нас в новую церковь Богородицы Живоносный источник. Это бывший больничный храм, который теперь предназначен и для братских молитв. Мы посетили летнюю гостиницу, где тоже есть храм. Росписи во всех новых храмах выполнены в византийском стиле, очень высокого уровня. Особо Аня выделила бригаду иконописца Иванова. А вот интерьер летней гостиницы – по замыслу роскошный, но абсолютно безвкусный.

– А для чего в монастыре спортзал? – спросили трудницы, которые жили в спортзале. – Может, монахи фитнесом занимаются?

– Нет, – улыбнулась Аня. – Это спортзал школы, где учатся пятнадцать детей местных жителей. Но, может, надо и монахам заниматься спортом. Они подолгу стоят на службах, скрючившись, много часов проводят у аналоя, выслушивая исповедников. У них есть проблемы со здоровьем. К тому же в Ладоге слабо минерализованная вода, поэтому у братии страдают кости, крошатся зубы.

Из уст Анны, мы узнали ещё много интересного о валаамском и о современном монашестве в целом.

В монастыре сейчас спасается около двухсот монахов и послушников, а до революции их было свыше тысячи. На русском Севере существовала благочестивая традиция по возможности отдавать старшего сына хотя бы на год в монастырь.

Как можно было понять, Анна являлась своим человеком на Валааме, она работала главным методистом экскурсоводов – сертифицировала гидов, оценивая их профессиональные качества. Нужда в гидах была очень высока: на сезон их требовалось около 200. Анна была знакома и с настоятелем Панкратием, и с игуменом Мефодием, искренне восхищалась ими:

– Если бы вы знали владыку Панкратия, отца Наума, игумена Мефодия, вы бы просто сразу побежали к ним за духовным окормлением. Они такие необыкновенные! – сказала она нам.

Мы попросили Анну немного рассказать о настоятеле монастыря Панкратии.

Анна с удовольствием исполнила нашу просьбу.

Будущий владыка, в миру Владислав Жердев, очень рано обрёл веру. И для него это стало переломом в жизни. У него был диплом архитектора, работа в издательстве (в Душанбе). В одночасье он оставил всё это и стал работать сторожем при церкви. Весь дальнейший путь его был связан с православной церковью. Когда Панкратий побывал впервые на Афоне, он был потрясён подвижнической жизнью монахов, написал прошение с просьбой перевести его на Афон. Патриарх Алексий по-другому решил его судьбу.

– Вы хотите на Южный Афон, – а я предлагаю вам поехать на Северный, наместником возрождающегося Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, – сказал он при личной встрече.

И так в 1993 году Панкратий оказался на Валааме. Возрождение монастыря началось ещё до Панкратия. В 1989 году на Валаам прибыли четыре монаха и два послушника и стали налаживать монашескую жизнь. Когда владыка прибыл в монастырь, он был сокрушён увиденным. Везде разруха, облупленные стены, страшные чёрные леса, в которые был тогда одет огромный Спасо-Преображенский собор. Ужасные бытовые условия. «Всё, – думал владыка, – помру я на этих руинах». Кельи монахов в братском корпусе перемежались с квартирами, в которых жили миряне. Те и не думали считаться с благочестивыми монашескими правилами. Соседем владыки, например, был известный валаамский хулиган, у которого были свои «всенощные бдения» – пьянки, блатная музыка, громкая ругань матом.

Но постепенно монастырская жизнь стала налаживаться. Владыка, согласуясь со своим собственным опытом, считал, что и другие, раз решив посвятить себя Богу, стать монахом, уже не свернут с этого пути. Поэтому он довольно быстро постригал послушников в монахи. И случилось так, что монахи, пробыв и пять, и семь лет в монастыре, уходили из обители, нарушали монашеские обеты, женились, что было, конечно, прискорбно для настоятеля. Сейчас, как сказала нам Анна, пострижение в монашество – очень долгий и даже не лишенный некоторых бюрократических процедур путь. Если раньше вопрос о пострижении монаха решался в стенах монастыря по благословению настоятеля, то теперь все гораздо сложнее. Сначала собирается совет духовников, который рекомендует того или иного послушника к пострижению. Далее делается запрос в Синодальный отдел по монастырям и монашествующим, который расположен в Москве. Туда же послушник посылает свое «резюме», и там окончательно решается вопрос о пострижении.

– Анна, а можно задать Вам «страшный» вопрос? – решила я спросить у нее.

– Да.

– А правда, что на Валаам часто приезжает Путин? – разговоры об этом велись среди паломников.

– На самом деле это не страшный вопрос, – улыбнулась Аня.

– Ну, вдруг это государственная тайна.

– Об этой государственной тайне становится известно за неделю до визита Путина. На Валаам приезжает большое количество охраны. На колокольню вешают особое устройство для спецсвязи. Да, это известно: он любит Валаам и давно ездит сюда.

– Часто?

– Ну, может, раза два в год. Последний раз был в мае.

Зимой, когда народу мало, он ходит на службу в храм без охраны, как обычный прихожанин, причащается. Дети узнают его, подбегают к нему.

– А вы его видели?

– Да, видела.

– Подбежали?

– Нет, – рассмеялась Аня.

Позже мы побывали во Владимирском скиту, о чём подробнее будет написано ниже. Нам это напрямую не говорили, но ясно, что он построен и освящён в честь небесного покровителя Владимира Путина – святого благоверного князя Владимира. Кроме того, во Владимирском скиту есть церковь, освящённая в честь мученицы Людмилы Чешской, тоже понятно, чьей небесной покровительницей она является. Всё это свидетельствует о том, насколько действительно тесные связи у президента с Валаамским монастырем.

Как нам потом сказали другие просвещённые паломники, Путин иногда приезжал сюда с политиками других стран, называлось имя, кажется, Сильвио Берлускони. Недалеко от центрального подворья на полях есть вертолётная площадка, видимо, и для спецрейсов в том числе. Несколько дней спустя, когда мы уже покидали Валаам и селились на пароход, над пристанью появился вертолёт.

– Дождались! Мы его дождались! – шутили девушки, помахивая вертолёту руками.

За разговорами мы дошли до Никольского скита. Никольский скит расположен на небольшом очень красивом острове, с выдающимися в Ладогу затейливыми каменистыми мысами. Мостками скит соединён с центральной усадьбой. Миниатюрный шатровый храм, который увенчивает этот живописный остров, построен был известным архитектором Горностаевым в так называемом псевдорусском стиле. В центральной усадьбе, кстати, стоит двухэтажный домик Горностаева, который архитектор построил для себя – без всяких архитектурных излишеств. Там теперь аптека и зубной кабинет для братии.

С паперти храма открывается прекрасный, почти морской вид на разлившуюся до горизонта Ладогу.

Неподалёку на причале стоит яхта «Паллада». Анна сказала нам, что эту яхту подарил монастырю Путин ещё в то время, когда из-за разрухи в монастыре негде было остановиться патриарху. На «Палладе» были более менее приличные условия. К яхте прилагался «комплект» горюче-смазочных материалов на каждый год, который теперь обеспечивает монастырский флот всю навигацию. Топливо для судов – очень дорогая статья расходов.

В субботу вечером накануне праздничной воскресной литургии проходит всенощная. Монашеские всенощные очень длинные, по четыре с половиной – пять часов, начинаются с 7 вечера. Храм полон желающих исповедоваться. Кроме паломников, съезжаются и сотрудники со всех скитов. Исповедь длится и после того, как служба закончилась. В предпраздничные дни, как нам говорили, бывает и до двух-трех часов ночи исповедуют. Моя очередь на исповедь в субботу вечером подошла после двенадцати часов ночи, когда служба уже закончилась. Получив благословение, я спросила, могу ли я задать вопрос.

– Да, – с готовностью ответил мне молодой иеромонах.

Я задала жгучий для меня вопрос, который в ответе иеромонаха получил самое благоприятное разрешение. Я была ему очень благодарна.

И был вечер, и было утро, и настал **день седьмой**.

Воскресным утром все собираются на литургию в Спасо-Преображенский храм. В этот день даже трапезные с утра не работают, завтраком никого не кормят, так как насельники, паломники, трудники и гости идут на службу. А после литургии у нас была экскурсия во Владимирский скит, который возведён совсем недавно, в 2008 году. Раньше его не было. На Валааме разрешено строить только на старых фундаментах, и этот скит возведён на фундаменте завода, добывавшего прежде какую-то особенную синюю глину.

О подоплёке посвящения главной скитской церкви Святому Владимиру я уже говорила. Как пошутила одна паломница, – это самый «навороченный» скит. Он представляет собой затейливый ансамбль в древнерусском стиле, в котором слиты во едино несколько церквей, музейные помещения и въездная арка. Спроектировал и построил его близкий к высшим кругам архитектор Анисимов. В украшении ансамбля использованы и позолота, и мозаика, и резьба. Внутри богатые интерьеры, сочетающиеся с яркими росписями. Храмы, за исключением одного, расписывали супруги москвичи Николай и Наталья Богдановы. По мнению нашего

экскурсовода Ирины, они перенасытили цветом росписи, и получилось излишне цветисто. Возможно, она права, но на Руси всегда любили чистый, яркий, открытый цвет. Особняком стоит роспись храма Всех Святых, в земле Российской просиявших. Ирина сказала, что он расписан бригадой иконописцев из Польши.

– Не спрашивайте меня, почему из Польши, – сразу решительно пресекла она все наши вопросы. – Я вам ничего пояснить не могу.

Польские паны следовали сугубо древневизантийской манере письма, поэтому у русских святых получилась характерная для византийской школы изображения восточная внешность с огромными глазами и крупными носами.

Иконостасы в храмах очень нарядные, с затейливой резьбой. Такие изысканные иконостасы украшают все церкви Валаама.

– Их заказывают в Греции, – пояснила Ирина. – Там разработана современная компьютерная технология изготовления резных иконостасов. Они очень дешёвые.

В одном из переходов висела доска с выбитыми на ней имена спонсоров – почему-то исключительно женских, среди них фамилия Абрамович, кажется, Ирины.

За скитом расположена патриаршая резиденция: обширная русская изба в стиле модерн. А за ней домик президента – его не видно, об этом нам сказала Ирина. К резиденции патриарха не подойти. Просто из дома выходит прогуляться мужчина в штатском.

Мы ознакомились с экспонатами музея. Особенно интересны были старинные фотографии Валаама, показывающие повседневную жизнь монастыря на рубеже XIX-XX веков. У персонажей серьёзные сосредоточенные неулыбчивые лица, сдержанные жесты. Там нет откровенно позирующих, они все заняты какой-то работой.

Мне показалось, что в своём роскошном блеске и лоске скит несколько инороден для Валаама. Как нам сказала Ирина, в этом ансамбле комплекс из трёх храмов, крестильни, иконописной мастерской, музея и братского корпуса. Но при этом скит производит впечатление пустынного, необжитого.

Наступил последний вечер нашего пребывания в монастыре. В этот вечер мы с Таней решили посетить бухту Дивную. Нам сказали, что нельзя покидать Валаам, не посмотрев этот красивейший уголок. Мы взяли напрокат велосипеды и отправились в путешествие. Бухта, действительно, дивная, но не более дивная, чем множество других заливов, мысов и бухт. В природе, воздухе Валаама разлит плохо передаваемое словами, но внятное ощущение благодатной «инаковости». Такое чувство, что молитва монахов мистическим образом преобра-

жает природу. Как будто Святой остров уже чуть-чуть оторвался от земного существования и прозябает своими ростками в мир горний.

Валаам одинаково принимает всех – просто туристов, волонтеров, трудников, паломников. Принимает истинно по-христиански: со смирением и любовью. Для всех по-разному готовых к встрече со Христом и совсем не понимающих, куда они попали, Валаам открыт. Существуют программы для разных категорий, прибывающих на остров. Любой человек, даже далекий от веры, может войти в жизнь монастыря настолько, насколько он сам захочет, монастырь предоставляет такую возможность. Например, среди волонтеров могут быть даже некрещёные и неверующие, которые просто хотят познакомиться с жизнью монастыря. В интернете есть очень интересный полуторачасовой фильм «Записки волонтера. 21 день на Святой земле». Снят волонтеркой, которая имеет режиссёрский навык, он даёт полное представление о волонтерстве на Валааме, да и о монастыре. А ещё можно посмотреть фильм «Валаам – ступень к небу». Аня сказала нам, что это лучший фильм о Валааме, снятый самими монахами.

Поражает также мудрое понимание и принятие человеческих нужд – от самых простых до самых высоких. Когда поехала в монастырь, то думала, что там будет такая аскеза, что и купаться-то не благословят. Я даже купальник не взяла. Ничего подобного. В свободное время можно было купаться в специальных местах – на Владимирском мостике. А что касается дальних берегов, где нет скитов, так купайся в любом месте. На Валааме работает туристическое бюро, где можно взять напрокат велосипед. Велосипед мы брали, как я уже говорила, для прогулок по острову. Но на вечерние службы в отдалённые скиты паломники тоже ездили на велосипедах. В этом же бюро можно заказать и прогулки на катерах по акватории острова, и пешие экоэкскурсии. В то же время для тех, кто настроен высокомысленно и приехал на Валаам исключительно за духовным окормлением – всё для этого уготовано: службы, молебны, литургии, беседы с монахами, паломничество по скитам. А можно просто заказать гостиницу и жить на Валааме так, как ты хочешь, участвовать в жизни монастыря, следуя своей программой.

На восьмой день мы уезжали. Постоянная радость, которая горела внутри, стала притухать. С утра я помыла пол в нашей комнате и пошла на Игуменское кладбище. Мне хотелось поклониться великим старцам, помолиться на могилах благоустроителей монастыря, благодаря которым существует эта несущая радость и свет обитель.

И вот уже наш пароход отходит от причала. На отдалёющейся пристани – оставшиеся друзья, экс-

курсовод Аня. Иеромонах Гурий благословляет паломников, широко крестя их:

– Послушание, главное – послушание, – напутствует он кого-то напоследок.

Уже на пароходе некоторые паломницы преобразились. В монастыре мы все ходили в длинных юбках, платочках или косыночках. Теперь же простоволосые, в тёмных очках, бриджах, шортах и джинсах современные женщины с улыбками поглядывали друг на друга.

– Как всё изменилось. Некоторых и не узнаешь! – изумлялась Лена из Тюмени.

Чудесная погода сопровождала нас всю неделю, за исключением нескольких часов на Святом острове. И теперь напоследок путешественники наслаждались восхитительными видами залитой солнечным светом Ладоги. Мы, несколько малознакомых мужчин и женщин, устроились на лавочке на открытой палубе парохода. И завязался долгий, очень глубокий и сердечный разговор о монашеской жизни, о праведниках, об Иисусовой молитве, о путях спасения. Это было своеобразным послесловием поездки.

Воспоминания о Валааме ношу в сердце как драгоценность.

После Валаама я посетила еще Псков, Изборск, Пушкинские горы, Псково-Печорский монастырь в Печорах – известные и любимые туристами и паломниками места. Я не планировала что-то писать об этой части своего путешествия, но один исторический памятник так поразил моё воображение, что свой очерк я решила завершить рассказом о нём. Речь идёт о Спасо-Преображенском соборе Ми-

рожского монастыря Пскова, в котором сохранились домонгольские фрески XII (!) века. Число «12» может и не всех впечатлит. Но на минутку: в храме сохранилось более восьмидесяти процентов древних росписей, они выполнены греческими мастерами, причём не провинциальной, как в Киевской Софии, а столичной школы. Отсюда изысканные линии, потрясающий колорит. Горит ляпис-лазурь, зеленеет малахит, пламенеет киноварь – и это спустя восемьсот лет! Византийских росписей такой сохранности крайне мало на территории самой бывшей Византии, их вообще не более десятка на всей планете имеется. Это уникальнейший для мировой культуры памятник. Сейчас здесь музей. Мне повезло: я попала в монастырь в ясную погоду. В дождь дверь запечатывается – в храм никого не пускают. Девушка-экскурсовод сказала мне, что порой люди прилетают из Австралии специально посмотреть на эти фрески. Стоят перед закрытой дверью и плачут, но пустить их внутрь не могут из-за погодных условий. Ну вот, из Австралии прилетают, а ажиотажа среди своих соотечественников я что-то не наблюдала. Напротив, в соседнем действующем храме монастыря крайне недовольны присутствием музея в церкви и даже не благословляют своих прихожан туда ходить. Очереди из желающих посмотреть на фрески тоже не было. Я вспоминаю церковь дель Арена в Падуе, в Италии, расписанную Джотто, но позже лет на семьдесят. Мы туда поехать не могли из-за отсутствия билетов.

В Спасо-Преображенский храм Мирожского монастыря билеты в продаже пока имеются целый день.

Кемерово, 2014 год



Руслана ЛЯШЕВА

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ДУХ

Как-то на остановке долго не было трамвая, скопилось много пассажиров – жильцов многоэтажек и студентов-практикантов из 64-й клиники. Пожилая женщина нервничала, студенты шутили о пустяках, я разглядывала птиц на газоне. «Слушайте, – обратилась к студентам, – что за птица? Кто знает? Вроде похожа на воробья, но крупнее, и хвост, смотрите, длиннее!»

Все с любопытством уставились на пернатых, но помалкивали: не знали. Один парень неуверенно изрёк: «Какая-то... перелётная?!» Подкатил трамвай, забыли о птичках и ринулись на штурм дверей.

Мы, горожане, кроме ворон, голубей и воробьёв, не знаем никаких пернатых, обитающих в рощах, скверах и дворовых зарослях. Птичка же была сойка, как подсказала позднее пенсионерка-зоотехник. Не лучше обстоит дело с деревьями в зелёных массивах Москвы. В июле 2014 года я, полюбившись картинами и скульптурами студентов Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, вышла из Манежа и присоединилась к посетителям Александровского сада, направлявшимся к Вечному огню возле Кремлёвской стены. После живописных экспонатов выставки бросилась в глаза красота молодых деревьев.

«Слушайте, – обратилась за помощью к москвичам и гостям столицы, – что за дерево?» Плотное шествие приостановилось, все сообща пришли к согласию: молодой дуб! Экий богатырь!

Зато в книгах новокузнецкого прозаика Владимира Максимовича Неунывахи́на (Собрание сочинений в четырёх томах. Кемерово, 2013) я нашла такое обилие сведений о природе, реках и лесах и их шустрых обитателях, что без колебаний согласилась с его земляками, зачисливших автора рассказов об охоте и рыбалке в отряд писателей-натуралистов. Его живым контактам с «братьями нашими меньшими» мы, горожане, можем позавидовать.

ТАКОГО НЕ УВИДИШЬ В ЗООПАРКЕ

Неунывахи́н обстоятельно живописует птиц, зверей и рыб, бросая мимоходом реплики об их повадках, привычках, а то и хитростях.

«Когда я научился насаживать червяка на крючок и набрался силёнок держать удилице в руках, – вспоминает прозаик о первых шажочках на славном поприще, – отец начал брать меня с собой на Томь, вдоль которой широко раскинулся наш посёлок Абагур-Лесной, и её приток – реку Кондому, на близлежащие озера Малиновое, Тогул, Чёрное, где мы таскали ельчиков, пескарей, окушков, карасишек и другую мелюзгу. Но особенно любил отец рыбачить на Верном озере, хорошо там брала на хлеб сорожка. У него даже были прикормленные места на этом чудном водоёме. Да, озеро было действительно красивым».

Вот деталь, вроде побочная в рассказе «Ночная рыбалка», но много поведавшая о жизни сурка: «Пирог с налимом получился обалденным, и мы с Толяном, смакуя, чуть языки не проглотили от вкуснятины. Вылезали из-за стола, как сурки, обожравшиеся сладким горошком».

Репортаж Неунывахи́на об играх тайменя по страсти не уступает комментариям спортивного обозревателя со стадиона: «Поёлок Усть-Кабырза потому и называется так, что расположен как раз в устье реки Кабырзы, впадающей в Мрассу. Посёлок разделен на две почти равные части: одна, где в основном проживают шорцы, вольготно раскинулась по правому берегу Кабырзы (здесь располагалось хозяйство коопзверопромхоза); вторая – вотчина лаготделения, занимавшегося заготовкой и сплавом леса, – кучно занимала левый берег Мрассу». «...Таймень любит охотиться на подрастающую молодь на восходе и закате солнца. А наохотившись вдосталь, начинает играть. И надо видеть такие игры. Выпрыгивает этакое серебристое чудо под пять кило из стремительного потока и, сделав красивый кульбит в воздухе, так жажнет хвостом по воде... Брызги фонтаном... Дух захватывает!.. В общем, словами не передать. Или вдруг начнёт носиться по стремнине, как глицер, пурпурные плавники едва-едва касаются поверхности воды, а хвост туда-сюда, туда-сюда... Полюбуйтесь, мол, какой я молодец-красавец!.. И действительно – картина потрясающая... Залюбуешься. Сколько мощи, страсти и изящества в упругом и одновременно гибком теле крупной рыбы! Смотришь, а сердце в груди – будто кто в барабан бьет: бух! бух! И азарт по всему телу жаром разливается – вот бы этого играна заловить..»

Однако попытки поймать «играна» у автора успехом не увенчались. Старик-шорец, наблюдавший на берегу за тщетными поползновениями, посоветовал: «Твоя зря силы тратит. Она очень хитрый. Твоя нервы дразнит. Кушать совсем не хочет. Вечером приходи. На закате. Если не сбежит на другой перелёт, может, возьмёт...»

То есть возьмёт блесну на спиннинге. А сытый таймень играет: гонится-гонится за блесной, но пе-

ред берегом вильнёт хвостом и лениво уходит на глубину («стервец»).

Вот просто готовая рекомендация туристам – не искать красоты «за бугром»: «Если подняться в верховья под самые водопады и пороги и спускаться оттуда ранним утром на плоту или резиновой лодке, отдавшись воле течения, можно увидеть очень много интересного, чего никогда не увидишь даже в зоопарке. Увидишь отдыхающую рысь, распластавшуюся на стволе склонившейся над водой старой берёзы... Обязательно полюбуйтесь на перекате игрой насытившегося тайменя, а то и спугнешь на песчаной косе отяжелевшего глухаря, набившего зоб острыми камешками. Неохотно уступит дорогу, сердито поглядывая в твою сторону, лось. Отряхиваясь всем мощным телом и недовольно фыркая, будет смотреть тебе вслед, пока ты не скроешься за поворотом. Солидную дозу адреналина получишь, столкнувшись нос к носу с купающимся семейством медведицы. Они, конечно, уступят тебе дорогу, но холодные мурашки между лопаток будешь ощущать ещё долго после неожиданной встречи». И так далее.

Цитатами всего не перескажешь. Каждый рассказ о глухарях – настоящая поэма в прозе: «Косачи», «Ток у лежневки», «Под глухариную песню» и другие. «И не отношу себя к охотникам-профессионалам, – напрасно скромничает Неунывахин, – я просто страстный любитель побродить с ружьём по таёжным тропам и болотам и очень люблю посидеть в скрадке на озере с утиным манком в руках. Но и я с огромным трепетом ждал, когда окончательно потеплеет, и глухари, пьянея от весеннего дурмана, слетятся на свои тайные, только им известные тока помериться с соперниками силой и красотой, щегольнуть этими качествами перед своими подружками-глухарочками».

Три раздела первого тома озаглавлены: «По тропкам отчего края», «Незабываемый Север дальний» и «Байки у охотничьего костра» (вот уж где жизнерадостный юмор!). Такую прозу и бывалому охотнику читать будет интересно. О чём, дескать, толкует? Не позаимствовать ли приёмы охоты и рыбной ловли? О нас, «дремучих» горожанах, и говорить нечего.

ВСТРЕЧА НА ПРОСЁЛОЧНОЙ ДОРОГЕ

Тема природы для размышляющего человека – безгранична. Встретив в рассказе об охоте слова «просёлочная дорога» (том 2, стр. 37), я вспомнила о книге философа Мартина Хайдеггера «Разговор на просёлочной дороге» (Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991) и подумала, что немецкий философ (один из самых крупных в XX веке) и писатель-сибиряк не случайно встретились на просёлочной дороге. Если справедлив афоризм Хайдеггера, что философия и поэзия говорят одно и то же, значит, немецкий мыслитель

и русский прозаик шли по проселку навстречу друг другу – от теории и от поэзии природы.

Мыслители минувшего века, как известно, взглянули на историю и мир иначе, масштабнее своих предшественников. Английский историк А. Тойнби древних греков назвал, например, нашими современниками. М. Хайдеггер и того пуще. Обронил, походя, мысль, будто атомная бомба взорвалась уже в поэме Парменида, имея в виду, что тот направил мышление народа в практическую сторону – на стезю науки. Вот, дескать, мы и пожинаем плоды такого подхода к миру – смотрим на природу, как на бензоколонку. А что? Не в бровь, а в глаз глобалистам! Пора, значит, нам опасаться от техницизма, от автоматизма, от роботизации.

Основная задача философии, наставлял Хайдеггер студентов и слушателей, свернуть с ошибочного пути западной цивилизации и вернуться к забытым истокам мышления, к подлинному Бытию. Вернуться к укоренённости в родной природе. К родной почве!..

Владимиру Неунывахину не надо возвращаться. Он с родной почвы не уходил. Первый раздел во втором томе так и называется – «По тропкам отчего края». Сибиряк, писатель-натуралист органично укоренен в родной природе. Второй том надо бы издать тиражом не триста экземпляров, а триста тысяч или миллион. В советское время такие тиражи были не редкость. Восстановить бы замечательную традицию! Почва, родная природа, сохраняет в человеке способность к размышлению, что очень важно, ибо «человек – это мыслящее, т. е. осмысляющее существо» (М. Хайдеггер). Ещё древние греки заметили, что великан Антей, прислоняясь к Зее, матери-земле, восстанавливал силы. Хайдеггер порицает греков кое за что, но их мудростью не пренебрегает.

Платон в основу объяснения мира положил идею (идеологию), две с половиной тысячи лет западная философия шла за Платоном. В XX веке экзистенциалисты (экзистенция – значит, бытие), а Хайдеггер – их отец, исправили крен от идеи к Бытию. Человек, размышляя, наставляет немецкий философ, открывает для себя мир. Открывает сущее.

Получается, писатель Неумывахин закрепляет человека в природе, в мире, обнаруживая у охотников и рыбаков горячие, страстные эмоции. Человек у него возвращается к самому себе – органичному, «осмысляющему существу». Он читателей ведёт на встречу с Мартином Хайдеггером. Пусть-пусть горожанин стряхнёт пыль с ушей и освободит их от лапши, которую навешала городская цивилизация.

Увы, это ещё не всё. Охотники, часто и подолгу пребывая на природе, замечают перемены в ней не всегда в лучшую сторону. Порой говорят, без человека и его разрушительной деятельности природа быстро восстанавливается. Я засомневалась, слу-

шая 6 августа 2014 года на Радио России передачу «Ни пуха, ни пера». Журналист Николай Мамулашвили пригласил в студию охотников, побывавших на Ярославщине. Они о горечью сообщили, что перелётные птицы пролетают без остановки над полями, где прежде кормились. Раньше там колхозники сеяли хлеб, после уборки кое-какое зерно осыпалось на землю. Дикие гуси и утки стаями опускались и завершали уборку урожая. Колхозы распались, поля заросли осинами и берёзами в рост человека, пернатые проносятся не снижаясь.

Наверное, природа и человек во взаимодействии создают симбиоз. Без человека пашни деградируют. Еще страшнее деятельность человека-хищника, для которого природа – бензоколонка. Или равнодушного. «Чёрное озеро» Неумывакина завершается грустным финалом: «Не так давно я посетил Чёрное озеро и не узнал его. Испоганили прекрасный водоём. Строили новую железнодорожную ветку и не придумали ничего лучшего, как отсыпать её полотном наискосок через середину озера, по живому располосовали водную гладь огромной насыпью. Не растут и не цветут сегодня на оставшихся обрезках озера жёлтые кувшинки и белоснежные лилии, у берега расползлись масляные пятна, плавает всякий мусор, пластиковые бутылки из-под пива и других напитков. Смотрел я на остатки озера – и сердце кровью обливалось: так безжалостно загубили природную красоту, не захотели отклониться на пятнадцать метров в сторону. Скоро дорубим сук, на котором сидим!»

О причинах загрязнения природы и обвала сельского хозяйства рассуждает хозяйственник А. В. Коваленко в статье «Оздоровление или уничтожение» («Советская Россия», № 92, от 21 августа 2014 года), сетует, что колхозы мы уничтожили непосильными банковскими кредитами (Ираку, Ливии и каким-то ещё странам прощали огромные долги, а своим колхозам скромные, но для них непосильные долги не простили). Не остаются от злободневной темы в стороне политики. Г. Явлинский («Новая газета», № 93, от 22 августа 2014 года) охладил энтузиазм тех, кто воспылал надеждой, что Россия, введя санкции на ввоз продуктов странами ЕС, Канадой, Австралией и т. д., поможет, наконец, своим сельхозпроизводителям. Как? Ведь в деревне уже не осталось тех, кому можно вручить деньги на возрождение, только старики в опустевших деревнях доживают свою жизнь.

Для такой большой проблемы, конечно, нужна отдельная статья.

«ПРЯМОЙ СТИЛЬ» – ПРЯМО ОТ НАРОДА

Углубившись в чтение, я размышляла: в чём особенность и своеобразие прозы Владимира Неумывакина? Взгляд скользнул по книжной полке и за-

держался на названии: «Поэзия. Московская организация Союза писателей России». Взяла книгу и открыла «Литературно-художественный журнал», № 1 (18). Москва, 2003. Под рубрикой «Концепция» – небольшая статья Владимира Гусева «О тайнах прямого стиля». Года два назад в МГО СП России проходило обсуждение его новых книг, где много было выступлений: хвалили в стихи, и прозу. Я прозу тоже высоко оценила, а стихи – нет. Поэт Лев Котюков ринулся тогда в полемику, доказывая, что у Гусева – современный прямой стиль: автор высказался от своего имени. Без навороченной, мол, метафоры.

Вспомнив бурное «собеседование», я с интересом пробежала глазами статью Гусева, чтобы получить разъяснение прямого стиля из первых, так сказать, рук.

В статье концепция выглядит убедительно. Из современной ситуации, когда стихи «пишут все и пишут хорошо», Гусев видит выход в выборе критерия оценки стихотворения; можно «отделить Поэтов от множества непозетов или плохих поэтов». Критериев несколько: тематика (о Родине или о любви), взвинченный метафоризм (неестественность), виртуозность техники стиха (чем её больше, тем дальше от истинной поэзии). Совет дан простой: «Будьте самими собой». Вот, значит, что такое прямой стиль!

После концепции Владимира Гусева всё внимание вернулось к прозе Владимира Неумывакина. Да у него же прямой стиль! Только в прозе. Повествование идёт от автора, хотя одни рассказы похожи на очерки, другие имеют сложную интригу, но авторская интонация сохраняется. А темы – взять, допустим, первый том – непростые: «Колесо истории», «Несладкое детство», «Военное и послевоенное лихолетье», «Избранное». Жанры – мелкие, но это эпос. Прямой стиль, интонация объединяет мозаику в картину жизни народа. Масштабного сюжета нет, но по силе воздействия на читателя – эпопея. Мы видим русский народ и тюркские народы (шорцы, хакасы и другие), населяющие Кузбасс.

Повесть «А помнишь, Витёк?..» нанизывает на воспоминания множество эпизодов из народного быта – строительство церкви, проказы мальчишек, семейные заботы и горести и т. д.

У психологов, сторонников Карла Юнга, коллективное сознание («Оно») существует как бессознательное. У Владимира Неумывакина коллективное народное мироощущение осознается каждым человеком, оно и держит на плаву в годину лихолетья. В посёлке Абагур все знакомы, все на равных, нет нынешнего расслоения на «крутых» и нищих. Народный коллектив! Пожалуй, каждый читатель, открыв повесть, вспоминал своё детство, как бы вновь окунаясь в народную толпу.

«Сколько помню, – разворачивает панораму жизни посёлка автор, – до пятидесятих годов мало кто из жителей нашего посёлка занимался садоводством, считали это дело в сибирских краях бесперспективным и никчемным. Если кто-то из соседей вдруг начинал выкапывать в лесу кусты малины, кислицы (красной смородины) и сажал их у себя на огороде вдоль забора, на него смотрели как на чудака. А уж тех, кто всерьёз принимался за посадку саженцев яблонь, груш, крыжовника или пробовал прививать к ранеткам и дичкам какие-нибудь полукультурки, можно было по пальцам перечесть. На весь посёлок насчитывалось не более трёх-четырёх садовых участков с плодовыми деревьями, многие из которых, чтобы не вымерзли в зимнюю стужу, пригибались к земле и с наступлением холодов тщательно укрывались хозяевами подсобным материалом. Один из таких приусадебных садов принадлежал Вере Степановне... это главврач нашей поселковой больницы... Второй сад принадлежал родителям Виктора Пономарёва, Героя Советского Союза, получившего это звание в январе 1944 года в 19 лет за подвиг, совершённый при восстановлении связи на передовой... А мы, пацанва, регулярно совершая набеги на огороды наиболее зажиточных поселян, никогда не делали попыток «пошерстить» сады Веры Степановны и Пономарёвых... И у нас было уважение к заслуженным людям поселка».

И так далее, в такой же интонации повествования. Читаешь, не отрываясь, будто своё детство вспоминаешь. Вот что значит прямой стиль в прозе.

ЧЕТЫРЕ СОЮЗНИКА У РОССИИ: ПРИРОДА, НАРОД, АРМИЯ И ФЛОТ

На ум приходят строки Фёдора Тютчева:

*Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой –
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.*

*Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, –*

*Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.*

16 сентября 1834

На такую ситуацию христианских «модернистов» – протестантов и лютеран – похоже положение современных постмодернистов в нашей литературе. Вот и «храмина» постмодернистов, их «дом»

пуст и гол стоит. А как шумели эти пародисты, стилизаторы, сотрясатели основ эстетики в 80-е и 90-е годы! Года минули, страсти хоть и не улеглись, но всё же стало очевидно, к чему стремились бунтари и к каким результатам пришли. Взять хотя бы книгу Дмитрия Пригова «Советские тексты» (СПб., 1997). Из краткой библиографии так и бросаются в глаза названий двух книг из предыдущих изданий: «Явление стиха после смерти» (М., 1995) и «Собственные перепевы на чужие рифмы» (М., 1996), в которых уже выражена суть постмодерна. Это, действительно, «стих после смерти».

В «советских текстах» Пригов пародировал эстетику соцреализма и одновременно общественный строй, «режим» – по лексике либералов. До перестройки пародии, может, и звучали смешно, а теперь вышел наружу их страшный смысл.

*Вот новое постановление
Об усилении работы
Его читает население
И усиляет те работы
Его ничто не удивляет
Но усилия те работы
Попутно эти ослабляет
И дисгармонию устраняет
Между Работой и работой*

Поэт высмеивал бюрократизм и якобы бессмысленность советской системы. Но времена изменились, либералы, разворовав промышленность и обвалив экономику, столкнули народ в безработицу и нищету. Нет работы! На Украине и того пуще – ни работы, ни мира; после майдана запыхала гражданская война. Такими оказались результаты перемен, о которых втайне мечтали литературные перемешники.

Автор предисловия «Чтобы жизнь внизу текла (Дмитрий Александрович Пригов и советская действительность)» – Андрей Зорин скромно умалчивает о разрушительной сути поэзии иронистов: «Не берусь судить, был ли гомерический хохот аудитории на давних чтениях Пригова адекватной реакцией на его стихи. Сам я, кажется, покатывался громче всех. Конечно, к так называемой «ироничной поэзии» с её недорогой перестроечной популярностью литературная работа Пригова никогда не имела никакого отношения (вот уж не согласна. – Р. Л.), но, возможно, наш смех рождён не столько издевательством над советскими штампами, сколько описанной Брехтом в «Жизни Галилея» радости открытия. В данном случае открытия в лживом и идеологизированном мире советской социальной сферы незамутнённо чистого личного переживания...»

Мне критиковать покойного Пригова неловко, но что делать, если «либеральные интеллигенты» (понятие А. Зорина) – почитатели его поэзии по лживо-

сти далеко-далеко обогнали разрушенную ими советскую систему. Вслух кричали о демократии и каких-то цивилизационных якобы ценностях, а сами хапали и гнали валюту за бугор. Другой либеральный интеллигент, тоже, к сожалению, покойный, – Егор Яковлев, возглавлявший ТВ в годы перестройки, признался в прессе незадолго до смерти, дескать, стыдно перед самим собой, потому что, пока мы кричали (на ТВ): «Даёшь перестройку!», «Не останавливать перестройку!» – они (то есть лживые либеральные интеллигенты, будущие олигархи. – Р. Л.) набивали карманы.

И грабёж России продолжается. Валентин Катаионов, профессор, доктор экономических наук, председатель Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова, высказал прогноз по оттоку капитала из России за 2014 год: «...банки и предприятия вывели из страны в первом полугодии 76,4 млрд долларов. Следовательно, на годовой основе отток честного капитала может составить более 150 млрд долларов» («Советская Россия», № 93, 23 августа 2014 года).

Приехали к европейским ценностям! Скорее европейцы подъехали к нашим ценностям. Не либеральным интеллигентам было упрекать советскую систему в лживой идеологии. Как говорит пословица, чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Эстетский постмодернизм на фоне достигнутых социальных результатов опростоволосился. И стушевался! Мавр сделал своё дело (помог либералам обаракиться на распаде СССР), мавр может уходить. Прошла мода на постмодернизм. А реализм – традиционный или «новый реализм» – живёт и развивается.

Часто всплывает афоризм императора Александра Третьего, что у России два союзника – армия и флот. По правде говоря, у России четыре союзника – родная природа, народ, армия и флот! К такому пониманию приходишь, читая рассказы Владимира Неунывахины о детстве в сибирской «глубинке», об охоте и рыбалке. Непроизвольно тянешься к повести «Детство» Л. Толстого и улыбаешься сходству эмоций у юных охотников в XIX и XX веках.

Выразительна сцена охоты у Толстого: «Вдруг Жиран завыл и рванулся с такой силой, что я чуть было не упал. Я оглянулся. На опушке леса, приложив одно ухо и приподняв другое, перепрыгивал заяц. Кровь ударила мне в голову, и я все забыл в эту минуту: закричал что-то неистовым голосом, пустил собаку и бросился бежать. Но не успел я этого сделать, как уже стал раскаиваться: заяц присел, сделал прыжок, и больше я его не видал. Но каков был мой стыд, когда вслед за гончими, которые в голос вывели на опушку, из-за кустов показались Турка! Он видел мою ошибку (которая состояла в том, что я не выдержал) и, презрительно взгля-

нув на меня, сказал только: «Эх, барин!» Но надо знать, как это было сказано! Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло».

Десятилетний мальчик, участвуя в загоне, упустил зайца! И какие эмоции! Так вот в детстве ребёнок и прикипает к природе.

Сергей Аксаков в повести «Детские годы Багрова-внука» описывает первую в жизни рыбалку мальчика: «Евсейч приготовил мне самое легонькое удилище и навязал тонкую лесу с маленьким крючком; он насадил крошечный кусочек мятого хлеба, закинул удочку и дал мне удилище в правую руку, а за левую крепко держал меня отец: ту же минуту наплавков привстал и погрузился в воду, Евсейч закричал: «Тащи, тащи...» – и я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости. Я схватил свою добычу обеими руками и побежал показать ее матери; Евсейч провожал меня. Мать не хотела верить, чтоб я мог сам поймать рыбу, но, задыхаясь и заикаясь от горячности, я уверял ее, ссылаясь на Евсейча...»

Владимира Неунывахины на первую рыбалку в детстве привёл отчим. Эмоции были аналогичны изображённым у Аксакова. Традиция получила такое естественное продолжение, каким бывает течение реки.

Михаил Пришвин в рассказе «Охота за счастьем» назвал охоту инстинктом дикаря в цивилизованном человеке. «Охотники, зараженные этой страстью так, что она держит их до самой смерти, бывают только из особенных людей, ими надо родиться и непременно быть посвященными этому занятию в детстве». Размышления Пришвина можно считать комментарием к произведениям о детстве и охоте Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, самого М. М. Пришвина и нашего современника В. М. Неунывахины.

Михаила Пришвина, по его признанию, писателем сделала охота. Пока он писал, подражая кому-то, прозу отклоняли. Об успехе книги «В краю непуганных птиц» он пишет: «...Я понял причину своих первых неудач в литературе. Они были потому, что я не мог быть самим собой. Теперь я понял себя, что по природе я не литератор, а живописец, ведь я мало смею выдумать, я работаю по натуре...»

Тут, кстати, у Михаила Пришвина налицо переключки с Владимиром Гусевым и Львом Котюковым, которые горой стоят за прямой стиль. Что ж, может, они и правы. Пришвина «прямой стиль» (быть самим собой) сделал популярным писателем. Следующее произведение – «Кашцеву цепь» А. К. Вронский без проволочек напечатал в «Красной нови».

Между прочим, в ту же Архангельскую область, которую с успехом описал Пришвин, в конце 1930-х годов поехал Юрий Казаков. «Северный дневник» сделал знаменитым не только Казакова, но и Север,

который потом несколько десятилетий не сходил со страниц книг многих писателей. Выходит, Неунывахин подхватил крепко налаженную традицию русской литературы.

На посошок разговора об охотничьей теме назову роман Вячеслава Щепоткина «Крик совы перед концом сезона» (г. Мирный, 2013), где глазами охотников, которых крик совы предупредил о беде, увиден и осмыслен распад Советского Союза. У традиции появился такой масштаб, что можно говорить о новом повороте.

ЩЕМЯЩАЯ НОТА ЗВУЧИТ В РАССКАЗЕ

Недавно мне довелось рецензировать роман «Симулянты» Сергея Минина (М.: Литературная Россия, 2013), «живописующий» современный российский следственный и судебный произвол, в жернова которого попали два друга из города Тольятти, ложно обвинённые в угоне машины, воровстве. Не имея рюкзака денег, чтобы выскочить из «налаженного» процесса, они прикинулись чокнутыми и попали в «дурку». Только симулянты из них получились неудачные, хитрость не прошла и избежать лишения свободы не удалось. Одни из них, выходя из зала суда, бросился бежать: воля! Убит.

Когда слышишь на Радио России, что после проверки «Роснано» заведено шесть уголовных дел и другие подобные новости, понимаешь, такие люди выскочат сухими из воды, явятся на суд с рюкзаком денег и «отмажутся».

Прозаик Неунывахин в третьем томе представил рассказы о пенитенциарных учреждениях, о местах, говоря по-народному, куда Макар телят не гонял. Изобразил сии учреждения с двух сторон – с точки зрения тех, кто зэков охраняет, кормит, перевоспитывает, а также через взгляд «воспитанников», зэков. Первая глава книги так и называется – «О соратниках, друзьях-товарищах», вторая, соответственно – «Места, не столь...».

Владимиру Максимовичу выпало по жребию судьбы служить срочную во внутренних войсках – в Южкзбаслаг – и затем работать в этой же системе на Севере – в Североонежском управлении лесных ИТУ, ещё до перестройки, в советское время. И тогда жулья хватало, но масштаб этой сферы был не сравнимо скромнее, это потом он вырос скачком после «прихватизации» и грабировки. Возможно, поэтому в рассказах Неунывахина на эту

тему – зоркая наблюдательность в сочетании со спокойной интонацией, нет истеричности, как у персонажей романа Сергея Минина.

Типология рассказов та же, что в двух первых томах, – одни похожи на очерки, другие с острым сюжетом детектива. Первый тип – «Я – Куровский», второй – «Покушение». Персонажи одеты в чёрные бушлаты или в солдатский камуфляж, но это всё – народ. Большое разнообразие характеров и непредсказуемых ситуаций, когда сталкиваются в противоборстве мужество офицеров и отчаянная жестокость отморожков-зэков.

Так уже бывало, что солдаты, отслужив срочную во внутренних войсках, приходили в литературу с первой книгой. Так начинал Сергей Довлатов после службы на Севере, позднее он уехал в США и махнул рукой на свой первоначальный опыт. Московский прозаик Олег Павлов на срочной службе познакомился с Карлагом (Караганда) и, вернувшись в Москву, напечатал интересную «Степную книгу». Я писала рецензию в «Литературную Россию» и запомнила книгу. Павлова стал печатать «Новый мир», он получил известность, но столичная литература развернула его на другие проблемы.

Неунывахина сложная тема надолго взяла в оборот из-за обилия впечатлений. Наверное, большой запас жизненного материала повлиял и на выбор короткого жанра, хотя некоторые рассказы по сюжету могли бы развернуться в комедию («Самопожертвование» замполита) или в трагедию («Мразь! Такого человека загубил!»). Рассказ «Земеля» так и напрашивается на превращение в психологическую повесть о дружбе земляков – солдата и зэка, которая из-за случайного промаха заключённого закончилась самоубийством солдата. Какая-то тонкая душевная нота звенит в повествовании, доказывая, что те и другие обитатели лагеря – всё тот же народ.

Р. С. Обнищание народа после незадавшихся реформ стало уже притчей во языцех. Обвал экономики увеличил и контингент в местах, не столь отдалённых. Европа, которая не поддержала Россию с реформами, может быть, теперь поможет (от противного!) санкциями. Русские, чувствуя давление, всегда сплачиваются. Сейчас это очень важно. Надо нам, засучив рукава, браться за возрождение промышленности и сельского хозяйства. Народные книги Владимира Неунывахина этому содействуют, пробуждают созидательный дух.



МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ: «БУДЕМ УГЛУБЛЯТЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ...»

В конце декабря с творческим визитом столицу Кузбасса посетил известный писатель, главный редактор альманаха «Енисей» Михаил Тарковский.

Я побеседовал с автором «Замороженного времени» о том, какие языковые возможности нам оставило поколение стариков, причинах, побуждающих к новому расширению литературных пространств Сибири, о кризисе на Украине и не только.

– Михаил, ты говорил о том, что с уходом каждого старика в Сибири человечество теряет целую языковую Вселенную. Какие смысловые значения и эмоционально-познавательные палитры от стариков ты обнаружил в тайге, как эти смыслы воздействовали на твою повседневную жизнь? И как сохранить мировосприятие былых поколений – нужно ли снаряжать фольклорные экспедиции, организовывать десант кинематографистов в природную глушь или это необязательно – достаточно запечатлеть естественное бытие уходящего поколения в литературном произведении?

– Ну, насчёт «человечества», думаю, я преувеличивал его тягу... нда... к... прекарному... Но для России, безусловно, так. Возьмём несколько чрезвычайно дорогих мне и уже ушедших из жизни енисейцев-стариков, потомственных сельдюков, предки которых жили на берегах Батюшки-Анисея с семнадцатого века (Бахта заложена в районе 1604 года).

Вот например, тётя Шура. В рассказах и очерках я называю эту замечательную и противоречивую женщину тётя Надя. Что было в её речи? Во-первых, конечно, классический сельдючий выговор шипящих («зелезный», «нозык», «Бабка, а сколь у тебя капканьев стоит?» – «А сыснадцать стук!») Во-вторых, свой языковой строй, своя осанка и походка слов, своя личная, *именная* особенность их употребления и свой дар в слове перерабатывать, перепевать жизнь. Ярчайший пример. Спросил, как вывести груза для плавной сети? Она: «Делай чуть легче, а потом в тетиву (нижнюю. – Прим. авт.) песочек набьется и в аккурат будет». Никто так, конечно, не вывешивал груза – это её женский взгляд, её наблюдательность, тонкость, знание. Она очень хорошо чувствовала, как шоркается о дно, забивается песком нижняя подбора. Всё это, конечно, от пуповинной связи с Енисеем, от чувства трудовой перевязи всего сущего, окружающего с детства, от

веры в то, что при правильном подходе Батюшка-Анисей поможет, доделает недоделанное, избавит от лишних усилий. От очарованности этой жизнью, где всё не инженерно-правильное, рассчитанное по чертежам, не вычитанное в инструкции по посадке сети или поимке соболя, а вольное, природное, открытое в речную и таёжную даль, в сплав немислимый, где труд и природа – единое целое.

Пример *своего* строя – это оригинальное использование суффиксов. Приехал новый охотинспектор, такой весь плотненький, аккуратненький... Навёл шороху по поводу пушнины незаконной, капканов, мол, тут понаставили, будем протокол оформлять. Тётя Шура на него поволокла ответно, чё, мол, ты тут нас имашь? «Зывём тут, и сто – пуснину не мозем добыть? А это сто? У самого-то? Это сто такое? – показывает ему на голову. – Сапочка-то ондаторская!» Не ондатровая, а ондаторская. Ага.

Так же по-своему дядя Толя (Анатолий Семёнович) Хохлов назвал между делом свилеватую (виту) берёзу «вертлявюй», придав совсем другое и вроде бы неправильное направление слову, но создав образ, оживив берёзу. Это оживление-очеловечивание природы крайне характерно для мест, где всё на ней завязано. Особенно касается оценки погоды, от которой вся жизнь зависит. Например, когда часами пластает озверевший юго-западный ветер, *верховка* (дует сверху Енисея), приносящая дождь, все ждут, что наконец пойдёт этот самый дождь и «придавит» ветер. Будто дождь – следствие ветра, главнее причины.

Серафима Ильинична Никифорова, бабушка, моя соседка долгие годы, царствие ей небесное. «Колончатая вода» у неё – эта вода не енисейная, а из колонки, не очень хорошая, сернистая или какая там. Однажды сказала про кота, который часто шастал из дому, а тут вовсе удрал и не приходит: «Совсем отрётся!» Так употребить слово «отрётся» могла только она. Ни тётя Шура, ни дядя Толя *именно так* не сказали бы, уж поверь мне.

Выходит, мы имеем дело с абсолютно творческим подходом к языку, в котором человек всегда открывает новые грани, обогащает новыми направлениями смысла. Это удивительно! И наверняка связано ещё и с тем, что эти заповедные люди не читали книг (они и не нужны были: Енисей – единственный многотомник!), что это и есть то самое устное народное и бесценное творчество, в котором человек – безостановочный родник языковой стихии. Это и есть душа народа, которая складывается из тысяч таких тёть Шур, дядь Толь и Ильинишн.

Митрофан Акимыч. Свой разговор, свой язык. Говорил всегда пласиво, чуть по-бабы, несмотря на рослость. Глядит в бинокль на Енисей, собираясь на рыбалку, нет ли рыбнадзорского катера: «А чё, сына, там за катер, чё за болесь такая?» Потом, видимо, разглядел: «Не, это такой катер – неподозрительный». И вот в этой заплачке: «чё за болесь?» – тоже свой характер, своя особенность.

Мой сосед дядя Гриша – Григорий Трофимович Хохлов. «Ясным осенним деньком клепал Митька под угором казанку, клал дюралевую заплату на пропитанную краской тряпку, и проходящий мимо дядя Толя рванулся, сунулся прямо в руки, в дрель, в краску, пробасил: «На сто, парень,

садис? На краску? Сади на солидол – векове-е-ечно будет!». Митька рассмеялся, долго качал головой, мол, от старый, отмочит дак отмочит, и всё чудилось, как протяжным и гулким эхом отдаётся это басовитое «Вэквэ-э-эчно!» по берегам и хребтам. Эту сцену для рассказа «Вековечно» я списал с дяди Гриши. Дядя Гриша тоже брал и использовал слова на свой лад. Разговорились о падении цен на пушнину. Что белка совсем в цене упала. «На эти деньги хлеба кирпич не купис», – подвёл итог Григорий Трофимыч.

Снимали как-то документальный фильм. Зная, что дядя Гриша поехал на собаках по налимьи удочки, поставили оператора в засаде за домом Ильинишны – ждать Григория (как она его называла). Был первый мороз, а такой пробный холод всегда с отвычки чувствуется особенно. Так... Прошу прощения. Отвлекусь на один эпизод, так как он в строчку. Картина. Сельсовет. Там поставили первый телефон. Осень. двенадцать градусов, до этого плюс. Одна бывшая горожанка, очень порывистая и эмоциональная, звонит в город: «У нас холодно. Двенадцать градусов нагнетает!». Да вот, в тот день нагнетало тридцать, что ли, или тридцать пять. В общем, заколешивший дядя Гриша, который, несмотря на страшное давление (лежать бы на койке старому!), помчался по удочки, и вот возвращается обратно, несётся на собаках к дому, и тут к нему выскакивает человек с камерой, машет рукой, останавливает и, пытаясь вызвать на разговор о рыбалке, спрашивает, ну как, Григорий Трофимович, как, мол, оно? Дядя Гриша, весь околешивший и настроенный на единственное – заскочить в жарко натопленную избу – стучит зубами: «Да как... ёёё... худо...» «Что, совсем налимов нет?» И дядя Гриша пытается объяснить непонятливому мучителю, что заколел, как колотушка: «Да имя-то х...лли ли будет – они в воде ходят!»

Из наиболее поразившего дяди-Гришиного: «Город ране в Енисейска был» – сказал он о временах, когда столицей края был Енисейск, а не Красноярск. Вместо слова «столица» употребил «город». Он прав. Для гигантского таёжного, тундряного, горного и малонаселённого региона огромное значение имеет главный Город, куда идут все нити и который по контрасту с безлюдьем именно *Город* (а не столица, старшая среди многих городов).

Смыслы тут и вправду животворные, грани слова необозримые. Через слово открывается образ человека, а через человека – образ земли и её истории, и как раз то огромное и поэтому трудное в передаче, что я однажды попытался выразить в енисейских очерках, когда Енисей начинает *говорить через людей*.

А по поводу «как сохранить»... Да всё надо – и снимать кино, как мы и делали, когда пытались запечатлеть годовой распорядок жизни охотников и рыбаков... И создавать музеи, школы ремёсел, и собирать разговоры, песни и сказки... И писать книги, и работать со школьниками... Но главное – думать, какими социальными способами сохранить в незабываемости уклад. Это тема целого исследования, но без государственных программ не обойтись.

Свойство эпох и укладов уходить приводило в отчаяние чувствующих и думающих людей из любых времён, и пра-

вильно было бы обратиться к литературе и истории и узнать поближе о том, как наши предки переживали эти же потери, как относились к уходящему времени, что делали для того, чтобы сохранить культурные и духовные ценности. И что им удалось. И чем они нам близки. Ведь ощущение близости соотечественников – самое главное.

А учили эти енисейские старики – таланту. Которым сами обладали в избытке. И дарили мне, ещё начинающему писателю, драгоценнейшее – возможность использовать языковые сокровища в своей прозе. Такую речь не придумашь, и читатель это чувствует и верит тебе, вместе с тобой радуясь и восхищаясь. И забывает о том, что читает «литературное произведение». Это тебе не поточные мосфильмовские ленты про павильонную Сибирь, где сугробы из ваты или чего там, пурга из нарезанной бумаги, вздутой вентилятором, а из слов – замусоленные «паря» и «однако».

– Наедине с природой появляется особое мировосприятие. И целые десятилетия окутываются особой атмосферой, как бы отдаляющей или приближающей социальные события, происходящие на Руси. Как бы ты охарактеризовал девяностые годы в преломлении с первоначальной окружающей средой, а также нулевые и десятые. Как менялся воздух эпохи, её идейный состав? И когда настанет подлинное возрождение, возвращение к истокам нашей национальной природы? Что для этого необходимо осуществить?

– Саша, ты даёшь, это тема для многотомного романа, и уложиться в несколько абзацев... Но попытаемся.

Когда на заре взрослой жизни мы с упоением постигали таёжную школу, промысловый мир Енисея казался хорош как раз своей волей и отсутствием социального давления, независимостью от социального, тесного. И мы противопоставляли свою таёжную вольницу миру городскому. Не подозревая, в какие средства обходится государству наше житьё на севере, и о том, что независимости эта не так уж и сильна. Такое ощущение воли скорее из области состояния души в данный момент жизни. Человек всегда получает, что ищет. Ищешь независимости и уединения – вот они! Взрослея, начинает искать связей – тоже получает, и выясняется, что они намного сильнее, чем думалось.

Если вспомнить енисейскую жизнь за несколько последних десятилетий, то окажется, что каждая полоса отражала положение в стране и зависела от политики государства в отношении данной территории и России в целом. Хотя очень путала карты «северная надбавка». Поправка на неподъёмную даль, ненаселёнку, морозы, несутветно-дикие человеческие характеры, то заповедные, то кручёные, и эту шкурой ощущаемую удалённость от так называемого центра, который там «что-то решает» за нас, о нашей жизни не имея особого представления.

На Енисее каждое десяти- или пятнадцатилетие было целой эпохой... Послевоенное время – пора колхозов, тяжёлого труда на трудодни, в воспоминаниях стариков давно звучащее как время достижений, время дружное, коллективное, без рвачества и корысти. Всё было по-другому. Главное – использовали, что растёт, что даёт земля, к ко-

торой только приложи руки. А давала она всё необходимое для жизни. В Норильск овощи отправляли, а сейчас везут из Китая! Интересно, что, по рассказам Ильиничны, культуру выращивания помидоров в теплицах привезли ссыльные прибалты.

Всё было строже. Осетрину тогда не ловили на продажу. Себе только на стол. Скот держали. Все пойменные места использовались. «Сметану во флягах на гребях вывозили на фарватер к пароходам!» – образ, не оставлявший стариков. Сильная советская власть, строгая и порой с закидонами. Кто-то рассказывал, как охотники, выйдя с участков, сидели на той стороне Енисея и боялись идти домой к бабам, потому что начальник их за это накажет. Но и на тройках ездили от станка к станку с песнями! И охотников встречали концертами. Советское социальное время и енисейский народный дух.

Потом укрупнение, закрытие двух деревень из трёх. Нарушение многовекового распределения людей по берегам Енисея. (Всю жизнь деревни стояли через двадцать пять-тридцать километров – чтоб менять коней почтовых троек.) Переезды. Разорение.

Потом промхозные времена. Развитие промысла соболя, который к этому времени окончательно расселился по всей территории Сибири и Дальнего Востока. (Соболь после перепромысла в начале XX века остался очагами. Его ловили и выпускали по всей Сибири.) Возрождение удивительное традиций соболинго промысла. Приезд промысловиков из других регионов. Одновременно тотальная разведка нефти и газа, портящая нервы промысловикам. И рост приёмных цен на соболя. В целом – самая кипучая эпоха, продлившаяся до 1991-го года. Потом девяностые – развал охотничьего хозяйства и выход охотников на вольный выпас. Сначала опьянение от свободы, потом чесание затылков. Потом нулевые и десятые. Эйфория от новой техники, продлившаяся недолго, так как вскоре тайга стала доступна для городских любителей дикой природы – именно из-за обилия доступной всепролазной техники. Если раньше по порожистой реке мог подняться только охотник на свой лодке-деревяшке, то теперь – на водомёте или воздушной подушке кто хочешь езжай.

В стране провозглашён рынок. И отношения стали волчьими. Деревни перестали быть дружными. Все сами по себе. Каждый об этом говорит, переживает, а воз коллективизма и поныне в послевоенных десятилетиях.

И главное, как никогда близко приблизился мир к удалённым поселениям, и так же лихорадит их, будто разрушилась защитная перепонка между тайгой и «материком». И как никогда обострилась зависимость от внешнего мира. От цен на пушнину, бензин, технику, к которой привыкли и без которой никуда. От всего.

Произошло изменение материальной культуры; кожа, дерево заменились на пластик и так далее. Меньше охотник тратит времени на изготовление снаряжения, больше покупает готового. Меняется психология жизни. В этих условиях сложно говорить о возрождении национального. Народ в тайге занят отношениями с тайгой. Выживанием. Борьбой со снегом и наледями. Сейчас, мне кажется, возрожденческие вещи более характерны для больших по-

сёлков, городов. Где больше людей, скажем так, из идейной сферы, которые организуют очаги национального возрождения в разных формах. Это может быть народная песня, ремесла, культура казачества, различные школы.

– Ты сказал, что чувство своей территории – своего хозяйского участка – даёт точку опоры, которая способна изменить внутренний мир человека. В этом контексте, как ты проникался всем натуральным богатством Красноярского края? Как этот край от деревни, небольшой земли вырос до чуть ли не космологической модели мировосприятия? И почему ты решился раздвигать познавательные границы до других областей Сибири и не только? Видимо, период накопления материала перешёл в экспансивный момент разбрасывания камней?

– У меня был период, что ли, берложный, когда, чтобы научиться писать, надо было затвориться в тайге, в избушке ли таёжной, в избе ли на Енисее и общаться только с книгами и предельно земным мастерским делом, которое тебе любо. Когда писатель делает столицей жизни свой городок, посёлок, зимовьё, в силу законов искусства точка эта становится «моделью Вселенной». Об этом столь говорено в критике, что я чувствую даже некую неловкость, используя это выражение запросто и будто своё. Подобное можно пронаблюдать у многих писателей. Специально не привожу примеров, чтобы заставить читателей поискать их самостоятельно.

Не менее правильно сказать, что не ты делаешь место столицей бытия, а место тебя перекраивает на свой лад, меняет твою духовную начинку и начинает говорить, порой и не спрашивая твоего разрешения. И настолько этим тебя поражает и созидает, что ты в этом сотворчестве находишь в такую сакральную связь с вверенным куском русской земли, что так и живёшь дальше замороженным и очарованным этим превращением, как главным и неожиданным содержанием своей судьбы.

Ощущение своего угла столицей мира и литературы вполне понятно – без этого не будет необходимой для творчества фокусировки ока на избранном куске жизни, гипертрофированного ощущения творческой правоты. Вдобавок ты краем головизны своей понимаешь, что твоя деревня это как раз и есть, по сути, модель России, где сохранены отношения частей и ещё и доведены до символических пропорций.

А потом захотелось выйти за границы этого освоенного поля, точнее леса, (кедрача, лиственничника). Причины этого перечислю (подряд и не в порядке значимости).

1. Стали интересовать новые темы (правый руль, другие места Большой Сибири и люди, живущие в них).

2. Старые темы заставляли топтаться на месте. Не давали чувства движения.

3. Работало соображение расширения читательской аудитории.

4. Пример великих русских писателей говорил о том, что они жили всей Россией (возьмём Толстого – и тебе Кавказ, и Севастополь, и Москва, и Санкт-Петербург).

5. Понимал и чувствовал, что нельзя писателю не жить всей страной, что иначе ты лишь краевед и областник (не в обиду пусть прозвучит).

6. Всегда очень чувствовал *места России* и тосковал по ним, а это самая нужная сила писателю – тосковать о чём-то.

7. Помаленьку вышел на художественный образ русского человека, распахнутого душой на два Океана. Не боящегося порвать душу, несмотря на непосильность такой распахки.

– *В отношении красноярского литературного процесса, что бы ты мог сказать? Имею в виду генеральные линии его творческих тенденций, как в прозе и поэзии, так и в критике...*

– Я не литературный критик и не очень понимаю, что такое литературный процесс. Хотя, конечно, догадываюсь, что это некая совокупность имён, судеб и общественных явлений, объективно оценить и описать которую можно только со стороны. Мне ближе словосочетание *дело литературы*. Могу сказать, что оно живо. И что дело это делают не только писатели и поэты, а люди, хранящие литературу, служащие ей всем животом своим, люди, которые несут её знамя, невзирая ни на какое лихолетье. Такие люди есть, и я горжусь ими, так же как и прекрасными читателями. Народились и читатели молодые, хочется, чтоб их было ещё больше. Я убеждаюсь, что литература в нашем крае очень важна для людей. Ты, например, знаешь, что в Красноярске есть, наверное, единственный в стране Литературный музей? Что возобновились писательские встречи после долгого перерыва? Они ещё очень молодые и только набирают ход, но уже становятся Всероссийским мероприятием. Я имею в виду фестиваль КУБ, на который в 2015 году, если Господь управит, соберутся писатели и из Москвы, и из Владивостока...

Вообще считаю, что в нашем регионе культурная традиция, та самая генеральная линия, о которой ты говоришь, основы которой заложил Виктор Петрович Астафьев, сохранилась благодаря ответственным и верным делу людям, которых не так мало, как кажется. Здесь, к нашей общей радости, сильна классическая почвенная линия, и, по-моему, постмодернизм здесь не особо и привился. Почему, вопрос крайне интересный. Может, благодаря трудовому народному духу населения, той как раз жесткости города, которую как негатив отмечают приезжающие из других регионов. А что, если именно она сработала на пользу культуре?

– *В твоём выступлении в Кемерово речь зашла и о разьединённости в литературных мирах. Опять же Кузбасса и Красноярска. Почему наиболее значимые авторы не знают о существовании друг друга, хотя области наши по соседству? Откуда равнодушие взялось? И как помогают в деле объединения люди-сварки, которых можно найти в каждом городе. Достаточны ли их усилия? Как форсировать интерес не только пишущих, но и читающих масс к местной словесности, особенно в Год литературы в России?*

– В Кемерово! Давайте склонять населённые пункты с окончанием на «о», давайте не превращать их в Пуэрто-Рико и прочее Бороро!

Равнодушия сейчас нет, по крайней мере, среди людей, с которыми жизнь сталкивает. Не знают друг друга по

нескольким причинам. Раньше было единое культурное поле, и важную роль играли толстые журналы, на всю страну рассказывающие о лучших писателях. Да и тиражи книг были намного больше, и в газетах о писателях писали на всю страну. И не было такой, что ли, многослойности жизни, возможности изолированного сосуществования различных групп людей по самому специальному интересу – к этому можно по-разному относиться.

А с другой стороны, то, что многие не знают друг друга, можно объяснить и со слабым положительным оттенком: может быть, всё-таки в русской провинции и вправду столько появляется прекрасных писателей? И мы не успеваем за ними следить? Вот бы так было! А про нити – государство действительно перестало их протягивать, поддерживать. Хотя в какой-то момент, возможно, и упал интерес к культуре. Но сейчас, по-моему, он возрождается. Не хочу говорить всем известные истины, но люди правда «устали от бессодержательного развлекательного искусства». Считаю, что сейчас (независимо от государственной политики) время, когда писатели должны идти к читателям *сами*. Всеми способами. Не кочевряжась. Не дожидаясь приглашения. Не прося гонораров.

Сейчас всё держится на подвижниках, которые знают, что никто сверху не будет ничего созидать, организовывать, придумывать, что придумывать мы сами должны. И обращаться со своими предложениями к чиновникам. Понятно, что денег мало, что будет и ещё меньше, так как сейчас придётся подводные лодки строить и вертолёты. Но всё равно какие-то средства государством отпускаются, и важно, чтобы они попадали к порядочным и ответственным, а главное, верным Отечеству людям. Поэтому писатели должны быть рядом с властью, работать с ней, тем более, что сейчас уже произнесено слово «патриотизм», и это открывает ворота. Время показательное – оно даёт возможность вступить в войну с навязанными нам западными ценностями *на равных*, а не как горстка «бородатых ретроградов» – а именно так нередко воспринимаются патриоты в глазах современной молодежи, у которых благодаря либеральной пропаганде путаница в головах невообразимая. Был свидетелем, как после выступлений писателей в Новосибирске на литературном фестивале «Белое Пятно» в молодёжном Литературном кафе молодые люди разочарованно посетовали, что, дескать, пришли послушать что-нибудь наконец интересное, а их накормили «официозом». Для меня было открытие, что именно русские ценности для этих молодых людей – «официоз», когда уже двадцать лет как во все трубы провозглашаются ценности либеральные. Обрати внимание: для молодёжи такие, например, взаимопроположные категории, как либеральная рыночная власть и Православная Церковь – одно и то же. Они не пытаются ни в чём разобраться: наказали одуревших рокерш за оскорбление Церкви – смотри-ка: «плохая» власть, «официоз», «плохое» Православие.

А насчёт Года литературы могу сказать, что он совпал с тяжёлым положением в стране, и в Барнауле, например, под удар попали Дом литераторов и киноцентр. Дом литераторов реорганизуют, лишают здания, сокращают штат

и переводят в методический отдел Шишковской библиотеки. Киноцентр вовсе закрывают, есть мнение, что это может повлечь за собой закрытие Шукшинского кинофестиваля.

– Ты показал удивительный пример переезда из Москвы в Сибирь. Кто-то из московских и питерских писателей ему последовал?

– Ничего удивительного не вижу. Тысячу раз объяснял, почему.

А вот кто из писателей сделал так же... Мой однокашник по Литинституту, писатель Владимир Балашов из Санкт-Петербурга. Он геолог, топограф. Работал по молодости в экспедиции. Давным-давно остался в Сибири и живёт недалеко от Саяногорска.

Есть еще американец по имени Сэнди Кролик (не кличка), который уехал из Америки в Барнаул. Вот, кстати, что он говорит о сибирских городах: «Когда я только приехал, в городе не было, например, ни одной кофейни, нельзя было до полудня найти, где позавтракать. Сейчас на каждом шагу – всё что вам угодно. Хоть суши-бары, хоть итальянская кухня, хоть американская. С одной стороны, комфорт, сервис развивается, но... Зря, на мой взгляд, русские так хотят быть как все, быть похожими на Запад, так старательно вестернизируются. Зачем все эти суши, не понимаю – у вас же богатейшие, прекрасные свои традиции. А вы их не бережётё. И за эти десять лет, я скажу резко, но Барнаул потерял своё лицо, свою индивидуальность. Впрочем, как и другие города – Новосибирск, Томск, Омск... Я много путешествую по Сибири, и вот эта утрата национальной самобытности очень заметна».

Вот так вот.

– В 2014 году ты стал главным редактором альманаха «Енисей». Как намерен продолжать традиции издания, будут ли перемены?

– Это должен быть альманах о Енисейской земле с самой классической фундаментальной почвенной традицией, с которой как раз и согласен народ, населяющий русскую провинцию. Не перемены будут, а углубление этой традиции. Продолжение её путём работы, конечно же, над содержанием, старание сделать его глубоким, насыщенным. Хочется, чтобы он достиг всероссийского уровня. Чтобы житель хоть Владивостока, хоть Москвы нашёл бы его интересным и ярким. Это очень сложно. Во-первых, у альманаха региональная концепция: тема – Красноярский край, точнее бассейн Енисея, о чём и говорит название издания. То есть, место действия произведений – Енисейская земля. Но при этом материалы авторов из других регионов о енисейской жизни мы можем печатать. Во-вторых, абсолютных в литературном отношении произведений мы много не найдём, да и печатать только иде-

альных неправильно: ведь одной из задач является поддержка начинающих. И если мы публикуем материалы Курбатова и Байбородина о красноярских писателях, то высокий уровень этих двух сочинителей выдержать на протяжении всех страниц альманаха сложно. Но я уверен, что всё получится. И нам очень важно мнение об альманахе читателей и писателей.

– Не могу не спросить о твоём отношении к тому, что происходит на Украине. Как можно преодолеть возникший кризис?

– Начну со второго вопроса. Как преодолеть кризис, я думаю никто не знает даже из профессиональных политиков. Откуда ж мне-то знать? Украинцев свернуть с их нечеловеческой русофобии невозможно, нужно чтобы само улеглось. Изменить агрессивную политику Америки тоже нереально. Нам вдвойне сложно из-за того, что восток Украины на нас надеется, а мы не можем его защитить, не спровоцировав военный конфликт, которого так ждёт Америка. России надо крайне умно, мастерски действовать, усиливая армию и пытаясь вернуть ядерный паритет с Америкой. Понятно, что было бы мудро использовать ситуацию изоляции России для подъёма экономики на своих соках.

Во внешней политике президент показал себя как защитник русских интересов. Таёжно говоря: соседи-браконьеры посягнули на интересы его охотничьего участка, богатого орехом и сободем, приблизились к границам. Он сказал: не получите! У всех вопрос: если американские собаки уже давно шастали по нашим путикам, облаивали наших глухарей и давали советы по обустройству избушек, то почему нельзя было их давным-давно выпнуть? И ещё более важный вопрос: сочтёт ли президент возможным так же защитить русские интересы у себя внутри страны, как и за её границами? И вот все ждут слов: «Был неправильный курс. Мы его исправим». Пока никто таких слов не произнёс. И мы не знаем, есть ли у власти возможность произнести такие слова. И есть ли побуждение. Мы же видим только внешнюю сторону политического процесса.

А отношение к происходящему на Украине – какое может быть? Как к бреду, сумасшествию... Но это эмоция, а корень в том, что всё случившееся хорошо спланировано США при нашем же попустительстве. Так же, как и то, что наша либеральная идеологическая машина двадцать лет вдалбливала в общественное сознание миф о дружбе с Западом и тому подобное. А тех, кто пытался этот миф развенчать, называли «бородатыми ретроgrадами». И даже фашистами.

Беседовал
Александр МУХРЕВ



Павел ЗОРИН,
международный орбитр

В ОЖИДАНИИ НОВОГО ПРЕТЕНДЕНТА

Матч за звание чемпиона мира по шахматам-2014 (41-й в летописи шахмат) между действующим чемпионом Магнусом Карлсеном (Норвегия) и пятнадцатым чемпионом мира Вишванатаном Анандом (Индия), он сумел морально восстановиться и настроиться вернуть утраченное звание чемпиона. Не получилось...

Виши, как часто его называют, вновь получил право сразиться с Карлсеном после выигрыша на турнире претендентов в Ханты-Мансийске. За год после сокрушительного поражения в Ченнае (Индия), он сумел морально восстановиться и настроиться вернуть утраченное звание чемпиона. Не получилось...

Соперники были достойны друг друга.

Но об этом чуть позже...

Интенсивная мировая шахматная жизнь длится более ста лет, а всех чемпионов мира, включая нынешнего, было шестнадцать. Представим себе такую фантастическую картину: чемпионы разных лет собрались в одной шахматной комнате.

За первым столиком – красивый элегантный кубинец Хосе-Рауль Капабланка – дипломат, любимец публики, шахматист «милостью божьей». Ему 33 года. Чутьё позиции, феноменальная интуиция, великолепная техника игры – характерные черты его творчества. Капабланка быстро делает ходы, иногда незаметно поглядывая на ручные часы. Видно, он немного нервничает. Может быть, потому, что у него билеты в оперу (Капабланка – заядлый театрал).

Его партнёр, высокий и не менее элегантный, напротив, очень спокоен, хотя любит театр не меньше соперника. Это седьмой чемпион мира Василий Смыслов. «Я всегда стремился к истине, к гармонии – и в жизни, и в творчестве», – скажет он через 26 лет.

За игрой внимательно наблюдает приземистый пожилой мужчина с окладистой бородой, в старомодном костюме – первый чемпион мира, уроженец Праги 50-летний Вильгельм Стейниц. «Шахматы не для слабых духом», – заявил он. Он и создал основу современной теории игры. Он стал первым профессиональным шахматистом. Стейниц пока не

знает, что проценты, которые придётся заплатить за эту жертву любимой игре, окажутся для него непосильными, и он закончит свою жизнь в нищих комнатах нью-йорского дома для бедняков.

За следующим столиком играет 37-летний Михаил Ботвинник – шестой чемпион мира. Он положил начало научному изучению шахматной игры. Методами его тренировки пользуются все сильнейшие мастера мира, а слова «воспитанник школы Ботвинника» равносильны знаку высочайшего качества.

Его партнёр – Александр Алёхин, 35-летний четвервёртый чемпион, романтик шахмат. «Для меня шахматы не игра, а искусство, – провозгласил своё кредо выдающийся мастер. – Да, я считаю шахматы искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно налагает на его приверженцев». Задумался Алёхин. Он тоже ещё не знает. Что уйдёт из жизни непобеждённым.

Слышен негромкий разговор. Трое анализируют партии. Один – гордость Голландии, пятый чемпион 34-летний Макс Эйве, великолепный тактик, представитель оригинального стиля игры, мастер атак. Он что-то доказывает похожему на киноартиста 32-летнему Борису Спасскому, десятому чемпиону мира, одинаково сильному как в защите, так и в нападении. Макса Эйве внимательно слушает темно-волосый 34-летний Тигран Петросян – девятый чемпион, о котором Ботвинник отозвался: «У него удивительный стиль игры, прежде всего Тигран беспокоится о своей безопасности и делает это артистически, без всякого напряжения».

В дальнем углу комнаты щёлкают шахматные часы. Идёт блицтурнир четырёх участников, каждый из которых в своё время резко расширил представления о шахматной игре. Второй чемпион мира 26-летний немецкий математик Эммануил Ласкер – основоположник психологической борьбы. «Я играю не против фигур, а против человека», – говорил он. Ласкер – чемпион среди чемпионов: он 27 лет находился на троне, успешно отбивал все попытки завладеть им.

24-летний Михаил Таль, восьмой обладатель высшего титула, ввёл тактику головокружительного риска, а 29-летний американец Роберт Фишер (одиннадцатый чемпион) внёс в шахматную игру неистовую жажду борьбы. Ему принадлежат слова: «Я – профессионал. Ничего другого я не умею делать, но то, что я умею, делаю, как полагается».

На эту небольшую компанию спокойно глядит двенадцатый чемпион Анатолий Карпов, владевший шахматной короной в самом юном возрасте – 24 года. «Карпов, вероятно, является самым тонким позиционным шахматистом последних лет», – оценил его Ботвинник.

Мирные посиделки чемпионов как бы нарушил темпераментный юноша из Баку Гарри Каспаров,

член ЦК ЛКСМ Азербайджана. Наш экскурс на этом можно и закончить, потому как случилось нечто, ибо 1980-е годы явили собой новую историю.

А с его появлением на шахматном небосклоне наступило смутное время. Чего только стоит уникальный матч с Карповым на стыке 1984–1985 годов. После «дителя безлимитного матча», который длился более пяти месяцев, вмиг из претендента в 1985 году взошёл на трон.

Впервые в летописи мировых шахмат чемпион мира стал 22-летний.

Ещё в далёком 1973 году патриарх советских шахмат М. М. Ботвинник сравнивал Гарри по таланту с самим Алёхиным.

Стоит ли удивляться, что настоящий ажиотаж в обществе и повышенный интерес к шахматам зашкаливал.

Противостояние двух «К», их соперничество длилось до начала 90-х годов, не имеет аналогов в истории современных шахмат. За шесть лет они провели пять матчей за шахматную корону, сыграли 144 партии. Долгое время между Карповым и Каспаровым существовала личная неприязнь. Противостояние двух великих шахматистов имело и политический подтекст.

Карпов всегда пользовался поддержкой советского руководства, а Каспаров был молод и популярен. Охотно давал откровенные интервью и, особенно на Западе, имел ореол бунтаря. Хотя и не был диссидентом. Победа Каспарова совпала с началом перестройки в СССР.

Страсти по Каспарову с его выходками на протяжении многих лет чередовались скандалами. Селяви. Таким его породили Ким Вайнштейн и Клара Шагеновна.

И началась новейшая история с любопытных фактов.

Осенью 2000 года в Лондоне состоялся матч из 16 партий, в котором Каспаров проиграл туапсину Владимиру Крамнику. Потеряв чемпионское звание и находясь в конфронтации с президентом ФИДЕ Кирсаном Илюмжиновым, Каспаров делает роковой ход – покидает спортивные шахматы. Окунувшись целиком в политику, он заметно «наследил» как политический пигмей...

Каспаров заявил о завершении спортивной карьеры 10 марта 2005 года на пресс-конференции по окончании супертурнира в Линаресе. Своё решение Каспаров объяснил нехваткой мотивации – он достиг в шахматах всего – и тем, что ему так и не дали возможность вновь бороться за титул чемпиона мира после поражения от Крамника (в частности, не состоялся матч против чемпиона мира ФИДЕ Пономарёва). Каспаров также сказал, что планирует и в будущем выступать в блицтурнирах и других показательных мероприятиях, а своими основными

приоритетами сделает работу над книгами и участие в российской политике.

Только в 2007 году ФИДЕ удалось вернуть монополию на проведение чемпионатов мира. Этому способствовал объединительный матч В. Крамника с Веселином Топаловым (Болгария), проведённый в Софии в 2006 году, и супер-турнир восьми сильнейших в Мехико. Победителем его стал индийский самородок Вишванатан Ананд. Больше того, он подтвердил своё превосходство в Бонне в 2008 году, обыграв Владимира 14 (Крамника).

В сентябре 2009 года стало известно, что Каспаров с марта того же года работал личным тренером норвежского гроссмейстера Магнуса Карлсена, который на тот момент в 18 лет занимал четвёртое место в мировом рейтинге. Каспаров и Карлсен встречались несколько раз в год для тренировочных сессий. Совместная работа окончилась в марте 2010 года, к этому моменту Карлсен возглавил рейтинг-лист. Позже Карлсен пояснил, что он стал ответственным за свои карьерные решения, но продолжит поддерживать контакты с Каспаровым.

Теперь о главном. Соперники были достойны друг друга. Исход поединка, на мой взгляд, решила шестая партия матча, которую Ананд провёл крайне неудачно. Практически после этого шансов на успех у претендента не стало. Нет, не зря Карлсена сравнивают с неистовым Бобби Фишером и с искромётным Михаилом Талем. А 23 ноября в Главном медиа-центре Сочи состоялась одиннадцатая партия, в которой на 45-м ходу победу одержал совсем не сказочный Карлсен. Не скрою, мои симпатии были на стороне Виши Ананда. А за шахматного Моцарта была почти вся Норвегия, и не только. Его досрочная победа в матче (6,5 на 4,5), агрессивный упорный стиль игры – красноречивое свидетельство того, что сегодня ему нет равных. Немыслимо в 23 года стать двукратным чемпионом мира!

По-видимому, всерьёз и надолго наступила эра Карлсена... Впереди новые баталии. Кубок мира среди 128 участников выявит победителя, который и встретится в 2016 году в матче за звание чемпиона мира.

Р. S. Вернётся ли Каспаров в шахматы? Зачем? Его время ушло, думается... Не лучше ли нам желать матча Карлсена с российским гроссмейстером Сергеем Карякиным. Сергей второй год подряд стал победителем супертурнира в норвежском городе Ставангер и, как и в прошлом году, опередил действующего чемпиона мира Магнуса Карлсена! К тому же, они одногодки. Мы в ожидании битвы титанов, новых «двух К»! От такого благородного сражения выиграют только планетарные шахматы.

г. Прокопьевск

Михаил СПИВАК,
Канада

ШАХМАТНЫЙ ЛАБИРИНТ

1. ИСТОРИЯ МИНИАТЮРНОЙ АРМИИ

С детства меня завораживала чёткая, выверенная логически композиция шахматных построений. Тогда я подолгу вертел в руках резные деревянные фигурки. В отполированных, покрытых блестящим лаком гранях угадывался характер и предназначение каждой из них. Одна мощная, как стена; другая высокая и худая – словно специально создана для бега; голову третьей венчает монаршая корона... Собранные вместе, они буквально на глазах превращались в миниатюрную армию.

Таинственные истории, связанные с появлением этой игры, захватывали воображение, рисуя замысловатые образы из далёких веков. Самая известная древняя легенда об индийском мыслителе, который придумал шахматы для своего господина. В ней хитроумный мыслитель попросил малую, на первый взгляд, плату за своё изобретение. Он хотел получить столько зерён, сколько поместится на шахматной доске, если на первую клетку положить одно зёрнышко, на вторую – два, на третью – четыре, на четвёртую – восемь и так далее. Казалось бы, пакета достаточно. Двух – максимум. Однако из легенды следовало, что такого количества зерна не собрать на всей планете. До сих пор трудно визуализировать представить, но если вдуматься, то станет ясно, что сумма зерён на доске выглядела бы гигантским двадцатизначным числом, и для такого объёма потребовался бы амбар размером 10 на 10 на 15 километров.

Мудрец восторгался собой. Ловко он обманул раджу! Но его ликование оказалось преждевременным. Правитель его тоже не был простаком. Поняв, что дал маху, он придумал, как отплатить хитрецу той же монетой, не нарушив своего слова. Раджа повелел выдавать зерна по договору, а мудрец должен был пересчитывать каждое зернышко. Чисто шахматная комбинация одного и достойный ответ другого.

Что же заставило индийского правителя звать мудреца и давать ему задание?

Раджа очень любил воевать, но настоящая война требует огромных затрат на обучение войска, экипировку и снабжение, а потом ещё наступят потери, разрушения. Всё это приводит к разорению государства. Раджа задал мудрецу единственный вопрос: как устроить битву и не истощить казну? Гениальным решением стали белые и чёрные фигурки из дерева, камня или слоновой кости. Их армии обрели законы ведения боя, капитуляции и, самое главное, ничего не стоили.

Всё это я узнал позже, а в те годы ставил фигурки рядком на подоконнике и разглядывал их в блестящих лучах солнца. Затем расставлял на доске.

Самыми понятными мне казались ладьи с зубцами и бойницами наверху. Они выглядели точь-в-точь, как стрелковые башни, влитые в опоясывающую замок стену. Старые, хмурые бастионы под защитой свирепых пушек, которые с возвышенности пристально наблюдают за притихшей в страхе долиной.

Ладьи как бы сами просились поставить их по краям доски, чтобы с двух сторон защищать свою армию. И в наступлении неоченимая фигура. Как только пешки пробивают брешь в обороне противника, туда немедленно вторгаются тяжёлые ладьи и с тыла разрушают всю неприятельскую систему фортификации.

Рядом с ладьями, в стойлах, гармонично расположились кони. Лёгкая, маневренная кавалерия. Понятно ее предназначение. Как в фильме про Чапаева, «красная» конница стремительно налетала и обращала в бегство плохого и обязательно трусливого врага. Не было предела моему восторгу и от подвигов неуловимых мстителей. Особенно, когда они под залихватскую песню устраивали скачки с пальбой из наганов, всегда выходя победителями.

Конь – изящная фигура – единственная из всей шахматной армии, которая умеет перепрыгивать через свои и чужие фигуры и пешки, что превращает его (коня) в мастера закрытых построений. Охота за неприятельскими пешками, блокада и захват плацдармов – его основная работа. Именно конь делает неожиданные и самые красивые «вилки», атакуя сразу несколько фигур противника. Не зря существует выражение «ход конём», означающее внезапный поворот событий или обходной маневр.

Вот слон у меня вначале вызывал полнейшее недоумение. Достаточно было на него один раз взглянуть, чтобы закралась тревожная мысль: он болен? Понятно, что любой приличный, уважающий себя слон обязан иметь хобот, огромные уши и маленький хвостик. А этот, на доске, худой и длинный, чуть выше пешки и в остроконечной шапке.

Оказывается, первые слоны действительно выглядели, как их прототипы, потому что шахматы появились в Индии, где эти животные массово ис-

пользовались на строительных работах и в военном деле. Хобот и уши они «потеряли» по дороге в Европу, куда привезли их арабские купцы. В суровом климате слоны не живут, поэтому были для европейцев в диковинку. Единственный, пожалуй, случай, который приходит на ум, это слоны полководца Ганнибала, которые в 218 году до н. э. показались на альпийских склонах. Переход оказался им не по силам. Теплолюбивые животные погибли на заснеженных тропах.

Отношение к слонам у основной массы средневекового европейского населения, вероятно, было, как сегодня к инопланетянам. Появилась необходимость что-то решать с этим заморским чудовищем. Так некогда ушастый слон превратился в долгоязого епископа (bishop). Он обзавёлся головным убором, высокой митрой, и нарядился в длинную сутану. При этом сохранил свои главные боевые качества – дальнобойность. В открытых позициях эти фигуры обладают поистине разрушительной силой, особенно если действуют в связке.

Иногда слонов называют офицерами. Вероятно потому, что они стоят рядом с королевской четой, как настоящие гвардейцы. Но какой офицер бывает без фуражки, погон и в длинной мантии? Не офицер, а сплошное недоразумение. Настоящий шахматист никогда не назовет слона офицером.

Король стоит в центре своего войска. Он важный и тихоходный, в бою единица бесполезная. Как минимум, в самом его начале. Но если упадёт король, то и вся армия сдаётся в плен. Поэтому в случае опасности – как настоящий глава государства – шахматный король прячется в замок. Оставляет все дела в центре и убегает на край доски, как только послышится далёкая канонада и топот конских подков. Король перепрыгивает через ладью и прикрывается ею. Бегство в укрытие называется рокировкой.

Главное отличие короля от остальных фигур в том, что его нельзя срубить. Ему можно объявить мат – пленить, но не убрать с доски. В то время как любой другой фигурой можно пожертвовать или обменять. В партии допускается иметь два ферзя, но не два короля одного цвета.

С пехотой всё предельно ясно. Солдаты держат строй впереди остальных фигур и первыми идут в наступление либо держат оборонительные порядки. Пешка – единственная боевая единица, которая не оборачивается и не отступает, с какими бы угрозами она ни столкнулась впереди. Их целый отряд из восьми пехотинцев. Особо отличившимся присваивают воинские звания. Достигшая «последнего моря» – края доски (по горизонтали), пешка может стать на выбор любой фигурой, кроме короля. Двоевластие недопустимо, зато новые ферзевые доспехи будут в пору отважному солдату.

Что же касается ферзя, то у меня к нему имелось много вопросов. Самый щекотливый: каким образом властный визирь, первый министр государства вдруг сменил пол и стал королевой? С этим конфузom следовало деликатно разобраться.

Выяснилось, что история шахматной королевы берёт начало в той же Европе. Дело было в Испании во второй половине XV века. Юная королева Кастилии Изабелла вступила в брак с Фердинандом Арагонским и сосредоточила в своих руках огромную власть. Дама была твёрдого характера и весьма амбициозная. Она постоянно с кем-то воевала. Начала с подавления внутреннего мятежа; сильно поубавила свободу знатных грандов и урезала независимость городов. Она дала бой португальскому королю, наголову разбила его войско и заставила отказаться от притязаний на кастильский трон. В её правление армия Кастилии штурмом взяла город Гранаду, что привело к окончанию 780-летнего мусульманского господства на Иберийском полуострове.

Муж при Изабелле оставался блеклой тенью, именуемый малопривлекательным словом «консорт», что означало «муж – просто муж», не имеющих никаких иных полномочий.

Крутого нрава была Изабелла, не уступала кровожадному визирю. Поэтому европейцы в её честь стали называть самую сильную фигуру.

Кстати, название игры состоит из двух слов «шах» и «мат», что с персидского языка переводится «король мёртв». Очень ёмкое название, характеризующее главную идею всей баталии.

2. ИЗ УЧЕНИКОВ В ТРЕНЕРЫ

Кто однажды почувствовал вкус тактики и стратегии, тот навсегда остаётся очарованным ими. Поэтому, рассказав столько о самой игре, не могу умолчать о тех людях, которые научили меня видеть и понимать красоту замысловатых комбинаций.

Шахматами я увлёкся с подачи моего отца Анатолия, с которым часами просиживал за чтением детского учебника, составленного в виде сказки. Мы разбирали полные изящества партии великих чемпионов. Будучи даже на минимальном уровне посвящённым в основы позиционного анализа, я понимал, что за каждым внешне простым ходом кроется целая паутина переплетённых вариантов.

Индивидуальных занятий мне скоро стало мало. Захотелось испытать свои познания на соперниках такого же уровня. Так в 1982 году я попал во Дворец пионеров, в клуб замечательного человека и тренера Игоря Валентиновича Волчихина. Помню, как этот грузный мужчина в костюме-тройке и с большими очками на носу стоял возле демонстрационной доски и что-то с невозмутимым спокойствием рассказывал. Он организовывал для нас турниры

и назидательно после партии поучал: «Ну, что же ты не поставил мат с лишним ферзем? Это делается вот так». А ещё он показывал нам иностранные монетки и называл столицы тех государств. Так шахматы косвенным образом способствовали расширению кругозора его любознательных учеников. Уже будучи взрослым, студентом университета, я встретил Игоря Валентиновича на турнире в Междуреченске. Возвращаясь в Кемерово, мы дождались одного автобуса на вокзале. Прошло уже около десяти лет с моих детских занятий, но Игорь Валентинович, как в прежние времена, вытащил свои монетки и протянул мне одну:

– Ирландские десять пенсов. Столица государства?

– Дублин, – с лёгкостью ответил я.

– Ну, это слишком просто. Столица Монголии? – И тут же достаёт блестящий кружок.

– Улан-Батор.

– Считай, что это для разогрева. А напомним-ка мне столицу Кот-д'Ивуара?

Читающие сейчас эти строки, можете ли вы, не заглядывая в справочник, назвать столицу Кот-д'Ивуара? Вот и я не смог. А Игорь Валентинович улыбается:

– Ну, конечно, конечно, – Ямусукро, – не без удовольствия поворчал он и заговорил о шахматах.

В средних классах я перешёл в клуб «Буревестник», который в те годы располагался в первом корпусе (тогда ещё) Кузбасского политехнического института, и стал заниматься у другого прославленного в Кузбассе и за его пределами заслуженного тренера РФ Евгения Николаевича Андреева. С этого момента шахматы перестали быть просто увлекательной игрой, а превратились в стиль жизни. Победы или проигрыш; ничья – только передышка. Постоянные соревнования и финальный результат – лучшее мерило мастерства.

Клубная система подготовки коренным образом отличается от школьной, где можно сидеть до бесконечности и не прикладывать усилий. В клубе – либо пробивайся вперед, либо откатывайся назад. Стоять на месте не получится.

Когда мы возвращались после партии, Евгений Николаевич порой спрашивал: «Со щитом или на щите?» Так я узнал спартанское изречение, которым описывали исход боя. Победитель держал свой щит сам, а поверженного несли на его щите.

С кемеровской командой мне довелось побывать во многих городах Советского Союза: от Ангарска на востоке, до Москвы и других городов СССР. Особенно запомнились мемориалы Р. Г. Нежметдинова в Казани и летние фестивали в Алма-Ате. Поездки наши, кстати, и проживание полностью оплачивались государством, и даже суточные выдавали на питание. Так что советское прошлое у нас было не таким тёмным,

как сегодня может казаться тем, кто по возрасту не застал былые времена.

В кемеровских клубах я познакомился с отличными ребятами, с которыми до сих пор продолжаю поддерживать общение.

В заключение хочу сказать ещё об одном замечательном человеке. Левант (Леонид Михайлович) Элиягу – бывший международный арбитр из Ленинграда, основатель беер-шевского шахматного клуба и его бессменный руководитель на протяжении десятиков лет. Элиягу давно стал легендой израильского шахматного мира, создав, фактически на пустом месте один из сильнейших (если не самый сильный) шахматный клуб Израиля, который и на мировых первенствах показывает высокие результаты.

Мне часто доводилось бывать в достойных клубах, но нигде я не встречал такого большого количества гроссмейстеров: Юдасин, Алон Гринфель, Голод, Цейтлин, Михалевский, Темкин, Хузман, и это далеко не все. Международных мастеров и мастеров там не счесть. Неоднократно в клубе появлялся старый друг Леванта Виктор Корчной. И это в маленьком городке с населением всего-то около двухсот тысяч человек!

Несмотря на свои звания и занятость, в общении Элиягу простой, улыбчивый и доброжелательный человек, моментально располагающий к себе собеседника. Его чувство юмора проиллюстрирую примером – забавным случаем из середины 90-х годов.

По какому-то вопросу я заглянул в офис Элиягу, и, как это часто бывало, разговорились о политике и волне иммиграции 70-х годов. Вдруг появляется парень, старшеклассник лет шестнадцати-семнадцати. Спросил разрешения вскипятить чайник, убежал, набрал воды, поставил его мимо электрической подставки, нажал кнопку... Смотрит с удивлением – лампочка не горит. Он поворачивается к Элиягу:

– У Вас чайник испортился, – и выскочил за дверь. Он, кажется, играл партию.

Мы переглянулись. Элиягу улыбнулся:

– Это Боря Аврух – сразу видно, он наш будущий чемпион.

И ведь как в воду глядел. Через пару-тройку лет парень действительно засверкал на израильском шахматном олимпе. А чайник тогда пришлось мне кипятить. Проблем с включением не возникло. Наверное потому, что чемпионство мне не грозило.

За беер-шевский клуб в середине 90-х я играл в лиге «Арцит» – «национальной» (если сделать вольный перевод с иврита), это лига мастеров, вторая после «международной», в которой принимали участие гроссмейстеры и международные мастера.

Сколько помню Элиягу, все годы он помогал участникам своего клуба. Когда мы с ним познако-

мились, первое, что он после короткого приветствия спросил: «Как твои дела? Имеются ли какие-то проблемы?» Это не были формальные вопросы. Он действительно выручал людей. Помогал им с квартирами, с оформлением различных документов, с решением каких-то чисто бюрократических проблем в Сохнуте, и многое-многое другое. Все их проблемы он принимал, как свои личные.

Затем была моя эмиграция в Канаду. К своему удивлению, я увидел отсутствие большой популярности шахмат в стране под флагом с кленовым листом. Хоккей и кёрлинг – да. Даже свой королевский балет имеется. Но на всю провинцию Манитобу ни одного шахматного клуба или школы, какой была старая добрая кемеровская ДЮСШ у Е. Н. Андреева. Кажется, были какие-то попытки раньше создать кружки, но все они закончились ничем.

Пришлось создавать клуб с самого начала. Тогда уже существовал в Виннипеге образовательный центр «Эрудит», в котором обучались русскоязычные дети. Там в начале 2011 года я начал преподавать и собирать команду.

Любой хороший шахматист – самонадеянно причисляю себя к ним – рано или поздно понимает, что знания как жидкость. Они не должны уходить в песок. Им следует перетекать в другие сосуды.

Это была уникальная возможность передать детям то, что я получил от своих наставников. Благо, их опыт – И. В. Волчихина, Е. Н. Андреева, Э. Леванта – всегда у меня перед глазами. Дело, конечно, хлопотное, но результат становится высшей наградой. Мне, как и любому тренеру, приятно видеть свою команду среди призёров. Каждый год всё большее количество учеников пополняет копилку клуба новыми трофеями на районных, городских и провинциальных турнирах. Трое учеников выбились на чемпионат Канады среди школьников, но кубки пока им добыть не удалось. Есть ещё к чему стремиться.

Бытует распространённое, но ошибочное мнение, будто шахматы учат человека математически мыслить. Спешу заверить, даже если вы вообще не знаете математику, это не помешает стать сильным шахматистом. Чему точно научат шахматы: анализу и расчёту, закалят характер и приучат к самоконтролю. Шахматы обязательно преподнесут горький урок поражений и сладкий запах победы.

Шахматы не теряют популярности уже более полутора тысяч лет. Тому есть причина: они в миниатюре моделируют нашу жизнь. Глядя на строй фигур, каждый найдёт себя в нём. Надо только внимательно присмотреться.



Валерий ПЛЮЩЕВ

«В СТИХАХ ВСЯ РАДОСТЬ ЖИЗНИ...»

Эта книжка-брошюра вышла пока только в «самиздате» – считанные экземпляры сделала вручную и продолжает допечатывать по мере необходимости на своем компьютере Нина Михайловна Инякина, дочь поэта Михаила Небогатова. Печатает, скрепляя с помощью степлера странички в брошюру, которую она озаглавила цитатой из письма ушедшего из жизни Виктора Баянова: «Хочу жить долго». К книжке в наличии ещё и подзаголовок «Михаил Небогатов и Виктор Баянов – дружба и творчество».

Книжечке-самodelке предшествовала публикация писем Виктора Баянова к Михаилу Небогатову в журнале «Огни Кузбасса», № 4 за 2014 год. Имеющие отношение к кузбасской «веточке» литературы России знают, что в этом же году отмечалось 80-летие со дня рождения талантливого и самобытного поэта Виктора Баянова. Его стихи – это праздник для души, радость и плач, смех и печаль, и гордость за то, что земля наша кузнецкая дала путёвку такому русскому Поэту.

Хорошо помню, когда, приехав из Красноярска в Кемерово после окончания института по направлению на работу, открыл для себя настоящую поэзию, каковая цвела в то время на земле кузнецкой. В Красноярске главными литературными удачами признавали в те годы прозаические произведения, достаточно назвать Алексея Черкасова с его мощной трилогией «Хмель», «Чёрный тополь», «Конь рыжий», чтобы замереть от почтения и восхищения. А тут в Кузбассе было «царство поэзии», до уровня поэтических произведений которого тем же красноярцам было семь вёрст киселя хлебать.

Так получилось, что первую поэтическую кемеровскую книжку приобрёл как раз баяновскую. Читали тогда сразу, и какое же это было волшебное чтение! Стихи незнакомца, Виктора Баянова, изданные в Кемерово, поражали, его образы завораживали, за строчками вставал большой поэт, а какая музыка стиха!

Позднее мне посчастливилось неоднократно слушать Баянова «живьём», узнать его (мы однажды вместе оказались на Шукшинских чтениях в Сростках). Поэт написал отзыв-рецензию на одну из моих публикаций, а главный редактор «Огней Кузбасса» Сергей

Донбай отдал мне баяновские рукописные листочки – мне до сих пор дороги оценки мастера слова, храню их как память и как дорогую реликвию.

Недавно мне поручили рассмотреть на возможность публикации в вышеназванном журнале к памятной годовщине Баянова несколько рукописей разных авторов. В одной из них я впервые прочитал четыре баяновских письма Небогатову: это было потрясение – наш поэт, обучаясь на литературных курсах в Москве, писал другу-поэту о жизни в столице, литературных делах, давал оценки собратьям по ремеслу, и какие это были оценки!..

В уже вышедшем позднее журнале я увидел шестнадцать писем Виктора Баянова, представленных Н. М. Инякиной. Это, по моему мнению, лучшая публикация данного номера. Прочёл в один присест: и вновь восхищение.

Но в книжке, о которой речь, явлено уже двадцать три письма (одно из архивных писем опущено). Как здорово, что публикатор несколько писем представила, помимо их печатного, ещё и в отсканированном виде, в их рукописной форме – ведь почерк тоже немало значит, когда читаешь большого поэта.

Я хорошо знал ещё одну дочь Небогатова Светлану – работали в одной газете, переживал и сочувствовал родным после её трагической гибели. Как же это замечательно и дальновидно, что её мать, а потом и она (при жизни) передали в облархив эти «бумаги», бережно сохраняемые. Не буду указывать пальцем, но одна из литературных вдов в Кемерово упустила книги с автографами из библиотеки своего покойного мужа-поэта в букинистический магазин задёшево: «подмели» всё быстро и без остатка случайно оказавшиеся люди в этой торговой точке.

Небогатов хранил письма друга, хотя свои рукописи после публикации, как он писал, уничтожал (работавшие в архиве с его материалами говорят: рукописей там сохранилось много). Время пришло, и у нас имеется прекрасная возможность читать размышления Баянова, знакомиться с поэтом без посредников.

Два кемеровских поэта были большими друзьями – это легко прочитывается в ими написанном. Небогатов пишет в дневнике о Баянове: «Мой лучший друг». Ценили творчество друг друга, взаимно помогали, насколько могли, делились мыслями о жизни, о передуманном, о прочитанном, ну и, конечно, выпивали, а куда без этого в творческой среде. И кошка чёрная иногда между ними бегала, люди с оголёнными нервами, к коим принадлежат поэты, как известно, ещё и ревнивы, и рефлексия постоянная их терзает, и даже взгляд «вдруг не тот» может заставить напрячься нервную систему. Между настоящими друзьями бывает и не такое: хорошо, что всё хорошо и быстро разяснялось.

Поучительно то, что, когда Баянов пишет о Москве, рассказывает о столичных новостях, душа его всегда на

родине, в столичном муравейнике ему не нравится, даже мысли не возникает «пристроиться». Понимал ли Баянов, что, останься он в столице, известности все-российской добился бы всенепреренно, да и за границей бы переводили – высокий уровень своего таланта и природного дара он осознал. Но нет, родина – это святое, он много раз возвращается к этой теме в письмах, буквально ощущается за строчками уровень его безмерной тоски по земле, на которой вырос, по родным людям, друзьям. Он тоскует по-настоящему, откровенничая в письме: «Встречи с тобой и простые наши беседы я вспоминаю как самое дорогое». Удивляется смелости московских преподавателей, пишет, что читает по программе, что вне рекомендованного, рассказывает о московских нравах, погоде, фильмах, обсуждении собственных стихов на семинаре под руководством Межирова, к которому как к поэту относится, определим так, сложно. «В Москве мне совершенно не нравится... Очень томит одиночество».

Прохладно, если не в штыки, воспринимает и творчество, и личности Арсения Тарковского, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского («...Пора бы этого гения изловить в тёмном месте да ремешком по седалищу, чтоб писал вразумительно и к душе русскому человеку», – пишет об одном. «Я уже, как блевотину, не могу его переносить», – о другом).

Можно много цитировать его оценки поэтов, которые были тогда на слуху, гребне успеха и известности. И Небогатов в своём дневнике, по сути, солидаризируется с другом в оценке творчества некоторых столичных эстрадных витий, пишет о Роберте Рождественском, который на Днях литературы в Кузбассе читал у нас голосом с лёгкой хрипловатой сталью свои стихи. Вот она, небогатовская оценка опять-таки из дневника: «Взять Роберта Рождественского – на мой взгляд, он откровенный халтурщик от литературы. Популярность его – дутая». Сурово, взадир тогдашней, да и нынешней критике, и с долей злости сказано.

Но до чего же замечательно наш поэт, находясь в столице на учёбе, оценил столичную литпублику: *«Приходилось мне читать стихи в среде московских поэтов. И я пришёл к такому выводу: если твоё стихотворение хуже, чем их, то они его похвалят. А если лучше, то тут же начнут говорить, выискивать блохи. Что-нибудь да найдут, но всё равно тебя понизят и посадят ступенькой ниже. Никакой искренности и честности в оценке. И это у них такое правило».*

С тех пор вообще-то мало что поменялось.

...Насколько же «заиграла» эта книжка от любви и уважения публикатора к обоим героям. Нина Михайловна Инякина предварила московские письма Баянова кусочками из опубликованного дневника Небогатова, которые так или иначе связаны с его другом. Здесь же «в подбор» приводятся предисловия Небогатова к поэтическим книжкам Виктора Баянова, небогатовские и баяновские газетные публикации друг о друге, стихи и пародии.

«Между нами душевное родство», – записал в дневнике Михаил Небогатов о своих отношениях с Виктором Баяновым 18 июня 1963 года. А ведь ещё 10 ноября 1958 года писал скромнее: «Чувствуется одарённость в его стихах... Если не собьётся, не зазнается – далеко пойдёт!» Но уже через пять лет: «Он замечательный, самобытный поэт». И, наконец, оценка 6 января 1964 года: «...Люблю его стихи». А вот как замечательно по-русски Михаил Небогатов в собственных стихах пишет о творчестве и личности друга-поэта: «...И словно смотришь на берёзку...».

А ведь был ещё легендарный литсеминар 1966 года, обросший в Кемерове мифами и замечательными воспоминаниями участников. К нам приехал на этот сбор писателей в числе прочих знаменитостей Ярослав Смеляков. Вот так зафиксировал итог в своём дневнике Небогатов: «...В интервью для «Лит. России» Смеляков назвал только Витю Баянова (прелестные стихи) и Женю (смелые и яркие стихи)».

Небогатов щедро и полновесно судит о друге-поэте Вите Баянове и его творчестве! Это, прежде всего, в оценках поэта, распахнуто выплескивающего перед самим собой в том же дневнике: «В стихах – вся радость жизни...».

Они – оба – учились друг у друга, впитывали знания с завидным упорством, знания эти были обо всём: Вселенной, земном мире, людях и их внутренней духовной наполненности, едва уловимых и почти неощутимых движениях душ.

Поэзия – путь к Богу. И Божественному совершенству. И вот это, трудноуловимое, необходимо высказать словами, перевести на родной язык. У них это получалось.

И ещё. Из этой книжечки видно, что оба поэта хорошо понимали: поэтическое творчество – необходимость для людей.

Сильно надеюсь, что отыщутся деньги на «нормальную» дальнейшую печатную судьбу этой маленькой и замечательно поучительной книжки.

166



И ОСТАЁТСЯ ЛИШЬ МУЗЫКА СЛОВ

(О поэзии Владимира Каганова)

Всегда таинственная встреча
С раскрытой книгой в руках,
Когда ты можешь целый вечер
Парить, как птица в облаках.

В. Каганов. Чтение

Встреча лирика и читателя оборачивается либо задушевым разговором, либо молчанием. И когда созвучно в настроении, мысли, переживании разворачивается эта неслышная миру, но живая беседа, рождаются и струятся смыслы, перетекая от поэта к читателю и обратно... Пусть моё эссе будет эхом, эхом зазвучавшего диалога с поэтическим миром Владимира Каганова.

Автор четырех поэтических книг – «Ночной разговор» (1991), «День осеннего равноденствия» (1999), «Осиянный шатёр» (2006) и «Тень птицы» (2012) – в своих стихах самоопределяется как романтик и визионер, человек культуры и, тем самым, неминуемо путник по векам и эпохам, по другим художественным мирам. Достаточно вспомнить его стихотворения «Романтики 60-х» или «Город Александра Грина».

В первом из них лирический герой стихотворения обретает себя в диалоге с шестидесятниками, их любовью к походам, авторской песне, жадной странствий. И, осознавая себя другим, всё же находит в их жизнеутверждающем штурме новых дорог тайную опору своих духовных исканий:

Где вы, бородатые романтики
В штопанных штормовках
И горных ботинках,
С песнями Высоцкого и Визбора,
С гитарой и магнитофоном,
С бодрой шуткой и водкой в авоське?
Да, вы были в моей судьбе
Почти незаметной опорой,
Хоть я не из вашей команды
И водки я с вами не пил.
Но если мне было плохо,
То шёл я всё-таки к вам,
И ваш грубоватый юмор,
И ваш здоровый румянец,
И ваш романтизм походный
Меня не раз согревал.
Вы были чем-то похожи
На тех героев Жюль Верна,
Кипплинга, Джека Лондона,
Которых я втайне любил.
И вы меня принимали,
Поэта-визионера,
Философа-аргонавта,
С улыбкой, таким, как есть.
Давно прошло это время,
Дымкой подёрнулись дали,
Сносились ботинки и кеды,
Смех растаял в горах.

Но я вас всё вспоминаю,
И к старым знакомым песням
Вдруг сердце порой рванётся,
Как путник к свету костра.

Во втором из них наряду с мотивом укоренённости в мире романтиков развивается мотив духовного родства тех, в чьих душах живёт жажда идеала. Нестрашность имени экскурсовода – Марина – переживается поэтом недаром: «По переулку я вышел к музею Грина. // Домик, как парусник белый, взгляду открылся. // Женщина-экскурсовод – конечно, Марина, // Встретила нас – меня и десяток туристов». В её имени неожиданно встречается гриновская тема моря с цветаевским образом братства творцов в веках и временах, предопределяя внезапный обмен понимающими взглядами лирического героя с хранительницей музея: «Чувством шестым я включаю тайное зренье. // Вот и Марина уже в глаза взглянула. // Грусть, удивленье, вниманье, благоговенье – // Что-то такое мне душу перевернуло. // Это уж точно, что я здесь такой – не первый. // И не последний, конечно, могу поклясться. // Тайные дети Гринландии общей верой // Накрепко связаны в мире в незримое братство». И даже если схождение тем и образов оказалось случайным, в сознании читателя оно становится закономерным, будучи предсказанным самим строем души, отразившейся в этих стихах.

Поэтому «Тщетной попыткой» оборачивается стремление лирического героя вписаться в филистерскую реальность, окружающую его:

Попытки инсталлировать себя –
Представить, встроить, говоря иначе,
В похабную реальность бытия
До сей поры не привели к удаче.
Да, я старался столько, сколько мог,
Но как-то сразу вылетал обратно.
Не знаю, то ли Бог мне не помог,
То ли настолько было там отвратно,
Что вся моя природа с криком «фас!»
Меня оттуда силой выносила.
И всё это случалось столько раз,
Что понял я: мне это не по силам.

И все же поэзия В. Каганова не столько свидетельствует о разладе с ритмами современности, сколько оборачивается созвучием тому, что можно назвать вечными темами – любви, искусства, бытия и места человека в нем. Так, в ранней лирике вероятным ключом к ее пониманию оказывается одноимённое первое поэтическому сборнику стихотворение «Ночной разговор», задающее тему исканий смысла жизни и её постижения как магистральную и для книг стихов, и, пожалуй, для всей его поэзии:

Волей-неволей – и некуда деться, поверь, –
Мы были впущены в эту тяжёлую дверь,
В эту таинственно-древнюю твердь бытия,
Чтобы до времени выйти из забытья.

Нет ни маршрута, ни стрелки мелком на стене,
 Льётся вода, и сквозит холодок по спине,
 Гул в вышине, словно птичий невидимый хор,
 Да нескончаемый тихий ночной разговор.
 Дюны песчаные, волны морские у ног –
 Всё приготовил на славу старательный бог.
 Только одно почему-то забыл сообщить:
 Что с этим делать и как в этом мире нам жить.
 Вот и бредём кто куда по печальной земле,
 Всё ожидая: звезда загорится во мгле.
 И продолжается сквозь суету и раздор
 Наш нескончаемый тихий ночной разговор.

Ожиданием озарения, проблеска идеала, бессмертного света истины проникнуты многие стихотворения поэта: «Ночью случайно приёмник...», «Он вспоминает голубую звонницу...», «Когда в ничтожной суете страстей...», «Музыка ночи», «Ночная зарисовка» и мн. др. Большинство из них объединены не только тематикой, но и образностью ночи, звёзд, одинокого бодрствования в ночи, что позволяет видеть в поэзии В. Каганова ориентацию на традиции тютчевской философской лирики.

Есть в его поэзии и пронзительно выведенная нота самостоянья человека в бытии, обретенная как развитие звёздной символики:

*Замри, замри, моя душа!
 Будь, как звезда, хрустально ясной!
 Живи, сама собой дыша,
 Не льясь надежду напрасной.*

Закономерно, что мотив самостоянья человека развивается в поздней лирике В. Каганова в утешительное обретение самодостаточности наделённой творческим даром личности, переключаясь тем самым с пушкинской темой поэта и черни.

УТЕШЕНИЕ

*Есть в одиночестве творца
 И драгоценная награда:
 Ты независим до конца,
 Тебе ни перед кем не надо
 Гнуть спину, одобренья ждать,
 Искать внимания и славы,
 Хулы бояться и страдать
 От клеветы толпы стоголовой.
 Свой мир свободно ты творишь,
 Лишь вдохновению послушен,
 Ты с гениями говоришь,
 С высокими умами дружен.
 Лишь их творений дивный мёд
 Питает щедро твою душу,
 И вдохновения полёт
 Шум дикой черни не нарушит.*

Обретенная лирическим «Я» духовная свобода и самостоянье в мироздании позволяет ему по-иному увидеть окружающий мир. И с самого начала наряду с романтическим исканием идеала, рифмуясь с ним, в творчестве В. Каганова появляется и гневная, инвективная интонация, которой окрашены многие его

стихотворения, которые тематически можно отнести к гражданской лирике. Так в стихотворении «Вывод», композиция которого иронически напоминает логическую триаду, отношения лирического героя с эпохой, основным свойством которой изображено гниение, складываются более чем драматично:

*Хорошо быть старым дураком,
 Слушать песни звонкие эпохи
 И с трибун рассказывать о том,
 Что дела у нас совсем неплохи.*

*Хорошо быть старым мудрецом,
 Знать, что ложь на истину похожа,
 И, встречая жизнь к лицу лицом,
 Тихо уповать на милость Божью.*

*Плохо быть ни тем и ни другим,
 Понимать, что мир прогнил до нитки,
 И скреплять дыханием своим
 Истины разодранные свитки.*

Заданная этим стихотворением обличительная нота эхом прокатилась по его стихотворениям, нарастая в сборниках «Осиянный шатёр» и «Тень птицы». И всё же ценнее и прекраснее всего звучат те стихотворения В. Каганова, в которых дышит не гнев, но любовь. Та сила, которая придаёт смысл и возвращает человеку самого себя, открывающая способность вести неумолкающий разговор с эпохой, мирозданием, читателем:

*Для вещего слуха поэта
 Звучат голоса из былого,
 В которых родные напевы
 И музыка вещего слова.*

*Для вещего взора поэта
 Сияют чертоги Вселенной,
 В которых волшебные лики
 Цветут красотою нетленной.*

*Для вещего сердца поэта
 Открыты все тайны живого,
 В которых на разных наречьях
 Любовь отзывается снова.*

Наталья НАЛЕГАЧ,
 доктор филологических наук,
 профессор КемГУ

ИНЖЕНЕРНЫЙ ДИАЛОГ СО СТРОИТЕЛЯМИ ПИРАМИД...

Одним из преимуществ человека является способность передавать культурный опыт в том числе о технических достижениях своих предшественников. Можно предположить, что именно поэтому культурная эволюция, в отличие от биологической, совершалась. Наше сознание позволяет не только осмысли-

вать уникальные загадки и тайны окружающего мира, но и не забывать прикрытые пеленой времён духовные и материальные достижения своих предков.

Одними из таких достижений, безусловно, являются египетские пирамиды. Удивительно, но ведь до сих пор мы не знаем доподлинно, какие культурные смыслы заложены в них. Может быть, они просто демонстрируют предельные пороги тысячелетней практики сооружения циклопических объектов, начатой ещё 11 тысяч лет назад при возведении крупнейшего в мире мегалитического храмового комплекса Гёбекле-тепе в Анатолии, и ничем другим, кроме тщеславных мемориальных комплексов, династических некрополей и гробниц себялюбивых фараонов не являются? А может быть, всё-таки демонстрируют помимо всего математический, астрономический, календарный, геодезический и архитектурный гений их строителей?

Однозначно ответить на эти вопросы, думается, не удастся ни египтологам, ни пирамидологам, которые в бескомпромиссных спорах друг с другом бьются над ними уже почти полтора столетия. Но и прекращать поиски тоже никто не собирается. Наоборот, тайна египетских пирамид притягивает к себе всё новых и новых исследователей. Среди них оказался и Александр Михайлович Ярошук, химик и блестящий инженер, более тридцати лет проработавший на крупнейшем промышленном предприятии, курируя строительство ряда промышленных объектов в западносибирском городе Кемерово.

Взявшись за прочтение первой его книги «Великие тайны пирамиды Хеопса: заблуждения и реальность», я был поражен смелостью этого незаурядного человека. Пытаться раскрыть тайну пирамиды Хеопса (самой известной из более чем семидесяти египетских пирамид и главной в комплексе в Гизе), не побывав в Египте и на самом этом гигантском сооружении – как это можно? Но, оказывается, можно и нужно, поскольку огромный инженерный опыт Александра Михайловича позволяет ему не просто дотошно, но и весьма и весьма проникательно осмысливать любую уже опубликованную текстовую и иллюстративную информацию о внешнем и внутреннем устройстве знаменитой пирамиды. И не просто осмысливать, но и выдвигать собственные гипотезы о функционалах обнаруженных здесь другими исследователями помещений.

Может быть, и эти гипотезы будут проверены на практике и позволят наконец открыть египтологам настоящую, а не мнимую «Палату царя» (как её называли первооткрыватели), с находящимся в ней небрежно выполненным саркофагом? Может быть, благодаря гипотезам А. М. Ярошука нашему взору предстанут «несметные сокровища», оставленные в пирамиде отпрысками знаменитой династии? Почему бы и нет...

Признаюсь, при чтении книги кемеровского автора меня вначале цеплял несколько приземлённый,

так сказать, авторский стиль, а также его усложнённая инженерная логика. Но чем дальше я знакомился с текстом, тем больше чувствовал себя непосредственным собеседником пишущего, заинтересованным сторонником сугубо инженерного подхода к тем или иным доказательствам. Подхода, опирающегося на современную инженерную практику, на личный многодесятилетний инженерный опыт автора книги.

Кажется, до Александра Михайловича Ярошука никто не пользовался таким методом. Поэтому и возникала вера в то, что когда-нибудь его гипотезы войдут в научный оборот (хотя автор не причисляет себя к научному клану) и приблизят человечество на несколько шагов ближе к раскрытию загадок строительства египетских (и не только египетских) пирамид! Сам Александр Михайлович прямо признаётся, что цель его работы – не только понять назначение пирамиды Хеопса, её элементов, способов постройки, но и найти (!) саркофаг фараона с его богатствами. А вдруг поставленная им цель достижима? Ведь во второй книге А. М. Ярошук обещает читателям посредством инженерного метода раскрыть новые тайны одного из семи чудес света, то есть знаменитого циклопического сооружения, возникшего около 4,5 тысячи лет тому назад по прихоти фараона IV египетской династии.

Салим ФАТЫХОВ,
доктор культурологии,
заслуженный работник культуры РФ,
г. Челябинск

169

ЧИСТА ЛЮБОВЬ...

Недавно я хотела купить в подарок друзьям книгу о Кузбассе. В большом трёхэтажном книжном магазине на проспекте Ленина города Кемерово спросила у продавца, где находится раздел краеведения и произведения поэтов Кузбасса.

– А мы представляем Новосибирское торговое предприятие, у нас ничего такого нет.

Признаюсь, мне стало нестерпимо обидно, так как в нашем регионе выходят замечательные книги, пишут по-настоящему талантливые люди, и мне бы хотелось, чтобы о них знали, их книги читали, радовались.

Недавно, например, «Печатный двор Кузбасса» порадовал читателей новой книгой стихов поэта Владимира Ерёмченко¹.

Не претендую на роль критика, но как читательнице и почитательнице поэтического творчества наших земляков, хотелось бы выразить своё отношение к этому, как мне кажется, немаловажному событию в литературной жизни нашего края.

¹ Владимир Ерёмченко. Свет Невечерний: стихи. Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2014. – 142 с. – 1000 экз.

Автор разделяет книгу на смысловые главы: «Рождение», «Путь» и «Тебе, Любовь, ликующая песнь». Первые две части включают в себя новые лирические произведения поэта, а третья, о которой ниже пойдёт особый разговор, это венок сонетов.

Лирика поэта – это размышление о Жизни и смерти, о предназначении человека, - словом, всё, что принято называть вечными вопросами человеческого бытия. Горячо сострадав человеку, строгательной нежностью воспеваает поэт своего современника. Все стихи его пронизаны глубоким покаянием, любовью к Богу и человеку:

*Одни только Ангелы видят,
Как самый уродливый свят...
А самые близкие спят
И даже во сне ненавидят...*
(«Красота», стр. 27)

*Две, как лодочки, ладони
В мир бушующий плывут.
Их обида не затронет,
Коли и не подадут.*

*Даже если обругают –
Улыбнётся в тот же миг.
Проступает, проступает
Сквозь улыбку Божий Лик.*
(«Божий Лик», стр. 28)

Поразительна, воистину бескорыстна и потому чиста любовь к человеку поруганному, обесчещенному грехом, когда, казалось бы, и жалеть – то его, гнусного, не за что, к человеку, которому ничего не стоит, напившись, «дней десять в пекле прогостить и, выдравшись оттуда, дня три ещё себя казнить за то, что ты – Иуда» (стр. 101).

Но вот из этой пьяной рожи проступает вдруг «Божий Лик» и невероятное, сверхангельское терпение (стихотворение «Стража»). И сердце сжимается от сострадания и... восхищения человеком, в котором – в каждом! – образ Божий иногда прикровенно проявляется, как сквозь тусклое стекло...

А вот о предназначении поэта:

*Поэт в себе содержит Свет,
Мирского света непричастен,
И потому всегда несчастен,
Но счастлив тем, что он – Поэт.*
(стр. 21)

*Поэт в порыве вдохновенья
Мгновенный знает перелёт –
Он Бога сердцем познаёт
Через своё стихотворенье.*
(стр. 14)

«Поэт в порыве вдохновения разгадывает Бога» – эти слова Ф. М. Достоевского, являющиеся эпиграфом к стихотворению, невольно напоминают выска-

зывание Александра Блока о том, что поэт в своём творчестве стремится познать и выразить Бога. Бога, который внимательному взору являет Себя во всех Своих творениях, стремится выразить и автор этих строк:

*Малым, старым, немощным –
Лавочки вдоль стен,
Мы же на коленочках
Избываем тлен.*

*Все грехи повынули...
Слёзонки из глаз,
Каждого по имени
Окликаешь нас.*

*Крест вратами Царскими
Вносит иерей,
Знаем: за мытарствами –
Свет, Любовь, Елей.*

(«Крестовоздвижение», стр. 23)

Бог-Любовь, по слову апостола Иоанна Богослова, наделяет Своим Светом всех, поклоняющихся Ему в духе и истине. Его Светом и надеждой на несказанную милость Его наполнены даже самые печальные строки стихов, даже те, где изболевшая душа поэта покаянно обнажает перед читателем «вся тайная» и молит Бога о помощи и прощении, даже там, где общая горестная судьба обезбоженного народа и его страдания, сливаются с болью самого поэта за свой народ, за униженную и поруганную Отчизну:

*Опять лютуют гибнущие силы,
Предвидя неминуемый конец,
И топчут у разверзнутой могилы
Святой Руси поруганный венец.*

*Опять одни среди врагов остались.
Куда же мы, заблудшие, бредём?!
От Бога всей Россией отказались,
Без Бога всей Россией пропадём.*
(стр. 72)

Особо хочется сказать о третьей части книги, в которой поэт воспеваает своего Творца, посвящая Ему венок сонетов.

Венок – это особая форма поэзии, которая берёт своё начало от одного из жанров церковной гимнографии – канона.

*Венок сонетов – давняя мечта
Изведать власть железного канона.
Теряя форму, гибнет красота,
А форма чётко требует закона.*

*Невыносима больше маята
Аморфности, неряшливости тона,
До скрежета зубовного, до стона.
Уж если так, – пусть лучше немота...*

Эти строки из талантливого венка сонетов Владимира Солоухина, которым мы зачитывались в студенческие годы, невольно приходят на память при чтении нового прекрасного венка кузбасского поэта.

«Власть железного канона», так обременительная для любителей либерально-аморфных форм, всё сильнее притягивает тех, кто стремится подняться к высотам духовного смысла поэзии, туда, где поэзия неизбежно приближается к молитве.

Поэзия соединила в себе два жанра искусства: литературу и музыку и является, по сути, музыкой речи. Ведь поэзия фактически первый на земле жанр искусства, потому что первой человеческой речью была молитва. Только после падения прародителей и изгнания их из Рая возникает бытовая речь-проза, а создателем отдельной от молитвы музыки (музыкальных инструментов) стал потомок Каина Иувал...

Канон может пугать только того, кто плохо владеет формой, не понимает её предназначения творить совершенство жизнеутверждающих образов, полагая, что форма ограничивает творческую свободу. Нету ли свободу злотворчества, которая, пренебрегая законами и разрушая формы, погружает мир в хаос и о которой написал иеромонах Роман (Матюшин): «Преступная свобода падать, да не отыщешься во мне!»?

Приветствую свободу восхождения к совершенству – подлинную свободу творчества – и радуюсь тому, что знакома с замечательным поэтом и хорошим человеком Владимиром Спиридоновичем Ерёмко, который сегодня полагает свой благоухающий венок к подножию Престола Пресвятой Троицы, Законоположателя и Творца всех канонов и всех законов, лежащих в основе совершенства мира.

Неслучайно автор назвал этот венок сонетов посвящением: «Тебе, Любовь, ликующая песнь»:

*... Что без Любви нам хлеб насущный днесь
И Вечность, как бы ни была желанна?
Что без высот глубины океана
И без Небес весь мир, лежащий здесь?!*

*Мы, в эту жизнь входящие едва,
Внимаем сердцем Светлые Слова
И ищем их Источник Вдохновенья.*

*Мятемся, страждем, жаждем вновь и вновь.
Скажите мне, что больше, чем Любовь,
Кто Вечного достоин восхваленья?!*

Надеюсь, что эти прекрасные строки сонетов будут заучивать и запоминать на всю жизнь, как и мы ранее, нынешние студенты и все любители высокой поэзии.

Нина ОРЛОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

29–31 мая в Каменске-Уральском проходило 3-е международное совещание молодых писателей «Рифейские встречи». На него съехались более 70 гостей из российских регионов, а также из Казахстана, Белоруссии Луганской Народной Республики. Прошли семинары поэзии, прозы, детской литературы, литературного перевода. Руководители – сопредседатель Союза писателей России Александр Кердан (Екатеринбург), председатель Союза российских писателей Светлана Василенко (Москва), сопредседатель Союза российских писателей Арсен Титов (Екатеринбург), заместитель главного редактора журнала «Наш современник» Александр Казинцев (Москва), Леонид Иванов (Тюмень), Валентина Ерофеева-Тверская (Омск), Пётр Краснов (Оренбург), Нина Ягодинцева (Челябинск), Лола Звонарева (Москва), Сергей Трахимёнок (Минск), Леонид Быков (Екатеринбург), Дмитрий Мурзин (Кемерово), Николай Коняев (Тюмень), Ольга Юрлова (Шуклина) (Киров), Айдар Хусаинов (Уфа), Виталий Молчанов (Оренбург) и каменские поэты Юрий Каплунов и Нина Буйносова. Молодёжь Кузбасса представляли Агата Рыжова, Дмитрий Филиппенко, Светлана Уланова. Заключительным этапом совещания стали встречи писателей с жителями Каменска-Уральского в библиотеках города.

3 июня в большом зале Федерации независимых профсоюзных организаций Кузбасса состоялся Форум литераторов Кузбасса. В Форуме приняли участие более двухсот человек: представители Союза писателей России, Союза кузбасских писателей, Совета народных депутатов, областного Комитета профсоюзов работников культуры, областного Совета ветеранов, а также представители Управления культуры г. Кемерово, библиотек и литературных объединений Кемеровской области.

Выступили Б. Бурмистров, директор Дома литераторов Кузбасса, Л. Т. Зауэрвайн, начальник департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх, Г. М. Соловьёва, председатель комитета по культуре областного Совета народных депутатов, О. Ю. Карасёва, начальник управления культуры, спорта и молодёжной политики г. Кемерово, Н. П. Неворова, председатель Областного совета ветеранов войны и труда.

О гражданских мотивах в кузбасской поэзии рассказала Г. И. Карпова, член редакционного совета издательства ДЛК. Главные редакторы журналов «Огни Кузбасса» и «После 12» С. Л. Донбай и Н. Г. Ибрагимова говорили о деятельности своих изданий.

Затем руководители литературных студий Кемеровской области рассказали о своей работе. Выступили Д. Л. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий), Д. В. Мурзин (Кемерово), Н. Я. Кудрявцева-Кузнецова (Кемерово), М. Н. Шеховцов (пос. Ижморский), молодой литератор Ирина Тюнина и др. Т. Н. Николаева говорила о непростой ситуации в литературной сфере г. Новокузнецка.

В целом Форум писателей Кузбасса обнажил ряд насущных проблем литературного сообщества Кемеровской области и наметил пути их решения.

5 июня на площади Пушкина состоялись ежегодные Пушкинские чтения, посвящённые дню рождения великого поэта. В мероприятии приняли участие библиотекари, артисты Музыкального театра Кузбасса им. Боброва и Кемеровского театра драмы им. Луначарского, кузбасские литераторы. Рядом с памятником Пушкину звучали стихи Бориса Бурмистрова, Сергея Донбая, Александра Ибрагимова, Александра Каткова, авторов литературной студии «Притомье», а также произведения поэтов из Ленинска-Кузнецкого и Анжеро-Судженска.

6 июня члены Союза писателей России, поэты Александр Катков и Владимир Ерёмченко приняли участие в шестом празднике русской словесности и духовной поэзии «Александр Сергеевич Пушкин: путь к православию». Праздник проходил в церкви преподобного Сергия Радонежского для воспитанников церковно-приходской школы. «Ребятишки читали отрывки из сказок Пушкина прямо в церкви. Конечно, это очень впечатлило», – делится Александр Катков. Поэты поговорили о Пушкине, почитали его и свои стихи.

7 июня в музее-заповеднике «Томская писаница» состоялся VII фестиваль звонарей «Звоны над Томью». Организаторами фестиваля стали департамент культуры и национальной политики Кемеровской области, музей-заповедник «Томская писаница»; Мариинская и Кемеровская епархии Кузбасской митрополии. Участники культурной программы фестиваля – поэты Дмитрий Мурзин и Татьяна Кравченко. Они читали А. Пушкина и свои стихи.

10 июня Владимир Ерёмченко и Александр Катков посетили Кузбасский региональный институт развития профессионального образования. На встрече обсуждался День Победы, патриотизм, говорили о понятии «малая родина». Владимир Ерёмченко и Александр Катков почитали свои стихи и поделились творческими планами. Студенты и преподаватели с большим интересом общались с известными кузбасскими поэтами.

12 июня, в День города, состоялась торжественная церемония закладки камня под основание будущего памятника Фёдору Михайловичу Достоевскому. Напомним, памятник будет установлен в Аллее искусств напротив Дворца молодёжи. Камень под основание памятника был взят с земли Бачатской, так как Ф. М. Достоевский в 1856 году провёл трое суток в доме священника в селе Бачаты. Вес камня составляет 5 тонн 680 килограммов. На церемонии закладки присутствовало около 100 человек: это представители администрации, писатели, художники, преподаватели.

12 июня в 18:00 в сквере Театра для детей и молодёжи по адресу: ул. Арочная, 37, состоялся финальный этап открытого городского конкурса новелл о городе Кемерово «Рассказ из 10 фраз». Цель конкурса – написать о городе Кемерово, его истории, жизни в городе, событиях, произошедших в городе, и впечатлениях, которые они произвели, жителей города, их чувствах и отношениях в десяти предложениях. Лучшие работы будут опубликованы в журнале «Огни Кузбасса», газете «Кемерово», на сайте управления культуры, спорта и молодёжной политики. Победители конкурса и лучшие работы определены большинством голосов компетентного жюри, в котором принимали участие поэты Б. Бурмистров и Д. Мурзин. По результатам открытого голосования в социальной сети Facebook присуждается специальный приз. Гран-при удостоена серия рассказов Виталия Батушева. Первую премию разделили Андрей Штаб, Андрей Лойченко. Вторая премия – Светлана Горшнина. Победительница по голосованию в сети интернет Полина Инденко.

12 июня в День Города на поэтическом Арбате состоялись поэтические чтения, в которых приняли участие поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Катков, И. Тюнина, И. Куралов.

15 июня в школе № 55 состоялась встреча с читателями поэтов Ирины Тюниной и Веры Лавриной.

С 14 по 21 июня в Иркутске прошёл Международный фестиваль поэзии на Байкале. Больше трёх десятков поэтов – гостей и участников фестиваля читали свои стихи зрителям Иркутска, Ангарска и Слюдянки. География участников – обширнее некуда: Владивосток, Москва, Крым, Грузия, Иерусалим. На фестиваль приехали лауреаты Всероссийской поэтической Григорьевской премии: Андрей Пермяков (Пермь – Москва), Андрей Родионов (Москва), Максим Жуков (Евпатория). Кроме них гостями фестиваля стали известные поэты: Александр Ерёмченко, Вероника Долина (Москва), Бахыт Кенжеев (Нью-Йорк), Елена Игнатова (Израиль), Таризл Цхварадзе (Батуми), Амарсана Улзытуев (Улан-Удэ – Москва). Кузбасс на этом празднике поэзии представляли поэты Дмитрий Филлипенко (Ленинск-Кузнецкий) и Дмитрий Мурзин (Кемерово).

ПЛЕНУМ ПИСАТЕЛЕЙ В ЯКУТСКЕ

19–21 июня прошли Дни литературы коренных малочисленных народов Дальнего Востока. В Якутск прибыли 48 российских писателей. В рамках этого события состоялся пленум секретариата Союза писателей России. Пленум, инициируемый главой республики и проводимый в Год литературы, стал большим событием в культурном пространстве России.

Возглавил делегацию председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев. На вопрос: «Что Вы хотели бы увидеть в Якутии в первую очередь?» – Валерий Ганичев ответил: «Конечно Лену. Это

большая задача всех российских писателей: представить великую Лену во всей красоте – её мощь, её силу. Волгу воспели и русский народ, и Некрасов, Днепр – Гоголь, Шолохов – Тихий Дон, Ангару – Распутин. Нашим писателям предстоит это сделать, потому что все должны почувствовать: Лена – важнейшая стержневая река всей нашей России. Думаю, якутская земля и прекрасная Лена подарят вдохновение многим российским писателям».

Ровно 20 лет назад, во времена распада и лихолетья, Якутия пригласила российских писателей на свою гостеприимную землю. Именно тот пленум стал точкой отсчёта возрождения российской литературы.

От кемеровских писателей участником пленума был поэт, главный редактор журнала «Огни Кузбасса», член высшего творческого совета Союза писателей России Сергей Донбай. В своём выступлении он рассказал о создании в Кемерове книги «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век», в которую вошли 33 якутских поэта, и передал её в Якутскую национальную библиотеку. Он также дал несколько интервью и читал свои стихи для телевидения.

В течение трёх дней плодотворной работы писатели посетили уникальные музеи «Царство вечной мерзлоты» и «Сокровищница Якутии», увидели белые ночи, участвовали в Ысыахе Олонхо в Чурапчинском улусе, в с. Соттинцы Усть-Алданского улуса, встретились с главой республики Егором Борисовым. Узнали, что это единственная наша республика, имеющая министра духовного развития.

ЗДРАВСТВУЙ, БРАТ!

25 июня в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Федорова состоялась презентация журнала «Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Это, безусловно, родственное журнальное издание «Огням Кузбасса», пусть даже братство двоюродное.

Новый журнал – междисциплинарный, нацеленный на публикацию оригинальных исследований, проектов, обзоров, сообщений, отчётов о конференциях, рецензий на работы по актуальным вопросам теории и практики музееведения, археологии и этнологии. Однако его редакция, по словам заместителя главного редактора, доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН А. И. Мартынова, озабочена поиском самого массового читателя.

Это первый подобный журнал в Кемеровской области, он, кстати, включён в национальную базу данных «Российский индекс научного цитирования». Периодичность выхода: два номера в течение года.

Издание приглашает к сотрудничеству учёных, практиков, всех, кому интересна его проблематика. Уже первый номер представил любопытные, насыщенные конкретикой, публикации, как о древней, так и о новой истории Кузбасса и прилегающих сибирских регионов.

Пожелаем удачи новому журналу!

Валерий ПЛЮЩЕВ

173

25 июня поэт Александр Катков принял участие в работе литературного клуба «Соотечественники» при храме Сергия Радонежского.

27 июня 2015 года в Каминном зале библиотеки им. Крупской в Ленинске-Кузнецком прошла творческая встреча объединения литстудий, таких как «Л.И.К.», «Образ», «Прометей» и «Парус», с поэтом из Кемерово И. Фроловой. Ирина Александровна представила местным авторам свои книги, прочитала много стихов из любовной лирики, познакомила с подборкой стихов «Крохотки», ответила на многочисленные вопросы. За чаепитием участники литстудий прочитали по кругу свои стихи.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Екатерина Дубро. Азбука жизни моей. Житейско-жизненная повесть. Юрга: ООО «МедиаСфера», 2015. 84 с.

Улица имени... Составитель: Алексей Луканин. Новокузнецк: Полиграфист, 2015. 166 с.

Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак. Составитель, переводчик **Л. Н. Арбачакова.** М.: Институт перевода Библии, 2014. 280 с.

Эдуард Гольцман. Избранное: стихи для детей. Новокузнецк: НЛО «Со-творение», 2015. 116 с.

Детские литературные студии Кузбасса. Редактор **Н. Г. Ибрагимова.** Кемерово: ГУК «Дом литераторов Кузбасса». 2015.

Ольга Белоусова. За стеной. Посмотри мне в глаза: повести. Новокузнецк: ЦГБ им. Н.В. Гоголя; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт», 2015. 116 с.

Андрей Королёв. Провинция. Апокалипсис. Кемерово: типография Дома литераторов Кузбасса. 2015. 280 с.

Анатолий Иленко. Запах пашни: стихотворения. Кемерово: типография Дома литераторов Кузбасса, 2015. 116 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Газета «Истоки» (г. Уфа) № 21 (945) от 27 мая 2015 года напечатала отрывок новой повести **Агаты Рыжовой** «Возраст катастроф».

Ежемесячник «Литературный Крым» дал в июньском номере подборку стихов **Бориса Бурмистрова.**

«Наш современник» в 5-й книжке за 2015 год опубликовал статью **Екатерины Тюшиной** «Михаил Борисов – личный враг Гитлера».

Альманах «Иркутское время» за 2015 год напечатал стихи поэтов **Марины Черноскутовой** и **Дмитрия Мурзина.**



ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Металлургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.



Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.

выдано в соответствии с Законом Российской Федерации № 2124-1 от 27 декабря 1991 г.

Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»

общероссийской организации «Союз писателей России»;

ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры: **Т. А. Козяева, Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка **Л. А. Астанковой**

Подписано к печати __.08.2015. Дата выхода в свет __.0__2015. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 161. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40.

Адрес общества с ограниченной ответственностью «Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типография: ул. Грузовая, 11. Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru